

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 5

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Т. Н. Котельникова

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск А. А. Харунжев (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юнглод В. Т.</i> Вятский государственный гуманитарный университет: век Просвещения.....	6
---	---

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Карпенко А. С.</i> О новом понимании возможного	12
<i>Счастливецва Е. А.</i> Знак как форма поэтического восприятия.....	23
<i>Осипова Л. Б., Панфилова Е. А.</i> Молодежная политика как фактор социального развития молодежи	28
<i>Башук Е. Г.</i> Онтологические основы триединства человека и три уровня его существования.....	33
<i>Корякина А. П.</i> Проблема подлинности: от экзистенциализма к медиафилософии	40

ИСТОРИЯ

<i>Судовиков М. С.</i> 1914 год в истории Вятско-Камского региона.....	47
<i>Бакулин В. И.</i> Реакция вятского крестьянства на военную политику Временного правительства.....	54
<i>Краснова Л. В.</i> Становление регионального научного книгоиздания (к 100-летию ВятГГУ).....	59

ПРАВО

<i>Коновалова А. Б., Смолин С. В.</i> Совершенствование уголовно-правовых средств охраны истины в уголовном судопроизводстве	66
<i>Домрачев Д. Г.</i> О проекте нового Федерального закона об административной ответственности в Российской Федерации	75
<i>Чиркова Е. В.</i> Некоторые проблемы производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.....	80

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Светозарова Н. Д.</i> Функции и средства фразовой интонации: специализация или взаимодействие	86
<i>Бухаров В. М.</i> Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем	94
<i>Поздеев В. А.</i> Фольклор как маркер в Вятских этнокультурных зонах	101
<i>Тимошенко Л. О.</i> Психолингвистическое и национально-культурное в формировании картины мира.....	107
<i>Кручинина Г. А.</i> Совершенствование знаково-символической функции средствами иностранного языка.....	112
<i>Кондакова И. А.</i> Топонимы и этнонимы как средство выражения этностереотипа.....	118

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Помелов В. Б.</i> Открытие Вятского учительского института.....	123
<i>Сауров Ю. А., Коханов К. А.</i> Экспериментирование и моделирование как коллективная познавательная деятельность в обучении физике	130
<i>Соловьева И. А., Игумнова К. В., Чеканова О. В.</i> Одно поколение – две судьбы: о научно-педагогической деятельности профессора Е. И. Кирюхиной и доцента В. М. Фоменковой	136
<i>Криушина В. А.</i> Страницы истории вятских семей Солоницыных – Бельтюковых: 100-летию ВятГГУ посвящается	143
<i>Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.</i> Математика в Вятском государственном гуманитарном университете: история и современность.....	158

ПЕРСОНАЛИИ

Профессор Федор Федорович Нагибин	170
Аркадий Михайлович Слободчиков	176
Наш выпускник профессор В. Г. Разумовский (методологический портрет).....	179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Оношко В. Н., Байкова О. В.</i> Четвертая международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики XXI века».....	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	188
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	190

CONTENTS

Yungblyud V. T. Vyatka State University of Humanities: age of Enlightenment

Karpenco A. S. A new understanding of the possible

Schastlivtseva E. A. Sign as a form poetical of perzeption

Osipova L.B., Panfilova E. A. Youth policy asa factor of social development of the youth

Bashuk E. G. Ontological basis of the trinity of man and his three levels of existence

Koryakina A. P. The problem of authenticity: from existentialism to media-philosophy

Sudovikov M. S. 1914 in the history of the Vyatka-Kama region

Bakulin V. I. Reaction of Vyatka peasants upon Temporary government s military policy.

Krasnova L. V. Formation of regional scientific publishing (on the 100th anniversary of Vyat-GGU)

Konovalova A. B., Smolin S. V. Improving the criminal legal means to protect the truth in criminal proceedings

Domrachev D. G. About the project of the new Federal law on administrative liability in the Russian Federation

Chirkova E. V. Some problems of manufacture on Affairs about infringements of the legislation on countering the legalization (laundering) of income obtained by criminal means and financing of terrorism

Svetozarova N. D. Functions and Means of Sentence Intonation: Specialization or Interaction

Bukharov V. M. Migration and interaction of communicative code systems

Pozdeev V. A. Folklore as a marker in Vyatka ethnocultural zones

Timoshenko L. O. The psycholinguisticand the national-cultural in the formation of the picture of the world

Kruchinina G. A. Perfection of sign-symbolic function by means of foreign language.

Кондакова И. А. Place-names and ethnic names as a means of expressing ethnic stereotype

Pomelov V. B. The Opening of the Vyatka Teachers' Institute

Saurov Y. A., Kokhanov K. A. The article shows the fundamental importance of experimentation and modeling in learning physics

Solovieva I. A., Igumnova K. V., Chekanova O. V. One generation – two fates: about the scientific-pedagogical activity of the professor E. I. Kiryuhina and the docent V. M. Fomenkova

Kriushina V. A. Pages of history of Vyatka families Solonitsyny – Beltyukovy: to the 100th anniversary of VSHU

Vechtomov E. M., Varankina V. I. Mathematics in Vyatka State University of Humanities: History and the Present

Professor Fyodor Fyodorovich Nagibin

Arkadyj Mikhailovich Slobodchikov

Our graduate professor V. G. Razumovsky (methodological portrait)

Onoshko V. N., Bajkova O. V. The fourth international conference "Actual problems of linguistics of the XXI century"

Вятский государственный гуманитарный университет: век Просвещения

Моё время, наше время – какие это волшебные слова для человека!
И как не считать ему своего времени за золотой век Астреи.

В. Г. Белинский, 1844 г.

Университет – это единство постоянных и переменных характеристик. Неизменно высокое и требовательное отношение к качеству образования, знаний студентов – это постоянные характеристики. Переменные величины – это те, что отражают развитие, составляют содержание его деятельности. Наш вуз всегда двигался по вектору качества. Созданный 1 июля 1914 года решением Министерства Народного Просвещения, он и в XXI веке продолжает сохранять традиции своих основателей: культ знаний, стремление к научному поиску, академическую свободу, веру в торжество интеллекта и гуманизма. Эта преемственность позволила в короткие сроки провинциальному институту стать одним из крупнейших научно-образовательных, культурно-просветительских центров региона.

2014 год – незабываемый год в истории нашего вуза: Вятский государственный гуманитарный университет отмечает столетие со дня основания. И эта юбилейная дата знаковая не только в масштабах Кировской области, она всесторонне отражает путь российского высшего образования XX–XXI веков, путь подвижничества, высокого служения своему народу, стремления «и в просвещении стать с веком наравне» (А. С. Пушкин). Наш университет – один из старейших российских вузов в системе профессионального педагогического образования. Но специфика университета заключается в «производстве» и передаче современных знаний студентам, а также в формировании личностных качеств молодого поколения. Поэтому наш университет обязан быть вечно молодым. И не только в метафорическом смысле: ВятГГУ – один из самых «молодых» в России – средний возраст сотрудников около 45 лет, в то время как по стране он близок к 60 годам. Наша принципиальная позиция – максимально поддерживать постоянное состояние роста, прежде всего путем привлечения перспективных студентов в науку, развитием аспирантур (сегодня подготовка специалистов высшей научной квалификации осуществляется по 39 профилям 13 направлений подготовки аспирантуры и 5 научным специальностям докторантуры), научной активностью профессорско-преподавательского состава (основной научно-исследовательский потенциал сосредоточен в 17 научных школах, 22 научно-исследовательских лабораториях и 6 научно-образовательных центрах ВятГГУ). Университет обязательно должен опираться на традиции. Если их нет, то образовательное учреждение превращается в нечто мимолетное.

Разные поколения ученых, преподавателей, студентов в тот или иной исторический период решали насущные задачи своего времени, но все они всегда оставались верны нашим стержневым ценностям. Прежде всего, это фундаментальность как приоритет университетского образования. Без фундаментальных знаний невозможно понимание природы явлений, обучение студентов, будущих творческих специалистов, способных осуществлять инновационное развитие различных областей экономики. Только специалист, получивший глубокое фундаментальное образование, способен всесторонне, системно обеспечивать условия для устойчивого развития общества. Как говорил немецкий ученый и публицист Георг Лихтенберг, тот, кто не знает ничего, кроме химии, и ее знает недостаточно». Перефразируя, можно сказать, что одна из главных задач университета – развивать личность студента, тем самым воздействовать на социум в целом. Чем солиднее возраст университета, тем ощутимей в нем чувствуется академическая атмосфера, воспитывающая всех, кто в нем трудится, – культурой, наукой, личным примером ученых и педагогов, содержанием изучаемых дисциплин.

Университет должен создавать все условия для формирования специалистов нового поколения, тем самым выполнять свое общекультурное предназначение. Поэтому важнейшими факторами социально-экономического развития, научно-технического прогресса и культурного совершенствования является гуманитаризация, гуманизация и качество знаний. Характер любой эпохи определяется не столько количеством и качеством технических и технологических прорывов, сколько способностью человека соответствовать достижениям

своей эпохи. Эта способность всегда задавалась той шкалой гуманитарных ценностей, которая формировалась современными ему научными представлениями о мире, производстве, самом человеке, которая подсказывала, как и чему именно следует учить подрастающее поколение. Гуманитарная наука способствует сохранению духовного здоровья и культурного потенциала общества, помогает развивать личность, настраивает на поиск нового знания, нового применения собственных талантов, на постоянное стремление совершенствоваться вокруг себя профессиональную и социокультурную среду.

Мы хорошо понимаем, что наш выпускник должен уметь ставить задачи, управлять процессами и просчитывать последствия различных решений. Сегодня Россия остро нуждается в профессионалах, знающих свое дело, понимающих современный мир, наши духовные ценности и культурное наследие, обладающих серьезной общенаучной подготовкой. Не случайно наши выпускники составляют научную, образовательную, экономическую, культурную элиту Вятского края. Они востребованы и конкурентоспособны. Официальная статистика свидетельствует о том, что 98% наших выпускников трудоустраиваются в течение года после окончания вуза, успешно находят работу в Кирове, области, в соседних регионах.

Необходимо помнить о том, что во все периоды истории наш вуз был в авангарде общественно-культурного и научного развития. Наш профессорско-преподавательский коллектив внес немалый вклад в становление современного научного знания, в разработку педагогических технологий, способствовавших приумножению национальных и общечеловеческих духовных ценностей. Мы и все, кто будет после нас работать в Вятском государственном гуманитарном университете, никогда не должны забывать имена наших предшественников – преподавателей, студентов, сотрудников, создавших уникальную вятскую среду просвещения, самоотверженно служивших высоким идеалам российского образования, осуществивших значительный прорыв в обучении своих земляков.

В XXI веке начался важный этап в развитии вуза: из отраслевого педагогического университета он переходит в новое качество, становясь одним из первых в России вузов классической гуманитарной направленности.

В 2002 году берет начало современный период, когда Вятский государственный педагогический университет был переименован в Вятский государственный гуманитарный университет.

Сегодня ВятГГУ – это крупнейший научно-образовательный, инновационный и культурный центр восточно-европейской части России.

В университете создана многоуровневая система, которая включает образовательные программы общего, среднего, высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования.

В структуре вуза три института (Институт истории и культуры, Институт педагогики и психологии, Институт естественных наук), восемь факультетов (лингвистики, филологический, юридический, информатики, математики и физики, технологии и дизайна, физической культуры, социальных технологий, факультет экономики и управления), колледж, гимназия, отдел аспирантуры и докторантуры, центр дополнительного образования, центр довузовской подготовки, лингвистический центр.

В университете обучаются 11 тысяч человек из 39 регионов страны и 8 иностранных государств по 50 направлениям подготовки бакалавров, 38 программам магистратуры, 3 специальностям высшего образования, 4 специальностям среднего образования. По 16 направлениям осуществляется заочная форма обучения с применением дистанционных технологий.

Как и 100 лет назад, вуз осуществляет подготовку педагогов, выполняя свою важнейшую образовательную и общественную миссию, которая имеет непреходящее социально-экономическое и государственное значение. При этом педагогическое направление составляет 24 процента реализуемых в университете образовательных программ, по всему спектру необходимых системе образования педагогических специальностей. Это стало возможным благодаря заложенной еще в начале XX века стратегии подготовки учителей на базе университетского образования, путем развития собственных научных школ физико-математического, естественного, гуманитарного направлений, открытия научных центров и научно-исследовательских лабораторий.

Актуальной тенденцией развития образовательных программ в университете является сетевое взаимодействие с другими образовательными организациями, в том числе реализа-

ция программ двойных дипломов. Первый набор на такие программы был осуществлен в 2006 году. В 2014 году активно действуют три договора о сетевом взаимодействии: с Балтийской международной академией (Рига, Латвия), Западночешским университетом (Пльзень, Чехия) и Хэйхэским университетом (КНР). Прочные партнерские отношения установились с 30 зарубежными высшими учебными заведениями из 12 стран мира (США, Германия, Франция, Казахстан, Болгария, Польша и др.), с зарубежными грантовыми организациями и фондами (Tempus – Tacis, DAAD, IREX и др.), с национальными программами развития академического сотрудничества Швеции, Японии, Тайваня и т. д. Это позволяет на регулярной основе осуществлять академические обмены и прохождения стажировок за рубежом преподавателей и аспирантов ВятГГУ, участвовать в международных конференциях и симпозиумах, исследовательских проектах.

Общая численность профессорско-преподавательского состава ВятГГУ насчитывает более 500 человек: 387 преподавателей имеют ученые степени и звания, 82 доктора наук и профессора. Среди научно-исследовательских лабораторий и научных школ есть уникальные по своим компетенциям и направлениям исследований: НОЦ биомониторинга, экологии и природопользования Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ (руководитель – д-р техн. наук Я. Ашихмина), НИЛ экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя (рук. – д-р филол. наук О. В. Байкова), НИЛ экстралингвистических исследований (рук. – канд. филол. наук З. В. Сметанина), НИЛ организации учебно-воспитательного процесса в условиях сельской малокомплектной школы (рук. – д-р пед. наук В. С. Даниушенков), НИЛ функциональной электроники (рук. – д-р техн. наук В. И. Жаворонков), НИЛ ландшафтоведения и географии почв (рук. – д-р с.-х. наук А. М. Прокашев), НИЛ биохимии, биофизики и биотехнологии (рук. – канд. биол. наук А. В. Сазанов), научные школы «Функциональная алгебра и теория полуколец» (д-р физ.-мат. наук Е. М. Вечтомов), методологии преподавания информатики (д-р пед. наук С. М. Окулов) и физики (д-р пед. наук Ю. А. Сауров), «США в системе международных отношений (д-р ист. наук В. Т. Юнгблюд), «Языки культуры – диалог в интеллектуальном пространстве России» (рук. д-р филол. наук Осипова), «Функциональная и интерпретационная лингвистика» (рук. д-р филол. наук С. В. Чернова), «Развитие русской философии во второй половине XIX века» (рук. д-р филос. наук М. И. Ненашев), «Мышление в контексте сознания» (рук. д-р филос. наук В. Ф. Юлов).

Ежегодно научные школы и научно-исследовательские лаборатории ВятГГУ подтверждают свой статус победами в научных конкурсах по реализации Федеральных целевых программ, проектов Минобрнауки России, получают гранты РГНФ и РФФИ. Так, на 2013–2015 годы гранты РФФИ получили работы канд. техн. наук, заведующего кафедрой физики и методики обучения физики С. Г. Ворончихина «Изучение методов снижения термического сопротивления в системах водяного охлаждения суперЭВМ» и д-р биол. наук, заведующей кафедрой биологии Н. П. Савиных «Структурная организация растений в условиях переменного увлажнения с позиции системного подхода». Грант Президента РФ по поддержке молодых ученых в 2014 году выиграла исследовательская работа «Ресурсность рабочих в условиях модернизации» к.с.н., доцента кафедры философии и социологии Е. В. Митягиной, грант Президента РФ по поддержке ведущих научных школ – проект д-р техн. наук, заведующей кафедрой химии Т. Я. Ашихминой «Разработка динамической численности паводка для использования в системах мониторинга и предупреждения чрезвычайных ситуаций».

В 2012 году в университете открылся Инновационно-образовательный центр космических услуг, ставший региональным центром компетенций по применению геоинформационных систем (ГИС) и космических технологий в научной и практической деятельности.

Университет отличает системная работа по пропаганде научных знаний, вовлечению студентов в научно-исследовательскую деятельность, поддержке талантливых школьников и молодежи. В вузе с успехом проходят Дни российской науки, Фестиваль науки, ежегодные Молодежные Циолковские чтения, молодежные секции Свято-Трифоновских чтений, областной конкурс «Твой первый шаг в науку», межрегиональный фестиваль науки и искусства «ЛИК» (Личность. Интеллект. Культура), организуются молодежные научные дебаты. Студенческое научное общество ВятГГУ дважды (2013, 2014 гг.) становилось победителем Всероссийского конкурса органов студенческого самоуправления, стало организатором «Ночи науки» на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014».

Глубокие профессиональные знания, богатый практический опыт преподавателей и сотрудников университета, бережное отношение к академическим традициям, широкая ин-

новационная направленность, современные технологии, новаторские проекты, значительный фонд научной библиотеки и многое другое позволяют вузу соответствовать высоким критериям классического учебного заведения, вносить заметный вклад в гуманитарную и естественнонаучную сферу, образование, культуру, экономику, успешно реализовывать миссию университета, направленную на «приумножение достижений отечественного образования и науки, утверждение культурно-просветительских идеалов в восточно-европейской части России и деятельное участие в формировании мирового научно-образовательного пространства».

Анализ исторических достижений университета, оценка упорной каждодневной работы научно-педагогического коллектива, научный и кадровый потенциал дают основания предполагать, что у ВятГГУ впереди большие перспективы и уникальные проекты.

Прежде всего, необходимо все усилия направить на то, чтобы обеспечить стабильное и продуктивное развитие университета в соответствии с всероссийскими и мировыми стандартами, дальнейшее укрепление связей ВятГГУ с экономикой и социальной сферой. Мы должны активно содействовать динамичному развитию научно-технического комплекса региона и продолжать успешно обеспечивать его необходимыми кадровыми ресурсами. По-прежнему особое внимание надо уделять развитию научного потенциала нашего университета, осуществлять реальную интеграцию образовательной и научной деятельности, разрабатывать принципиально новые, инновационные технологии, осуществлять активное международное сотрудничество по линиям двух, а может, и многосторонних договоров с университетами Азии и Европы, реализовывать программы обмена студентами и преподавателями.

Необходимо, чтобы наши выпускники были востребованы на рынке труда, а наука и образование – конкурентны и в регионе и за его пределами.

Впереди у университета ответственная и важная работа. Так было всегда, в каждый год минувшего столетия. Но Вятский государственный гуманитарный университет благодаря научно-образовательной энергии ученых, преподавателей, студентов и выпускников сумел сделать свою столетнюю историю «золотым» веком Вятского Просвещения и ничто не мешает нам успешно продолжать эту традицию и в новом столетии.

**Дорогие мои земляки – студенты и преподаватели
Вятского государственного гуманитарного университета!**

От всей души хочу поздравить вас со столетней годовщиной нашего замечательного учебного заведения! На протяжении всей своей жизни я никогда не забывал своих студенческих лет, всегда с благодарностью вспоминал наш прекрасный город с его театрами, библиотеками и музеями и наших преподавателей, которые не жалели сил, чтобы дать нам знания и подготовить нас к непростой работе учителя.

Значение Вятского гуманитарного университета и его предшественника Кировского педагогического института им. В. И. Ленина в просвещении и культурном развитии Кировской области поистине огромно. Отсюда вышла вся армия учителей, которые преподавали и до сих пор продолжают преподавать в школах области и далеко за ее пределами. Это один из замечательных и один из лучших центров просвещения нашей страны.

Последние два десятилетия были не простыми для нашей высшей школы. Многие авторитетные в прошлом вузы потеряли свой престиж или не лучшим образом сменили свою специализацию. Вятский гуманитарный университет не исчез в эти трудные годы, а живет и продолжает выполнять свою роль ведущего высшего учебного заведения Кировской области. Вот уже 15 лет регулярно выходит Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, публикации которого показывают, что научная работа не угасла, а находится на подъеме. Развивается и факультет информатики, математики и физики, где работают такие авторитетные преподаватели, как Анатолий Семенович Василевский, Владимир Николаевич Бакулин, Сергей Иванович Калинин и другие. Работы профессора Евгения Михайловича Вечтомова по алгебре, а также по философии и методологии математики приобрели широкую известность среди специалистов в этих областях. Есть основания надеяться, что Вятский гуманитарный университет в ближайшее время займет свое место среди лучших университетов страны, и не только как учебное заведение, но и как центр научных исследований.

Переживаемое нами время внушает надежду. Это время, может быть, не очень заметного, но важного поворота, который я вижу, прежде всего, в настроениях своих студентов. Появляется все больше и больше молодых людей, искренне болеющих за положение дел в стране. Это признак того, что эпоха разочарований, идейной смуты, бездумного разрушения и равнодушия пройдена, что наше общество стоит перед началом нового общественного и культурного подъема. Хотел бы пожелать преподавателям университета, несмотря на все трудности, терпеливо делать свое дело, а студентам, которые обучаются в университете, уже сейчас, в молодом возрасте, ставить перед собой цели, ради которых стоит жить.

В. Я. Перминов,
*выпускник Кировского государственного педагогического института
им. В. И. Ленина 1960 года,
профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Глубокоуважаемые коллеги-преподаватели и студенты Вятского государственного гуманитарного университета!

Сердечно поздравляю вас с нашим общим великим событием – 100-летним юбилеем нашего вуза! История нашего института благородна и достойна уважения. На разных исторических этапах выпускники института, прежде всего в Кировской области, были проводниками и творцами знаний, науки и культуры. Они много сделали для развития и воспитания нескольких поколений школьников, студентов, учителей и ученых...

Мой родной физико-математический факультет воспитал целую плеяду известных в стране деятелей науки, культуры и образования. Среди них крупнейший ученый, специалист по квантовой электронике и квантовой акустике, доктор физико-математических наук У. Х. Копвиллем, выдающиеся физики-методисты профессора В. В. Мултановский и С. А. Хорошавин, В. А. Кондаков, Ю. А. Сауров, кандидаты наук Л. А. Горев, В. Ф. Шилов, Г. А. Бутырский, Н. Н. Цвейтова... Среди них ректор нашего института А. М. Слободчиков, первый ректор Кировского политехнического института Б. И. Краснов... Среди них дорогие для меня подвижники физического образования Кировской области, заслуженные учителя России В. Н. Патрушев, А. М. Караваев, Л. Н. Барамзин, К. И. Гридина...

Кланяюсь памяти моих дорогих преподавателей профессора В. Б. Милина, доцента И. И. Бессонова, профессора Ф. Ф. Нагибина... Они учили нас «не за страх, а за совесть». Искры знаний и благородного энтузиазма, полученные от них, горят в нас до сих пор... Помню это время как самое радостное в жизни! И все мы, независимо от должности и места работы, остались студентами КГПИ имени В. И. Ленина.

Поздравляя с юбилеем, говорю: «Долгие лета и доброго здоровья!»

*Ваш выпускник 1952 года **В. Г. Разумовский,**
профессор, академик РАО*

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141.11

А. С. Карпенко

О новом понимании возможного

В статье анализируются теории, требующие реализации в актуальность всех физических возможностей, и более того – всего, что мыслится как возможное. Это знаменует переход от субстанционального мышления к модальному мышлению. Так появляется философская парадигма с совершенно новой проблематикой, поддержанная современным развитием космологии.

The article analyzes the theory that require implementation in the urgency of all physical abilities, and moreover, everything is thought of as possible. It marks the transition from substantive thinking to modal thinking. So there is a new philosophical paradigm from a totally different perspective, supported by modern development of cosmology.

Ключевые слова: возможность, реальность, принцип изобилия, принцип плодovitости, модальный реализм, мультивселенная, субстанциональное мышление, модальное мышление.

Keywords: possibility, the reality, principle of plenitude, principle of fecundity, modal realism, multiverse, substantive thinking, modal thinking.

1. Работа Лейбница «О глубинном происхождении вещей» [см. 1] является ярким примером нового мышления, которое я бы назвал модальным мышлением. Здесь главным метафизическим понятием является возможность чего-то. Если есть возможность, то есть и осуществление. Вот как об этом пишет Лейбниц: «...уже в силу того, что существует нечто, а не ничто, в вещах возможных, т. е. в самой возможности или сущности, есть требование (*exigentia*) существования, как бы некоторое притязание на существование; одним словом сущность [или возможность] сама по себе стремится к существованию. Из чего следует, что все возможные, т. е. выражающие сущность или возможную реальность, вещи с одинаковым правом стремятся к существованию» (курсив мой. – А. К.) [2]. На следующей странице Лейбниц подчеркивает главное: «И как возможность есть начало (*principium*) сущности, так совершенство (или степень сущности), состоящее в совместной возможности наибольшего числа вещей, есть начало существования» (курсив мой. – А. К.).

Это могло бы стать убедительным ответом на вопрос «почему существует нечто, а не ничто?», если бы не аспект веры. В этом ответе не нашлось места для Бога, что совершенно неприемлемо для Лейбница. Ведь «даже предполагая вечность мира, нельзя избежать последнего сверхмирового основания вещей, т. е. Бога как Единого Существа, который является источником всякой сущности и даже всего возможного (*possibilia*)». Здесь-то и возникает тема относительно «несчастий, которые постигают хороших людей» [3]. Этой наисложнейшей проблеме, т. е. оправданию Бога как последней инстанции, притом, абсолютно благой при наличии мирового зла, посвящен трактат Лейбница «Теодицея» [4].

Через 17 лет Лейбниц вновь возвращается к вопросу «почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более просто и более легко, чем нечто?» [5]. Но теперь для его рассмотрения Лейбниц призывает «подняться на высоту метафизики, пользуясь великим принципом, к которому обыкновенно редко прибегают и который гласит следующее: ничего не делается без достаточного основания» (везде курсив Лейбница. – А. К.). Поскольку для всего происходящего есть основание, достаточное «для определения, почему это происходит так, а не ина-

че», то остается лишь указать последнюю причину, на которой можно было бы остановиться. «Такая последняя причина вещей называется Богом». По замыслу Лейбница, применение принципа достаточного основания и уничтожение понятия ничто, как более простого и легкого, должно максимально упростить ответ на поставленный вопрос. И это с учетом аспекта веры (в данном случае, глубокой религиозности), без которого ответ на вопрос «почему существует нечто, а не ничто» становится чрезвычайно сложным, на что впоследствии и обратил внимание Мартин Хайдеггер.

2. Мартин Хайдеггер первую главу своей книги «Введение в метафизику» (1935) назвал «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?», считая, что этот вопрос «есть для нас первый по чину прежде всего потому, что он самый обширный, затем – самый глубокий и, наконец, самый изначальный» (см. [6]). И добавляет, что этот вопрос является основным вопросом метафизики. Хайдеггер считает, что «размах нашего вопроса столь широк, что мы никогда не сможем преодолеть его» [7].

Он дает определение метафизики, онтологии, философии и в связи с этим не может обойти саму веру, неявно предполагая, что здесь такие вопросы не задаются: «То, о чем спрашивается в нашем вопросе, для веры есть безумие. Вот в этом-то безумии и состоит философия» [8].

В 1961 г. английский астрофизик А. К. Б. Ловелл заявил, что вопрос «почему существует нечто, а не ничто» поднимает проблемы, «которые могут разорвать сознание в клочья» [9]. Это высказывание Ловелла часто встречается в работах, посвященных данному вопросу, который зачастую характеризуется как бессмысленный, неправильно сформулированный, псевдовопрос или вообще не имеющий ответа. С другой стороны, для теистов ответ очевиден: Вселенная сотворена Богом. В этом же и заключается ответ Лейбница, указывающий, что поскольку ничто более просто, но не реализовано, то для всего остального требуется акт творения. Глубокое обсуждение различных аспектов и формулировок этого вопроса можно найти в энциклопедической статье П. Эдвардса под названием «Почему» [10].

Против Лейбница резко выступил А. Грюнбаум, определив сам вопрос, как «изначальный экзистенциальный вопрос» [11]. Суть возражения в том, что ничто ничуть не проще, чем нечто. Отсюда следует вывод о бесполезности решения вопроса Лейбницем. С развитием квантовой физики стали появляться работы, пытающиеся обосновать зарождение Вселенной посредством флуктуации из предсуществующего вакуума или возникновение ее посредством квантового туннелирования из ничего [12]. Недавно появившаяся книга физика Л. Крауза [13] выдвигает новые аргументы, например спонтанное нарушение симметрии, которое приводит к разрушению «ничто» и возникновению Вселенной из ничего. Многие проблемы снимаются, если допустить, что Вселенная существует вечно, а еще лучше, если обосновать циклическое, без начала и конца рождение Вселенной. Эта возможность в качестве ответа на вопрос Лейбница рассматривается в статье П. Линдса [14], которая начинается с интересного обзора существующего положения дел.

Заметим, что интерес к вопросу Лейбница со временем только возрастает. Достаточно указать книги, вышедшие недавно [15], и уже упомянутую книгу [16].

В наиболее общей форме этот вопрос звучит следующим образом: «Почему вообще Вселенная существует?» А ведь могла бы и не существовать. В основном, парадигма ответа на этот вопрос остается чисто субстанциональной и всецело состоит в попытках объяснить феномен существования. При этом априори предполагается, что существование чего-то: Бога, Вселенной, человека, этого цветка – является уникальным событием и сама уникальность содержит великую тайну. Но возможна другая парадигма.

3. Если философы задают великие безумные вопросы, то на них могут быть даны не менее великие безумные ответы. Совершенно удивительный ответ дал Р. Нозик в книге «Философские разъяснения» [17], вторая глава которой также называется «Почему существует нечто, а не ничто?».

Он начинает с утверждения, что на этот вопрос, по-видимому, невозможно ответить. Однако он настолько глубок, что любая попытка как-то приблизиться к ответу будет выглядеть сверхъестественной. Тот, кто предлагает обыденный ответ, показывает, что он не понимает этого вопроса. «Поскольку вопрос не может быть отброшен, мы должны быть готовы к тому, чтобы принять странность или очевидное сумасшествие теории, представляющей ответ» [18].

Любое объяснение или разъяснение чего-либо требует введения новых объектов или принципов, которые в свою очередь тоже требуют разъяснения, и так до бесконечности. И ответа здесь мы получить не можем. Нозик также обсуждает проблему о статусе «ничто». Если, следуя Лейбницу, считать онтологический статус ничто самым простым и из всех космологических возможностей наиболее реализуемым, то мы имеем все основания удивиться тому, что универсум не пуст, подтверждением чего, например, является наше существование. Таким образом, требуется довольно-таки необычная теория, которая могла бы преодолеть эти и многие другие трудности, отвечая на вопрос «почему существует нечто, а не ничто?»

По мнению Нозика, справиться с этим вопросом поможет теория, которая называется эгалитарной. Никакая возможность, в том числе и возможность не существования, не становится здесь более естественной или привилегированной. Эта теория рассматривает все возможности равноправными, для чего мы должны принять, что реализуются все возможности. И тогда вообще не возникает вопроса «почему X, а не Y», потому что нет такого фактора, который выделяет X перед Y. Ключевой фразой у Нозика является следующая: «Все возможности существуют в независимо невзаимодействующих сферах, в “параллельных универсумах”. Мы можем назвать это допущением плодovitости» (курсив мой. – А. К.) [19]. В дальнейшем Нозик говорит о «принципе плодovitости» (principle of fecundity), который и является предметом обсуждения.

Отсюда следует, что актуальный мир не является привилегированным перед ничто и вообще перед любыми возможными мирами, это всего лишь мир, где мы живем. В силу принципа плодovitости все возможное реализуется и все мыслимые возможности тоже. Более того, поскольку сам принцип плодovitости возможен, то этим он обосновывает сам себя и дальнейших обоснований не требуется!

Как того и хотел Нозик, его теория оказалась достаточно сумасшедшей. Так, Грюнбаум назвал ее «фантастической» (fanciful) [20], а Э. Фесер отметил, что сам автор вряд ли верит в то, что предлагает [21]. Однако некоторые физики-космологи ее поддержали.

Нобелевский лауреат по физике С. Вайнберг в 1992 г. пишет: «Он [Нозик] утверждает, что все логически возможные вселенные в определенном смысле существуют, причем в каждой – свои наборы фундаментальных законов. Принцип плодovitости сам ничем не объясняется, но в нем есть, по крайней мере, какая-то приятная самосогласованность. Как пишет Нозик, принцип плодovitости утверждает, что “реализуются все возможности, в том числе, и возможность существования самого этого принципа”. Если такой принцип верен, то существует наш собственный квантово-механический мир, но существует и ньютоновский мир частиц, вечно вращающихся друг относительно друга, существуют бесчисленные миры, в которых нет ничего, и существуют столь же бесчисленные миры, свойства которых мы даже не можем себе представить» [22].

Концепцию Нозика полностью принимает Б. Грин, один из разработчиков теории струн: «Если хотите избежать объяснения, почему одна теория чем-то выделена среди других, то тогда не выделяйте ее. Нозик предлагает, чтобы мы считали, будто являемся частью мультивселенной, которая охватывает все возможные вселенные» [23]. И далее, эта вселенная «настолько необъятная, насколько это возможно. Любая из когда-либо предложенных мультивселенных или тех, которые когда-нибудь будут предложены, сама состоит из возможных вселенных, и поэтому будет являться частью этого мегаконгломерата, который я буду называть окончательной мультивселенной».

Основное возражение против теории Нозика заключается в том, что она самопротиворечива. И действительно, человек может помыслить нечто как существующим, так и несуществующим. Предвидя это возражение, Нозик вводит ограничение на принцип плодovitости в виде невзаимодействующих параллельных универсумов, в одном из которых реализуется именно то, что отрицается в другом.

Чтобы решить эту проблему, надо кроме обычных миров и пустых миров принять также в рассмотрение противоречивые миры, которые называются невозможными мирами. Заметим, что мистический страх перед противоречием логики давно уже преодолели, начиная со знаменитой книги Я. Лукасевича [24], где содержится обстоятельная критика всех трех формулировок закона противоречия у Аристотеля. В логике уже давно оперируют невозможными мирами, которые являются эффективным средством при построении семантик для нестандартных логик (см. обзор [25]).

4. Интересно, что принцип плодovitости не является какой-то новой философской концепцией. Сам Нозик на стр. 129 отсылает нас к примечанию 10 (на которое почти никто не обратил внимание), где говорится о принципе изобилия (principle of plenitude), рассмотренном А. Лавджоем в своей знаменитой книге «Великая цепь бытия» [26].

Лавджой задает вопрос: «Какой принцип определяет множество типов бытия, составляющих чувственный и темпоральный мир?» [27] Ответом на такой вопрос и является принцип изобилия, который Лавджой формулирует следующим образом: «Никакая подлинная потенция бытия не может оставаться не исполненной» [28]. Истоки принципа изобилия он находит в платоновском «Тимее» [29], где говорится о происхождении космоса. Здесь впервые в западной философии обсуждается вопрос: почему кроме вечного мира идей или даже одной высшей идеи, обладающей окончательной истинностью, существует такое многообразие преходящего мира? Великая цепь бытия реализует все возможности на основе принципа изобилия.

Лавджой прослеживает развитие идеи принципа изобилия вплоть до XVIII в. и находит его формулировку также у Лейбница в виде принципа достаточного основания. Отсюда сам принцип изобилия становится негативной версией принципа достаточного основания: если нет для чего-то достаточного основания не быть, то это существует.

Подчеркнем, что принцип изобилия Лавджой дополняет формулировкой принципа «полноты», требующего реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное [30]. И что очень существенно, теперь в этой связи совершенно в новом свете видится назначение человека.

Принцип полноты Лавджоя (без ссылок на принцип плодovitости Нозика) подробно обсуждается мною в статье, разделенной на две части [31]. Здесь анализируются логические следствия, вытекающие из этого принципа. Осуществление принципа полноты приводит к бесконечным «расслоениям» пространства, времени, миров и всего сущего. К этому же приходит и современная космология, однако стоит заметить, что физики и космологи оказались намного менее консервативны, чем философы.

Обратим внимание на то, что Нозик за поддержкой своей сумасшедшей теории обращается к интригующей физической теории Х. Эверетта III [32]¹ и к еще более интригующей философской теории Д. Льюиса², получившей название «модального реализма». То же самое, независимо от Нозика, было сделано и мною в указанных выше статьях.

5. Вот уже почти столетие проблема измерения квантовых объектов является центральной при описании квантово-механической реальности. Под измерением понимается возможность получения информации о состоянии системы путем проведения физического эксперимента. Поведение квантового объекта в точности описывается волновой функцией Шрёдингера, содержащей все возможные состояния системы, но при копенгагенской интерпретации (названной так по месту жительства Н. Бора) в момент проведения эксперимента волновая функция коллапсирует только в одно вероятностно предсказуемое состояние, тем самым осуществляя вероятностный переход из квантового мира в мир классический. Уравнения квантовой механики не объясняют причину такого коллапса, он просто постулируется. Таким образом, данные некоторого единичного эксперимента полностью исключают все остальные возможные состояния системы. Но главным недостатком данной интерпретации является то, что наш универсум разделяется на индетерминистский квантовый мир и на детерминистский классический мир, которые никак не связаны между собой.

Чуть ли не в апогей расцвета копенгагенской интерпретации квантовой механики, в 1957 г. в печати появляется сокращенный вариант диссертации Хью Эверетта III [33], написанной под руководством Дж. Уилера. Стараясь избежать проблем, связанных с коллапсом волновой функции, никак не следующего из математического аппарата квантовой механики, Эверетт предлагает обобщение, в результате которого волновая функция (вектор состояния)

¹ Hugh Everett III (1930–1982) – блестящий американский математик (востребованный военным ведомством США) и физик-теоретик, работы которого положили начало многомировой интерпретации квантовой механики. В 12 лет написал письмо Эйнштейну и получил ответ.

² David K. Lewis (1941–2001) – один из самых выдающихся американских философов XX столетия, работавший чуть ли не во всех областях философской науки, в том числе и модальной логике. Научным руководителем диссертации был У. В. О. Куайна.

никогда не коллапсирует, а, наоборот, включает в себя и наблюдателя с его измерительным прибором. Таким образом, Эверетт вводит универсальную волновую функцию, которая связывает наблюдателя и объекты наблюдения в единую квантовую систему! В результате в процессе измерения никакого коллапса (редукции состояния) не происходит, а реализуются сразу все возможные состояния, т. е. квантовый мир расслаивается (расщепляется, ветвится) на параллельные классические миры. Это означает, что суперпозиция (линейная комбинация) волновой функции описывает не потенциальные, а актуальные состояния, и теперь никакого разделения между микромиром и макромиром не существует.

Отдавая в печать свою единственную статью на эту тему, Эверетт в примечании добавляет: «С точки зрения теории все элементы суперпозиция (все “ветви”) являются “актуальными”, ни одна из них не более “реальна”, чем остальные». Абсолютное большинство физиков того времени интерпретацию Эверетта отвергли, посчитав его теорию фантастической и даже «слишком сумасшедшей». Решающим оказалось то, что Н. Бор не принял новую интерпретацию квантовой механики, несмотря на усилия, предпринятые Уилером, организовавшим даже встречу Эверетта с Н. Бором в Копенгагене. В итоге Уилер устранился от поддержки своего ученика, а сам Эверетт ушел из физики.

6. Интерпретация квантовой механики, предложенная Эвереттом, получила название «многомировой» благодаря усилиям известного физика Б. Де Витта, который в конце 60-х гг. распространил подход Эверетта на Вселенную в целом: «Эта Вселенная непрерывно расщепляется на колоссальное число ветвей, каждая из которых возникает в результате подобных измерению взаимодействий между мириадой ее компонент. Более того, каждый квантовый переход, возникающий на каждой звезде, в каждой галактике, в каждом отдаленном уголке Вселенной, расщепляет наш локальный мир на Земле на мириады собственных копий... Вот шизофрения в полном смысле слова» [34]. Несмотря на такой вывод, Де Витт в 1973 г. издает сборник [35], посвященный многомировой интерпретации квантовой механики, куда также включен полный текст диссертации Эверетта «Теория универсальной волновой функции» [36].

Для абсолютного большинства физиков того времени теория Эверетта оказалась слишком контринтуитивной. В результате была предложена еще более экстравагантная теория для интерпретации уже самой теории Эверетта. Новый подход заключается в том, что сознание человека явным образом включается в процесс квантового измерения. При этом происходит не расщепление квантового мира на бесчисленные классические реальности, а расщепляется само сознание человека на компоненты. Эти компоненты и есть миры Эверетта, где стандартно находится по одному наблюдателю, каждый из которых воспринимает окружающий его мир как единственный. Такая концепция получила название «интерпретация многих разумов» (many-minds interpretation) и стала активно развиваться в последней четверти XX в. [37], а начиная с 2000 г. интересные идеи были выдвинуты физиком Б. М. Менским [38].

Обратим внимание на тот непреложный факт, что в последнее время концепция Эверетта (в особенности ее онтологическая формулировка) получает все большее и большее признание среди работающих физиков. Четверть века забвения, продолжавшегося после первой публикации до самой смерти Эверетта, миновали, и уже в начале нового тысячелетия к нему пришло настоящее признание, особенно ярко выразившееся в год полувекового юбилея выхода статьи Эверетта [39]. В «Стэнфордской энциклопедии философии» публикуются две обширные статьи [40], посвященные интерпретации Эверетта. В целом интерес к теории Эверетта стремительно возрастает, о чем свидетельствует выход книг [41]. В первой автор бросает серьезный вызов сторонникам других интерпретаций. Большой интерес представляет вторая книга, где опубликованы полный и сокращенный текст диссертации Эверетта с подробными комментариями, его письма, другие ранее неизвестные материалы и приводится библиография работ по 2011 г. включительно. Здесь отмечается, что «интерпретация Эверетта является одной из немногих конкурирующих [теорий] для объяснения структуры квантового универсума» [42].

Теория Эверетта нашла поддержку и у космологов, среди которых есть такие имена, как М. Тегмарк и Ф. Дж. Типлер. Тегмарк пишет следующее: «Часто говорят, что важные научные открытия проходят три фазы: сначала они полностью игнорируются, затем яростно критикуются, и наконец, принимаются как хорошо известные» [43]. В свою очередь Типлер

так заканчивает свою статью: «Мультиверсная концептуальная революция, инициированная Эвереттом, является такой же фундаментальной, как и революция Коперника» [44]. Наконец, следует отметить захватывающую книгу Ю. С. Лебедева [45], которая содержит «Очерк биографии Хью Эверетта Третьего», написанный Е. Б. Шиховцевым (с комментариями и большими дополнениями Лебедева), причем в начале книги, и здесь – внимание, сформулирована аксиома о реальности: «Реально всё возможное» [46].

Однако миры Эверетта – это всего лишь одна из тенденций на пути создания новой научной методологии, заключающейся в грандиозном расширении всего, что принято считать существующим.

7. В конце 60-х гг. Д. Льюис, работая над проблемами квантифицированной модальной логики и анализом контрфактических высказываний, что также является частью модального дискурса, пришел к выводу, который в книге [47] воплотился в тезис о модальном реализме. Основная идея заключалась в том, что в отличие от теории Лейбница – все возможные миры являются действительными! При этом Льюис осознавал экстравагантность своей теории и ее уязвимые стороны. Понятно, что эта идея полностью расходилась с общепринятой формальной семантикой возможных миров для модальных логик, разработанной С. Крипке. В этой семантике постулируется непустое множество, элементы которого называют возможными мирами: точками, точками соотнесения, моментами (времени), состояниями, вынуждающими условиями, абстрактными сущностями, мысленными положениями дел и т. п. в зависимости от содержательной интерпретации или зафиксированной терминологии. Методологическая проблема заключается в том, что такой сложный феномен, как возможность чего-то, интерпретируется посредством еще более сложного феномена в виде возможных миров. Например, возможные истинные утверждения – это те утверждения, которые истинны лишь в некоторых возможных мирах, т. е. возможность определяется через возможность.

Льюис не только первым заявил, что возможные миры реальны «буквально», но и разработал их метафизику. Поскольку про Льюиса нельзя было сказать, что он сумасшедший или не верит в то, что пишет, то после некоторого шока посыпались осторожные критические отклики и работы. В этом смысле показателен сборник статей, посвященный метафизике модальности [48] и включающий перепечатку главы «Возможные миры» из [49]. Во введении к сборнику М. Лаукс пишет, что почти все критики Льюиса испытывают дискомфорт от экстравагантной точки зрения, что все возможности реализуются [50]. Однако, как редкое исключение, были и те, кто сразу поддержал концепцию Льюиса [51]. После этого Льюис посчитал нужным значительно расширить аргументацию в поддержку модального реализма в своей наиболее известной книге «О множественности миров» [52], отвечая подробно критикам его теории, где главным возражением является крайняя контринтуитивность теории.

В своей книге Льюис сразу заявляет: «Фактически существует столько других миров, что абсолютно всякий способ, каким мир мог бы существовать в возможности, есть способ, каким некий мир существует» [53]. Это означает, что Льюис предлагает философскую теорию, которая должна учитывать все логические возможности существования чего-нибудь. И здесь он упоминает известное высказывание Д. Гильберта о канторовской теории множеств, которая стала раем для математиков: «...точно так же логическое пространство является раем для философов» [54].

Следует выделить следующие постулаты, на которых основывается модальный реализм:

Возможные миры существуют и отличаются от нашего мира по содержанию, не по роду (in kind).

Сами миры являются конкретными объектами, а не множествами или универсалиями – это «максимальные мереологические суммы»¹ [55].

Актуальность мира является индексной подобно местоименным словам: «я», «здесь» или «теперь». То есть мир актуален только потому, что мы в нем живем. Это приводит к различию между актуальным и реальным.

¹ Мереологическая сумма означает, что для любых объектов числа n ($n > 1$) сумма n составляет новый объект. Тогда наш мир будет сложным объектом, составленным из его частей.

Возможные миры пространственно-временно и каузально изолированы друг от друга.

Полнота реализации возможного, т. е. заполнение логического пространства, обеспечивается принципом рекомбинации, согласно которому «соединение вместе частей различных возможных миров дает другой возможный мир» [56].

Исторически, модальный реализм – это рафинированная теория принципа изобилия, которому Льюис посвятил раздел 1.8 (без ссылки на Лавджоя). А по существу, предпринята грандиозная попытка объяснить возможное посредством немодальных терминов, т. е. вообще убрать возможное, как таковое. Как указывает в своей книге непримиримый критик Льюиса А. Р. Прусс: «Всё модальное анализируется в терминах отношений между конкретными непроблематическими сущностями. [Поэтому] тайна модальности устраняется» [57]. В свою очередь М. Эпштейн, отвергая модальный реализм, так излагает его суть: «“Модальный реализм” Льюиса точнее было бы назвать “анти-модальным”, поскольку именно реалистическое его наполнение, т. е. представление обо всех мирах как реально существующих или не существующих, стирает качественную разницу между действительным, возможным и необходимым, между “есть”, “может быть” и “не может не быть”» [58].

Однако симптоматично то, что в точности, как это было с теорией Эверетта, в последнее время наблюдается все большее и большее признание теории Льюиса, а число работ, посвященных ей, стремительно возрастает. Укажем только книгу о метафизике возможных миров [59], где значительное место уделено модальному реализму Льюиса, и статьи [60]. В последней утверждается, что модальный реализм является «ведущей современной теорией возможных миров».

Напомним, Б. Грин нашел в теории Нозика философское обоснование существования мультиверса. Аналогичное обоснование мы находим у известного физика Д. Дойча [61], только здесь привлекается теория возможных миров Льюиса.

8. Интересно появление работ, где в той или иной степени теории Эверетта и Льюиса рассматриваются вместе. Наверное, первой из таких работ, если не самой первой, является статья известного аналитического философа Б. Скэрма [62], которая стала развитием его докладов под названием «Параллельные миры и принцип изобилия». Здесь в примечании автор пишет, что статья не является атакой против теорий Льюиса и Эверетта, которые он находит «эстетически привлекательными», но тем не менее в окончательном анализе говорит, что они «философски не состоятельны». Именно эта точка зрения характерна для середины 70-х гг. В последнее время стали появляться работы уже в доброжелательном тоне (см., например, диссертацию А. Вильсона [63]), но специальных обобщающих исследований пока нет, за исключением небольшой статьи [64]. Учитывая значимость и постоянно возрастающий интерес к обеим теориям, попытаемся рассмотреть их некоторое сходство и различие.

Очевидное сходство в том, что миры Эверетта и миры Льюиса не какие-то абстрактные сущности, а совершенно конкретные образования и их бесконечно много. Эверетт вводит понятие «ветвления», что в многомировой интерпретации обозначает возможные истории, все из которых реализуются. В принципе дальнейшее развитие может привести к некоторому взаимодействию ветвей, своего рода интерференции, что невозможно между мирами Льюиса в силу их изолированности друг от друга. Подчеркнем, что математические основания теории Эверетта таковы, что все следствия из нее являются логически непротиворечивыми.

Обычно гуманитарные адепты теории Эверетта приписывают ее онтологии гораздо больше, чем она содержит, но главное знаковое ее отличие в том, что в каждом из миров Эверетта действуют одни и те же (классические) законы природы с одними и теми же мировыми константами, хотя находятся они в различных состояниях. Миры Льюиса таких ограничений не содержат, в силу чего появляются различные «неклассические» сущности, самыми безобидным из которых являются, например, «голубые лебеди» или «говорящие обезьяны» (примеры Льюиса). Интересно высказывание Дж. Хотсорна: «Мы по крайней мере осознаем, что модальное и контрфактуальное мышление представляет собой жесткий вызов консервативной версии программы Эверетта» [65].

9. Конечно, рассмотренные нами теории о реализации возможного не являются единственными. Эти идеи спонтанно возникают у различных ученых, порой весьма неожиданно, если рассматривать эти неожиданности по отдельности.

Западноевропейская философия находится под сильнейшим гнетом идеи существования сущего. Я бы назвал это субстанциональным мышлением. Переход от субстанциональ-

ного к модальному мышлению, которое требует реализации всего возможного, ознаменовал собой новый этап в развитии философии. Реализация «возможных миров» (возможных положений дел) обладает огромной объяснительной силой в самых различных областях философского и не только философского знания. И тут главная проблема заключается в следующем: как обретенный рай для философов (и здесь Льюис совершенно прав) не превратится в ад для всех остальных?

Главный вывод из всего этого состоит в том, что необходимо найти границы возможного. Неограниченное использование принципа изобилия Лавджоя и принципа плодovitости Нозика, а также теорий Эверетта и Льюиса приводит в замешательство разум человека, замкнутый трехмерным пространством и однонаправленным временем. Например, как постичь квантовую реальность, в которой одновременно параллельно сосуществует бесконечное (или конечное) множество физических вселенных? И если позитивное определение понятия реальности никак не дается, то можно предложить негативное определение реальности: в каждом частном случае мир реален, если существует хотя бы одна нереализованная возможность. Это точно так же, как с непротиворечивостью формальных систем: система непротиворечива, если существует хотя бы одно недоказуемое предложение.

В таком случае основным вопросом метафизики становится не вопрос «Почему вообще нечто существует?», а вопрос «Почему нечто логически возможное вообще не существует?» И наступает именно тот момент, когда мысль о неразрешимости этого вопроса способна «разорвать сознание в клочья». Если только не изменить самого сознания.

Примечания

1. См.: Лейбниц Г. В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 282–290.
2. Там же. С. 283–284.
3. Там же. С. 289.
4. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.
5. Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 404–412.
6. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. С. 88.
7. Там же.
8. Там же. С. 92.
9. Lovell A. C. B. The Individual and the Univers. Harper: New York, 1961. P. 125.
10. Edwards P. Why // The Encyclopedia of Philosophy. Vol. 8. Macmillan, 1967. P. 296–302.
11. См.: Gr̃nbaum A. The Poverty of Theistic Cosmology // British Journal for the Philosophy of Science. 2004. 55(4). P. 561–614; Gr̃nbaum A. Why is there a world at all, rather than just nothing? // Ontology Studies. 2009. 9. P. 7–19.
12. См.: Tryon E. Is the universe a vacuum fluctuation? // Nature. 246. P. 396–397; Vilenkin A. Birth of inflationary universes // Physical Review. 1983. D 27. P. 2848–2855.
13. Krauss L. M. A Universe from Nothing: Why there is Something Rather than Nothing. Atria Books, 2013.
14. Lynds P. Why there is something rather than nothing: The finite, infinite and eternal. 2012. URL: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1205/1205.2720.pdf>.
15. Rundle B. Why there is Something rather than Nothing. Oxford University Press, 2004; Holt J. Why Does the World Exist? An Existential Detective Story. Liveright, 2012; The Puzzle of Existence: Why is there Something rather than Nothing? / Ed. T. Goldschmidt. Routledge, 2013.
16. Krauss L. Op. cit.
17. Nozick R. Philosophical Explanations. Cambridge, MA: Belknap Press, 1981. Robert Nozick (1938–2002) – американский философ с необычайно широким кругом интересов, идеолог либертарианства. Родился в семье эмигрантов из России. Был профессором Гарвардского университета.
18. Там же. С. 116.
19. Там же. С. 129.
20. Gr̃nbaum A. The Poverty of Theistic Cosmology // British Journal for the Philosophy of Science. 2004. 55(4). P. 583.
21. Feser E. Greene on Nozick on nothing. 2011. URL: <http://edwardfeser.blogspot.ru/2011/12/greene-on-nozick-on-nothing.html>.
22. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М.: УРСС, 2004. С. 185.
23. Грин Б. Скрытая реальность: Параллельные миры и глубинные законы космоса. М.: УРСС, 2012. С. 308.

24. *Лукаевич Ян*. О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование / отв. ред. А. С. Карпенко. М.; СПб.: ЦГИ, 2012.
25. *Berto F.* Impossible worlds // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2010. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/impossible-worlds/>.
26. *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. Arthur O. Lovejoy (1873–1962) – влиятельный американский философ, основатель новой области исследований, получившей название «история идей». Президент Американской философской ассоциации (1916–1917). Его книга, вышедшая в 1936 г., неоднократно переиздавалась и вошла в список наиболее значимых произведений, рекомендованных к изучению студентами в Америке. Вновь переиздана (12-е изд.) в 2009 г. с новым предисловием.
27. Там же. С. 49.
28. Там же. С. 55.
29. *Платон*. Соч.: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 29е–30а. Однако В. П. Визгин отмечает, что ряд авторов находят формулировку принципа изобилия в виде *принципа изономии* (равновозможности) уже у древнегреческих атомистов (см. *Визгин В. П.* Идея множественности миров: Очерки истории. 2-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2007. С. 66). Этот принцип ещё называют принципом отсутствия достаточного основания: нет никакого основания для того, чтобы какое-то тело или явление существовало скорее в такой, чем в какой-либо другой форме. Таким образом, принцип изономии в какой-то степени является ответом на вопрос «почему существует нечто, а не ничто?» Всё равновозможно!
30. *Лавджой А.* Указ. соч. С. 55.
31. *Карпенко А. С.* Философский принцип полноты. Ч. I // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 58–70; *Карпенко А. С.* Философский принцип полноты. Ч. II // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 95–108.
32. *Карпенко А. С.* Философский принцип полноты. Ч. I // Философия и культура. 2013. № 11. С. 1508–1522.
33. *Everett H.* Relative state formulation of quantum mechanics // Review of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454–462 (reprinted in [31], pp. 141–150).
34. *De Witt B.* Quantum mechanics and reality // Physics Today. 1970. Vol. 23(9). P. 33 (reprinted in [35], pp. 155–167).
35. The Many-Worlds Interpretation of Quantum Mechanics / eds. B. S. De Witt and N. Graham. Princeton University Press, 1973.
36. Там же. С. 3–140.
37. См. обзор: *Lockwood M.* Many minds interpretations of quantum mechanics // British Journal for the Philosophy of Science. 1996. Vol. 47(2). P. 159–188.
38. См.: *Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика: жизнь в параллельных мирах: (чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011.
39. *Everett H.* Op. cit.
40. *Barrett J.* Everett's relative-state formulation of quantum mechanics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2010. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/qm-everett/>; *Vaidman L.* Many-worlds interpretation of quantum mechanics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2014. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/qm-manyworlds/>.
41. *Wallace D.* The Emergent Multiverse: Quantum Theory according to the Everett Interpretation. Oxford University Press, 2012; The Everett Interpretation of Quantum Mechanics: Collected Works 1955–1980 with Commentary / J. A. Barrett and P. Byrne. Princeton University Press, 2012.
42. *Wallace D.* The Emergent Multiverse: Quantum Theory according to the Everett Interpretation. Oxford University Press, 2012. P. 3.
43. *Tegmark M.* Many lives in many worlds // Nature. 2007. Vol. 448(5). P. 23.
44. *Tipler F. J.* Nonlocality as evidence for a multiverse cosmology // Modern Physics Letters. 2012. A, 27: 1250019.
45. *Лебедев Ю. А.* Многоликое мироздание. Эвереттическая проблематика. М., 2010.
46. См.: Там же. С. 6.
47. *Lewis D.* Counterfactuals. Harvard University Press, 1973 (rev. ed. Blackwell 1986). P. 84–91.
48. The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality / ed. M. J. Loux. Cornell University Press, 1979.
49. *Lewis D.* Counterfactuals. Harvard University Press, 1973 (rev. ed. Blackwell 1986). P. 84–91.
50. Там же. С. 63.
51. См.: *Unger P.* Minimizing arbitrariness: toward a metaphysics of infinitely many isolated concrete worlds // Midwest Studies in Philosophy. 1984. Vol. 9. P. 29–51.
52. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Blackwell, 1986 (rev. ed. Blackwell 2001).
53. Там же. С. 2.
54. Там же. С. 4.
55. Там же. С. 73.

56. Там же. С. 87.
57. Pruss A.R. *Actuality, Possibility, and Worlds*. Bloomsbury Academic, 2011. P. 81.
58. Энштейн М. *Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре*. СПб: Алетейя, 2001. С. 76.
59. *Divers J. Possible Worlds*. London: Routledge. 2002.
60. Bricker P. Absolute actuality and the plurality of worlds // *Philosophical Perspectives: Metaphysics*. 2006. Vol. 20(1). P. 41–76; McDaniel K. Modal realisms // *Philosophical Perspectives: Metaphysics*. 2006. Vol. 20(1). P. 303–331; DeRosset L. Possible worlds I: Modal realism // *Philosophy Compass*. 2009. Vol. 4(6). P. 998–1008.
61. Дойч Д. *Структура реальности*. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 343.
62. Skyrms B. Possible worlds, physics and metaphysics // *Philosophical Studies*. 1976. Vol. 30(5). P. 323–332.
63. Wilson A. *Modal Metaphysics and the Everett Interpretation*. Dissertation. Oxford, 2005. URL: http://www.academia.edu/2870102/Modal_Metaphysics_and_the_Everett_Interpretation.
64. Tuboly A. Are there possible worlds? Lewis and Everett on the plurality of worlds. 2007. URL: http://www.academia.edu/2053032/Are_there_possible_worlds_Lewis_and_Everett_on_the_plurality_of_worlds
65. Hawthorne J. A Metaphysician looks at the Everett interpretation // *Many Worlds? Everett, Quantum Theory, and Reality* / Eds. S. Saunders, I. Barrett, A. Kent, and D. Wallace. Oxford University Press. 2010 (reprint ed. In 2012). P. 147.

Notes

1. See: Leibniz G. V. O glubinnom proishozhdenii veshchey [On the origin of the deep things] // Leibniz G. V. in 4 vol. : vol. 1. Moscow: Mysl'. 1982. Pp. 282-290.
2. Ibid. Pp. 283-284.
3. Ibid. P. 289.
4. Leibniz G. V. Opyityi teoditsei o blagosti Bozhiey, svobode cheloveka i nachale zla [Experiments theodicy about the goodness of God, human freedom and the beginning of evil] // Leibniz G. V. in 4 vol. : vol. 1. Moscow: Mysl'. 1989. Pp. 49-554.
5. Leibniz G. V. Nachala prirody i blagodati, osnovannyye na razume [Beginnings of nature and grace, based on reason] // Leibniz G. V. in 4 vol. : vol. 1. Moscow: Mysl'. 1982. Pp. 404-412.
6. Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics.] St. Petersburg. : Major religious and philosophical school, 1997. P. 88.
7. Ibid.
8. Ibid. P. 92.
9. Lovell ACB *The Individual and the Univers*. Harper: New York, 1961. R. 125.
10. Edwards P. Why // *The Encyclopedia of Philosophy*. Vol. 8. Macmillan, 1967. P. 296-302.
11. See: Gr̃nbaum A. The Poverty of Theistic Cosmology // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2004. Of 55 (4). P. 561-614; Gr̃nbaum A. Why is there a world at all, rather than just nothing? // *Ontology Studies*. 2009. 9. P. 7-19.
12. See: Tryon E. Is the universe a vacuum fluctuation? // *Nature*. 246. P. 396-397; Vilenkin A. Birth of inflationary universes // *Physical Review*. 1983. D 27. P. 2848-2855.
13. Krauss L. M. *A Universe from Nothing: Why there is Something Rather than Nothing*. Atria Books, 2013.
14. Lynds P. *Why there is something rather than nothing: The finite, infinite and eternal*. 2012. Available at: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1205/1205.2720.pdf>.
15. Rundle B. *Why there is Something rather than Nothing*. Oxford University Press, 2004; Holt J. *Why Does the World Exist? An Existential Detective Story*. Liveright, 2012; *The Puzzle of Existence: Why is there Something rather than Nothing?* / Ed. T. Goldschmidt. Routledge, 2013.
16. Krauss L. Op. cit.
17. Nozick R. *Philosophical Explanations*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1981. Robert Nozick (1938-2002) – American philosopher with an unusually wide range of interests, the ideologist of libertarianism. Born into a family of Russian immigrants. He was a professor at Harvard University.
18. Ibid. P. 116.
19. Ibid. P. 129.
20. Gr̃nbaum A. The Poverty of Theistic Cosmology // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2004. Of 55 (4). P. 583.
21. Feser E. *Greene on Nozick on nothing*. 2011. Available at: <http://edwardfeser.blogspot.ru/2011/12/greene-on-nozick-on-nothing.html>.
22. S. Weinberg *Mechtyi ob okonchatelnoy teorii* [Dreams of a Final Theory]. Moscow: URSS. 2004. P. 185.
23. B. Green *Skryitaya realnost: Parallelnyye miry i glubinnyye zakony kosmosa* [Hidden Reality: Parallel worlds and deep laws of the cosmos]. Moscow: URSS. 2012. P. 308.

24. *Lukasiewicz Yan*. O printsipe protivorechiya u Aristotelya. Kriticheskoe issledovanie [On the principle of contradiction in Aristotle. A Critical Study] / Min. Ed. A. Karpenko. Moscow; St. Petersburg. : CGI. 2012.
25. *Berto F*. Impossible worlds // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2010. available at: <http://plato.stanford.edu/entries/impossible-worlds/>.
26. A. Lovejoy Velikaya tsep byitiya: Istoriya idei [Great Chain of Being: History ideas]. Moscow: House of intellectual books, 2001. Arthur O. Lovejoy (1873-1962) is an influential American philosopher, founder of a new field of research, dubbed "the history of ideas." President of the American Philosophical Association (1916-1917). His book, published in 1936, reprinted several times and entered the list of the most important works of recommended students to study in America. The newly was reissued (12th ed.) in 2009 with a new preface.
27. Ibid. P. 49.
28. Ibid. P. 55.
29. Plato. Op. : in 3 vol. Vol 3. Pt. 1. Moscow: Mysl'. 1971. P. 29e-30a. However, V. P. Vizgin notes that some authors already find formulation of the principle of abundance in the form of the isonomia principle (equal possibility) in ancient Greek atomists (see: Vizgin V. P. Ideya mnozhestvennosti mirov: Ocherki istorii [Idea of plurality of worlds: Essays on History]. 2nd ed., rev. and comp. Moscow: URSS, 2007. P. 66). This principle is also called the principle of non sufficient reason: there is no reason for a body or phenomenon to exist more in this than in any other form. Thus, the principle izonomii in part a response to the question "why is there something rather than nothing?" All equally possible!
30. *Lovejoy A*. Op. cit. P. 55.
31. *Karpenko A. S*. Filosofskiy printsip polnotyi [Philosophical principle of completeness]. Part I // Voprosyi filosofii – Problems of Philosophy. 2013, № 6, pp. 58-70; *Karpenko A. S*. Filosofskiy printsip polnotyi [Philosophical principle of completeness]. Part II // Voprosyi filosofii – Problems of Philosophy. 2013, № 7, pp. 95-108.
32. *Karpenko A. S*. Filosofskiy printsip polnotyi [Philosophical principle of completeness]. Part I // Philosophy and Culture. 2013, № 11, pp. 1508-1522.
33. *Everett H*. Relative state formulation of quantum mechanics // Review of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454-462 (reprinted in [31], pp. 141-150).
34. De Witt B. Quantum mechanics and reality // Physics Today. 1970. Vol. 23 (9). P. 33 (reprinted in [35], pp. 155-167).
35. The Many-Worlds Interpretation of Quantum Mechanics / EDS. B. S. De Witt and N. Graham. Princeton University Press, 1973.
36. Ibid. Pp. 3-140.
37. See review: *Lockwood M*. Many minds interpretations of quantum mechanics // British Journal for the Philosophy of Science. 1996. Vol. 47 (2). P. 159-188.
38. See: *Menskiy M. B*. Soznanie i kvantovaya mehanika: zhizn v parallelnykh mirakh: (chudesna soznaniya – iz kvantovoy realnosti) [Consciousness and quantum mechanics: life in parallel worlds: (wonders of consciousness – from quantum reality)]. Fryazino: Vek 2. 2011.
39. *Everett H*. Op. cit.
40. *Barrett J*. Everett's relative-state formulation of quantum mechanics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2010. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/qm-everett/>; *Vaidman L*. Many-worlds interpretation of quantum mechanics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2014. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/qm-manyworlds/>.
41. *Wallace D*. The Emergent Multiverse: Quantum Theory according to the Everett Interpretation. Oxford University Press, 2012; The Everett Interpretation of Quantum Mechanics: Collected Works 1955-1980 with Commentary / JA Barrett and P. Byrne. Princeton University Press, 2012.
42. *Wallace D*. The Emergent Multiverse: Quantum Theory according to the Everett Interpretation. Oxford University Press, 2012. R. 3.
43. *Tegmark M*. Many lives in many worlds // Nature. 2007. Vol. 448 (5). P. 23.
44. *Tipler F. J*. Nonlocality as evidence for a multiverse cosmology // Modern Physics Letters. In 2012. A, 27: 1250019.
45. *Lebedev U. A*. Mnogolikoe mirozhdanie. Everetticheskiye problematika [Multifaceted universe. Everett problems]. Moscow. 2010.
46. Ibid. P. 6.
47. *Lewis D*. Counterfactuals. Harvard University Press, 1973 (rev. ed. Blackwell 1986). R. 84-91.
48. The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality / ED. M. J. Loux. Cornell University Press, 1979.
49. *Lewis D*. Counterfactuals. Harvard University Press, 1973 (rev. ed. Blackwell 1986). P. 84-91.
50. Ibid. P. 63.
51. See: *Unger P*. Minimizing arbitrariness: toward a metaphysics of infinitely many isolated concrete worlds // Midwest Studies in Philosophy. 1984. Vol. 9. P. 29-51.

52. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Blackwell, 1986 (rev. ed. Blackwell 2001).
53. Ibid. P. 2.
54. Ibid. P. 4.
55. Ibid. P. 73.
56. Ibid. P. 87.
57. Pruss A. R. Actuality, Possibility, and Worlds. Bloomsbury Academic, 2011. P. 81.
58. М. Epstein *Filosofiya vozmozhnogo. Modalnosti v myishlenii i kulture*. [Philosophy of possible. Modality in thinking and culture]. St. Petersburg: Aletheia, 2001. P. 76.
59. Divers J. Possible Worlds. London: Routledge. 2002.
60. Bricker P. Absolute actuality and the plurality of worlds // *Philosophical Perspectives: Metaphysics*. 2006. Vol. 20 (1). P. 41-76; McDaniel K. Modal realisms // *Philosophical Perspectives: Metaphysics*. 2006. Vol. 20 (1). P. 303-331; DeRosset L. Possible worlds I: Modal realism // *Philosophy Compass*. 2009. Vol. 4 (6). P. 998-1008.
61. Deutsch D. Структура реальности [The structure of reality]. Izhevsk: SRI "Regular and Chaotic Dynamics". 2001. P. 343.
62. Skyrms B. Possible worlds, physics and metaphysics // *Philosophical Studies*. 1976. Vol. 30 (5). P. 323-332.
63. Wilson A. Modal Metaphysics and the Everett Interpretation. Dissertation. Oxford, 2005. Available at: http://www.academia.edu/2870102/Modal_Metaphysics_and_the_Everett_Interpretation.
64. Tuboly A. Are there possible worlds? Lewis and Everett on the plurality of worlds. 2007. Available at: http://www.academia.edu/2053032/Are_there_possible_worlds_Lewis_and_Everett_on_the_plurality_of_worlds
65. Hawthorne J. A. Metaphysician looks at the Everett interpretation // *Many Worlds? Everett, Quantum Theory, and Reality* / Eds. S. Saunders, I. Barrett, A. Kent, and D. Wallace. Oxford University Press. 2010 (reprint ed. In 2012). P. 147.

УДК 801.6: 003

Е. А. Счастливецва

Знак как форма поэтического восприятия

В статье раскрывается проблема поэтического (эстетического) восприятия в структурализме и постструктурализме. Восприятие – это не пассивный, а подвижный процесс, в котором форма начинает превалировать над содержанием, а знак переходит в символ.

The article considers the problem of poetry (aesthetic) perception in structuralism and poststructuralism. Perception is not passive, and the moving process, in which the form is beginning to prevail over the contents, but shall be transferred to a symbol.

Ключевые слова: знак, символ, форма, структурализм, постструктурализм.

Keywords: sign, symbol, form, structuralis, poststructuralis.

У М. Хайдеггера онтическая проблема приобретает звучание в соотношении формы и сущего. К понятию формы он подходит через античное мпсцю, что означает «форма». Со стороны символической формы можно подойти и к поэтике Ницше, которая, на наш взгляд, является всем прослеживается в его «Заратустре».

Ницше понимает искусство не как передачу зрителям продуктов творчества художника, а как своеобразное *отношение* художника и зрителя, что и натолкнуло меня на мысль о знаковой природе поэтики Ницше. Весь «Заратустра» у него заколдован и заражен символизмом. Что бы ни делал этот старец, везде, где ступает его нога, всё превращается в сплошной образ. Путешествующий странник Заратустра в начале своего пути имеет цель возвестить людям о сверхчеловеке. Но каков этот сверхчеловек, он не знает. Он хоронит канатного плясуна и идет дальше. Ему приходит в голову, что человек – это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью. Но самые лучшие из животных те, что уме-

ют высоко летать, – это орлы; и те, что самые мудрые, – это змеи. Так, друзьями Заратустры становятся орел и змея. Когда Заратустра уединенно думал, он начинал возвеличивать смех. «Я сам надел на себя венец смеха», – говорил он. Но ему не нравится скоморошество – это знак толпы. Что хочет Заратустра, к чему приходит этот философ? Он не говорит: падающего толкни. Он говорит: падающую вещь подтолкни еще, ибо то, что начало рушиться, должно быть разрушено. Он возвещает человека будущего. Этими людьми будут не поэты, мудрецы или ученые, а самые простые люди, поступь которых будет легка (это танцующие люди), которые умеют смеяться и радоваться, ибо в смехе Заратустра находит оружие против скорби и тоски. Кто скорбит и тоскует, уже ни на что великое не годится. Он собрал вокруг себя тех, кто, по его мнению, годится на роль высших людей: два короля, папа в отставке, злой чародей, добровольный нищий, странник и тень. Здесь были люди разных положений и рангов, но все они в отсутствие учителя стали молиться и поклоняться ослу. Так Заратустра понял, что ничему не научил их. Чему мог научить их этот философ? В его словах каждое явление родит себе противоположное: добро порождает зло, зло становится добром, радость несет в себе скорбь, и ненависть, и сердечную муку. Не это ли есть проявление иррационального начала в жизни? Ведь согласно рациональному принципу противоположности не могут совмещаться в одном явлении одновременно, хотя их все-таки можно сравнивать. В философии Заратустры нет ничего застывшего, раз и навсегда данного. Ницше говорит, что он любит в человеке «переход и гибель». Все, что в человеке есть от него самого, от его жизни: ненависть, любовь, зло и радость, скорбь и отчаяние, порождающие надежду на лучшее, на новую жизнь, – приветствует Заратустра. Ибо все это есть движение и танец, есть что-то в этом от самого человека, его переменчивой сущности, а не застывшей добродетели, которая зачастую превращается в осуждение и несет за собой смерть Бога. «Ваше отчаяние достойно великого уважения. Ибо вы не научились подчиняться, вы не научились маленькому благоразумию. Ибо теперь маленькие люди стали господами: они все проповедуют покорность, скромность, благоразумие, старание, осторожность и нескончаемое “и так далее” маленьких добродетелей» [1]. Эти «маленькие люди» представляют опасность для сверхчеловека. Сверхчеловек – переход и гибель прежнего состояния человека. Становление не может рассматриваться только в категориях рациональности (это иной тип рациональности), а именно о становлении нового человека говорит Ницше словами Заратустры. Становление, *вечное возвращение* здесь всего лишь метафоры, несущие определенный смысл, но этот смысл может быть различным. По словам А. Ф. Лосева, множество смыслов превращает знак в символ [2].

В символе важнее уже сама его форма, а не смысловое содержание, которое может конструироваться, домысливаться субъектом. В то же время знак есть некоторый факт, имеющий значение [3], которое может выражаться через определенную систему переживаний в искусстве, точнее, через способы фиксации этих переживаний. С другой стороны, знак фиксирует умственное (логическое) содержание значения предмета, отличное от него самого. «Цветок сам никогда не может быть тем, что он *значит*», писал Брэдли [4]. Поэтому можно вполне говорить о знаке как о форме, отличной от содержания, факта, скрывающегося под магической формулой значения предмета. Знак ведь может служить формой для выражения переживания (знак-отношение). «Раскрыть само это отношение как предмет, – писал Шпет, – *sui generis* и указать коррелятивные ему переживания – тут магнитный полюс проблемы» [5].

Хайдеггер предлагает нам целую программу становления формы (Form-Werden) как «раскрытие себя», «делание себя открытым». Именно такое необычное истолкование формы соответствует ее исконному пониманию, сформировавшемуся у греков [6]. Именно форма делает явным явление как таковое, просвечивается и вводит в чистую видимость.

У Ницше форма дарит «опьянение». Но опьянение не как бурлящий поток, хаос, произведения Вагнера, но как содержание в определенных оформленных границах. Тем не менее Ницше не прибегает к специальному осмыслению происхождения и сущности формы [7]. Но для него она все еще неразрывно связана с содержанием, считает Хайдеггер. «Художником становишься тогда, когда то, что все не художники называют “формой”, начинаешь воспринимать как *содержание*, как “самую вещь”. Тем самым, правда, входишь в *перевернутый мир*, ибо отныне содержание становится чем-то формальным, включается в нашу жизнь» [8].

Умберто Эко писал об эстетически значимой форме. Форма произведения искусства может быть завершенной и незавершенной. Постструктуралистской тенденцией является незавершенность эстетической формы, ее открытость для последующего восприятия. Еще

Платон в «Софисте» говорит, что художники смотрят на вещи не под углом их объективности, а в соответствии с тем, как наблюдатель воспринимает образы [9]. Поэтому у произведения «бесконечное множество аспектов, которые не являются только его частями или фрагментами», «разнообразие исполнений основывается на сложной природе как личности интерпретатора, так и произведения, которое нужно исполнить», когда речь идет о музыкальном произведении. Например, «Секвенция» Берлиоза, исполненная двумя различными флейтистами [10].

Именно говоря о форме, полагал Шпет, мы должны различать *внешние формы* как формы действительной данности и *внутренние формы* как формы идеальной данности; эти последние, в свою очередь, суть или онтологические формы как некоторые *формообразующие начала*, или формы отношения, в более строгом смысле [11]. Конечно, Шпет развил учение о внутренних формах, которые представлены перед нами теми самыми логическими формами, о которых мы ведем разговор, когда говорим о содержании того или иного произведения. Чтобы узреть чистую логическую форму, так называемый «чистый предмет», нужно перейти в специальную установку сознания, и тогда мы получим онтологическое отношение объема к объему, логическое отношение вида к виду и математические отношения пропорции или функции к независимой переменной, число p и т. д. Представляя себе данные отношения, мы уже и находимся в феноменологической установке, не «думаем» о действительности, не «заботимся» о ней. «Мы забываем» также и о коррелятах этих отношений, «забывая даже о том», что, быть может, они привели нас когда-то в «этот чистый идеальный мир». Сами формы этих отношений можно с полным правом назвать «онтологическими формами» [12].

Но как же быть с тем утверждением, что знак – это не онтологическая, а онтическая форма? Не нарушаем ли мы известную традицию, относительно которой знак – онтологическая форма?

Во-первых, мы как раз и подтверждаем, что знак – это форма, а во-вторых, речь идет не совсем о знаке, а, строго говоря, о внешних и внутренних формах. Знак может находиться на пересечении этих форм. К тому же внутренние формы являются и логическими, и равно эстетическими [13] как определенная квалификация выражаемого предмета.

Все это так, и в то же время в постструктурализме «смещение» происходит в сторону как раз не внутренних, а внешних форм. Когда мы воспринимаем, например, «двусмысленные силуэты» фигур, мы «имеем дело с полной децентрализацией, которая приводит как бы к разложению, расшатыванию статических форм восприятия в пользу деятельной подвижности, откуда и возникает бесконечная возможность формирования новых структур» восприятия [14]. Умберто Эко отмечает параллельность и однонаправленность психологического и поэтического дискурсов, которые движутся в сторону открытого произведения. Принцип децентрализации (*Umzentrierung*) восходит к смещению акцентов восприятия в сторону субъекта по сравнению с объектом, что в реальном отношении воспринимается как превалирование формы над содержанием. Этого эффекта мы пытались достичь, рассматривая «Заратустру» Ницше как некий идеальный образ, символическую форму. И действительно, когда мы фактически говорим о реальном отношении, оно, по существу, остается идеальным в нашем восприятии. Идеальность нашего воображения, по сути, означает движение, динамику: «Я – динамит», говорил Ницше, «буря, огонь» (Заратустра). В этом-то динамизме реальности (статичности) и идеальности (динамичности) и заключается *sui generis* подход к знаку, символу. Внешняя форма дается нам как некоторого рода «*успокаивающее*». Она дается вместе с другими чувственными качествами; чувственная интуиция есть нечто пассивное, «единящее целое, в котором покоится весь ее состав». Интуиция интеллектуальная (интеллектуально-лигильная) есть начало активное, оно не рассматривается как синтез, а, скорее всего, как «диалектическая неуравновешенность», поскольку она не есть нечто завершающее, а, напротив, – нечто «беспокойное» («опьяняющее», по Ницше), влекущее к новому переходу (к новому пониманию). Поэтому нетрудно на стыке интеллектуальных и чувственных отношений уловить знак как *sui generis* само отношение.

Мы начали с того, что знак рассматривали как форму, затем как отношение. Но постепенно знак вырастает перед нами и как сфера интерсубъективных смыслов, в которой субъект перестает быть собственно единоличным субъектом, уступая место универсальным условиям чувственного восприятия, ведь искусство – это не только сфера идеального, но она находится на пересечении чувственного и идеального. Например, одной из форм такой уни-

версальной чувственности является язык. Но здесь понятие языка наполняется различными смыслами. Так, мы можем говорить о языке восприятия различных текстов. Этот язык и будет разным при восприятии искусства различных жанров. Но тем не менее в рамках одного жанра язык будет стремиться к универсальности выражения. Но в таком случае будет ли это способностью к упорядочению содержания? Очевидно, будет. А если мы рассмотрим язык как дискурс, как текст, как процесс, тогда внимание может быть обращено на *стиль* изложения, создающий состояние неопределенности, вариативности, информативности.

«Опьянение» как состояние универсального чувствования подрывает субъективность субъекта. Субъект выходит за пределы себя самого и перестает быть субъектом. В то же время гармония, «красота», как таковая, эстетическое начало искусства не есть просто объект, а находится на границе «объективного» и субъективного. Если эстетическое не субъективно и не объективно, то оно, очевидно, интерсубъективно в том смысле, что составляет целую программу знаково-языкового общения между людьми. И когда искусство «выражает», оно служит средством передачи некоторого значения, и это-то самое значение и может служить «мерилом» интерсубъективности. Ведь что такое интерсубъективность как не особая сфера человеческого общения – социальная сфера? В этой сфере все предметы проникаются особыми «смыслами», порождаемыми особым качеством понимания, знаковая, символическая природа которого очевидна. В основе искусства лежит идея. Ницше наделяет ее динамичностью. Что есть благо как идея? Какого человека мы называем хорошим? В идее полярные крайности сходятся в единое, и это динамическое понимание платонизма приводит в конце концов Ницше к отрицанию христианства, то есть нигилизму как определенному историческому этапу, когда наши чувства стали тоньше, возвышеннее, полярнее. «Самокритика нравственности» предстает как нравственный феномен. Так, согласно произошедшему «перевертыванию», чувственное становится истинным (а не должным) и как сущее должно определить основную область для нового утверждения вот-бытия [15]. Этот «бунт» Ницше оказался весьма плодотворным для философии Хайдеггера.

Хайдеггер определяет «сподручное» как то, что находится под «рукой», как «несокрытое» [16]. Сокрыто как раз то, под чем он понимает сущее. Кстати говоря, когда Дильтей определял свою методологическую программу «наук о духе» и «наук о природе», он считал, что нужно учитывать в большей степени феномен «понимания», который выходит за пределы простого усвоения смысла слов и предложений и направлен на постижение «понятия» [17]. Понятие действительно выводит понимание на некоторый новый уровень, а именно на уровень логического, идеального и связанного с ним понимания сущего как универсальной идеи. Но для чего нужно понимание идеального как логической идеи? Идеальное как идея приводит к раскрытию новых смыслов при определенном сохранении старых, к так называемому их «наращиванию». Логическое как коррелятивное действительному может играть определенную роль в определении достоверности познания, так называемой истины. Истина, по Хайдеггеру, может выявляться через искусство. Сущность искусства заключена в поэтическом творении [18]. Причем Хайдеггер здесь говорит о «набрасывании» смыслов в художественном произведении как определенных истин. Всякое художественное произведение не «отражает» нечто «прежде существующее», а производит все новые и новые смыслы, и так до бесконечности.

Поэтическому творчеству предшествует язык, поэтому искусство и есть сфера интерсубъективных смыслов, поскольку, развивая эту тему, мы приходим к языку, который и позволяет нам постичь через систему выражений (слов) искомые смыслы. «Вещность» искусства может быть выражена через систему речевых знаков, под которыми мы понимаем определенные значения видимых нами предметов. У Гуссерля эти значения постигаются в интеллектуальном схватывании единого ноэтико-ноэматиического акта восприятия. У Шпета и, полагаем, у Хайдеггера, это постижение чревато разделением предмета и смысла («сокрытого» и «несокрытого», «потаенного» и «непотаенного») и делает акт восприятия герменевтическим актом, то есть актом понимания. Условием интерсубъективности здесь служит язык, ведь понимание невозможно без его содействия. В то же время знак в своей широкой форме может представить условием понимания и другие универсальные формы чувственного восприятия.

Примечания

1. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм и др. М., 2006. С. 376.
2. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 104–105.
3. Шпет Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005. С. 544.
4. Там же.
5. Там же. С. 512.
6. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб., 2006. С. 120.
7. Там же. С. 121.
8. Там же. С. 122.
9. См. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2006. С. 72.
10. См.: Там же. С. 98.
11. Шпет Г. Указ. соч. С. 531.
12. Там же. С. 529.
13. Там же. С. 530.
14. См: Эко У. Указ. соч. С. 182.
15. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 163.
16. Там же. С. 180.
17. Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000. 232 с. С. 177.
18. Гадамер Г.-Г. Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. 464 с. С. 131.

Notes

1. Nietzsche F. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm i dr. [The Birth of Tragedy, or Hellenism and pessimism and others]. Moscow. 2006. P. 376.
2. Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [Problem of character and realistic art]. Moscow. 1995. Pp. 104-105.
3. Shpet G. Myisl i slovo. Izbrannyie trudyi [Thought and word. Selected Works]. Moscow. 2005. P. 544.
4. Ibid.
5. Ibid. P. 512.
6. M. Heidegger, Nitsche [Nietzsche]. Vol. 1. St. Petersburg. 2006. Pp. 120.
7. Ibid. P. 121.
8. Ibid. P. 122.
9. See U. Eco Otkryitoe proizvedenie: forma i neopredelennost v sovremennoy poetike [Public work: Form and uncertainty in contemporary poetics]. St. Petersburg. 2006. P. 72.
10. Ibid. P. 98.
11. Shpet G. Op. cit. P. 531.
12. Ibid. P. 529.
13. Ibid. P. 530.
14. See: Eco U. Op. cit. P. 182.
15. Heidegger M. Op. cit. P. 163.
16. Ibid. P. 180.
17. Plotnikov N. S. Zhizn i istoriya. Filosofskaya programma Vilgelma Dilteya [Life and History. Wilhelm Dilthey's philosophical program]. Moscow. 2000. 232 p. P. 177.
18. Gadamer H.-G. Vvedenie k istoku hudozhestvennogo tvoreniya [Introduction to the source of artistic creation] / / M. Heidegger Raboty i razmyishleniya raznyih let [Works and reflections of different years]. Moscow. 1993. 464 p. P. 131.

Молодежная политика как фактор социального развития молодежи

В статье исследуются актуальные проблемы развития региональной молодежной политики. На материалах проведенного социологического опроса выявляются основные проблемы и определяется стратегия её реализации.

The article investigates the current problems of the development of the regional youth policy. On the basis of the materials of the sociological survey the main challenges are revealed and the strategy for the implementation of this policy is determined.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, регион, молодежные организации, стратегия развития.

Keywords: youth; youth policy; region; youth organizations; the development strategy.

Кардинальные изменения, происходящие в социально-экономическом укладе, изменение роли и значения различных социальных институтов, криминализация всех сфер жизни, резкая дифференциация социальных групп, появление асоциальных лидеров и новых личностных образцов для подражания порождает социальное напряжение в обществе, приводит к обострению молодежных проблем и сопровождается кризисом ценностного сознания молодежи.

Молодежь – одна из крупных социально-демографических групп современного российского общества, постоянно пополняющая экономически активное население страны. Справедливо замечено, что молодежь – важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила. Как использовать эту силу, на достижение каких целей направить, от решения этой задачи зависит благополучие нашего общества. В силу своего статусного состояния молодежь своей деятельностью как бы включает закономерности прошлого в настоящее и тем самым обуславливает переход в будущее.

Одно из первых определение «молодежь» в 1968 г. дано В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [1].

По мнению М. И. Фроловой, «молодежь – это социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, вхождение в мир взрослых, адаптацию к нему и будущего его обновления» [2].

В последнее время признанной формой взаимодействия поколений стала молодежная политика, успешная реализация которой способна обеспечить возможности инновационного развития общества и государства. Однако молодежная политика в Российской Федерации реализуется в сложных экономических и социальных условиях.

Признанными фактами являются сокращение молодежной популяции в связи с деформациями естественного движения населения, ухудшение медико-биологических показателей состояния здоровья молодого поколения. Расширяется география и интенсивность заболеваний молодежи наиболее опасными болезнями (туберкулез, СПИД, половые инфекции). Около 2 млн молодых россиян употребляют наркотики, около 250 тыс. из них наркозависимы. Указанные проблемы порождают деформацию жизненных ситуаций, повышенную чувствительность и эмоциональность, провоцируют эскалацию социальной напряженности.

В сложившихся условиях назрела государственная необходимость в придании молодежной политике нового уровня общенациональной значимости. В данном случае представляет особый интерес высказывание О. А. Раковской о том, что «молодежная политика должна быть адекватной современному положению и перспективам российского государства» [3].

Молодежная политика – сложная, многогранная система отношений, в которой можно выделить такие структурные элементы, как совокупность идей, концепций, принципов, функций, приоритетов, основных направлений, стратегии и тактики социального развития молодежи.

Профессор А. П. Скробов считает, что «государственная молодежная политика – это деятельность государства по выработке концептуальных направлений деятельности и обеспечению целостной системы по созданию социально-правовой защищенности (гарантий) молодого поколения, реализации его права на свободное социальное развитие, творческую инициативу в соответствии с учетом их интересов и современным состоянием общества» [4]. В свою очередь А. В. Прудник заявляет, что «государственная молодежная политика – это интегрирование отдельных программ и проектов, касающихся молодежи, в единое целое при усилении регулирующей роли современного государства» [5].

Сегодня формируется всероссийский подход к молодежной политике, учитывающий особенности, возможности и специфику регионов. ХМАО-Югра отличается наиболее молодой возрастной структурой населения <http://www.admhmao.ru/socium/molod/forum07/foto/1.jpg>. На территории Ханты-Мансийского автономного округа молодежь в возрасте от 16 до 30 лет составляет 40,5% населения региона. В связи с этим реализация молодежной политики в ХМАО-Югре заняла ключевое место в социальном блоке политики округа. Перед регионом поставлена задача посредством продуманной, научно обоснованной молодежной политики создать механизмы поддержки молодежи в определении и реализации социальных интересов, потребностей, жизненных перспектив и развитии ее социальных инициатив.

В последнее время в регионе активно апробируется передовой отечественный и зарубежный опыт, разрабатываются новые подходы в работе с молодежью. К 2013 г. регион подошел со сложившейся системой молодежной политики и целым рядом авторских проектов, получивших высокую оценку и признание за пределами ХМАО-Югра. Работа с молодежью реализуется в соответствии с принципами комплексности, инновации, ориентации на реальные потребности молодежи и при ее непосредственном участии. Реализация молодежной политики округа предусматривает пять основных направлений:

- патриотическое и духовно-нравственное воспитание детей и молодежи, укрепление института семьи;
- формирование гражданской позиции, обеспечение взаимодействия с политическими институтами, развитие социальной активности молодежи;
- социально востребованная профессиональная ориентация, организация временной занятости несовершеннолетних, развитие деловой активности и конкурентоспособности молодых специалистов;
- развитие творческого и интеллектуального потенциала, содействие самореализации детей и молодежи в художественной, научной и технической деятельности;
- создание системы информационной, аналитической, научной и методической поддержки; обеспечение технических, организационных и кадровых условий в сфере молодежной политики.

Эффективность работы с молодежью в значительной степени определяется ее вовлеченностью в систематическую, организованную деятельность по различным направлениям.

Рис. 1. Доля молодежи, вовлеченной в сферу реализации молодежной политики, в %

Среди общественных организаций в реализации государственной молодежной политики на территории ХМАО особое место отводится окружной ассоциации детских и молодежных организаций и объединений (АДМО), окружной федерации туризма, молодежной организации обско-угорских народов (МООУН), окружному студенческому совету, РОСТО, окружной общественной организации «Молодая семья», окружной организации Российского союза ветеранов Афганистана. Подобное взаимодействие существенно расширяет информационное поле, обогащает опыт молодежного движения, стимулирует его творческий и методический потенциал.

С целью определения эффективности реализации молодежной политики, выявления проблем и оценки нынешнего состояния молодежи округа было проведено социологическое исследование. Опросу подлежали 300 респондентов в возрасте от 16–30 лет и 50 экспертов. Все опрошенные эксперты являются специалистами по работе с молодежью.

Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов.

На вопрос «Какие актуальные проблемы существуют в сфере молодежной политики?» участниками анкетного опроса даны следующие ответы (рис. 2).

Рис. 2. Проблемы в молодежной среде, в %

Наиболее значимыми проблемами молодыми людьми названы низкий уровень культуры в молодежной среде (44%), проблема трудоустройства молодых специалистов (40%), устранение молодежи от участия в делах государства (37%), рост подростковой преступности (31%), проблема финансирования данного направления деятельности (23%). Также отметили, что молодежь пассивна в решении указанных проблем в силу равнодушного отношения к ней со стороны представителей власти.

На вопрос «Есть ли у молодого поколения шанс оказать влияние на позитивное развитие округа?» были получены следующие ответы (рис. 3).

Рис. 3. Мнения респондентов о степени влияния молодежи на ситуацию в ХМАО-Югре, в %

«Какие, по Вашему мнению, цели должна преследовать молодежная политика в округе?» (рис. 4).

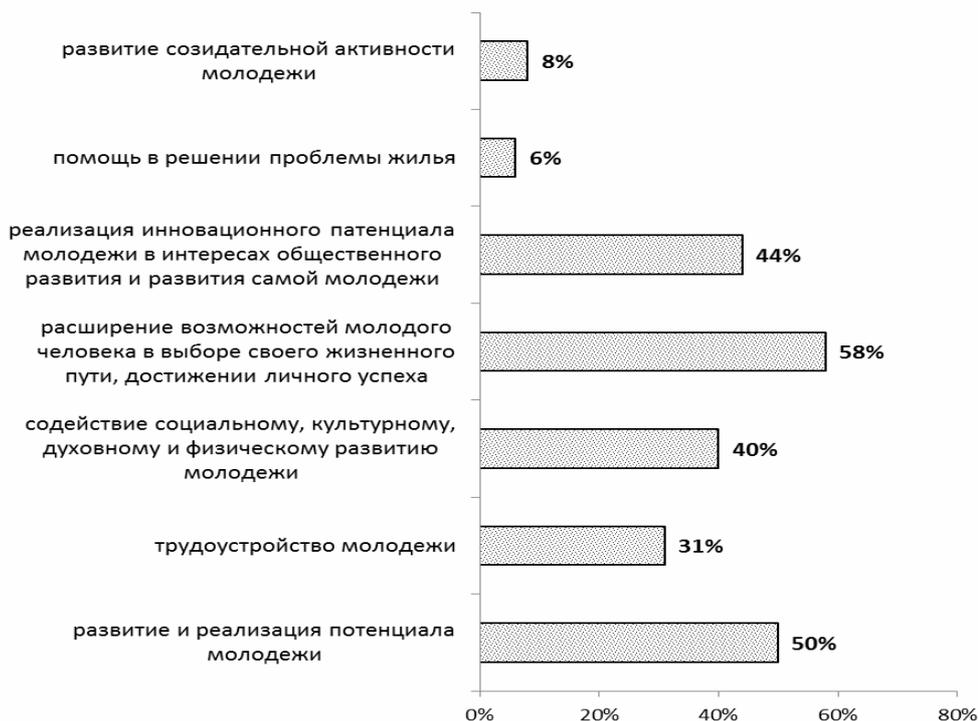

Рис. 4. Цели молодежной политики, в %

Приоритетными целевыми установками для 58% респондентов названы расширение возможностей молодого человека в выборе своей жизненной траектории, достижении личного успеха, для 50% – развитие и реализация потенциала молодежи. Помощь в решении проблемы жилья была отодвинута молодыми людьми на последнее место (6%).

На вопрос о перспективах развития молодежной политики в ХМАО ответы распределились следующим образом (рис. 5).

Рис. 5. Мнения молодежи о перспективах развития молодежной политики в округе, в %

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что молодежь в качестве главной перспективы рассматривает ее участие в разработке и принятии законов в области молодежной политики (78%).

Далее был предложен вопрос «От кого в первую очередь зависит совершенствование молодежной политики в регионе?» (рис. 6).

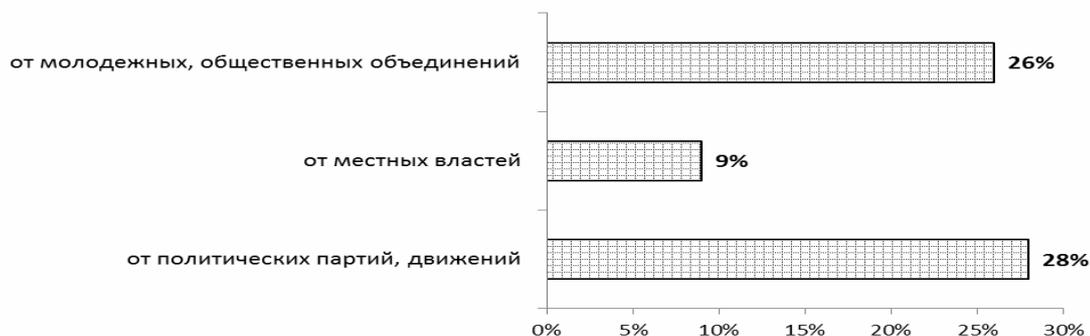

Рис. 6. Мнения респондентов о совершенствовании молодежной политики в округе, в %

Большинство респондентов ответили, что совершенствование молодежной политики зависит, прежде всего, от самой молодежи, затем – от молодежных объединений, политических партий и органов власти.

Однако треть опрошенных молодых людей считают нынешнюю молодежную политику если не абсолютно неэффективной, то близкой к этому.

По мнению экспертов, главными направлениями молодежной политики должны стать реализация потенциала молодежи (100%), развитие созидательной активности молодежи (40%), содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодежи (60%), достижение личного успеха молодыми людьми (25%), повышение культурного уровня молодежи (55%).

На вопрос «Является ли, по Вашему мнению, молодежная политика перспективным направлением развития региона?» эксперты проявили единодушие (100%), что определило перспективы развития молодежной политики (рис. 7).

Рис. 7. Мнения экспертов о перспективах в области молодежной политики, в %

Молодежная политика с точки зрения перспективы должна быть сориентирована на восприимчивость к социальным новшествам прежде всего потому, что в обществе она не имеет достаточных традиций и опыта эффективного функционирования.

На вопрос «От кого в первую очередь зависит улучшение молодежной политики в регионе?» эксперты, как и молодежь, единогласно ответили «от самой молодежи». Вероятно, это связано с тем, что на молодежь возлагается ответственность за будущее страны.

Государственная молодежная политика должна носить интегративный характер, выражающийся в выработке и реализации стратегии развития всех субъектов федерации с максимальным привлечением молодежи к участию в реформировании, обновлении общества и своих регионов.

Стратегия и политика социального развития молодежи должны строиться на базе принципиально новых подходов, в частности на основе самореализации молодого поколения

в процессе самодеятельности, социального творчества, предприимчивости, осуществления инновационных проектов, программ при активной поддержке государственных и общественных институтов.

Таким образом, эффективная организация работы с молодежью позволит преодолеть духовно-нравственный кризис в обществе, достигнуть гражданского согласия и создать предпосылки для процветания сильной, демократической России.

Примечания

1. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП, 2000. 519 с.

2. Фролова М. И. Формирование и реализация региональной молодежной политики в условиях трансформирующегося российского общества (на материалах Приморского края): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / М. И. Фролова. Владивосток, 2004. С. 47.

3. Раковская О. А. Социальные ориентиры молодежи: тенденции, проблемы, перспективы. М.: Наука, 2004. С. 43.

4. Скробов А. П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ // Социальная политика. 1998. № 3. С. 111–112.

5. Прудник А. В. Молодежь и общество // Стенограмма заседания «Нижегородского эксперт-клуба». 2009. С. 19.

Notes

1. Lisowski V. T. Duhovnyiy mir i tsennostnyie orientatsii molodezhi Rossii [Spiritual world and values of young people in Russia]. St. Petersburg.: SPbGUP. 2000. 519 p.

2. Frolova M. I. Formirovanie i realizatsiya regionalnoy molodezhnoy politiki v usloviyah transformiruyuschegosya rossiyskogo obschestva (na materialah Primorskogo kraja): dis. Kand. sotsiol. nauk: 22.00.08 [Formation and implementation of regional youth policy in a transformed Russian society (on materials of Primorsky Krai)]: dis. Cand. socl. sci.: 22.00.08 / M.I. Frolov. Vladivostok, 2004. P. 47.

3. Rakovskaya O. A. Sotsialnyie orientiryi molodezhi: tendentsii, problemyi, perspektivy [Social landmarks youth: trends, problems and prospects]. Moscow: Nauka. 2004. P. 43.

4. Skrobov A. P. O nekotoryih novyih podhodah k molodezhnoy politike v usloviyah reform [On some new approaches to youth policy in terms of reform] // Sotsialnaya politika – Social Policy. 2008. № 3. Pp. 111-112.

5. Prudnyk A. V. Molodezh i obschestvo [Youth and Society] // Stenogramma zasedaniya «Nizhegorodskogo ekspert-kluba» – Transcript of the meeting "Nizhny Novgorod expert club." 2009. Pp. 19.

УДК 111.1:130.123:271.2

Е. Г. Башук

Онтологические основы триединства человека и три уровня его существования

В статье продемонстрирован онтологический подход к пониманию человека как целостности трех ее составляющих «дух-душа-тело». Обосновывается их всеединство и неделимость в осуществлении человеком своих жизненных функций. Такое триединство позволяет человеку существовать и действовать на трех уровнях бытия, расширяет его возможности по сравнению с другими видами сущего. Однако чрезмерное увлечение одним уровнем существования может ощутимо вредить целостности и полноте жизнедеятельности человека и человечества в целом, что и попытается продемонстрировать автор статьи в сжатой схематической форме.

Demonstrated an ontological approach to the understanding of man as the integrity of its three components as a concept "spirit-soul-body." Explains their unity and indivisibility of the implementation of its human vital functions. This trinity allows a person to exist and operate on three levels of existence, expands its capabilities in comparison with other kinds of things. However, overreliance on one level of existence may significantly harm the integrity and completeness of human life and of humanity as a whole. The author of the article tries to demonstrate all of this in a concise schematic form.

Ключевые слова: онтология, дух, душа, тело, личность, опыт, я – ты.

Keywords: ontology, spirit, soul, body, personality, experience, I-thou.

Человек является существом чрезвычайно сложным по своей организации, из-за чего в его исследованиях сложилось такое многообразие теорий, точек зрения и подходов, что в свою очередь определяет различие между собой отраслевых наук по изучению человека и их предметов. Автора этого исследования интересует не просто философский подход, а онтологический, взгляд на человека из-за необходимости всестороннего схватывания и учета всех, казалось бы, несочетаемых, однако присущих человеку, сторон и моментов. В сегодняшней нелегкой ситуации развития европейской науки на этапе поиска новых горизонтов и расширения человеческих возможностей познания и понимания, на этапе проявления возможности, а еще лучше необходимости основательного глубокого подхода открывается перспектива существенно влиять на большинство отраслевых исследований, а также и на развитие науки и философии в целом. Кроме этого онтологическое раскрытие содержания тех или иных понятий ставит перед собой не только вопрос выявления фундаментальных основ этих понятий, но и истоков их формирования и даже этимологических корней этих терминов, позволяя глубже проникнуть в их смысловые нагрузки.

Поднятый нами вопрос триединства человеческого существования абсолютно не нов. Однако с каждым витком развития науки давно, казалось бы, решенные вопросы поднимаются с новой силой в новом свете и требуют нового решения с учетом предыдущих достижений, текущих потребностей и будущих перспектив. Уже философия античности понимала проблематичность непростой структуры человека, его причастность к различным уровням бытия и внутренние противоречия. Так, например, Платон четко разделял три составляющие: тело, душу и ум. При этом тело полностью относилось к земному миру, разум был причастен к космическому, то есть высшему, Разуму, а душа имела смешанную природу, что позволяло ей выполнять объединяющую роль двух абсолютно несовместимых начал – материального и идеального.

Душа, по Платону, – это важнейшая внутренняя часть человека, поэтому требует большего к себе внимания и заботы, чем тело. Такой философский поворот становится переломным моментом в развитии античной мысли, для которой более привычным было понимание всего в мире с точки зрения единства, внутренней неделимости материально-чувственного восприятия Космоса. Хотя, с другой стороны, это внимание на душе постепенно начинает обострять в размышлениях некоторых поздних философов тезис, что «плоть – наша могила». Однако, по мнению автора, такая позиция искажает понимание истинного положения вещей не только в платонизме, но и в восприятии личности (или человека) как духовно-телесного нераздельного единства. Без телесности нет личности, без тела даже «человек» Платона не способен был бы на все свершения и путь, которым античный философ вел своих учеников и последователей.

Подобно античности, в христианской философии понимание богословами неразрывности души и телесности содержательно превосходило стереотипы распространенной пропаганды простых служителей о ничтожности и необходимости «умерщвления» тела. Св. Григорий Палама говорит об этом, что «подобные вещи пристало говорить еретикам, которые называют тело злом и изваянием лукавого, а мы злом считаем только пребывание ума в телесных помыслах, в теле же – никак не злом, раз само тело не зло» [1], аргументируя это утверждение словами апостолов из Священного Писания, что «наши тела – храм Святого Духа, живущего в нас» (1 Кор 6,19) и что «мы – дом Бога» (Евр 3, 6).

А вот чтобы понять, почему возникает такое негативное отношение к телесности, следует принять для себя, по мнению Св. Паламы, только одну простую исходную истину как свойство любой проявленной сущности в природе этого мира. А именно: как и большинство вещей и понятий в этом мире, сами по себе они не имеют причастности ни к добру, ни к злу. Все зависит от человеческой деятельности, ее духовного направления, так как личность, уже начиная от собственных мыслей и намерений, определяет вектор всего вокруг и себя саму к добру или ко злу и именно этим их обозначает. Так, Св. Г. Палама описывает, откуда вырастает зло по отношению к телу: «...осуждается не плоть, а привходящее от преступления греховное желание: “Я”, говорит он (Апостол. – *Примеч. автора*), “продан греху”, но ведь проданный не по естеству раб; и еще: “Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе” ... [Другими словами] он называет злом не плоть, а живущее в ней. То, что не ум (дух. – *Примеч.*

Паламы), а «сущий в наших членах и противоборствующий закону ума закон» живет в нашем теле (Рим, 7, 14–24), это вот зло» [2].

Более того, можно сказать, что каждый мыслитель, который так или иначе касался онтологического уровня существования человека, задаваясь вопросом о его телесности и духовной сущности, так или иначе приходил к утверждению необходимости, целесообразности и рациональности существования и деятельности человека в его целостности «тело-душа-дух» (или «тело-душа-ум»). На примере Св. Г. Паламы, желая подытожить размышления автора по этому вопросу, можно увидеть общие для многих отцов церкви рассуждения: «Ведь если не заключать внутри тела, то как еще иначе вместить в себе ум, который облачается в тело и, уподобляя себе природный вид тела, размещается по всей его оформленной материи? Внешность и раздельность этой материи не могут вместить сущности ума, если эта материя не будет жить, причем таким образом жизни, который соответствует слиянию ума и тела. Иными словами, поскольку ум, т. е. сотворенный дух, соединен с телом не случайно и бессмысленно, а с божественной мудростью и это соединение не дано всегда само собой, а может быть разным и даже прекращаться в смерти, то человек, возможно, никогда не поймет, как совершается связь духа с телом, но он тем более должен в таком случае всегда хранить и укреплять ее в себе, по мере сил ведя образ жизни, не разрывающий ум и тело» [3].

И как бы то ни было, но уже Платон в своих произведениях подчеркивал важность того момента, что не за телесными желаниями надо следовать и не ими должно определяться собственное поведение и приниматься решения в жизни каждого (что, к сожалению, встречалось гораздо чаще как в древних Афинах или средневековом обществе, так и остается неизменным в современном мире), а приоритет высшей сущности в себе, что руководствуется прежде всего умом и волей. Не отрицание телесности провозглашается платонизмом, а приоритет разума и высших человеческих ценностей над естественными потребностями и чувственными аффектами. Не отрицание телесности провозглашается христианскими богословами, а приоритет духа и духовной жизни над удовлетворением телесных желаний и ежедневных потребностей. Как бы то ни было, у того или иного автора, понятие «человек» и понятие «личность» во все эпохи с необходимостью требуют признания своими неотъемлемыми частями все три составляющие дух-душа-тело, иначе они теряют свой смысл и перерастают в другие понятия (как это нередко происходит в построении конкретной философской системы и в освещении конкретного обособленного свойства человеческой природы).

Не стоит забывать, что все делимо в нашем мире, поэтому душа также делится на части и, по мнению Платона, самая главная из них – вместилище познания и понимания, добродетели и всего божественного, сама возможность общения с высшим миром сущностей всех вещей – идеями, или, как сейчас бы мы это назвали, – с самим бытием. Второй частью души является вместилище желаний, что приводит к неразборчивости, разнузданности, ненадежности и ненасытной жадности. Если дать этой части право властвовать над человеком, то путь к сущностям и бытию для человека будет просто недоступным, а открытым останется только мир единичных вещей и явлений.

Такая организация души не случайна, именно благодаря этому обеспечивается взаимосвязь и скрепления духа и тела в единое целое. Однако другой стороной медали становится то, что, по Платону, в человеке порождается хорошее или плохое, потому что источник всему – его собственная душа, хотя сама по себе она причастна к собственно прекрасному: «Похоже, что любовь, дружба и вожделие оказываются чем-то внутренне нам присущим» (Платон, Лисид, 221e). Во-вторых, душа стремится к совершенствованию сама по себе, только этим и обеспечивает притяжение к себе других прекрасных душ (Платон, Алкивиад I, 131d). В-третьих, родство душ, которое и вызывает влечение, любовь и дружбу, является стремлением владеть своим. А поскольку «благое и родственное тождественны» (Платон, Лисид, 222d), то стремление обладать в дружбе «своим – это обладать благом, любовь – это всегда любовь к благу». И главное: «Взледев в твоей душе легкокрылого Эроса, она [душа] теперь будет пользоваться его заботой» (Платон, Алкивиад I, 135e). Таковы были взгляды древнего философа и как бы в дальнейшем ни верифицировались признаки, свойства и внутренняя организация человека, сущность его в основных моментах для мыслителей остается и поныне неизменной даже в католической традиции, где предпочитают дуальность во взглядах на человека: «душа-тело».

Как уже можно было заметить, именно благодаря диалогу с неоплатонизмом троичная структура активно развивается в грекоязычных богословских поисках раннего христианства,

прочно закрепившись и сегодня в его восточной традиции как триединство «дух-душа-тело». Однако христианская философия, воспринимая человека прежде всего в его онтологическом ракурсе, для понимания понятия «личность» применяет более подходящий здесь и обоснованный термин «ипостась». В древнегреческом мире быть личностью означало, что человек придает что-то к своему бытию, «лицо не является истинной “ипостасью” человека. Ипостась сейчас имеет значение “природы” и “сущности”. Должно было пройти много веков, пока греческое мышление смогло достичь исторического отождествления “ипостаси” с “лицом”» [4], то есть Личностью. Проблематика и развитие понятия «ипостаси» – это отдельный интересный вопрос исследования. Ведь зародившись так же, как и «личность», еще в древнегреческой философии для обозначения единичности оформления материи на фоне множественности вещей, а также сущности для реального бытия, это понятие всегда несло в себе бытийность, а не вещьность, из-за чего и отождествилось в ранней христианской мысли именно с понятием «смысла».

Термин «ипостась» в своем становлении претерпел множество смысловых толкований, богословских и философских споров, догматического влияния и дохристианских корней формирования. Сегодня наблюдается активный интерес к этому понятию, однако все больше религиозно-философского направления. В этом аспекте сегодня можно говорить о триаде категорий ипостаси (личности), сущности (общего) и энергии (действия как проявления личного и общего). Современный исследователь Ю. Черноморец считает, что «основным вкладом восточной патристики в теорию бытия было учение об ипостаси. Оно сделало возможным появление принципиально новой онтологии, главное место в которой занимает понятие личности» [5].

Все это чрезвычайно интересные разработки и исследования, которые заслуживают пристального внимания более широкого круга исследователей и не только онтологического направления, но чаще встречается пренебрежение из-за причастности к религиозной философии. Современная наука, исследуя главным образом Человека, в своей широте взглядов и детализации отстраняется от основных исходных положений, где Человек – это подобие Божие, какими бы словами это ни выражалось, и его главная глубинная сущность всегда будет оставаться божественной, как бы глубоко ему ни пришлось проникать в материю. И как небезосновательно полагали античные философы, начиная еще с Пифагора, что в основе всего лежит треугольник, поэтому и человек в своем существовании также остается триединой сущностью.

Поданная ниже таблица является попыткой развести существующие философские понятия по выбранной и вышеупомянутой структуризации человеческого существования. Целью такой работы стала необходимость акцентирования на свойствах и деятельности Человека на том или ином уровне, на понимании понятий в их причастности к определенному уровню и попытки избежать перепрыгивания с уровня на уровень и замещения одних понятий другими, что нередко вносит недоразумения среди ученых и некорректное толкование философских текстов. Так, например, когда речь идет об объекте, то всем понятно по контексту наличие субъекта и возможность отношений между ними. Однако возникают вопросы и недоразумения в случаях, когда, например, речь идет о действительной свободе личности и мудрости наряду с такими понятиями, как удовольствие или чувствования. Поэтому не всегда наблюдается адекватность понимания того, что они несут в себе характер далеко не физиологических ощущений и желаний, хотя термины и применяются по аналогии. И если одни термины возможно переносить из одной сферы в силу подобности процессов на сходные явления в другой, особенно качественно высшей, сфере при отсутствии разработанных соответствующих слов для различных уровней проявлений и смыслов, то существуют некоторые термины, приобретающие понятийный оттенок на протяжении веков в теориях различных философских течений и направлений. На самом деле, все эти слова отнюдь не входят в противоречие между собой из-за разнообразия в действительности существующих смыслов, а иногда даже существенных оттенков проявления одного явления, если только попробовать придать им стройную систематизацию и упорядочить для облегчения понимания и философствования.

Все это мы пытались учесть и изложить, представив для наглядности определенную схематизацию, что смогло бы в дальнейшем привлечь должное внимание, стать опорой для многих исследований и разработок, а возможно, и возражений и доработок. Стоит отметить для придирчивого критика, что мы изложили лишь краткие обоснования выбранных понятий на основании более широкого исследовательского материала, изложенного в других работах. А также хотелось бы акцентировать внимание на том, что, поднимаясь на более высо-

кий уровень организации человеческой природы, нельзя отбрасывать свойства предшествующего уровня. Необходимо избегать таких известных парадоксов и нелепостей, когда мудрецом считают человека, который не уделяет своему телу должного внимания и ничего не имеет в качестве материальной ценности. Автор убежден, что настоящий мудрец – это с первого взгляда простой человек, который пользуется необходимыми вещами в быту, как и каждый из нас: «Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот, но все же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом нет. Но раз уж мы очутились в таком положении, было бы, пожалуй, целесообразно выполнить нашу задачу подобающим образом» (Платон. Законы. Кн. VII. 803b). Мудрец – это также и человек, вполне разбирающийся в современной науке и многим интересующийся. Познавая мир, как и каждый из нас, он, однако, не забывает, что есть нечто высшее и более важное, что наука не дает истину в последней инстанции. «Хоть занятия эти (изучения языков, истории, математики, геометрии и т. д. – *Примеч. автора*) хороши для упражнения остроты душевного ока, но упорствовать в них до старости дурно. Хорошо, если, по мере поупражнявшись, человек направляет старания на величайшие и непреходящие предметы» [6].

Отметим, что некоторые указанные понятия в достаточной мере разработаны в различных философских концепциях и нуждаются лишь в некоторых сведениях и уточнениях в заданном контексте. Другие же термины еще только подлежат разработке. Также проблематика Любви содержит наиболее дискуссионный момент и является центральным вопросом исследовательской работы автора этой статьи. Поэтому, учитывая все вышесказанное, в результате проведенной исследовательской и научной работы автор предлагает общему вниманию структурированную таблицу тесно связанных философских понятий. Хотелось бы привлечь внимание к существующим терминологическим и смысловым проблемам и призвать к диалогу ученых для приведения в порядок основных моментов философствования не только на терминологическом и понятийном уровне, но и с целью достижения сущностного понимания и дальнейшей разработки всех предложенных в этой схеме идей разным направлениям и отраслям знаний. Представленная таблица предусматривает возможность своего расширения и уточнения, а также последовательной детализации, разработки и обоснования.

Онтологическое триединство человека в его проявлениях

Человек Основные понятия	Личность	Индивидуальность	Индивид
Уровни существования	Дух	Душа	Тело
Деятельность сознания	Понимание	Рефлексия	Информирование
Уровень познания	Онтологический	Гносеологический	Эмпирический
Результат познавательной деятельности	Мудрость	Знание	Мнение
Опыт	Личностный, мистический	Внутренний	Внешний, чувственный
Инаковость	Ты	Объект	Вещи, явления
Связь с другим	Нераздельная неслиянность, Взаимосвязь	Отношение	Взаимодействие
Свобода	Свобода в ее действительности	Возможность (Свобода выбора)	Случайность
Система знаний	«Первая философия» (метафизика)	Наука	Умение
Социальный статус	Мудрец, лидер	Интеллектуал, ученый	Рядовой гражданин
Способ бытия	Жить, Быть	Знать, Уметь	Иметь
Модус человеческого бытия	Сын	Работник, наемник	Раб
Уровни Любви	Эрос, Агапе, Каритас	Филе, Сторге, Прагма – рассудочная любовь	Влечение (Людус), Страсть (Мания)
...			

Обратим внимание на то, что человек не делится четко на три предложенных компонента, поэтому невозможно по определению выделить в нем любой из уровней, четко их разграничить и проанализировать. Все они существуют в столь тесном переплетении, что

никто не способен показать, что вот здесь кончается одно, а начинается другое. Это абсолютно неразделимое триединство по своей природе трех отличных сущностей.

Жизнь проявляется неожиданным образом и способом, каждая личность неповторима, в каждой личности склонности, предпочтения и возможности разные, иногда до крайности. Однако, как бы мы в силу необходимости абстрагирования для исследования не акцентировали на присущих тому или иному уровню свойствах, человек всегда живет и должен жить всем этим богатством, дарованным ему от природы. Поэтому крайне глупо концентрироваться в реальной жизни на чем-то одном, какими бы полезными и привлекательными ни выглядели перспективы. Ведь только в своей целостности и гармоничном сочетании свойств человека ему открыт весь спектр возможностей и само бытие в своем всеединстве. Поэтому одинаково неразумным является как пренебрежение высшим уровнем – духовностью, так и неуважение к нижележащему – телесности.

Утопическими всегда оказывались попытки мыслителей сосредоточить внимание и бросить все силы только на развитие одного из уровней. Секрет в том, что все должно развиваться равномерно, каждый сегмент вносит свою лепту в развитие и на благо целого. Ущемить что-то одно – значит лишиться целое поступления достаточного количества пищи, необходимой ему для развития и полноты жизни. Никогда отдельно взятый человек не сможет жить исключительно одним уровнем, да и не нужно этого. Если бы Творцом нам была предписана двухуровневость или, скажем, пятиуровневость, тогда бы мы жили ими, ничего не дополняя и не ограничивая. Хотя трудно не согласиться, что в нашем многообразном мире все же людям свойственно находиться большую часть времени в одном, выбранном ими, состоянии, или им труднодоступен определенный бытийный уровень, или в силу тех или иных причин они предпочитают не вспоминать о существовании других планов собственного бытия и сущности. Однако автор убежден, что даже в своих крайних проявлениях человек, по какой-то причине существующий только на одном уровне, все же не способен совершенно отключить другие уровни до наступления смерти. Потому оно и триединство уровней, потому что они продолжают взаимодействовать и даже развиваться в своей целостности и единстве друг с другом, вот только в некоторых случаях в неосознанном, замедленном и даже анабиозном состоянии, ощутимо уменьшая при этом результативность жизни и проявление прекрасной, гармоничной и зрелой личности.

Как уже отмечалось, западноевропейская философия переняла дуальность человека «душа-тело», начиная от разделения христианской церкви, последовав латиноязычной традиции, из-за чего уровень духа и сегодня зачастую остается вне ее философствования. Поэтому закономерно, как можно проследить, приоритетным здесь становится уровень науки, знания, субъект-объектного отношения, интеллектуальных сил, другими словами – познания как господствующей философской теории, эталона и ориентира для всех других философских отраслей. «Мнение это особенно укрепилось в истории философии после Канта, так что не раз высказывалась мысль, что где нет теории познания, там нет и философии. Конечно, никто не станет ныне отрицать первостепенное значение теории познания для философии, – и действительно вся новая философия на Западе движется под этим знаком. Однако придавать теории познания такое решающее значение для установления того, что входит и что не входит в область философии, никак нельзя. Достаточно напомнить о двух гениях, стоящих на пороге новой философии на Западе – Дж. Бруно и Я. Беме, – чтобы признать, что не одной наличностью теории познания удостоверяется философский характер мысли. Иногда, на место теории познания выдвигается метафизика, как необходимая и обязательная часть философии – и все же и ей нельзя приписать такого решающего значения. У философии не один, а несколько корней, и все ее своеобразие именно этим и определяется. Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [7]. Насколько точно проиллюстрирован и прописан В. Зеньковским характер, отраженный в таблице, сравнение западной и восточной философии, а также замечание о том, что ошибочным будет желание абстрагироваться и ограничиться одним каким-то уровнем.

Ощутимые тенденции пренебрежения метафизикой в западной философии ограничивают для этого типа философствования возможность подняться до уровня слияния субъекта и объекта во внешнем личностном опыте, до преодоления их расчленения, к Единству, онтологически предшествующему субъект-объектной категоризации. Такое единство обуславливает наиболее достоверный способ познания, непосредственность схватывания сущностей и от-

крытость перед личностью истины. Это все тот же известный древним грекам дельфийский принцип «познай самого себя» – и ты познаешь Вселенную, это принцип подобия и единства микро- и макрокосма. Единство это таково, что определенные теории как точки зрения не могут развести знание и опыт, а другие пытаются их развести до полного отрицания опыта, как такового. Однако знания, воплощенные или касающиеся жизни, – это и есть живой опыт с одной стороны, а с другой – опыт есть осмысленное поведение и деятельность всех бытийных уровней человека, пропущенные через сознание, тем самым внутренне обогащающие человека. Поэтому можно сказать, что опыт всегда индивидуален, личностен, но тем не менее определенным образом в процессе своего накопления обогащающий знание целого, того Единого, частью чего всегда остается Человек. Более того, если у Канта в субъект-объектном пространстве опыт совпадает со знанием, то в онтологическом измерении, когда для человека «быть» значит «жить», личностный опыт совпадает с самой жизнью. Потому что на онтологическом уровне для личности в ее постижении истины важно не «знать», а единственным бытийным статусом, в полной мере позволяющим реализовать себя и познать истинный мир и себя в нем, – есть именно это трудноопределимое, но всем понятное слово «жить».

Стоит заметить, что в представленную структуру не вписано такое неотъемлемое от темы понятие, как Сознание человека. Это сделано намеренно по той причине, что указать ему четкое место невозможно, поскольку сознание единственное, неделимое и подвижное, и именно благодаря этому оно обеспечивает активацию того или иного уровня, связь между ними и взаимообмен. Особенность в том, что сознание не может находиться на двух уровнях одновременно, а его переход нередко отнимает время и много усилий. Однако углубление в понимание причин этого процесса подключит еще ряд важных философских понятий – таких, как свобода, благо, истина, интуиция и т. д. Стоит только помнить, что изложенные в таблице понятия триединства человека создают неделимую кружевную целостность, каждое понятие непосредственно связано одно с другим, влияя друг на друга и перетекая друг в друга, обеспечивая тем самым взаимодействие с целостностью внешнего мира как подобие своего внутреннего мира. А благодаря неповторимым свойствам сознания на определенных этапах или в определенные моменты один уровень так или иначе начинает доминировать или просто активизируется, предоставляя тем самым пищу для других уровней, а определенное явление действительности, взаимодействуя с человеком, возвращается к нам определенным понятием внутренней действительности и, вращаясь, влияет на целое. Следовательно, учитывая возможность расширения предложенной таблицы понятиями, начиная от фундаментальных философских и до специфических отраслевых наук, считаем необходимым в предлагаемой работе ограничиться изложенным перечнем приведенной таблицы, оставляя место творческим идеям читателей этой работы.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что со второй половины XX в. необходимость всесторонних объединяющих исследований человека и фундаментальных теоретических разработок, учитывающих достижения различных отраслей знаний, заставляет начать таким образом для решения актуальных проблем современности вырабатывать качественно новое видение, новые подходы, искать новые возможности и расширять горизонты на сферы, которые до этого не учитывались, а иногда и сознательно отвергались. Таким образом, онтологическое видение человека в его целостности, а также единстве с миром, в возможности сочетания в себе противоположностей и антагонизмов, становится актуальным и необходимым для решения не только философских вопросов, но и практических проблем различных сфер жизни (правовой, медицинской, социальной и т. д.).

Примечания

1. Цит. по: *Св. Григорий Палама*. Триады в защиту священно-безмолвствующих / пер., послесл. и коммент. В. В. Бибизина. СПб.: Наука, 2004. С. 44.
2. Там же. С. 45.
3. Там же. С. 50.
4. Цит. по: *Зізілуас Йоан*. Буття як спілкування. Дослідження особистісності і Церкви / пер. з англ.; Передмова Йоана Меєндорфа. Киев: Дух і літера, 2005. С. 33.
5. Цит. по: *Чорноморець Ю. П.* Основні категорії патристичної метафізики // Мультиверсум. Філософський альманах. Киев: Центр духовної культури. 2004. № 42. С. 36–47.
6. Цит. по: *Св. Григорий Палама*. Указ. соч. С. 14.
7. Цит. по: *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Т. 1. Париж, 1989. С. 15.

Notes

1. Quoted by: *St. Gregory Palama*. Triadyi v zaschitu svyaschenno-bezmolvstvuyuschih [Triads in defense of sacred-silent] / transl., afterword and comments. V.V. Bibizina. St. Petersburg: Nauka. 2004. P. 44.
2. Ibid. P. 45.
3. Ibid. P. 50.
4. Quoted by: *Зізілуас Йоан*. Буття як спілкування. Дослідження особистісності і Церкви / transl. from English: Perednova Ioan Meendorfa. Kiev: Дух і літера. 2005. P. 33. (in Ukr.)
5. Quoted by: *Чорноморець Ю. П.* Основні категорії патристичної метафізики // Мультиверсум. Філософський альманах. Київ: Центр духовної культури. 2004. № 42. Рр. 36-47. (In Ukr.)
6. Quoted by: *St. Gregory Palama*. Op. cit. P. 14.
7. Quoted by: *Zenkovsky V. V.* Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]: in 2 vol. Vol 1. Paris. 1989. P. 15.

УДК 111.7:1(091)

А. П. Корякина

Проблема подлинности: от экзистенциализма к медиафилософии

Статья посвящена изучению проблемы подлинности во временных рамках с периода расцвета экзистенциализма до появления медиафилософии. К нашему времени проблема подлинности превратилась в ведущую проблему медиаэпохи, так как она тесно связана с феноменом виртуализации. В итоге к изучению данной проблемы подключилась медиафилософия, предметом которой является медиареальность. Проблеме подлинности посвящено огромное количество исследований, но она все еще далека от окончательного разрешения. Данная проблема постоянно развивается и ставит перед нами новые вопросы, на которые нельзя не отвечать: разрешение проблемы подлинности – важное условие бытия человека.

The article is devoted to the studying the problem of authenticity in time frame from the period of prosperity of existentialism to the emergence of media-philosophy. By today, the problem of authenticity has turned into the leading problem of media-epoch, because it is closely connected with the phenomenon of virtualization. As a result, media-philosophy (the subject of which is media-reality) has joined the studying the given problem. An enormous number of investigations are devoted to the problem of authenticity, but it is still far from the final solution. This problem constantly develops and raises new questions before us, and we can't help answering them: the solution of the problem of authenticity is the important condition of Man's Being.

Ключевые слова: виртуализация, медиареальность, медиафилософия, медиаэпоха, подлинность, постмодернизм, проблема субъекта, симуляция, экзистенциализм.

Keywords: virtualization, media-reality, media-philosophy, media-epoch, authenticity, postmodernism, the problem of the subject, simulation, existentialism.

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» – говорится в известной пословице. Действительно, на протяжении веков человек постоянно менялся, но его проблемы не исчезали полностью, а трансформировались в соответствии с этими изменениями. Одним из самых важных вопросов, над которыми человек размышлял с самых древних времен, был и остается вопрос, связанный с подлинностью, которую необходимо понимать в самом широком смысле: это и подлинность мира, как такового, и подлинность личности, и подлинность знания, в этот ряд можно также отнести проблему разграничения патологического и непатологического сознания, ставшую особенно актуальной в XX в. И как бы человек ни менялся, он всегда пытался понять, что в его бытии является истинным, а что ложным, что действительно существует, а что есть лишь иллюзия. Именно поэтому проблема подлинности была актуальна всегда, причем не только в рамках западной философии. Но даже если ограничить сферу рассмотрения данного вопроса именно западной философией, то будет заметно, что эта проблема вызывала огромный интерес еще со времен Античности.

В наши дни проблема подлинности не просто не утратила своей остроты, но и стала ведущей проблемой медиаэпохи, зараженной вирусом симуляции. Особое внимание нужно

обратить на вопрос подлинности и целостности личности, подвергающейся виртуализации, так как именно симулированная личность становится источником дальнейшего «заражения» социального пространства.

В качестве одного из примеров этого здесь можно привести следующую модель поведения человека в Сети: придумывая и продумывая свой образ в виртуальном пространстве, он тем самым пересоздает свою реальную личность по образу и подобию данного виртуального персонажа, часто совсем этого не осознавая, что приводит к необратимым последствиям. Имеет место и такое явление: некоторые черты реальной личности отделяются от нее самой и друг от друга, становясь несколькими «самостоятельными» виртуальными персонажами, в некоторых случаях даже ведущими между собой беседу, что опять же рано или поздно начинает влиять на реальную личность. Иногда подобная игра с двойниками затягивает настолько сильно, что приводит к потере целостности личности, ее расщеплению. Нужно отметить, что подобному процессу виртуализации в итоге подлежит не только человеческая личность, но через нее и информация, которая в некоторых случаях становится угрозой, сама по себе являясь нейтральной. Со всем этим тесно связан и вопрос знания, которое в данных условиях может выступать инструментом симуляции и манипулирования.

Современное рассмотрение проблемы подлинности, как было отмечено выше, тесно связано именно с проблемой бытия личности, на чем был сделан акцент еще в философии экзистенциализма. Именно экзистенциализм заставил обратить внимание на самого человека, на то, что он по самой своей сути является чем-то большим, чем просто вещь. М. Хайдеггер говорит по этому поводу так: «Сущее, существующее способом экзистенции, это человек. Только человек экзистирует. <...> Предложение “Человек экзистирует” означает: человек есть то сущее, чье бытие отмечено открытым стоянием внутри непотаенности бытия, отличительно благодаря бытию, отличено в бытии» [1].

Подлинность бытия не является чем-то раз и навсегда данным, тем, что не исчезнет ни при каких условиях: она, наоборот, очень хрупка, нужны усилия, чтобы удержаться внутри просвета бытия, не выпасть из этой непотаенности. Чаще же всего происходит выпадение из Dasein в состояние Man – состояние анонимного и косного существования, где властвуют безличные силы, которые могут поглотить без остатка. Это и есть сфера неподлинного существования. Но экзистенциализм оставляет человеку возможность достичь подлинности: бытие может открыть себя человеку в собственном языке. Главное – суметь прочесть этот шифр. Язык бытия составляют экзистенциалы или экзистенциальные модусы бытия: ужас, тоска, любовь, забота, страх, – с помощью их и говорит бытие с человеком. Именно в эти моменты бытие открывает себя человеку и он снова становится собой, обретая подлинность своего бытия. Только здесь есть место свободе, свободному осуществлению одного из своих проектов. Необходимо также отметить, что человек, кроме всего прочего, может быть определен как бытие-к-смерти, с чем тесно связан вопрос экзистенциального Ужаса перед Ничто. Именно в момент этого Ужаса бытие ощутимо наиболее сильно и ярко. Здесь свобода обретает всю свою полноту, и человек становится волен выбрать и осуществить любой из своих проектов.

Экзистенциализм прекрасно удовлетворял требованиям своего времени, которое при этом не стояло на месте. Вскоре человек столкнулся с новыми трудностями, которые уже не могли быть разрешены в рамках экзистенциальной философии, где неподлинное существование, так или иначе, было связано в первую очередь с проблемами массового общества, диктатом толпы, функционированием тоталитарных режимов, анонимностью Man, а также с нежеланием и неумением людей брать на себя ответственность за свою жизнь. При этом у человека, как уже было сказано, оставалась возможность преодолеть косное состояние неподлинности через экзистенциалы, а также через встречу с Ничто, которая могла произойти в любой момент и, возможно, навсегда изменить жизнь. Но где-то с середины XX в. начинают появляться феномены, которые уже никак не вписываются в экзистенциалистскую парадигму. Начинает складываться новая парадигма – постмодернистская.

Одним из первых феноменов новой парадигмы стал феномен мифологизации, подробно рассмотренный Р. Бартом в «Мифологиях», где он отмечает: «...Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» [2]. Уже одно это предложение указывает на важное свойство современного мифа – его тотальность. Также у мифа есть еще одно не менее важное свойство – он упрощает объект, делает его схематичным: «...Он отменяет

сложность человеческих поступков, дарует им эссенциальную простоту, упраздняет всякую диалектику» [3]. Миф может поглотить любой объект: все, что каким-то образом затронул процесс мифологизации, перестает быть самим собой в подлинном смысле. Какая-то часть этого объекта, конечно, остается подлинной, потому что любой миф, в том числе и современный, не может существовать без реальной основы, но эта часть начинает сжиматься до таких крохотных размеров, что становится очень трудно ее обнаружить, даже занимаясь этим специально, не говоря уже о мимолетном взгляде на объект. Таким образом, мифологизировать можно что угодно: любое явление, событие, личность. Именно поэтому современные мифы так тесно связаны с манипулированием. Но феноменом мифологизации новая парадигма не исчерпала себя, это было только начало.

XX век – век бурно развивающихся технологий. Человек долго верил в то, что развитие техники поможет достичь благоденствия, счастья и покоя, но оказалось, что именно оно и привело в итоге к новому витку неподлинности, вышедшей на кардинально иной уровень. Бурное развитие технологий вызвало к жизни совершенно новые феномены, связанные с проблемой подлинности. В первую очередь, здесь необходимо сказать о процессах виртуализации, которые, слившись с механизмами мифологизации, быстро завоевали все социальное пространство, ставшее пространством симулированным. Так появилась гиперреальность – еще один важный для понимания новой эпохи феномен.

Гиперреальность – сверхреальность, в которой реальное становится настолько реальным и объемным, что полностью утрачивает себя и становится уже совершенно нереальным: сказочным, фантастическим. В гиперреальности не существует объектов, она состоит из симулякров, которые уже не зависят ни от чего и ни от кого, обретая самостоятельное и не подчиняющееся разумному контролю существование. Это можно проиллюстрировать следующим образом: так как исчезает любая референция, то, например, бренд прекращает быть знаком, относящимся к реальности, он становится самостоятельно существующим феноменом, связанным только с другими такими же феноменами, которые принципиально от него не отличаются. Apple, D&G, Dior, – все это симулякры, самостоятельно существующие в гиперреальности, они имеют своих ненавистников и поклонников, по их поводу могут происходить настоящие баталии, но к товару это не имеет уже никакого отношения. Любовь, ненависть и споры вызываются не объектом, а только одним лишь названием, которое само по себе становится источником вышеобозначенных чувств: причем это название не обязательно даже произносить, потому что достаточно просто увидеть на экране монитора его схематичное изображение. Ж. Бодрийяр пишет: «Речь идет уже ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального... <...> Отныне гиперреальное очищено от воображаемого и от каких-либо различий между реальным и воображаемым, оставляя место лишь орбитальному самовоспроизведению моделей и симулированному порождению различий» [4]. Нет реальности, нет объектов, нет никаких различий, есть только гиперреальность симулированного пространства и порождающие сами себя симулякры, не подчиняющиеся никаким правилам и сливающиеся в некую единую массу. Виртуализация – это и есть процесс превращения изначальной реальности в гиперреальность, объекта – в симулякр, различий – в нераздельную слитность.

Необходимо задать вопрос: почему же человек так быстро вошел в эту игру, не попытавшись ничего противопоставить ей? Немалую роль здесь, конечно, сыграла упомянутая выше вера в процветание, которая заставила человека покорно ожидать положительных результатов от технологического развития, но этого недостаточно для ответа на данный вопрос. Симулированное пространство не подчиняется рационализации, человек не может применить рацию, находясь в его рамках: он сам становится симулякром, и на правах симулякра полностью сливается с ним. Тем самым человек не только удовлетворяет свое любопытство, свой интерес по отношению к чему-то новому, который невозможно преодолеть, но и получает настоящее удовольствие от самой этой неподлинности. Получается, что игра с процессами виртуализации приносит удовлетворение, от которого человек уже не в силах отказаться. Именно в этом, думается, и состоит причина того, что человек не сопротивлялся и не сопротивляется виртуализации.

Но почему же это произошло? Человек очень сильно изменился под влиянием новых технологий. В эпоху расцвета экзистенциализма условия существования были иными, и когда изменились условия, то изменился и сам человек. Постмодернистская эпоха принесла с

собой виртуализацию, гиперреальность и симулякры, она сделала основным правилом бесконечное копирование, клонирование, схематизацию и упрощение, она перевела принцип анонимности с полюса «минус», на котором он находился в экзистенциализме, на полюс «плюс»: анонимность с какого-то момента перестала рассматриваться как отказ от свободы и закабаление состоянием Map, она стала пониматься как основное условие избавления от ограничений и правил. То, что это является ошибкой, об этом будет сказано позднее. Свобода в рамках постмодернистской парадигмы стала связываться не только с анонимностью, но и с разрушением единой структуры, которая стала олицетворять диктат и жесткие рамки, мешающие человеку жить. Из-за нагромождения постоянно растущего количества знаков встреча с Ничто стала затруднена, гиперреальность поглотила Ужас.

Вследствие данных процессов на определенном этапе начал складываться новый тип человека – человек-текст, который не может и не умеет функционировать вне границ медиапространства. И если в рамках постмодернистской парадигмы избавление от единой структуры еще только провозглашалось, а принципы деконструкции Текста использовались сознательно и с определенной целью, то человек-текст перестает даже понимать, что такое деконструкция, так как он сам деконструирован, лишен основы, центра. Такой человек просто функционирует в гиперреальности, не задумываясь ни о чем, принимая все происходящее как нечто естественное. В своей статье «The Death of Postmodernism And Beyond» А. Кирби подробно рассматривает этот тип человека, вводя при этом новое понятие – псевдомодернизм, или пост-постмодернизм, которое, по его мнению, идеально подходит для обозначения парадигмы, идущей на смену парадигме постмодернистской. Одним из самых важных признаков того, что приходит время новой парадигмы, А. Кирби считает именно неспособность человека-текста воспринимать Великий Нарратив в принципе [5]. Также к признакам наступления новой эпохи можно отнести нарастание важности интерактивности, дающей ложное ощущение свободы действия, и иллюзию отсутствия границ в рамках медиапространства. К этому также необходимо добавить, что новая эпоха не просто прячет Ничто в колоссальном количестве знаков, но и превращает возможную встречу с ним в некую игру по принципу игры компьютерной: человек, привыкший возрождаться каждый раз после смерти в медиапространстве (блокировка аккаунта, потеря всех жизней в игре), становится неспособным ощутить Ужас перед Ничто в экзистенциалистском понимании, так как подобному опыту взяться, можно сказать, неоткуда.

Интерактивность, несомненно, приносит ощущение участия в разнообразных процессах, но на самом деле она осуществляется только в определенных границах, за которые выйти невозможно, поэтому речи о свободе в принципиальном смысле здесь идти не может. А. Кирби пишет: «...Зритель или слушатель заходит – пишет часть программы – затем уходит, возвращаясь к пассивной роли» [6]. Можно сделать вывод, что интерактивность – это совсем и не активность, а симулякр, явившийся результатом виртуализации активности, как таковой. В этом месте можно привести пару иллюстраций: например, играя в on-line игру, мы в любом случае будем оставаться в рамках определенных правил, которые изменить не можем, а наигравшись, мы просто покидаем игру, но ничего нового в нее не вносим. Получается, что наша «активность» не является активностью в подлинном смысле. Еще один пример про границы в медиапространстве: существует много популярных сервисов, где можно создать своего собственного персонажа, придать ему свои черты, нарядить в одежду, похожую на свою, но при всем этом набор инструментов будет четко ограниченным, выскочить за пределы правил сервиса невозможно, то есть создать своего двойника можно только с помощью довольно небольшого количества средств. Персонаж, конечно, будет похож на нас, мы можем выставить его в социальных сетях как выражение нас самих, но отражать он будет только какую-то определенную часть нас, что является еще одним конкретным примером симуляции, с которой сталкивался каждый. Даже в этом простом примере проявляется «ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад тонкого, злонамеренного, неуловимого искажения смысла» [7].

Но если действительно пришло время новой эпохи, то какая философская система сможет адекватно отразить и осмыслить все явления и процессы, характерные для нее?

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что нужна философская система, исходящая из новых принципов, так как в наши дни необходимо учитывать диктат медиареальности, вне которой человек уже не представим. В последние годы на это место

претендует так называемая медиафилософия, исследующая медиареальность, ее сущность и принципы функционирования. В. В. Савчук – один из главных идеологов медиафилософии в России – говорит об итоге философского осмысления медиа так: «...Это не мы пользуемся медиа, а медиа – нами...» [8]. В статье «Неизбежность медиафилософии» он разворачивает этот тезис: «Нужно осознать, что медиареальность – реальность всех, а не для всех. Самоуспокоительной иллюзией является убеждение о нашей находимости вне её. Вывод: медиа не вне нас, медиа внутри нас» [9]. И действительно, пришла пора, когда можно сказать о том, что медиа перестали быть просто средством для достижения каких-либо целей, медиа стали первичными по отношению к человеку. Именно эту проблему нужно поставить в центр исследований, чтобы понять, что за этим скрывается, и к чему все это может в итоге привести.

Конечно, взгляды на медиафилософию разделяются: кто-то относит ее к академическим дисциплинам, кто-то не относит, но в любом случае главный тезис медиафилософии принимается и той, и другой стороной: медиа делают возможным нечто новое, они творят некую новую реальность, которая включает в себя и особое восприятие, и особое мышление, способные эту реальность отразить [10]. В рамках медиафилософии мышление современного человека рассматривается как феномен, полностью зависимый от медиа, что открывает новые грани рассмотрения проблемы подлинности. Например, М. С. Контрера, исследуя данный вопрос в статье «Медиафера и кризис чувства», говорит о том, что медиафера постепенно разрастается внутри Ноосферы, подобно опухоли, тем самым нарушая всевозможные балансы внутри нее. О сокрытии подлинности в этих условиях М. С. Контрера говорит так: «...Воображаемое, внушенное медиа, оказывает влияние и трансформирует культурное воображаемое, это движение лежит в основании того, что Бодрийяр в разное время представлял как триумф симулякра над любой формой идеи реальности» [11]. Действительно, все, что пропущено через медиа, становится иным, и это применимо к чему угодно, включая самовосприятие: человек, «подкорректировавший» свой образ в Сети, неминуемо изменяется и сам, становясь при этом симулякром.

В статье «Медиафера и кризис чувства» М. С. Контрера также говорит о крахе последнего оплота идеалов Просвещения – идее информационного общества, которое на деле оказалось совсем не тем, о чем мечталось. Медиареальность привела не к доступности информации для каждого, кто хочет ею обладать, а к воплощению тезиса: «Максимум производства, минимум чувств» [12], а также к тому, что информация стала поглощать смыслы, о чем говорит Ж. Бодрийяр: «...Там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное» [13].

В итоге все проблемы, порожденные медиареальностью, сводятся к одному серьезному вопросу: может ли в данных социокультурных условиях существовать полноценный субъект? Но субъект тесно связан с подлинностью, которая в наши дни перекрыта функционированием медиа. Что же в таком случае находится сейчас на том месте, где должен находиться субъект? В. В. Савчук предлагает собственный ответ на данный вопрос: по его мнению, человек в медиареальности становится коммуникантом – чем-то безликим и неспособным к сопричастности. Коммуникант сливается со средствами коммуникации, верит, что медиа – единственный путь к свободе, страдает от недостатка информации, становящейся настоящим наркотиком, и существует по принципу: «Сообщать, значит, быть» [14]. Таким образом, человек прекращает даже претендовать на место субъекта, полностью удовлетворившись ролью коммуниканта. А занимает это место некий медиасубъект – симулированный двойник субъекта, как такового, который является, по большому счету, всего лишь усредненной совокупностью коммуникантов.

И все же, несмотря на все то, о чем было сказано выше, до сих пор не потеряла актуальности фраза Ж. Бодрийяра: «Другой – это то, что позволяет мне не повторяться до бесконечности» [15]. Именно в столкновении с Другим, которое может произойти даже в рамках медиапространства, мы лучше понимаем сами себя, так как чуждость Другого заставляет нас выйти из процесса симуляции. Правда, сразу же стоит отметить, что подобные столкновения становятся очень редкими, так как вязкость гиперреальности все больше стирает индивидуальные различия, превращая нас в безликих коммуникантов, следящих за количеством «like» под своей записью.

В качестве вывода можно еще раз сделать акцент на том, что, несмотря на то, что проблема подлинности волновала человека с самых давних пор, она не потеряла своей значимости, а, наоборот, стала одной из самых актуальных философских проблем современности. В наши дни процессы разрастания неподлинного все более распространяются и ускоряются вследствие действия феномена виртуализации, которой подлежит не только человеческая личность, но и информация, становящаяся в некоторых случаях настоящей угрозой. Проблема подлинности совершает в своем развитии все новые и новые витки, тем самым ставя перед нами новые вопросы. Точно сказать можно одно: данную проблему нельзя обойти стороной, так как установление того, что является подлинным, а что нет – важное условие бытия человека, как такового.

Примечания

1. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 32.
2. Барт Р. Мифологии. М.: «Изд-во им. Сабашниковых», 2000. С. 233.
3. Там же. С. 270.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 09.04.2014).
5. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond / The Magazine «Philosophy Now», Issue 58, Nov/Dec 2006. URL: http://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения 09.04.2014).
6. Там же.
7. Бодрийяр Ж. Указ. соч.
8. Савчук В. В. Медиареальность. Медиасубъект. Медиафилософия. URL: http://www.slideshare.net/ramakaa/ss4570185?fb_action_ids=581899778572658&fb_action_types=og.likes&fb_source=feed_opengraph&action_object_map=%7B%22581899778572658%22%3A411561532957%7D&action_type_map=%7B%22581899778572658%22%3A%22og.likes%22%7D&action_ref_map=%5B%5D (дата обращения 09.04.2014).
9. Савчук В. В. Неизбежность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения 09.04.2014).
10. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?». URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (дата обращения 09.04.2014).
11. Контрера М. С. Медиасфера и кризис чувства. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/contrera_mediasfera/ (дата обращения 09.04.2014).
12. Там же.
13. Бодрийяр Ж. Указ. соч.
14. Савчук В. В. Коммуникант – эпифеномен коммуникации. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_communicant/ (дата обращения: 09.04.2014).
15. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ», 2009. С. 257.

Notes

1. Heidegger M. Vvedenie k: «Chto takoe metafizika?» [Introduction to "What is Metaphysics?"] / *Vremya i bytie – Being and Time*. Moscow: Respublika. 1993. P. 32.
2. Barthes R. Mifologii [Mythologies]. Moscow: "Publ. in the name of Sabashnikovs ". 2000. P. 233.
3. Ibid. P. 270.
4. Baudrillard J. Simulyakryi i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Available at: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (date accessed: 04/09/2014). (in Russ.)
5. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond / The Magazine «Philosophy Now», Issue 58, Nov / Dec 2006. Available at: http://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (date accessed 09/04/2014).
6. Ibid.
7. Baudrillard J. Op.cit.
8. Savchuk V. V. Mediarealnost. Mediasub'ekt. Mediafilosofiya [Mediareality. Mediasubject. Mediaphilosophy]. Available at: http://www.slideshare.net/ramakaa/ss4570185?fb_action_ids=581899778572658&fb_action_types=og.likes&fb_source=feed_opengraph&action_object_map=%7B%22581899778572658%22%3A411561532957%7D&action_type_map=%7B%22581899778572658%22%3A%22og.likes%22%7D&action_ref_map=%5B%5D (date accessed 04/09/2014). (in Russ.)
9. Savchuk V. V. [Inevitability of mediaphilosophy]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitabilit/ (date accessed 09/04/2014). (in Russ.)
10. Vizing L. Shest otvetov na vopros «Chto takoe mediafilosofiya?» [Six answers to the question "What is mediaphilosophy?"]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (date accessed 04/09/2014). (in Russ.)

11. *Kontrera M. S.* Mediasfera i krizis chuvstva [Mediasphere and crisis of feelings]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/contrera_mediasfera/ (date accessed 04/09/2014). (in Russ.)
12. Ibid.
13. *Baudrillard J.* Op. cit.
14. *Savchuk V. V.* Kommunikant – epifenomen kommunikatsii [Communicant – epiphenomenon of communication]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_communicant/ (date of access: 04.09.2014). (in Russ.)
15. *Baudrillard J.* Prozhnost zla [Transparency of evil]. Moscow: "Dobrosvet", "DCD" Publ.". 2009. P. 257.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.4/.5)

М. С. Судовиков

1914 год в истории Вятско-Камского региона

В статье рассказывается о событиях, происходивших на территории Вятской губернии, в год начала Первой мировой войны. Автор касается вопросов социально-экономического развития региона, мобилизаций, обращается внимание на реакцию населения на военные события, на изменения в хозяйственной жизни губернии. Особо отмечается, что 1914 год стал временем открытия Вятского учительского института.

The article describes the events took place on the territory of the Vyatka province in the first year of World War I. The author studies the issues of social and economic development, mobilization, characterizes reaction of the population to military events and changes of provincial economic life. Emphasizes that 1914 became the year of establishment of Vyatka Teachers' Institute.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вятская губерния, патриотический подъем, мобилизации, благотворительность, открытие госпиталей, губернатор А. Г. Чернявский.

Keywords: World War I, Vyatka province, patriotic enthusiasm, mobilization, charity, founding of hospitals, Governor A. G. Chernyavskiy.

1914 год стал временем начала глобального конфликта – Первой мировой войны. В российской провинции в тот период происходили существенные изменения в общественно-политической и экономической жизни, что обуславливалось общей ситуацией в стране. Местное население одной из восточных губерний – Вятской – с реалиями военного времени столкнулось во многих его проявлениях.

Что же представляла собой Вятская губерния в 1914 году? Прежде всего это был обширный по территории регион, включавший 11 уездов с 12 городами (Вятка, Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Уржум, Яранск, Царевосанчурск) и имевший многочисленное население. В тот период в губернии проживали 3 791 678 человек, в основном – сельские жители (доля городского населения составляла лишь 4,1%). На тысячу жителей приходились 972 крестьянина, 17 мещан, пять представителей духовенства, трое дворян и чиновников, два купца и почетных гражданина и прочих сословий – один человек [1].

Небезынтересно, что в 1914 году Вятская губерния характеризовалась сравнительно высокой рождаемостью: в тот год родились 197980 чел., из них мальчиков – 101386 чел. Рождаемость в губернии составляла 5,1% к общему числу жителей региона, смертность – 3,3% [2].

Население здесь оставалось многонациональным с преобладанием русских, удмуртов, марийцев, татар и в основном – православное (95,3%), мусульмане составляли 4,3%, иудеи – 0,03%, католики – 0,02%, протестанты – 0,01% [3]. Большие поселения удмуртов, марийцев и татар были сосредоточены на юго-востоке губернии – в Глазовском, Елабужском, Малмыжском, Сарапульском, Уржумском и Яранском уездах.

В экономическом отношении Вятская губерния являлась аграрным регионом. Доля промышленного населения составляла в ней чуть более пяти процентов, в торговле был занят один процент жителей губернии. В начале XX в. шел процесс ее экономической модернизации, связанный с появлением новых торгово-промышленных объединений, включая акционерные общества, ростом банковских учреждений, увеличением объема выпуска промышленной продукции, ростом числа рабочих, развитием транспортной инфраструктуры [4].

Изменения коснулись и других сфер. Летом 1914 г. в Вятку был назначен новый губернатор – Андрей Гаврилович Чернявский, дворянин, служивший много лет на Кавказе (был Тифлисским вице-губернатором, а затем – губернатором) и имевший высокие государственные награды. В управление Вятской губернией он вступил накануне Первой мировой войны – 11 июля, и, надо отметить, в лице Андрея Гавриловича губерния приобрела весьма деятельного и неравнодушного к ее нуждам руководителя.

Тогда же, видя недостаток в педагогических кадрах в огромной по территории и числу населения губернии, министерство народного просвещения принимает решение об открытии в Вятке учительского института – днем его рождения стало 1 июля 1914 г. Созданный по инициативе земских и городских органов самоуправления институт приступил к работе в сложное время, но, несмотря на это, работа в нем была организована на высоком уровне, в чем видится немалая заслуга первого директора института А. М. фон-Вилькена. Прием в институт совпал с началом Первой мировой войны.

Известие о начале войны вызвало громадный патриотический подъем местного населения. Уже в день объявления Высочайшего манифеста о войне с Германией, 20 июля 1914 г., поздним вечером в Вятке прошла «грандиозная манифестация» с национальными флагами, с портретами царя, с криками «ура», с оркестром, игравшим гимн «Боже, царя храни». Число манифестантов, проследовавших от Александровского сада к дому губернатора, насчитывалось до 5 тыс. человек. Губернатор А. Г. Чернявский вышел к собравшимся и поприветствовал их яркой патриотической речью, вызвавшей крики «ура». Современник свидетельствовал: «Такого воодушевления и энтузиазма вятская публика не видала давно. Люди различных сословий, партий и состояний слились в дружном единении, готовые кровью своей защищать дорогую Родину...» [5]

Через два дня, 22 июля, патриотическая манифестация повторилась вновь, «еще в большем масштабе». Жители города несли русские, французские, английские и сербские флаги, вновь играл оркестр. В этот раз манифестанты пошли к казармам 193-го пехотного Свияжского полка, квартировавшего в Вятке. По прибытии к казармам жители города устроили «шумную овацию» военным и вместе неоднократно исполнили гимн. Патриотическая манифестация закончилась около 4 часов утра.

А через пять дней, 27 июля, в Вятке состоялась «третья и грандиознейшая из всех манифестация». Она началась в 12 часов дня после литургии в Успенском соборе Трифонова монастыря. Жители города с портретами императора и наследника престола, с национальными флагами и флагами союзных государств направились сначала к Кафедральной площади, затем двинулись по Московской улице, свернули на Владимирскую и подошли к губернаторскому дому. Манифестантов поприветствовал А. Г. Чернявский, сказавший слова, которые никого не оставили равнодушными: «Держитесь стойко и помните, что герои бывают не только на войне. Жертвуйте, чем можете... Спасите Родину – вот наш пароль...» [6] После речи губернатора раздалось оглушительное «ура», собравшиеся исполнили гимн и восклицали «Да здравствует Государь», «Да здравствует русская армия», «Да здравствует вятский губернатор».

Затем манифестанты пошли по городу, останавливаясь у тех домов, где размещались военные. По дороге собравшиеся провозглашали здравицы в честь государя императора, кричали «Да здравствует Франция!», «Да здравствует Англия!», «Да здравствует Сербия!», «Долой Германию!», «Долой Австрию!», качали военных на руках. Шествие завершилось на Кафедральной площади. Вятский полицмейстер констатировал: «Порядок всюду был образцовый, о поддержании коего заботилась сама публика» [7]. Подобный патриотический подъем наблюдался и в уездных городах губернии.

Начало войны коренным образом меняло течение всей жизни Вятско-Камского региона. Из газет местные жители узнали, что «Высочайшим указом от 24 сего июля Вятская губерния объявлена на положении чрезвычайной охраны», а губернатор получал права «главноначальствующего» [8]. О том, что требовалось в новых условиях от населения, А. Г. Чернявский разъяснил в своих «обязательных постановлениях».

По постановлению от 25 июля 1914 г. в губернии устанавливался особый порядок учета населения, вводились запреты на ношение оружия, на «сходбища и собрания», на «пение революционных песен» и призывы к забастовкам, на распространение «ложных и возбуждающих общественную тревогу сведений» и т. д. [9] Владельцы домов обязывались немед-

ленно сообщать в полицию «о всех чрезвычайных происшествиях и о подозрительных в домах сходбищах», нельзя было появляться «в публичных местах и помещениях в заметно для окружающих нетрезвом виде, нарушающем благопристойность». В губернаторском постановлении говорилось и о санкциях к виновным – они могли в административном порядке заключаться в тюрьму на три месяца, или подвергаться аресту на тот же срок, или – штрафу до трех тысяч рублей [10]. В этот же день А. Г. Чернявский подписал «обязательное постановление», по которому запрещалось «искусственное, недобросовестное поднятие цен на предметы необходимого потребления» [11].

Постановление от 3 августа 1914 г. было посвящено вопросу об употреблении и хранении крепких напитков. Отныне запрещалось их распитие «на улицах, дорогах, площадях», «в помещениях крестьянского общественного управления»; в свою очередь, запрещалось «хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем потребности лиц, населяющих эти помещения» [12].

6 августа губернатор подписал «обязательное постановление», которое ставило вне закона деятельность, направленную на подрыв авторитета России и ее союзников: «Кто из лиц, проживающих в Вятской губернии, позволит себе вызывающее отношение к России и союзным, воюющим с Германией и Австрией, государствам, подвергается в административном порядке заключению...» [13]

Жестким по содержанию было «объявление главноначальствующего» от 12 сентября 1914 г. А. Г. Чернявский предупреждал, что военному суду в условиях «положения чрезвычайной охраны» подлежат и «лица гражданского ведомства». Назывались виды преступлений, которые служили основанием для этого, – «за бунт против Верховной власти и государственную измену», «за устройство стачек на железных дорогах и в таких предприятиях, прекращение или приостановление деятельности коих угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия...», «за умышленный поджог или иное умышленное истребление, либо приведение в негодность предметов воинского снаряжения и вооружения... а также запасов продовольствия и фуража, а равно за умышленный поджог присутственных мест и селений», «за умышленное истребление или важное повреждение водопроводов, мостов, плотов... колодцев, дорог, бродов... переправы...», «за восстание против установленных правительством властей и вооруженное сопротивление им...», «за убийство или покушение на убийство должностных лиц...» и т. д. [14]

Еще одной стороной военного времени стали мобилизации в армию, проводившиеся в губернии с июля 1914 г. Первые (июльские) мобилизации охватили пять уездов – Вятский, Глазовский, Слободской, Котельничский и Орловский, откуда было призвано в общей сложности 44778 человек. Это были нижние чины запаса армии и флота и ратники ополчения первого разряда. Из мобилизованных было сформировано 15 пеших дружин и две саперные полуроты [15].

Затем в сентябре 1914 г. началась мобилизация нижних чинов запаса и в других уездах (в Нолинском, Уржумском, Яранском, Малмыжском, Елабужском, Сарапульском), а ратников ополчения первого разряда призвали вновь из Котельничского и Орловского уездов. Всего тогда было призвано 47813 человек [16].

Сохранились известия о том, как проводились мобилизации. В Нолинском уезде мобилизация началась с 16 сентября. Проводы в армию проходили «с площади» города Нолинска, где присутствовали местное начальство, деятели местного самоуправления, духовенство с иконами, многочисленная публика. Совершались молебны, звучали напутственные речи, мобилизованные окроплялись святой водой и получали «прощальные подарки». Представители земства и городского самоуправления «при содействии дам местного городского дамского кружка» выдавали нижним чинам шейные крестики, булki и наборы с чаем, сахаром, платком, мылом, табаком, спичками [17].

В ноябре 1914 г. ратники ополчения вновь призывались из Котельничского, Орловского, Нолинского, Уржумского, Яранского, Малмыжского, Елабужского, Сарапульского уездов (призвано 13156 чел.) [18]. В декабре 1914 г. – январе 1915 г. ратники ополчения призывались уже со всей губернии (призвано 21632 чел.) [19].

В армию были мобилизованы офицеры ополчения: в вятские дружины и полуроты были определены 57 офицеров. Осуществлялся и призыв новобранцев. Призыву подлежали также врачи, ветеринары, фармацевты, приписанные к ополчению первого разряда. По са-

мым приблизительным подсчетам, в первые месяцы войны из Вятской губернии были призваны в армию более 120 тысяч человек.

Согласно Высочайшим указам, население Вятской губернии обязывалось поставить в войска лошадей, повозки и упряжь. По одной только ноябрьской мобилизации 1914 г. в армию было поставлено 8733 лошади [20]. Кроме того, при мобилизации в 1914 г. в армию отправлялись и автомобили: из Вятки – купеческого сына Викентия Петровича Вахрушева, из Елабуги – потомственных почетных граждан Григория Ивановича Стахеева, Алексея Ивановича Стахеева, Леонида Леонидовича Щербакова и дворянина Мухамет Аскар Алиевича Шейх-Али, из Сарапула – инженера путей сообщения Василия Захаровича Красовского, купца Петра Андреевича Башенина, а также – машины Общества железной дороги Казань – Екатеринбург, Общества Московско-Казанской железной дороги. Все машины были отправлены в Петроград в распоряжение командира автомобильной роты. В середине октября 1914 г. сформированную автомобильную роту, уходившую на фронт, на Дворцовой площади осматривал лично император.

С началом Первой мировой войны в Вятской губернии было расквартировано немалое число воинских частей. В губернском центре размещались 193-й пехотный Свияжский полк, 106-й пехотный запасный батальон, 333-й Глазовский батальон, пешие вятские ополченческие дружины, 119-й пехотный запасный батальон, 50-я бригада государственного ополчения, 5-й и 6-й Сибирские стрелковые полки, 8-я конная сотня Оренбургского казачьего войска, 17-я конная полусотня, 576-я пешая Пермская ополченческая дружина и др. (всего, по некоторым подсчетам, 21 армейское подразделение). Местом квартирования военных стали и города Слободской, Орлов, Глазов, Елабуга, Нолинск, Яранск, Котельнич, Малмыж [21]. Ввиду нехватки свободных помещений воинские формирования занимали здания заводов, полицейских частей, народных домов, гимназий, училищ и школ, ресторанов и трактиров, лавок, частных домов.

В 1914 г. большие перемены произошли в промышленности губернии. По свидетельству современников, война для вятских предприятий имела «совершенно противоположные последствия: в то время как одни из них развили энергичную и даже лихорадочную деятельность, другие, наоборот, испытали серьезные затруднения или даже настоящие потрясения» [22].

Естественным явлением было увеличение производительности на казенных оружейном Ижевском и железоделательном Воткинском заводах Вятской губернии. В 1914 г. на Воткинском заводе был открыт снарядный цех. «В заводах даже не стало безработных», – отмечалось в отчетах [23]. Большие заказы на изготовление солдатских сапог, амунических вещей и полушубков от Военного ведомства получали кожевенные и овчинно-шубные производства губернии. Оживление наблюдалось на булочных, бараночных и кондитерских производствах.

В то же время из-за призыва в армию наблюдалось снижение добычи железных руд на востоке губернии, в частности на рудниках Омутнинского и Песковского заводов, принадлежавших акционерному обществу Северных заводов наследников Н. П. Пастухова, сокращалось производство в винокуренной и пивоваренной промышленности. Несмотря на то, что в Вятской губернии работали 17 винокуренных заводов и их производство равнялось миллионным суммам, в связи с мобилизацией, с 30 июля 1914 г., торговля вином была прекращена во всех казенных лавках губернии, с лавок снимались даже вывески [24]. В октябре губернатор повсеместно запретил торговлю пивом, включая клубы и рестораны первого разряда. В новых условиях полиция решительно боролась с приготовлением домашних горячительных напитков – кумышки, бражки, кислушки и т. п., а бывшие винные склады были заняты под госпитали.

В связи с войной убытки поначалу понесли и скорняжные заведения, то есть предприятия, занимавшиеся выделкой мехов. Дело в том, что основным покупателем изделий из вятского меха была Германия, в частности Лейпцигская фирма. С началом войны экономические связи с ней были прерваны, но к концу 1914 г. положение стало меняться «благодаря большому спросу на белку в Лондоне», и скорняжное производство стало набирать обороты, превзойдя в скором времени прежний уровень [25].

Для промышленности Вятской губернии в годы Первой мировой войны были характерны и общие явления, это недостаток рабочих рук вследствие мобилизаций и наращива-

ния производства в некоторых отраслях промышленности; увеличение использования на предприятиях труда женщин, подростков и малолетних; введение сверхурочных работ.

В 1914 г. в Вятской губернии развернулась масштабная благотворительная деятельность. Война объединила всё население: «Жертвовали все... без различия политических убеждений, сословий, национальностей и вероисповеданий» [26]. На нужды армии крестьяне сдавали хлеб и помогали в уборке урожая односельчанам, оставшимся без мужских рук; купцы содержали на свой счет койки в лазаретах и отправляли на фронт большие партии предметов первой необходимости; служащие правительственных, общественных и частных учреждений, педагоги, рабочие делали отчисления от своих зарплат; учащиеся учебных заведений собирали подарки для отбывающих на войну, дарили их раненым, лечившимся в местных лазаретах, шили белье и теплую одежду, вязали шарфы, жители городов и сел несли теплую одежду, белье, табак, мыло, сухари, чай, сахар и т. д.

В губернии шли благотворительные спектакли, устраивались патриотические концерты, в церквях и в различных учреждениях стояли кружки для сбора пожертвований. Многогранной была деятельность местного Общества Красного Креста. Для раненых Общество устраивало госпитали и лазареты, был снаряжен и отправлен в действующую армию подвижной лазарет на 50 кроватей и полевой госпиталь на 200 кроватей (располагался в г. Пскове), организован санитарный поезд. Весомой была помощь и губернского земства, оказывавшего поддержку крестьянам мобилизованных местностей. Вятское земство и городские самоуправления вступили соответственно во Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов, и по этой линии занимались открытием в губернии госпиталей. Общие расходы одного только губернского земства на военные нужды в 1914 г. составили весьма солидную сумму – свыше 400 тысяч рублей [27].

17 августа 1914 г. в Вятке прошло первое организационное собрание «Общества помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных на мобилизацию 1914 г., а также семьям нижних чинов, состоящих на действительной военной службе» [28]. Уже в первый день существования общества в него записались более 370 человек. От имени общества отправлялись телеграммы со словами поддержки союзникам – на имя президента Франции, короля Англии, короля Бельгии, короля Сербии.

У этого общества много заслуг: им организовывались благотворительные учреждения – были открыты приют для детей-сирот на сто человек, временный вятский комитет попечительства об охране материнства и младенчества, отдел комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий, устроен приют-ясли на 30 чел.; выдавались пособия семьям призванных на войну. Одним из его детищ стал Дом инвалидов и сирот Великой войны – первый в России по времени основания, торжественно открытый 20 мая 1915 г. Это учреждение взял под свое покровительство Николай II.

Здания для благотворительных заведений часто тоже являлись своеобразным актом пожертвования. Так, Вятский женский монастырь безвозмездно передал для приюта-яслей одно из своих помещений; известный купец-благотворитель Т. Ф. Булычев для Дома инвалидов и сирот продал свой роскошный особняк на ул. Николаевской г. Вятки за треть стоимости, солидные пожертвования на устройство этого благотворительного учреждения поступили и от купцов Лаптевых, Долгушиных, Клобуковых, Зоновых и др. В день открытия Дома отмечалось: «Отзывчивые к горю, чуткие к нуждам армии вятичи не пожалели больших денег и подарили своим увечным героям, своим обездоленным войною сиротам самое лучшее свое здание. В этом красивом дворце прекрасно, с роскошью оборудованы все покои, кухня, прачечная, баня и проч.» [29]

Приметой времени явились и печальные известия, получаемые с фронта. На службу в армию был призван купеческий сын Николай Александрович Тырышкин, окончивший Петербургский университет и до войны служивший в столице помощником присяжного поверенного. Прапорщик Тырышкин участвовал в двух боях и был «убит разрывной пулей при контратаке на батарею, которую он сам ранее взял» [30]. За геройский поступок – взятие батареи – его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. 12 сентября 1914 г. во Владимирской церкви г. Вятки в присутствии губернатора и родных была отслужена по нему панихида.

В 1914 г. Вятская губерния стала местом высылки немцев и австрийцев. Судя по источникам, «в губернию водворено было до 8000 австрийских и германских подданных призыв-

ного возраста и более трех тыс. военнопленных» [31]. Местами их размещения в тот период стали губернский центр, а также уездные города Глазов, Елабуга, Нолинск, Слободской. Согласно «обязательному постановлению» губернатора от 5 августа 1914 г., военнопленным запрещалось «собираться в группы как на улицах, так и в домах» [32]. Постановление от 27 сентября того же года запрещало военнопленным «пользоваться чужим адресом для получения корреспонденции», а местным жителям запрещалось «давать свой адрес с целью передачи корреспонденции, посылаемой военнопленным» [33].

Война накладывала свой отпечаток практически на все сферы повседневной жизни регионального общества. В Вятской губернии, а особенно в городах, как указывается в документах, «значительно вздорожала» жизнь [34]. Повысились цены на все предметы первой необходимости и на квартиры. Вместе с тем снижалась преступность, что было связано с введением в губернии «положения чрезвычайной охраны», закрытием винных и пивных лавок, твердой политикой А. Г. Чернявского по пресечению правонарушений, общим подъемом патриотических чувств. Росло число жителей, приходящих на исповедь и ко Святому Причащению. «...В населении возросло благочестие и религиозное чувство. Храмы в праздники и воскресные дни стали полны молящимися, в церквях усердно покупаются и ставятся свечи, служатся молебны; вообще народ ищет удовлетворения и утешения в общественной молитве», – писал современник [35].

Война побуждала вятчан больше обращаться к чтению. Малмыжский уездный исправник отмечал, что «к числу новых явлений в крестьянской жизни, вызванных войной, следует отнести появившийся среди населения в широких размерах интерес к ходу военных событий, вследствие чего явилось стремление к чтению газет и журналов, выписка которых как на средства крестьянских обществ, так и на средства отдельных лиц в селах и деревнях значительно увеличилась» [36]. Крестьяне получали также от губернских властей бесплатные бюллетени, которые позволяли узнать новые известия о войне.

Интересные сообщения о событиях Первой мировой войны связаны и с Вятским учительским институтом. Учебный день в институте начинался с утренней молитвы. В круг утренних молитв тогда были включены молитвы «о спасении Христолюбивых воинов, на брани подвигающихся, и воинов народов, в союзе с нами сущих» и «о упокоении душ Христолюбивых воинов, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших». Дух времени передает и поступок ученика первого класса городского училища, состоявшего при учительском институте. Он решил сбежать из дома на войну, но молодого человека успели задержать на вокзале и вернули в родительский дом [37].

Таковы были общие черты развития Вятской губернии в первый год испытаний мировой войной. Регион проявил себя порывом патриотических настроений, в целом слаженной работой местных властей и масштабной благотворительной деятельностью.

Примечания

1. Обзор Вятской губернии за 1914 год: приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1915. С. 45–46.
2. Там же. С. 46.
3. Там же. С. 45–46.
4. Вятский край на рубеже тысячелетий: история и современность: историко-статистический сборник. Киров, 2002. С. 60–63; Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009. С. 157–190.
5. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 15 об.
6. Там же. Л. 17.
7. Там же. Л. 18.
8. Вятские губернские ведомости. 1914. № 60. 26 июля; Первоначально «положение чрезвычайной охраны» вводилось по 4 сентября 1914 г., затем оно было продлено.
9. Вятские губернские ведомости. 1914. 26 июля.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. 4 авг.
13. Там же. 8 авг.
14. Там же. 13 сент.
15. Обзор Вятской губернии за 1914 год... С. 78–82.
16. Там же. С. 83–84.

17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–1 об.
18. Обзор Вятской губернии за 1914 год... С. 84–85.
19. Там же. С. 85.
20. Там же. С. 84.
21. Там же. С. 90–95.
22. Там же. С. 31.
23. Там же. С. 33.
24. Там же. С. 63–70.
25. Там же. С. 32.
26. Там же. С. 140.
27. Там же. С. 149.
28. Вятское общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г., а также и семьям нижних чинов, состоящих на действительной военной службе // Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 год. Вятка, 1915. Отд. III. С. 48–65.
29. Дом инвалидов и сирот Великой войны 1914–1915 годов, устроенный Вятским Обществом помощи семьям запасных. Вятка, 1915. С. 25.
30. Вятская речь. 1914. 12 сент.; Там же. 16 сент.
31. Обзор Вятской губернии за 1914 год... С. 45.
32. Вятские губернские ведомости. 1914. 8 авг.
33. Там же. 1 окт.
34. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 956. Л. 1 об.
35. Обзор Вятской губернии за 1914 год... С. 110.
36. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 967. Л. 63.
37. Обзор Вятской губернии за 1914 год... С. 159.

Notes

1. *Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god: prilozhenie k vsepoddanneysheму otchetu vyatskogo gubernatora* [Overview of the Vyatka province for 1914: Appendix to humbly report Vyatkian governor]. Vyatka, 1915, pp. 45-46.
2. *Ibid.* P. 46.
3. *Ibid.* Pp. 45-46.
4. *Vyatskiy kray na rubezhe tysyacheletiy: istoriya i sovremennost: istoriko-statisticheskiy sbornik* [Vyatka region of the Millennium: Past and Present: Historical and statistical collection]. Kirov, 2002, pp. 60-63; *Sudovikov M.S. Kupecheskoe soslovie Vyatsko-Kamskogo regiona v konce XVIII – nachale XX veka* [Merchant class Vyatka-Kama region in the late XVIII – early XX century]. Kirov, 2009, pp. 157-190.
5. State Archive of Kirov Region (GAKO). F. 170. Op. 2 D.73. Sh. 15 turn.
6. *Ibid.* Sh. 17.
7. *Ibid.* Sh. 18.
8. *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka Provincial Gazette*. 1914, № 60, July 26; Initially, the "situation of emergency protection" was introduced on September 4, 1914, then it was extended.
9. *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka Provincial Gazette*. 1914, 26 July.
10. *Ibid.*
11. *Ibid.*
12. *Ibid.* August 4.
13. *Ibid.* August 8.
14. *Ibid.* Sep 13.
15. *Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god...* [Overview of the Vyatka province for 1914 ...] Pp. 78-82.
16. *Ibid.* Pp. 83-84.
17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Ш. 1-1 turn.
18. *Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god...* [Overview of the Vyatka province for 1914 ...] Pp. 84-85.
19. *Ibid.* P. 85.
20. *Ibid.* P. 84.
21. *Ibid.* Pp. 90-95.
22. *Ibid.* P. 31.
23. *Ibid.* P. 33.
24. *Ibid.* Pp. 63-70.
25. *Ibid.* P. 32.
26. *Ibid.* P. 140.
27. *Ibid.* P. 149.

28. Vyatskoe obschestvo pomoschi semyam zapasnyh nizhnih chinov i ratnikov opolcheniya Vyatskoy gubernii, prizvannyh v mobilizaciu 1914 g., a takzhe i semyam nizhnih chinov, sostoyaschih na deystvitelnoy voennoy sluzhbe [Vyatka community of assistance to families of the lower ranks and militiamen of Vyatka province, aimed at the mobilization of 1914, as well as the families of the lower ranks, in active military service] // Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar Vyatskoy gubernii na 1915 god – Memorial book and address-calendar of Vyatka province in 1915. Vyatka, 1915, Dep. III, pp. 48-65.

29. Dom invalidov i sirot Velikoy voyny 1914–1915 godov, ustroenny Vyatskim Obschestvom pomoschi semyam zapasnyh [House of disabled and orphans of the Great War 1914-1915, arranged by Vyatka community of assistance to families of the reserved]. Vyatka, 1915, pp. 25.

30. Vyatskaya rech – Vyatka speech. 1914, Sep 12; Ibid. Sep 16.

31. Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god... [Overview of the Vyatka province for 1914 ...] P. 45.

32. Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka Provincial Gazette. 1914 August 8.

33. Ibid. October 1.

34. GAKO. F. 574. Op. 2. D. 956. Sh. 1 turn.

35. Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god... [Overview of the Vyatka province for 1914 ...] P. 110.

36. GAKO. F. 574, Op. 2. D. 967. Sh. 63.

37. Obzor Vyatskoy gubernii za 1914 god... [Overview of the Vyatka province for 1914 ...] P. 159.

УДК 94(470.342) “1917”

В. И. Бакулин

Реакция вятского крестьянства на военную политику Временного правительства

Статья посвящена анализу влияния Первой мировой войны на восприятие вятским крестьянством военной политики Временного правительства. В ней рассматриваются различные причины эволюции общественных настроений. Автор выявляет значение фактора крестьянской ментальности на ход событий. Выделяются местные особенности этого процесса. Автор делает вывод о том, что постепенно крестьянская оценка правительственной политики менялась.

The article is devoted to analyzing influence of the I World war upon Vyatka peasants perception of Temporary government, s military policy. It dwells upon different reasons of evolution social moods. The author defines the importance of peasant mentality factor upon affair going. The local features of this process are identified. The author makes the conclusion that the in course of time the peasants estimate of government policy changed.

Ключевые слова: мировая война, правительственная политика, настроения крестьянства, эволюция, ментальность.

Keywords: World war, government policy, peasant's moods, evolution, mentality.

К моменту падения монархии в России вятское крестьянство в массе своей уже два с половиной года терпеливо и почти безропотно претерпевало тяготы военного лихолетья. Малограмотная деревня первых десятилетий XX в. создала и сохранила минимум письменных источников, что делает весьма затруднительным анализ всего спектра царивших в сельской глубинке настроений. Касается это не только периода, предшествовавшего февральскому политическому перевороту, но и событий, с ним непосредственно связанных. Если нашедший свое отражение в самых разных – личных и документальных – свидетельствах взрыв эмоций городского населения в конце февраля – начале марта 1917 г. не оставляет сомнений по поводу преобладавшего тогда позитивного, порой переходящего в ликование восприятия горожанами приходивших из столицы новостей, то реакция деревни на падение династии Романовых остается не до конца проясненной. В самых общих чертах можно лишь утверждать, что она была не столь бурной и восторженной.

Революция не могла не наложить свой отпечаток на отношение вятчан к продолжавшейся мировой войне и соответствующей политике теперь уже нового правительства. Она

разбудила и стала довольно активно втягивать в политическую жизнь жителей не только губернского центра и уездных городов, но и сельской глубинки. Даже там она несколько увеличила массив письменных свидетельств как о событиях тех дней, недель и месяцев, так и о мыслях людских. Но в большинстве своем эти письменные источники (типично – так называемые приговоры общинных и волостных сходов, в большинстве своем составляемые партийной интеллигенцией) были не крестьянского происхождения и потому требуют весьма критического подхода к их содержанию. О рождаемом на стыке официальной пропаганды, социальной реальности и крестьянской ментальности восприятию военной политики Временного правительства России все же следует судить в первую очередь и главным образом по конкретному поведению вятских земледельцев, а о градусе их действительного, а не показушно-словесного патриотизма – по степени готовности исполнять повинности в жизненно важных для государства сферах. К числу последних, безусловно, относились снабжение армии и городов продовольствием по установленным властями правилам и пополнение вооруженных сил империи новобранцами, добросовестно несущими воинскую службу.

Предреволюционную продовольственную ситуацию в регионе вряд ли можно назвать вполне благополучной. По свидетельству выступавшего с докладом на проходившем в середине марта в Вятке губернском продовольственном съезде агронома Юдинцева, государственные задания по заготовкам зерновых на период 1915 – начала 1917 г. губерния выполнила только на 58% по овсу (при плане 12 млн пуд.) и на 22% по ржи [1]. Понятно, что в решающей степени результативность работы заготовительных органов зависела от желания (или нежелания) земледельцев делиться с государством результатами своего труда. Между тем документально зафиксированы попытки части местных крестьян оказывать (причем не только пассивное) сопротивление принудительным заготовкам хлеба и скота методом реквизиций [2]. Да и сама необходимость прибегать к реквизициям говорит о многом. Не обошло стороной дореволюционную вятскую деревню и такое явление, как дезертирство из действующей армии.

Воздействие революции на общую обстановку и настроения в вятской деревне оказалось неоднозначным. По крайней мере, до середины 1917 г. значительная часть крестьянства воспринимала войну как неизбежное зло, с которым надо мириться, проявляя при этом способность к самопожертвованию. В этой среде находила отклик озвучиваемая агитаторами и пропагандистами пришедших в феврале к власти партий кадетов, эсеров, энесов, меньшевиков мысль о необходимости защищать от внешних врагов уже не монархическую, а революционную Россию. Дополнительной сдачей хлеба (сверх планового задания) решили в марте 1917 г. поддержать новую власть и действующую армию Вожгальская и Куменская волости Вятского уезда [3]. В начале июня община деревни Сарды Уржумского уезда пожертвовала на армию весь свой страховой, хранимый на «черный день», фонд зерна в количестве около 760 пудов [4].

В апреле участники схода волостного центра, села Савалей Малмыжского уезда в возвышенных тонах (стиль документа не оставляет сомнений в принадлежности составителя к партийной интеллигенции), восславив Временное правительство, в том числе за его желание «довести войну до победного конца», обязались всецело поддерживать новую власть и исполнять ее распоряжения. В числе прочего подписанты принятой резолюции (в количестве 15 человек) обещали возвращать в армию дезертиров [5]. 5 мая жители деревни Дерюшево того же уезда приняли решение записаться в безраздельно контролируемый эсерами и энесами Крестьянский союз. В числе преследуемых этим шагом целей была названа и следующая: «Всеми мерами содействовать ведению войны, так как только полная победа над врагом может обеспечить свободу и счастье народа и избавить его от оков самодержавного режима». В те же дни делегаты проходившего в селе Богородском крестьянского съезда Котельничского уезда (в количестве 400 человек из пяти волостей) постановили: солдат, бежавших из армии, «считать врагами народа и свободы». При этом все участники форума дружно вступили в Крестьянский союз [6], быстро становившийся самой массовой общественной организацией региона.

Но уже в первые недели существования нового политического режима обозначилась и прямо противоположная тенденция в настроениях вятской деревни. Так, в конце марта администрацией Нолинского уезда были отмечены находившие определенный отклик у части деревенского населения призывы солдат-дезертиров отказываться от выполнения заданий

хлебной разверстки, не платить налоги и громить торговые лавки [7]. К середине лета картина приобрела еще более пестрый вид, с тенденцией к нарастанию антивоенных и антиправительственных настроений (те и другие были между собой тесно связаны). Все реже отмечались факты типа нижеследующего. В июне в деревеньке Елькино Рождественской волости Уржумского уезда собрание жителей постановило доверять и подчиняться Временному правительству и создать фонд добровольных пожертвований на нужды армии. Более типичные события произошли в это время в селе Косолапово того же уезда, где во время волостного схода крестьяне, протестовавшие против введения государственной хлебной монополии, избили работников волостной продовольственной управы, регистраторов сельскохозяйственной переписи и учинили «некоторое насилие» над посланцами городского Совета РСД Кочетковым и Рыськовым [8].

23 июня солдаты входившего в вятский гарнизон 106-го запасного полка, как и вся русская армия состоявшего не менее чем на три четверти из крестьянских сыновей, на своем митинге в загородном саду впервые приняли большевистскую антивоенную резолюцию. В ней осуждалось начатое Временным правительством наступление на фронты («кровь на фронте льется за захватные интересы... капиталистов») и содержалось требование перехода власти в руки Советов [9]. Ярким проявлением и недвусмысленным подтверждением факта усиления антивоенных настроений в летний период можно считать и широкомасштабное бегство солдат из воинских частей. Во время облавы, проведенной в Турекской волости Уржумского уезда в августе 1917 г., только в одной из деревень были обнаружены 57 дезертиров [10]. Уже в июле – августе отмечены случаи отказов солдат стоявших в губернии тыловых воинских частей выполнять приказы командиров, острые конфликты между рядовыми и офицерским составом [11].

С конца лета – начала осени 1917 г. ситуация резко изменилась в худшую сторону. Разложение воинских частей сопровождалось ростом криминалитета в солдатской среде. В конце сентября губернский комиссар в телеграмме Главному управлению милиции МВД сделал категорическое обобщение: «Надежных солдат в гарнизоне нет» [12]. Набиравшая силу солдатская вольница все чаще переплеталась с нараставшим крестьянским самоуправством и в осенние месяцы – на фоне полного паралича властей всех уровней – окончательно обрушила губернию в пучину анархии [13]. Из огромного количества ее проявлений остановимся лишь на одном выразительном примере. В один из дней ноября в Уржумском уезде состоялось совместное заседание Конганурского волостного земства, земской управы и волостного Совета крестьянских депутатов. Оно было прервано появившейся толпой численностью до 400 человек и состоявшей преимущественно из солдат. Толпа разгромила волостную продовольственную управу, разогнав охрану, и учинила самосуд над ее членами, волостными милиционерами и «учительским персоналом» (обычно представлявшим в сельской глубинке партийную интеллигенцию умеренно социалистической окраски. – В. Б.) Часть избитых членов управы оставили в ее же помещении под усиленной вооруженной охраной [14].

Вятская губерния в этом смысле не являлась исключением. Не на много лучше обстояли дела и в соседней Пермской губернии, комиссар которой Б. А. Турчевич докладывал в сентябре министру внутренних дел А. М. Никитину об остром недовольстве граждан продовольственными органами, «не пользующимися абсолютно никакой популярностью в населении» [15]. Более того, противостояние деревенского населения и продовольственных органов еще летом 1917 г. приобрело всероссийский характер. На заседании Временного правительства 21 августа ответственный за эту сферу государственного управления министр А. В. Пешехонов признал состояние продовольственного дела в стране критическим «вследствие отказа населения продавать нужный для армии и городов хлеб» [16]. 12 сентября «Крестьянская газета» поместила на своих страницах распоряжение правительства о повышении твердых закупочных цен на зерно, где, в частности, говорилось: «Дело продовольствия армии и страны находится в чрезвычайно тяжелом состоянии. Запасы, которыми располагает правительство, непрерывно уменьшаются. Города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, хотя в стране его достаточно» [17].

Справедливость этих слов подтверждается как данными статистики, так и свидетельствами различных военных и гражданских деятелей. Так, пару месяцев спустя уржумский комиссар Временного правительства переслал в Вятку телеграмму, полученную им от командующего Западным фронтом, генерала от инфантерии Балужева, который обращался со

страстным призывом «ко всем русским людям» спасти действующую армию от наступающего голода. В телеграмме говорилось: «Братоубийственное междуусобие, раздирающее и без того истрадавшуюся нашу Родину, стремительно подвигает ужасающее бедствие полного истощения запасов хлеба и фуража на вверенном мне Западном фронте. Вследствие слабой поставки на местах, медленной погрузки и расстройств железнодорожного движения армии фронта за последние два месяца получают лишь четверть того, что полагается. Бывшие запасы иссякнут на днях, и армию ожидает голод» [18].

Необходимый для армии и городов хлеб, вместо государственных закромов, растекался по иным каналам. На нем хорошо наживались спекулянты. Местная пресса сообщала: продовольственное дело в Яранском уезде не налаживается. В продовольственных управах хлебных запасов нет. Между тем хлеб по высоким ценам 9–10 рублей за пуд вывозится за пределы уезда в соседние Костромскую и Нижегородскую губернии [19]. Житель Просницкой волости Вятского уезда Малиновский в письме в редакцию газеты четко обозначил еще одну дыру в хлебном бюджете региона: «Кумышковарение... начинает принимать грандиозные размеры». Справедливость этого наблюдения подтверждал в своем рапорте начальник милиции Глазовского уезда: в Унинской волости, где местная администрация в нарушение государственной хлебной монополии, встав на сторону крестьян, поощряет частную закупку и продажу хлеба, «процветает кумышковарение, народ спивается, озверел и идут призывы к погромам торговцев». Малиновский, явно путая следствие с причиной, объяснял подобное безобразие «отсутствием каких-либо мер к его прекращению» [20]. На самом деле проблема заключалась в утаивании хлеба крестьянскими хозяйствами, в то время как для преодоления этого массового саботажа власти, как местные, так и центральные, не располагали ни реальными силами, ни достаточным авторитетом.

Шанс обрести то и другое как и надежную социальную базу под ногами давал решительный отказ правительства от продолжения военных действий, немедленный вывод России из Первой мировой войны. Однако намертво прикованные к колеснице Антанты правительственные кадеты (наиболее западнически настроенная политическая партия Российской империи) были на это явно не способны. Что же касается следовавших в их кильватере умеренных социалистов, то они, не имея внятной собственной позиции по вопросу войны и мира, оказывались в трагикомическом положении, озвучивая по этому поводу лишние какой-либо внутренней логики тезисы. Это касалось как столичных штабов умеренно социалистических партий [21], так и их губернских отделений, воспроизводивших агитационно-пропагандистские установки своих лидеров.

6–9 июня 1917 г. в Вятке проходил губернский крестьянский съезд, в работе которого принимали участие и гости из других регионов. В принятой по докладу неонародника А. В. Ковалева «Об отношении к войне» резолюции съезда говорилось: господствующие классы явно не могут и не хотят «потушить мировой пожар, ими самими зажженный». Поэтому «в задачу момента трудового народа (входит. – В. Б.) всемерное содействие скорейшему окончанию войны без аннексий...». При этом народу следует оборонять Отечество, бороться с дезертирством, воссоздать и сохранить армию в боеспособном виде, «чтобы тем самым иметь возможность в любой момент заставить принудить силою оружия к заключению мира те государства, которые продолжают стремиться к войне до поражения и порабощения народов» [22]. Подобные же тезисы, дополненные обращенными к крестьянам призывами приносить в жертву воюющей державе личные интересы и потребности, звучали на уездных съездах [23], на волостных и общинных сходах.

Есть смысл несколько подробнее остановиться на той аргументации, с помощью которой задававшие на съезде тон эсеры и энесы навязывали делегатам данную резолюцию. В докладе Ковалева признавалось, что идеальным вариантом окончания мировой войны стал бы отказ всех участвующих в ней народов от продолжения вооруженного противоборства. Однако он на данном этапе практически нереализуем, поскольку «Россия истечет кровью, если, скрестив руки, будет ждать на свой призыв отклика австро-германских народов». Тем более недопустим сепаратный мир, – демагогически утверждал докладчик, – ибо он несет стране «позор, экономическое и политическое рабство и возможность гибели России как национального целого». Кратчайшим путем к миру, – резюмировал он, – является «восстановление военной мощи России, ибо только вооруженная рука может побудить... воинствующую Германию принять мир без захватов и дани». Соответственно А. В. Ковалев решительно осу-

ждал антивоенную агитацию, братание на фронтах, дезертирство и выражал уверенность в том, что «организованное крестьянство вооруженной рукой будет защищать новую Россию» от посягательств извне [24].

Эти рассуждения пронизаны странной, не подтверждаемой реальными фактами уверенностью, что российское правительство, господствующая элита, вместе с правящими кругами прочих стран Антанты, стремятся именно к демократическому (без аннексий и контрибуций, с признанием права наций на самоопределение) миру, а единственным препятствием к нему выступает германо-австрийский блок, который следует принудить к такому замечательному миру силой оружия, продолжая войну с ним до победного конца. В той же мере бездоказательным оставалось утверждение о том, что сепаратный мир, односторонний выход России из войны грозят ей неисчислимыми бедами, вплоть до полной гибели. И вся эта построенная на песке квазилогическая конструкция увенчивалась категорическим выводом: дальнейшему участию страны в войне альтернативы нет.

Таким образом, пока лидер кадетов П. Н. Милюков в глубоком тылу призывал русских мужиков героически сражаться за овладение Россией неведомыми им черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, идеологи умеренно социалистической ориентации на этих же гниющих в окопах, не организованных в сознательную политическую силу рабочих и крестьян возлагали ответственность как за продолжающуюся войну, так и за ее окончание. В основных положениях умеренные социалисты сохранили эту стыдливо милитаристскую, абсолютно утопическую и глубоко порочную в нравственном смысле платформу на протяжении всех послефевральских месяцев 1917 г., что, в конечном счете, послужило одной из главных причин их последующего поражения от большевистского крыла социалистического лагеря. К такому же результату вело упорное стремление правящих кругов, не меняя в принципе внешнюю и внутреннюю политику, силой принудить деревню отдавать государству по установленным им твердым ценам продукцию сельского хозяйства. Насилие над крестьянством рождало быстро растущее противодействие и вело к ликвидации остатков так и не сложившейся февральской государственности.

Определенную роль в событиях сыграла антивоенная большевистская пропаганда, идеологически обрамляя стихийные протестные настроения и действия крестьянских масс. Однако выдавать данный фактор за основополагающий в русской смуте 1917 г. (как это нередко ныне делается) было бы явным преувеличением, тем более что антиправительственные действия жителей деревни, случалось, сдобривались зарождающимися ностальгическими воспоминаниями о свергнутом монархическом режиме [25]. Все эти тенденции, в конечном счете, нашли свое завершение и политическое оформление в феномене Октябрьской революции, а в числе первых законоположений советской власти вполне закономерно оказались декреты о мире и земле, причем именно в этой логической и хронологической связке.

Примечания

1. Вятская речь. 1917. 17 марта. С. 1.
2. Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965. Ч. 1. С. 348–352, 362.
3. Вятская речь. 1917. 22 марта. С. 3.
4. Крестьянская газета. 1917. 9 июня. С. 10.
5. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
6. Крестьянская газета. 1917. № 38. С. 8.
7. ГАКО. Ф. Р-582. Оп. 194. Д. 8. Л. 8.
8. Крестьянская газета. 1917. 7 июля. С. 16.
9. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 154–155.
10. Крестьянская газета. 1917. 25 авг. С. 20.
11. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 166 и др.
12. Там же. С. 183.
13. Подробнее см.: Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. Гл. 6.
14. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. С. 223–224.
15. 1917 год в Пермской губернии: сб. документов. Пермь, 2007. С. 61.
16. Крестьянская газета. 1917. 29 авг. С. 19.
17. Там же. 12 сент. С. 3.
18. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-45. Оп. 1. Д. 126. Л. 52.

19. Крестьянская газета. 1917. 12 сент. С. 18.
20. Там же. 15 сент. С. 18.
21. См.: Бакулин В. И. Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. 2004. № 1.
22. Крестьянская газета. 1917. 9 июня. С. 12.
23. ГАКО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 1.
24. ГАСПИ КО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.
25. Крестьянская газета. 1917. 7 июля. С. 14.

Notes

1. Vyatskaya rech – Vyatka speech. 1917, March 17, p. 1.
2. Oчерки istorii Kirovskoy organizatsii KPSS [Essays on the History of the Kirov Party organization]. Kirov, 1965, part 1, pp. 348-352, 362.
3. Vyatskaya rech – Vyatka speech. 1917, March 22. p. 3.
4. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, June 9, p. 10.
5. State Archives of the Kirov region (hereinafter – GAKO). F. R-1353. Op. 1. D. 2. Sh. 1.
6. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, № 38, p. 8.
7. GAKO. F. F-582. Op. 194. D. 8. Sh. 8.
8. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, July 7, p. 16.
9. Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii – Establishment and consolidation of Soviet power in the Vyatka province. Kirov, 1957, pp. 154-155.
10. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, August 25, p. 20.
11. Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii – The establishment and consolidation of Soviet power in the Vyatka province. Pp. 166 etc.
12. Ibid. P. 183.
13. See: Bakulin V.I. Drama v dvuh aktah: Vyatskaya guberniya v 1917–1918 gg [Drama in two acts: Vyatka Province in 1917-1918]. Kirov, 2008, Ch. 6.
14. Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii – The establishment and consolidation of Soviet power in the Vyatka province. Pp. 223-224.
15. 1917 in the province of Perm: coll. documents. Perm, 2007. Pp. 61.
16. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, August 29, p. 19.
17. Ibid. September 12, p. 3.
18. The State Archive of Socio-Political History of the Kirov region (hereinafter – Gaspé KOs). F. P-45. Op. 1. D. 126. Sh. 52.
19. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, September 12, p. 18.
20. Ibid. September 15, p. 18.
21. See: Bakulin V.I. Mezhdou dogmoy, illyuziey i realnostyu: menshevizm v 1917 godu [Between dogma, illusion and reality: the Mensheviks in 1917] // Otechestvennaya istoriya – History of Russia, 2004, № 1.
22. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, June 9, p. 12.
23. GAKO. F. R-1353. Op. 1. D. 1.
24. Gaspé KO. F. P-45. Op. 1. D. 118. Sh. 4.
25. Krestyanskaya gazeta – Peasant newspaper. 1917, July 7, p. 14.

УДК 655.4(470.342)

Л. В. Краснова

Становление регионального научного книгоиздания (к 100-летию ВятГГУ)

В 100-летней истории вуза во все периоды его развития одно из ведущих направлений занимала издательская деятельность. Публикация научных трудов и учебной литературы преподавателей и сотрудников вуза изначально стала одной из главных его задач. В статье анализируются научно-исследовательская, учебная, просветительская работа вуза и, как завершающий этап научных исследований, его издательская деятельность в начале 1920-х гг.

In 100-year history of higher education institution during the entire periods of its development one of the leading directions was occupied by publishing. The publication of scientific works and educational literature of teachers and the staff of higher educational institution initially became one of its main tasks. In article research, educational, educational work of higher educational institution and, as the final stage of scientific researches, its publishing at the beginning of the 20th are analyzed.

Ключевые слова: книжное дело, краеведение, региональное книгоиздание, издательский репертуар, динамика книжной продукции, книгораспространение.

Keywords: book business, study of local lore, regional book publishing, publishing repertoire, dynamics of book production, book trading.

В последние десятилетия одним из важнейших явлений в российском книгоиздании оказалось стремительное развитие книжного дела на базе учебных заведений, в первую очередь университетов. Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ) – один из ведущих образовательных и научных центров в Кировской области. Вуз был основан в июле 1914 г. как первый учительский институт на территории Вятской губернии (с 1936 г. – Кировской области). В 2014 г. исполняется 100 лет со дня его основания. За этот период старейший в Кировской области вуз не раз менял своё название, статус, но одно оставалось постоянным – он непрерывно развивался и достиг уровня солидного научного учреждения [1].

Со времени своего основания вуз вёл плодотворную научно-исследовательскую, учебную и воспитательную работу, закладывал традиции передовой интеллектуальной культуры в обширном провинциальном крае. Однако системный анализ издательской деятельности одного из старейших высших учебных заведений данного региона ещё не стал предметом отдельного исследования. Цель данной статьи – определить место и роль издательской деятельности вуза в научно-исследовательской, учебной и просветительской работе, проанализировать динамику и репертуар издательской продукции в первые годы его деятельности.

В истории университета во все периоды его развития одно из ведущих направлений занимала издательская деятельность. Публикация научных трудов и учебной литературы преподавателей и сотрудников вуза изначально стала одной из главных его задач, важнейшей составляющей его деятельности в популяризации научных знаний в широких кругах местного населения. За период с 1918 по 1928 г. работы вуза как высшего учебного заведения было опубликовано около 400 работ преподавателей института [2]. Профессорско-преподавательский состав и сотрудники молодого вуза вели исследовательскую деятельность по изучению особенностей региона, статистическому анализу его экономики, развитию сельского хозяйства и промышленности, собирали материалы по истории, литературоведению, языкознанию, педагогике, краеведению, по изучению культуры и просвещения края.

Учёные, педагоги и сотрудники института публиковали результаты своих научных исследований не только в местных издательствах, но и в столичных журналах и издательствах, в печатных органах других городов страны и за рубежом. Отдельные материалы по истории региона были рекомендованы к напечатанию в Академии наук [3], самом авторитетном научном учреждении страны. Проблемы народного образования освещались в периодических изданиях Парижа, Берлина, Белграда [4]. Всё это свидетельствует о высоком качестве и актуальности научных исследований учёных вуза уже в первые годы его деятельности.

Яркой страницей в истории издательского дела ВятГГУ стала деятельность Вятского научно-исследовательского института краеведения (ВятНИИ), который стал координационным центром по всестороннему изучению Вятского края. Издательская деятельность ВятНИИ краеведения, как и его работа в целом, недостаточно изучена. Исследование архивных материалов Государственного архива Кировской области (ГАКО) и архива ВятГГУ дало возможность выявить новые факты в исследовательской, научной и издательской деятельности ВятНИИ краеведения.

Вятский научно-исследовательский институт краеведения был организован в 1922 г. на базе Вятского педагогического института с целью активизации научно-исследовательской работы по изучению природы, естественных производительных сил края, социально-экономических особенностей жизни населения, культурно-исторических ценностей региона. Основной штат научных сотрудников института краеведения составляли преподаватели пе-

дагогического института – крупные учёные, известные далеко за пределами Вятского края: Н. М. Каринский, Б. С. Лукаш, П. К. Мейер, В. А. Танаевский, П. Н. Луппов.

Возглавил ВятНИИ краеведения профессор Николай Михайлович Каринский, член-корреспондент РАН (1921 г., с 1925 г. – АН СССР) [5]. В Вятку он прибыл из Петрограда в декабре 1919 г. по приглашению Вятского института народного образования на должность заведующего кафедрой языкознания [6]. К этому времени им были опубликованы научные труды по истории русской книги, древнерусской литературе, старославянскому языку и диалектологии, а также многочисленные рецензии на научные и педагогические издания и на учебники в научно-педагогических журналах. За публикацию «Язык Пскова и его области в XV в.» (СПб., 1919 г.) награждён премией Академии наук [7]. Важным условием научной деятельности ВятНИИ краеведения был достаточно высокий научный уровень сотрудников коллектива. Так, Павел Николаевич Луппов окончил Московскую духовную академию (1895 г.) и Санкт-Петербургский археологический институт (1903 г.). Его научные работы в 1912 г. получили положительный отзыв неперменного секретаря Академии наук академика С. Ф. Ольденбурга. Его письмо сохранилось в личном деле П. Н. Луппова: «Милостивый государь Павел Николаевич, представленные Вами на соискание наград имени тайного советника М. Н. Ахматова сочинения а) Христианство у вотяков в первой половине XIX века (Вятка, 1911 г.) и б) Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века (Вятка, 1911 г.) – признаны Императорской Академией Наук заслуживающими награждения малою премиею, но ввиду ограниченного числа таких премий Академия вынуждена была остановиться на присуждении Вам почётного отзыва.

Считая для себя почётным долгом уведомить Вас о сём, прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности. Сергей Ольденбург» [8].

С момента своего основания ВятНИИ краеведения вёл интенсивную научно-исследовательскую работу, направленную «к осуществлению тех основных задач краеведческого строительства, осознание которых и легло в основу создания в Вятке НИИ краеведения как учреждения государственного, находящегося в общей республиканской сети научных учреждений Главнауки НКПр» [9].

Институт краеведения постоянно расширял и укреплял научные связи с ведущими столичными и провинциальными высшими учебными заведениями. Н. М. Каринский много сделал для налаживания сотрудничества с Главнаукой Академического центра Наркомпроса РСФСР, куда он неоднократно командировался из Вятки для выяснения вопросов, связанных со снабжением института соответствующим учебным оборудованием и получением кредита на экспедиционные работы, а также для непосредственного приобретения необходимых для института книг и пособий [10]. Несмотря на сокращение средств на научно-исследовательскую работу в Главнауке, Н. М. Каринскому удалось получить по заказу Наркомпроса необходимые для научной работы приборы и книги, без которых в провинции работать невозможно [11]. В апреле 1924 г. он писал из Москвы в Вятку: «Только постоянным упорным настаиванием кое-что удастся сейчас здесь продвинуть, несмотря на то что Вятский институт краеведения в Москве пользуется всё большей и большей заслуженной известностью. Мне много раз приходилось вести переговоры, составлять доклады и делать выступления в различных ведомствах и только сейчас могу сказать, что если и весьма немного удалось сделать для данного момента, то сравнительно много для будущего. Сейчас момент крайне неблагоприятный. Уже несколько месяцев все стремления правительственных кругов направлены на стабилизацию рубля, почему идёт чрезвычайное сокращение государственных расходов по всем статьям и требуется весьма большое напряжение сил, чтобы хотя что-либо получить... Вятский НИИ краеведения ведёт научную и научно-практическую работу в областном масштабе... является единственным авторитетным органом в крае, и без него указанная работа немыслима. Однако наука шире практических заданий момента, она глядит глубже и дальше. Отсюда и ЦБК, и Госплан, и Главнаукаощрает научную работу в её широком масштабе. Вот взгляд на институт краеведения, который укрепляется в центре» [12].

С января 1924 г. Н. М. Каринский совмещал должность директора ВятНИИ краеведения с должностью учёного специалиста в Российском историческом музее [13].

Отчёты о научно-исследовательской деятельности ВятНИИ краеведения начал публиковать в журнале «Известия Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения»,

вышедшем в 1922 г. в Вологодском издательстве. Первый номер открывался вступительной статьёй «От редакции», в которой указывалась основная цель данного издания – «служить органом общения НИИ краеведения с провинцией Вятского края» и уделять значительное место статьям по методологии и программам научного исследования края. В первый номер вошли статьи Н. М. Каринского «Заметки о методах этнографических наблюдений», «Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей» и «Заметки о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время», В. А. Танаевского «О приёмах исследования обычного права Вятского края», П. П. Глезденева «К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми», Б. С. Лукаша «Материалы к исследованию Вятского края в рыбопромысловом отношении», С. П. Орлова «Почвенно-геологические исследования в Вятской губернии», П. Н. Луппова «Об изучении грамотности», Н. А. Желвакова «Хроника общественной жизни в Вятском крае за первые месяцы революции». Таким образом, в содержание первого выпуска «Известий» вошли статьи, отражающие историко-культурные, естественно-географические, общественные особенности Вятского края.

Следующим этапом в издательской деятельности вуза стало создание собственного научного журнала, так как новые условия Вологодского издательства не удовлетворяли редакцию ВятНИИ краеведения. После решения организационных вопросов и согласования их с местной типографией в январе 1923 г. ВятНИИ краеведения совместно с Вятским губернским экономическим совещанием начинает издавать научный журнал «Вятская жизнь». Главным редактором журнала был избран директор ВятНИИ краеведения Н. М. Каринский, членами редакционной коллегии и редакторами отделов – Н. А. Дернов, Н. А. Желваков, П. Т. Решетников, Б. А. Перфильев. Первые три – преподаватели Вятского педагогического института им. В. И. Ленина.

Во вступительной статье редакция приглашала к сотрудничеству все заинтересованные «культурные силы края, чтобы создать благоприятные условия как для собирания обильного научного и осведомительного материала, так и для распространения самого журнала в широких кругах населения» [14]. Это статьи проф. Н. М. Каринского «Экскурс в область вятской народной песни», Е. В. Матвеевой «Материалы к вопросу о вятских костюмах XVI в.», П. Н. Луппова «Вятский край 50 лет тому назад», Н. А. Желвакова «Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина», П. Т. Решетникова «Областное совещание по сельскохозяйственному опытному делу Северо-Восточной области», проф. Н. А. Дернова «Принципы трудовой школы с сельскохозяйственным уклоном».

Статья проф. Н. М. Каринского посвящена анализу сборника А. М. Васнецова, представляющего любопытный краеведческий источник по изучению лирических вятских песен. Работая над статьёй, автор обратился за некоторыми разъяснениями и уточнениями к составителю сборника А. М. Васнецову, который сообщил дополнительные сведения этнографического характера, а также уточнил условия, место и время наблюдения записанных им песен. Уроженец села Рябова, проживший в этом селе до 1873 г., А. М. Васнецов был хорошо знаком с этнографическими особенностями населения окрестных деревень. Описание этих особенностей автор счёл необходимым включить в статью: «В окрестностях Рябова в конце 60-х годов и в начале 70-х годов ещё в значительной степени сохранялся старый уклад жизни. Избы были чёрные. Оконные отверстия нередко были затянуты обделанной коровьей брюшиной (пузырём). Никакого освещения, кроме лучины, крестьяне не знали. Употребление мыла не было известно. Посуда была, преимущественно, глиняная и деревянная. Самовары, а с ними и новая чайная посуда, только начинали входить в употребление в деревнях. Сохранялась старинная одежда мужская и женская и старинные головные уборы (китайники, шушуну, моршени, шашмуры и пр.). Мылись и парились (особенно старухи) в печке на овсяной соломке. Бани были общие, и даже девицы мылись вместе с парнями. Сохранялись верования в леших, суседков, еретиков и пр. Справлялась по старине свадьба (с причётами невесты, приговорами дружки и с целым рядом обычаев и поверий). Гармошка была редкостью, а частушек вовсе не было. Грамотность начала уже проникать в деревни, и из лиц, родившихся после 1855 г., некоторое число было грамотных. О газетах в деревнях обычно даже не слыхали» [15]. В последующих научных экспедициях Н. М. Каринский собрал аналогичные сведения об укладе жизни населения в некоторых других глухих местах губернии. Эти сведения уже в 20-х гг. XX в. являлись уникальным документальным источником как изображе-

ние не так давно ушедших в прошлое картин крестьянского быта в старой деревне. К статье проф. Н. М. Каринского «Экскурс в область вятской народной песни» в конце журнала было дано приложение на особых листах нотной записи 24 мелодий «Мотивы вятских народных песен», «при отсутствии которых изучение песни во многих отношениях затрудняется» [16]. Приложение было записано членом Вятского исторического общества И. И. Матвеевым от составителя сборника «Песни северо-восточной России» А. М. Васнецова, «обладавшего редкой музыкальностью» [17], уроженца села Рябова, брата знаменитых русских художников А. М. и В. М. Васнецовых.

В статье П. Н. Луппова «Вятский край 50 лет тому назад» дана общая характеристика губернии 70-х гг. XIX в., обеспеченность путями сообщения, анализируется экономическое и культурное состояние края. Вятская губерния, по пространству (133 478 кв. вёрст) превосходящая Бельгию, Голландию, Швейцарию и Грецию, вместе взятых, насчитывала «в себе к 1872 г. населения обоего пола всего 2 394 111 человек (1 139 133 муж. п. и 1 254 978 жен. п.), т. е. по 18 человек на кв. версту» [18]. Отдалённость от центра, отсутствие скорого сообщения, грунтовые тракты, ветхие переправы через реки и бездорожье, примитивные средства передвижения (например, в Зюздинском крае не было совсем телег, летом перевозка осуществлялась или на санях, или на лодках по суше) [19], недостаточно совершенная почтовая и телеграфная связь отрицательно влияли на экономическое и культурное развитие края. Анализируя уровень культурного развития края в указанный период, автор сопоставляет просветительские учреждения и учреждения «антикультурного» характера, широко используя в качестве иллюстративного материала статистические сведения из местных изданий 70-х гг. «Одним из показателей культуры населения края является его грамотность. В Вятском крае грамотность ещё в 1870-х гг. была прямо ничтожная. За трёхлетие 1870–1872 гг. в Вятской губернии среди сельского и деревенского населения из общего числа женихов (69 246) могли подписать свою фамилию только 5 813 человек, или 8,4%. Из такого же количества невест грамотными оказались 538, или 0,8%... Если грамотность была так слаба среди поколения цветущего, то она, конечно, была ещё слабее в старшем поколении» [20]. Однако автор отмечает, что по постановке начального образования Вятская губерния превосходила центральные губернии европейской России. Также очагами культуры были библиотеки, но в начале 70-х гг. в Вятской губернии насчитывалось 13 библиотек, причём в уездных городах Елабуге, Малмыже, Яранске, Царёвосанчурске и Воткинском заводе библиотек не было.

Отмечая культурные учреждения Вятского края в 1870-х гг., автор обращает внимание на учреждения «антикультурного» характера и приводит статистические сведения о количестве винокуренных заводов, объёмах произведённой продукции, наличии питейных заведений. «Питейных домов в Вятской губернии было в 6 раз больше, чем школ. Каждый питейный дом обслуживал 41 кв. версту, тогда как каждая начальная школа обслуживала 264 кв. версты. Удивительно ли поэтому, что потребление водки приняло довольно большие размеры в Вятском крае: в губернии выпивали 5 миллиона вёдер водки, т. е. более 5 ведра на каждую наличную душу населения обоего пола или по 5 ведра на каждую мужскую душу» [21]. В статье П. Н. Луппов широко использует цифровой материал, ссылаясь на статистические сведения местных исследователей, взятых им из вятских изданий конца XIX в.: «Памятные книжки» за 1870-е гг., «Статистическое описание Вятской губернии» (Вятка, 1875), «Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губернии» (Вятка, 1875), изданные отчёты и сборники постановлений Вятского губернского земства, статьи из газеты «Вятские губернские ведомости». Статья отличается глубиной анализа общественно-политических, экономических и культурных процессов, происходящих на территории региона в указанный хронологический период.

В статьях остальных авторов также собраны уникальные сведения об особенностях жизни местного населения. Так, в статье Е. В. Матвеевой «Материалы к вопросу о вятских костюмах XVI в.» на основе анализа архивного дела бывшего Вятского губернского правления за № 228/1743 г. прослеживается история вятских старинных костюмов. По мнению автора, реконструкция исторического костюма «имеет не только местное вятское значение, но и более общее в вопросе изучения старинной русской одежды» [22] и особенностей быта жителей Вятского края.

Журнал выходил ежемесячно объёмом 5–7 печатных листов и печатался в 1-й типографии Бумполиграфтреста г. Вятки тиражом 1000 экз. Цена первого номера была

60 копеек, последующих – 70 коп. В журнале печатались статьи сотрудников Вятского НИИ краеведения, большая часть которых была преподавателями Вятского педагогического института, по естествознанию, экономике, сельскому хозяйству, истории, языкознанию, педагогике, краеведению, по изучению культуры и просвещения в Вятском крае. Всего вышло 8 номеров.

В связи с дальнейшим, более углублённым изучением края появляются новые направления в научных исследованиях по изучению природы, экономики, истории и культуры региона. В 1922–1924 гг. институт краеведения принимал участие в издании губернского журнала «Вятский край». Публикация научных трудов, издательская и популяризаторская деятельность ВятНИИ краеведения получила положительную оценку у специалистов, способствовала расширению профессиональных контактов с другими научными организациями: Ленинградским и Московским ЦБК при РАН, учреждениями Казани, Перми, Шадринска, Рязани.

Н. М. Каринский много и часто размышлял о дальнейшей судьбе издания, что отражено в протоколах заседаний ВятНИИ, всегда очень переживал за своё детище, стремился сохранить его жизнеспособным и востребованным в профессиональной среде. Он много внимания уделял популяризации изданий ВятНИИ краеведения, организуя обмен изданиями с рядом крупных центральных учреждений: РАН, Бюро съездов Госплана, Российским гидрологическим институтом, Государственным институтом опытной агрономии, Географическим институтом и др. Н. М. Каринский внимательно следил, какой резонанс находит журнал в научной среде и у краеведов-практиков, какие отзывы получают те или иные публикации, старался выяснить, насколько широка читательская аудитория, попадает ли журнал в библиотеки других научных учреждений страны и какие именно, как активно используются материалы издания в учебной, научной и практической деятельности.

Журнал был предметом постоянной заботы главного редактора. Об этом свидетельствуют архивные документы, в частности письма Н. М. Каринского: «Нашими изданиями в Москве интересуются... У нас много друзей и в провинции, особенно в Саратове (Чернов), в Костроме и других. Желателен обмен изданиями с теми организациями, которые могут пополнить библиотеку своими изданиями в более широком масштабе» [23].

Публикация научных трудов, издательская и популяризаторская деятельность ВятНИИ краеведения получила положительную оценку у специалистов, способствовала расширению профессиональных контактов [24]. Широта географического охвата рассылки изданий подтверждает научную ценность, актуальность, информативность и высокий уровень публикуемых трудов профессорско-преподавательского состава института и научных сотрудников ВятНИИ краеведения. Издательская деятельность ВятНИИ краеведения, опубликование отдельных статей преподавателей педагогического института в периодических столичных и провинциальных изданиях, создание собственного научного журнала стимулировали интенсивность научных исследований по изучению Вятского края, способствовали созданию научных направлений в области естественных, точных, гуманитарных наук, многие из которых получили дальнейшее развитие в последующие периоды.

Примечания

1. Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004. Памятная книга. Киров, 2004. С. 170.
2. Печатные работы научных работников института // Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1928. Вятка, 1928. С. 226–149.
3. Там же. С. 233.
4. Там же. С. 229.
5. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 101. Л. 45.
6. Там же. Л. 5.
7. Там же. Л. 1(о.).
8. Там же. Оп. 1. Ед. хр. 778. Л. 51.
9. Лукаш Б. С. Деятельность Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения и состоящих при нём учреждений за 1923–1924 отчётный год // Труды Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Т. 1. Вятка, 1925. С. 85.
10. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 23.
11. ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 14.

12. Там же. Л. 16.
13. Там же. Л. 8.
14. Вятская жизнь. 1923. № 1. С. 1.
15. *Каринский Н. М.* Экскурс в область вятской песни // Вятская жизнь. 1923. № 1. С. 34.
16. Там же. С. 35.
17. Васнецовщина / авт.-сост. О. А. Васнецова. Киров, 2012. С. 72.
18. *Луппов П. Н.* Вятский край 50 лет тому назад // Вятская жизнь. 1923. № 1. С. 51.
19. *Короленко В. Г.* // Молва. 1880. 15 окт.
20. *Луппов П. Н.* Указ. соч. С. 55.
21. Там же. С. 55.
22. Там же. С. 57.
23. *Матвеева Е.* Материалы к вопросу о вятских костюмах // Вятская жизнь. 1923. № 1. С. 42.
24. ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5.
25. *Краснова Л. В.* Развитие издательского дела в Кировской области // Проблемы полиграфии и издательского дела. 2004. № 4. С. 128.

Notes

1. Vyatskiy gosudarstvennyiy gumanitarnyy universitet. 1914–2004. Pamyatnaya kniga [Vyatka State University Humanities. 1914-2004. Commemorative book]. Киров. 2004. P. 170.
2. Printed works of scientists of the Institute / / V.I. Lenin's Vyatka Pedagogical Institute. 1918-1928. Vyatka, 1928. Pp. 226-149.
3. Ibid. P. 233.
4. Ibid. P. 229.
5. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 4. Store unit 101. Sh. 45.
6. Ibid. Sh. 5.
7. Ibid. Sh. 1 (turn).
8. Ibid. Op. 1. Store unit 778. Sh. 51.
9. *Lukash B. C.* Deyatel'nost' Vyatskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Kraevedeniya i sostoyaschih pri nYom uchrezhdeniy za 1923–1924 otchYotnyiy god [Activities of Vyatka Research Institute of Local History and its agencies for the 1923-1924 fiscal year] // Proc. of Vyatka Scientific-Research Institute of Regional Studies. Vol. 1. Vyatka, 1925, pp. 85.
10. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 4. Store unit 10. Sh. 23.
11. ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Store unit 3. Sh. 14.
12. Ibid. Sh. 16.
13. Ibid. Sh. 8.
14. Vyatka life. 1923, № 1, p. 1.
15. *Karinskii N. M.* Ekskurs v oblast vyatskoy pesni [Excursus in the area of vyatskaya song] // Vyatskaya zhizn – Vyatskaya life. 1923, № 1, p. 34.
16. Ibid. P. 35.
17. Vasnetsovschina [Vasnetsovschina] / author-composer O.A. Vasnetsova. Киров. 2012. P. 72.
18. *Lupov P. N.* Vyatskiy kray 50 let tomu nazad [Vyatka region 50 years ago] // Vyatskaya zhizn – Vyatka life. 1923, № 1, pp. 51.
19. *Korolenko V. G.* // Molva – Rumor. 1880. October 15.
20. *Lupov P. N.* Op. cit. P. 55.
21. Ibid. P. 55.
22. Ibid. P. 57.
23. *Matveeva E.* Materialy k voprosu o vyatskih kostyumah [Materials to the question of Vyatka costumes] // Vyatskaya zhizn – Vyatskaya life. 1923, № 1, p. 42.
24. ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Store unit 3. Sh. 5.
25. *Krasnov L. V.* Razvitie izdatelskogo dela v Kirovskoy oblasti [Development of the publishing industry in the Kirov region] // Problemy poligrafii i izdatelskogo dela – Problems of printing and publishing. 2004, № 4, p. 128.

Совершенствование уголовно-правовых средств охраны истины в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена актуальной теме обеспечения достижения истины в уголовном судопроизводстве при помощи уголовно-правовых средств. Авторами обосновывается возможность признания истины сложным двухуровневым объектом уголовно-правовой охраны, включающим в себя установление истины факта и истины правовой оценки. Рассматриваются возникающие при этом противоречия с предлагаемыми рядом исследователей классификациями преступлений против правосудия по объекту, а также обосновывается аксиологический признак истины как объекта уголовно-правовой охраны. В работе анализируются тенденции современного уголовного законодательства России об ответственности за посягательства на истину в уголовном судопроизводстве и делаются критические выводы о применяемых уголовно-правовых средствах охраны истины. В заключение авторами излагаются наиболее важные направления совершенствования регламентации уголовно-правовой ответственности за посягательства на истину в уголовном судопроизводстве.

The article is devoted to a hot topic of ensuring achievement of truth in criminal legal proceedings by means of criminal and legal means. Authors locate a possibility of recognition of truth difficult two-level object of the criminal legal protection including establishment of truth of the fact and truth of a legal assessment. Contradictions arising thus with classifications of crimes offered by a number of researchers against justice on object are considered, and also the axiological sign of truth as object of criminal legal protection locates. In work tendencies of the modern criminal legislation of Russia about responsibility for infringement of truth in criminal legal proceedings are analyzed and critical conclusions about applied criminal and legal means of protection of truth are drawn. In summary authors state the most important directions of improvement of a regulation of criminal and legal responsibility for infringement of truth in criminal legal proceedings.

Ключевые слова: истина, объект уголовно-правовой охраны, преступления против правосудия, совершенствование уголовно-правового регулирования.

Keywords: truth, object of criminal legal protection, crime against justice, improvement of criminal and legal regulation.

Проблема установления истины в уголовном судопроизводстве в последнее время находится в центре внимания как ученых, так и практических работников. Об этом свидетельствует большое количество публикаций по данной тематике, отсутствие единого подхода к осмыслению понятия истины в уголовном судопроизводстве, ее значения как правовой категории и правового принципа [1].

В связи с тем, что категории «истина» (правда) и взаимосвязанные с ней «ложь» и «заблуждение» имеют не только философское или социально-психологическое, но и важное правовое значение, возникает необходимость комплексного и всестороннего исследования указанных понятий. В правовой доктрине по поводу названных категорий не существует единой концепции, поддерживаемой всем научным сообществом. Помимо этого дискуссионный характер общетеоретических положений понятий «истина» и «ложь» предопределяется наличием спорных вопросов как правоприменения, так и правотворчества с учетом межотраслевой детерминации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Данные обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности исследования указанных категорий и связанных с ними правоотношений в настоящее время.

Независимо от того, как те или иные исследователи определяют понятие истины в уголовном судопроизводстве, значение ее достижения для целей правосудия, пожалуй, никем не подвергается сомнению. Как справедливо отмечает Ю. И. Кулешов, в правосудии ценностью во все времена являлась «правда» (истина), т. е. то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. Из этого следует, что в отличие от других сфер общественных отношений «ложь» в правосудии всегда имела высокую степень общественной опасности, так как создавала угрозу принятия несправедливого решения [2]. Очевидно, что средством достижения истины является всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела [3]. В свою очередь, общественные отношения, возникающие в связи с деятельностью органов уголовного судопроизводства по установлению обстоятельств деяния, требуют соответствующей охраны. В связи с важностью указанных отношений для государства и общества они нуждаются в комплексной правовой охране нормами как материального, так и процессуального права.

Рассматривая вопрос уголовно-правовой охраны отношений, обеспечивающих достижение истины в уголовном судопроизводстве, важно заметить, что если в прошлые века основным способом совершения общественно-опасных деяний являлось применение насилия или угроза его применения, то в современном мире «пальму первенства» перехватил такой способ совершения преступлений, как использование лжи или обмана. Как справедливо отмечает Е. В. Медведев, использование лжи, обман – наиболее удобный способ достижения преступного результата во многих случаях, когда преступник имеет конкретную цель и не желает причинять большего вреда, чем это необходимо в определенной ситуации, и вместе с тем пытается действовать по пути наименьшего сопротивления [4]. Как показало проведенное нами исследование, указанным способом, не связанным с физическим или психическим воздействием на личность, совершается подавляющее большинство преступлений против правосудия (например, ст. 303, 306, 307 и 316 УК РФ) [5].

Критерием группировки указанных посягательств на интересы правосудия является не только способ совершения преступления (различные формы использования лжи), но и объект посягательства, то есть однородные общественные отношения, обеспечивающие достижение истины по делу. Вместе с тем относительно того, является ли достижение истины объектом уголовно-правовой охраны, в науке уголовного права существуют полярные точки зрения. Так, В. М. Колесник в своем исследовании группирует однородные преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств и истинных выводов по делу (ст. 303–304, 307–309 УК РФ) [6]. М. В. Рудовым также выделяется группа преступлений, посягающих на истину в уголовном судопроизводстве (ст. 302, 303, 307, 308, 309 УК РФ) [7]. Противоположную позицию занял А. В. Федоров, по мнению которого, «истина как адекватное отражение объекта познающим его субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания, а также вывод о ней в принципе не могут охраняться уголовно-правовыми средствами... Уголовное право берет под защиту лишь общественные отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств по объекту познания, то есть по общественно опасному деянию» [8].

По нашему мнению, признание истины объектом уголовно-правовой охраны подчеркивает ценностную (аксиологическую) структуру охраняемых общественных отношений. Несмотря на наличие в научных публикациях острой дискуссии относительно содержания истины в уголовном процессе и обоснованности включения в него не только фактических обстоятельств дела, но и выводов об уголовно-правовой квалификации [9], полагаем необходимым поддержать более широкую точку зрения, предполагающую распространение содержания истины и на правовую оценку фактов. Как справедливо отмечает Л. В. Лобанова, установление фактов и применение права – два различных, хотя и связанных между собой процесса, каждый из которых должен завершиться установлением истины [10]. Таким образом, уголовно-процессуальное познание имеет конечной целью установить две истины: «...истину факта, заключающуюся в соответствующем объективной действительности знании о произошедшем деянии и лице, его совершившем, и истину правовой оценки, выражающуюся в ее тождественности описанию преступления, которое дает норма уголовного закона» [11].

Рассматриваемые нами нормы об уголовной ответственности за преступления против правосудия (ст. 303–309 УК РФ) имеют своим назначением, в первую очередь, уголовно-правовую охрану законности и обеспечение реализации задач уголовного судопроизводства [12].

При классификации преступлений против правосудия по их объекту М. Н. Голоднюк справедливо отнесла рассматриваемые нами посягательства (кроме ст. 303 УК РФ) к преступлениям, препятствующим исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия [13], а Л. В. Лобанова – к преступлениям, посягающим на познавательного-применительный метод осуществления правосудия [14].

Характеризуя правосудие как специфический вид юрисдикционной деятельности, Л. В. Лобанова определила ее особые черты: охранительную (по направленности), познавательно-применительную (по методу осуществления), а также протекающую в особой процессуальной форме [15]. По нашему мнению, данные черты свойственны не только самой деятельности по отправлению правосудия, но и процессуальной деятельности органов уголовного судопроизводства, так как эта деятельность направлена на решение задач, стоящих перед судебной властью, и обеспечение осуществления правосудия. В целом поддерживая позицию Л. В. Лобановой, считаем, что группа рассматриваемых нами преступлений посягает на познавательную и правоприменительную процессуальную деятельность как суда, так и органов предварительного расследования. Познавательная деятельность заключается в получении органами предварительного расследования и судом достоверной информации о фактах, имевших место в прошлом, – источниках доказательств, надлежащем процессуальном закреплении полученной информации (формированию доказательств), а правоприменительная – в принятии обоснованных и законных процессуальных решений на основе полученной информации, сформированных доказательств и их надлежащей правовой оценки. При этом оба процесса: познание и правоприменение – находятся между собой в отношениях детерминизма как взаимодействующие части одной системы – процессуальной деятельности.

Приведенная нами аргументация позволяет поставить под сомнение вышеуказанное утверждение А. В. Федорова о том, что уголовно-правовые нормы охраняют лишь общественные отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств. Необходимо отметить, что такое преступление, как вынесение заведомо неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ) посягает не на отношения по получению достоверных доказательств, а на обоснованное и законное применение норм права (то есть на истину правовой оценки) [16].

На основании изложенных выше доводов полагаем возможным рассматривать истину как сложный двухуровневый объект уголовно-правовой охраны, который можно определить как общественные отношения, обеспечивающие получение органами уголовного судопроизводства достоверных источников доказательств, надлежащее процессуальное закрепление информации (первый уровень), а также принятие обоснованных и законных процессуальных решений на основе сформированных доказательств и их надлежащей правовой оценки (второй уровень).

Признание достижения истины объектом уголовно-правовой охраны порождает определенные противоречия с предлагаемыми рядом исследователей классификациями преступлений против правосудия по объекту, дифференцируемыми как посягающими на деятельность суда непосредственно и на деятельность прокурора и органов предварительного расследования, содействующих осуществлению правосудия [17]. Вместе с тем выделение рассматриваемого нами объекта подчеркивает равнозначную ценность процессуальных отношений по достижению истины для успешного решения задач уголовного судопроизводства на всех его стадиях, одинаковую природу указанных отношений (процесс доказывания), а также детерминизм норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Что касается аксиологического признака истины как объекта уголовно-правовой охраны, представляется, что его социальная значимость [18] не вызывает сомнений у большинства исследователей.

Конечно же, нельзя абсолютизировать истину как самоценность, конечную цель уголовного судопроизводства, но ее достижение является неоспоримой основой для принятия важнейших процессуальных решений, в том числе и разрешения уголовного дела [19]. Вместе с тем установление истинного знания о фактических обстоятельствах содеянного затруднено в силу предписаний ряда статей уголовно-процессуального закона, в частности, «особенности инициирования уголовного преследования по делам частного и частного-публичного обвинения (ч. 2, 3 ст. 20 УПК РФ), связанность суда при отправлении правосудия до-

водами сторон (ч. 5 ст. 234 УПК РФ), ограниченность процессуально допустимых возможностей инициативного участия в доказывании суда первой инстанции (ст. 276, 281, 282 и другие статьи УПК РФ)... безусловное прекращение уголовного дела... при... отказе государственного обвинителя от обвинения... позволяют констатировать правомерность постановления судебного решения, основанного на вероятностном знании, характеризуемом лишь большей или меньшей степенью достоверности» [20].

Тенденции современного уголовного законодательства России об ответственности за посягательства на истину в уголовном судопроизводстве выразились в следующем.

1. По сравнению со ст. 180 и 181 УК РСФСР существенно снизились наказания по основному и квалифицированному видам заведомо ложного доноса и заведомо ложного показания. Если санкция ч. 1 ст. 180 УК РСФСР предусматривала наказание в виде лишения свободы до 2 лет (ч. 1 ст. 181 УК РСФСР – до 1 года) или исправительных работ до 1 года, то санкция ч. 1 ст. 306 УК РФ помимо лишения свободы и исправительных работ предусматривает более мягкие альтернативные виды наказания: штраф, обязательные работы, принудительные работы, арест, а санкция ч. 1 ст. 307 УК РФ вообще не предусматривает наказания в виде лишения свободы. Наиболее существенное снижение наказания произошло по квалифицированным составам, предусмотренным ч. 2 ст. 306 и ч. 2 ст. 307 УК РФ. Санкции данных норм являются альтернативными и предусматривают согласно ч. 2 ст. 306 УК РФ такие виды наказаний, как штраф, принудительные работы или лишение свободы на срок до трех лет; согласно ч. 2 ст. 307 УК РФ – принудительные работы или лишение свободы на срок до пяти лет. В то же время заведомо ложный донос и заведомо ложное показание, соединенные с обвинением в тяжком преступлении, по УК РСФСР наказывались гораздо строже: только лишением свободы, причем нижняя граница санкции составляла 2 года, верхняя – 7 лет.

Данные новеллы УК РФ вызвали ряд публикаций о необходимости ужесточения наказания за преступления против правосудия. Так, В. Додонов в статье «Усилить спрос за лжесвидетельство» указал на то, что в некоторых зарубежных странах за преступления против правосудия, в частности за лжесвидетельство, предусматривается уголовная ответственность в 10–20 лет лишения свободы, в некоторых случаях до 30 лет, а также пожизненное заключение, вплоть до смертной казни в особо тяжких случаях [21]. Эту позицию поддержала И. Мищенко, по мнению которой, предусматривающие ответственность за лжесвидетельство «барьеры уголовно-правового порядка... слишком низкие и мягкие в действующих нормах УК» [22].

На наш взгляд, либерализация наказания за отдельные преступления против правосудия была вызвана происходящими социально-политическими реформами российского общества и объяснялась необходимостью демократизации уголовного судопроизводства. Как показало проведенное исследование, результатом более мягкой санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 306 УК РФ стало снижение общей превенции, так как потенциальных лжедоносчиков не останавливает возможность применения сравнительно легкого наказания в виде небольшого штрафа или лишения свободы, которое назначается условно. Так, согласно результатам проведенного исследования, в Приволжском федеральном округе 42% назначенных наказаний по ч. 1 ст. 306 УК РФ составил штраф, причем размер половины назначенных штрафов не превысил 3000 рублей [23].

Вторым последствием такого решения стало снижение активности сотрудников правоохранительных органов по выявлению фактов заведомо ложного доноса и заведомо ложного показания. В ходе проведенного авторами анкетирования практических работников 47% опрошенных высказались за ужесточение наказаний за заведомо ложный донос, так как это деяние достаточно распространено и представляет повышенную опасность как для правоохранительных органов, так и для общества в целом; 32% опрошенных отметили, что применение слишком мягких наказаний к виновным в заведомо ложном доносе снижает активность правоохранительных органов по их выявлению и документированию [24].

2. Произошло усиление дифференциации уголовной ответственности за посягательства на истину, обладающие разной степенью общественной опасности, были декриминализованы деяния, которые не обладали достаточной степенью общественной опасности для применения мер уголовной репрессии, что является, несомненно, правильным решением законодателя, так как эти правотворческие меры обеспечили реализацию принципов справедливости и гуманизма [25]. Так, внося изменения в Уголовный кодекс РФ Федеральным

законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ [26], законодатель дифференцировал ответственность за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 306 УК РФ), и ответственность за заведомо ложный донос, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Произошла декриминализация таких преступлений, как уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 182 УК РСФСР), недонесение о преступлениях (ст. 190 УК РСФСР), был значительно сужен круг деяний, попадающих под признаки состава укрывательства. Появились нормы-примечания к ст. 307, 308 и 316 УК РФ, предусматривающие специальные условия освобождения от уголовной ответственности. Если появление примечаний к ст. 308 и 316 УК РФ естественно вытекало из конституционно-правовой нормы, закрепляющей право не свидетельствовать против супруга и близкого родственника, то введение в ст. 307 УК РФ примечания было направлено на предотвращение общественно опасных последствий дачи заведомо ложных показаний и стимулирование виновных лиц к деятельному раскаянию.

Вместе с тем подавляющее большинство норм, регламентирующих ответственность за посягательства на истину, по основному составу преступления были сконструированы с альтернативными санкциями, из которых практически все предусматривают возможность назначения самого мягкого вида наказания – штрафа (ст. 303–309, 316 УК РФ), причем в санкциях всех указанных норм, кроме ст. 303 УК РФ, не определена нижняя граница штрафа, что позволяет назначать наказания в виде штрафа от 5000 рублей. Кроме того, по мнению Ю. И. Кулешова, большую границу между минимумом и максимумом в относительно определенных санкциях нельзя считать оправданной [27].

3. Из статей о заведомо ложном доносе и заведомо ложном показании был исключен квалифицирующий признак «деяние, совершенное с корыстной целью», ранее предусмотренный ч. 2 ст. 180 и ч. 2 ст. 181 УК РСФСР. На наш взгляд, в этом решении прослеживается крайняя непоследовательность законодателя, с одной стороны, взявшего курс на дифференциацию уголовной ответственности как направление реформы уголовного права [28], а с другой стороны, отказавшегося от закрепления в законе квалифицирующего признака, социально обусловленного и характеризующего личность преступника и само преступление как более опасные для общества. Благодаря этому оценка степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ, совершенных из корыстных побуждений, стала определяться не законом, а мнением и уровнем правосознания судьи, так как санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 306–307 УК РФ являются альтернативными и относительно определенными.

Как следует из проведенного анализа, принятые российским законодателем меры к совершенствованию уголовно-правовой охраны истины в уголовном судопроизводстве оказались неэффективными.

По нашему мнению, возможные пути устранения недостатков законодательной регламентации ответственности за посягательства на истину и предложения по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм заслуживают глубокого научного анализа, и их невозможно рассмотреть в рамках данной статьи с учетом ограниченности ее объема. Вместе с тем считаем возможным изложить наиболее важные направления совершенствования регламентации уголовной ответственности за посягательства на истину в уголовном судопроизводстве.

1. В связи с тем, что в УК РФ ответственность за заведомо ложный донос о преступлениях определенного вида, а также за донос в отношении специальных потерпевших (судей, прокуроров, должностных лиц органов предварительного расследования) одновременно предусмотрена различными уголовно-правовыми нормами (ст. 207, ч. 3 ст. 298.1, 304, 306 УК РФ), имеет место избыточность уголовно-правового регулирования, что порождает конкуренцию указанных правовых норм и явно не способствует единообразному применению уголовного закона [29]. По мнению Ю. Бирюкова, «санкции за заведомо ложный донос должны быть увеличены до десяти лет лишения свободы, а специальные нормы: ст. 298 УК РФ и 207 УК РФ – из кодекса следует исключить, дабы соответствующие деяния также охватывались более строгой ст. 306 УК РФ» [30]. Указанное предложение в части исключения из УК РФ норм, конкурирующих со ст. 306 УК РФ и порождающих избыточность уголовно-правового регулирования, безусловно, стоит поддержать.

Необходимо также исключить из УК РФ и ст. 304 УК РФ, так как провокация взятки (коммерческого подкупа), совершенная в целях искусственного создания доказательств совершения преступления, является не чем иным, как покушением на заведомо ложный донос в отношении конкретного лица, соединенным с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 306 УК РФ). Провокация взятки, совершенная с целью шантажа, может быть квалифицирована как вымогательство (ст. 163 УК РФ). При этом в целях усиления дифференциации уголовной ответственности за заведомо ложные доносы, различающиеся характером и степенью общественной опасности, полагаем необходимым закрепить в уголовном законе такие квалифицирующие признаки доноса, как *«совершение преступления из корыстных побуждений»*, *«заведомо ложный донос в отношении представителя власти»*, *«причинение преступлением тяжких последствий»*.

2. Конструкция состава фальсификации доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником (ч. 2 ст. 303 УК РФ) не охватывает весь круг общественно опасных деяний, связанных с использованием различных форм лжи и обмана при манипуляциях с доказательствами и их источниками, в том числе уничтожение процессуально закрепленных доказательств, а также сокрытие их источников. Кроме этого законодательная конструкция указанного состава преступления предусматривает в качестве субъектов ч. 2 ст. 303 УК РФ только должностных лиц органов уголовного судопроизводства и защитника, что порождает проблемы квалификации фальсификации доказательств, совершенных иным лицом, не обладающим признаками специального субъекта. Указанные недостатки конструкции состава ч. 2 ст. 303 УК РФ рассматривались рядом авторов, предложения которых о конкретизации и расширении перечня возможных действий, составляющих объективную сторону фальсификации доказательств (не только собственно «подделки» доказательств, но и «подмены» и «искажения») [31], а также о включении в число субъектов указанного преступления и других лиц, не обладающих признаками специального субъекта [32], безусловно, заслуживают поддержки.

Вместе с тем, по нашему мнению, указанные предложения по совершенствованию регламентации ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу недостаточны для создания эффективного уголовно-правового регулирования в данной области процессуальных отношений. По мнению В. Боркова, в субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, необходимо включить специальную цель – последующее использование сфальсифицированных доказательств в процессе установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, так как «только таким образом возможно посягательство на интересы правосудия» [33]. Полагаем, что указанная формулировка цели преступления не только не будет способствовать совершенствованию правовой регламентации ответственности, а, наоборот, затруднит привлечение виновных к уголовной ответственности, например, в случае, когда защита будет оспаривать относимость сфальсифицированного доказательства к предмету доказывания по данному уголовному делу. Более того, рассматриваемое деяние всегда причиняет ущерб авторитету органов уголовного судопроизводства независимо от связи доказательства с предметом доказывания по уголовному делу (то есть может посягать на истину первого уровня – *истину факта*). Вместе с тем степень общественной опасности посягательства существенно повышается, когда сфальсифицированное доказательство используется для обоснования принятия незаконных процессуальных решений (то есть посягает на истину второго уровня – *истину применения права*). В связи с изложенным осуществление дифференциации ответственности за фальсификацию доказательств возможно за счет снижения размеров наказаний в санкции ч. 2 ст. 303 УК РФ и введения в ч. 3 ст. 303 УК РФ нового квалифицирующего признака – специальной цели: *«совершение преступления с целью обоснования принятия незаконного процессуального решения»*.

3. Заведомо ложный донос лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, о совершении инкриминируемого ему преступления называемым им другим конкретным лицом (оговор) является недопустимым средством защиты, так как приводит к существенному ограничению прав и свобод оговариваемого лица. Однако, несмотря на очевидную общественную опасность такого оговора, оговор со стороны лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не может квалифицироваться по ст. 306 УК РФ в ее действующей редакции. На наш взгляд, проблема здесь заключается в том, что под

доносом и в лексическом, и в уголовно-правовом смысле понимается информация о преступлении, еще не известная правоохранительным органам, которая инициирует деятельность органов расследования по проверке доноса, а при оговоре лицо сообщает информацию о событии, которое уже является предметом проверки или расследования. Поэтому оговор хотя и схож с доносом, но не является им в буквальном смысле этого слова и не может быть квалифицирован по ст. 306 УК РФ, так как в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается. В связи с изложенным полагаем необходимым ввести в уголовный закон новую уголовно-правовую норму, которая предусматривала бы ответственность за оговор, совершенный лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Важно заметить, что оговор в целях защиты себя от существующего подозрения обладает меньшей степенью общественной опасности по сравнению с доносом в отношении конкретного лица и в связи с этим должен наказываться менее строго.

Предлагаемая нами оценка оговора как недопустимого средства защиты, использование которого должно повлечь за собой привлечение к уголовной ответственности, нашла свое подтверждение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации [34], а также поддерживается целым рядом исследователей [35].

4. Существует необходимость совершенствования не только диспозиций, но и санкций рассматриваемых нами уголовно-правовых норм. Приведенные ранее предложения об ужесточении наказания за преступления, связанные с предоставлением органам расследования и судам ложной информации [36], по нашему мнению, не обеспечат эффективное предупредительное воздействие. Необходимо акцентировать внимание не на тяжести наказаний, а на действенности санкций, содержащихся в рассматриваемых нормах, их превентивном потенциале. Поскольку санкции практически всех рассматриваемых норм по основному составу преступления предусматривают возможность назначения штрафа, не устанавливая его нижнюю границу, необходимо ввести нижний предел наказания в виде штрафа и минимизировать разброс от верхнего до нижнего предела (например, предусмотреть размеры штрафа от пятидесяти до трехсот тысяч рублей).

В заключение полагаем необходимым отметить, что регламентация уголовной ответственности за посягательства на отношения, направленные на достижение истины в уголовном судопроизводстве, требует комплексного и всестороннего исследования, поэтому указанная публикация может рассматриваться как приглашение к дальнейшей научной дискуссии.

Примечания

1. Володина Л. М. Установление истины в уголовном процессе // Вопросы правопедания. 2013. № 3. С. 317–335; Доля Е. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 3–9; Подольный Н. А. Методологическое и идеологическое значение проблемы истины в уголовном процессе // Российский судья. 2012. № 8. С. 22–25; Солнцева Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 5. С. 38.

2. Кулешов Ю. И. Некоторые аспекты эволюции правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в российском законодательстве // История государства и права. 2010. № 14. С. 12.

3. Багмет А. М. Роль следователя в установлении объективной истины при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 16. С. 4–6.

4. Медведев Е. В. Ответственность за ложь по российскому уголовному законодательству // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 3(3). С. 126.

5. Смолин С. В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012. С. 188.

6. Колесник В. М. Преступные посягательства на отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств и истинных выводов по делу: автореф. дис... канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 / В. М. Колесник. Ростов, 2002. С. 6.

7. Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве: дис... канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 / М. В. Рудов; Дальневосточный ЮИ МВД России. Хабаровск, 2002. С. 9–10.

8. Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: автореф. дис... канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 / А. В. Федоров. М., 2004. С. 17–18.

9. Володина Л. М. Указ. соч. С. 327–330; Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5). С. 59–60; Доля Е. Указ. соч. С. 3–9.

10. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 65.

11. *Шляпочников А. С.* Толкование советского уголовного закона. М. : Госюриздат, 1960. С. 55.
12. *Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис... д-ра юрид. наук: спец.: 12.00.08 / Л. В. Лобанова. Казань, 2000. С. 77–83.
13. *Голоднюк М.* Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1996. № 6. С. 18.
14. *Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 35.
15. Там же. С. 9.
16. *Горелик А. С., Лобанова Л. В.* Указ. соч. С. 62.
17. *Спектор Л. А.* Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис... д-ра юрид. наук: спец.: 12.00.08 / Л. А. Спектор. Ростов н/Д, 2012. С. 14; *Федоров А. В.* Указ. соч. С. 7.
18. *Мальцев В.* Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 2. С. 51.
19. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 101; *Подольный Н. А.* Указ. соч. С. 22–24.
20. *Коновалова А. Б.* К вопросу о цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2(1). С. 63.
21. *Додонов В.* Усилить спрос за лжесвидетельство // Законность. 2006. № 5. С. 28.
22. *Мищенко И.* Почему не работают ст. 307, 308, 309 УК РФ // Законность. 2007. № 6. С. 42.
23. *Смолин С. В.* Указ. соч. С. 132–136.
24. *Смолин С. В.* Указ. соч. С. 204–211.
25. *Кудашев Ш.* Дифференциация уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2006. № 5. С. 63.
26. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. 2003. № 252.
27. *Кулешов Ю. И.* Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: автореф. дис... д-ра юрид. наук: спец.: 12.00.08 / Ю. И. Кулешов. Владивосток, 2007. С. 33.
28. *Кудашев Ш.* Указ. соч. С. 62.
29. *Бабыч С. А.* Провокация взятки либо коммерческого подкупа: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 / С. А. Бабыч. М., 2006. С. 22; *Кулешов Ю. И.* Указ. соч. С. 22; *Сургай С. А.* Разграничение клеветы в отношении судьи, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и заведомо ложного доноса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 2. С. 179–180; *Яни П. С.* Провокация взятки [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. URL: <http://lawfirm.ru/article/index.php?id=207>.
30. *Бирюков Ю. О.* некоторых направлениях уголовной политики России // Уголовное право. 2014. № 1. С. 114.
31. *Лобанова Л., Рожнов А., Синельников А.* Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации // Уголовное право. 2012. № 6. С. 34.
32. *Борков В.* Сложность квалификации фальсификации доказательств // Уголовное право. 2009. № 2. С. 20.
33. Там же.
34. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 г. № 1818-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борща Виктора Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 г. № 661-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
35. *Кожневников Л. Л.* К вопросу об уголовной ответственности за оговор заведомо невиновного в России и за рубежом // Отдельные вопросы российского права: сб. статей. Вып. 11. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. С. 20–21; *Лобанова Л. В.* Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний // Мировой судья. 2012. № 3. С. 7; *Шнитенков А. В.* Уголовная ответственность за заведомо ложный донос // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 44–45.
36. *Бирюков Ю.* Указ. соч. С. 114; *Мищенко И.* Указ. соч. С. 42.

Notes

1. *Volodina L. M.* Ustanovlenie istiny v ugovolnom protsesse [Establishment of the truth in criminal proceedings] // Voprosy pravovedeniya – Questions of Law. 2013, № 3, pp. 317-335; *Dolya E.* Soderzhanie istiny, ustanavlivaemoy v ugovolnom sudoproizvodstve [The content of truth, established in criminal proceedings] // Zakonnost – Legality. 2013, № 11, pp. 3-9; *Podolny N. A.* Metodologicheskoe i ideologicheskoe znachenie problemy istiny v ugovolnom protsesse [Methodological and ideological significance of the prob-

lem of truth in criminal proceedings] // Rossiyskiy sudya – Russian judge. 2012, № 8, pp. 22-25; *Solntseva N.* Printsip-nevidimka v ugovnom sudoproizvodstve [Invisible principle in criminal proceedings] // *Zakonnost – Legality.* 2003, № 5, pp. 38.

2. *Kuleshov Y. I.* Nekotoryie aspekty evolyutsii pravovyih norm ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya v rossiyskom zakonodatelstve [Some aspects of the evolution of legal rules on liability for crimes against justice in the Russian legislation] // *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law.* 2010, № 14, p. 12.

3. *Bagmet A. M.* Rol sledovatelya v ustanovlenii ob'ektivnoy istiny pri rassledovanii prestupleniy [The role of the investigator in establishing of objective truth while investigating of crimes] // *Rossiyskiy sledovatel – Russian investigator.* 2013, № 16, pp. 4-6.

4. *Medvedev E. V.* Otvetstvennost za lozh po rossiyskomu ugovnomu zakonodatelstvu [Responsibility for lying in the Russian criminal law] // *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science vector of Togliatti State University.* 2010, № 3 (3), p. 126.

5. *Smolin S. V.* Ugolovnaya otvetstvennost za zavedomo lozhnyiy donos [Criminal liability for misleading information]. Moscow: "Yurlitinform" Publ., 2012, p. 188.

6. *Kolesnik V. M.* Prestupnyie posyagatelstva na otnosheniya, obespechivayuschie poluchenie dostovernnyih dokazatelstv i istinnyih vyivodov po delu: avtoref. dis. kand. jurid. nauk: spec.: 12.00.08 [Criminal encroachments on relationships underpinning to obtain reliable evidence and the true findings of the case: autoref. dis. Cand. jur. sci: spec.: 12.00.08] / V.M. Kolesnik. Rostov, 2002, p. 6.

7. *Rudow M. V.* Ugolovno-pravovyye sredstva ohranyi istiny v ugovnom sudoproizvodstve: dis. kand. jurid. nauk: spec.: 12.00.08 [Criminal legal means of protection of the truth in criminal proceedings: dis. Cand. jurid. sci.: spec.: 12.00.08] / M.V. Rudow; Far East Juridical Institute of Russian Interior Ministry. Khabarovsk, 2002, p. 9-10.

8. *Fedorov A. V.* Ponyatie i klassifikatsiya prestupleniy protiv pravosudiya: avtoref. dis. kand. jurid. nauk: spec.: 12.00.08 [Concept and classification of crimes against justice: autoref. dis. Cand. jurid. sci.: spec.: 12.00.08] / A.V. Fedorov. Moscow, 2004, p. 17-18.

9. *Volodin L. M.* Op.cit. Pp. 327-330; *Voskobitova L. A.* Nekotoryie osobennosti poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Some features of knowledge in criminal proceedings] // *Biblioteka kriminalista – Library of criminalist. Scientific journal.* 2012, № 4 (5), pp. 59-60; *Dolya E.* Op. cit. Pp. 3-9.

10. *Gorelik A. S., Lobanov L. V.* Prestupleniya protiv pravosudiya [Crimes against justice]. St. Petersburg: Legal Center Press, 2005, p. 65.

11. *Shlyapochnikov A.* Tolkovanie sovetского ugovnogo zakona [Interpretation of Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat. 1960. P. 55.

12. *Lobanova L. V.* Prestupleniya protiv pravosudiya: Problemy klassifikatsii posyagatelstv, reglamentatsii i differentsiatsii otvetstvennosti: dis. d-ra jurid. nauk: spec.: 12.00.08 / L. V. Lobanova. [Crimes against justice: Problems of classification abuse, regulation and differentiation of responsibility: dis. Dr. jur. sci.: spec.: 12.00.08 / L.V. Lobanova]. Kazan, 2000, pp. 77-83.

13. *Golodnyuk M.* Voprosy razvitiya zakonodatelstva o prestupleniyah protiv pravosudiya [Questions development of legislation on crimes against justice] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Moscow University Herald. Ser. 11: Right,* 1996, № 6, p. 18.

14. *Lobanova L. V.* Prestupleniya protiv pravosudiya. Obschaya karakteristika i klassifikatsiya [Crimes against justice. General characteristics and classification]: tutorial. Volgograd. VolSU Publ. 2004. P. 35.

15. Ibid. P. 9.

16. *Gorelik A. S., Lobanova L. V.* Op.cit. P. 62.

17. *Spector L. A.* Sudebnaya vlast kak ob'ekt ugovno-pravovoy ohranyi: avtoref. Dis. d-ra jurid. nauk: spec.: 12.00.08 [The judiciary as an object of criminal law protection: autoref. dis. Dr. jur. sci.: spec.: 12.00.08] / L. Spector. Rostov n / D, 2012, pp. 14; *Fedorov A. V.* Op. cit. P. 7.

18. *Maltsev V.* Ponyatie ob'ekta prestupleniya [Notion of object of crime] // *Ugolovnoe pravo – Criminal Law,* 2011, № 2, p. 51.

19. *Lupinskaya P. A.* Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo i praktika [Decisions in criminal proceedings: theory, law and practice]. Moscow: Yurist Publ. 2006. P. 101; *Podolny N. A.* Op.cit. Pp. 22-24.

20. *Konovalova A. B.* K voprosu o tseli dokazyivaniya v ugovnom sudoproizvodstve [To the question about the purpose of proof in criminal proceedings] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State Humanities University.* 2010, № 2 (1), P. 63.

21. *Dodonov V.* Usilit spros za lzhesvidetelstvo [To strengthen demand for perjury] // *Zakonnost – Laws.* 2006, № 5, p. 28.

22. *Mischenkova I.* Pochemu ne rabotayut st. 307, 308, 309 UK RF [Why do art. 307, 308, 309 of the Criminal Code of RF not work] // *Zakonnost – Laws.* 2007, № 6, p. 42.

23. *Smolin S. V.* Op.cit. Pp. 132-136.

24. *Smolin S. V.* Op.cit. Pp. 204-211.

25. *Kudashev S.* Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya [Differentiation of criminal responsibility and punishment] // *Ugolovnoe pravo – Criminal Law.* 2006, № 5, p. 63.

26. On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.12.2003 № 162-FZ // Rossiyskaya Gazeta – The Russian newspaper. 2003, № 252. (in Russ.)
27. *Kuleshov Y. I.* Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravoprimeneniya: avtoref. Dis. d-ra jurid. nauk: spec.: 12.00.08 [Crimes against justice: theory, law and enforcement: autoref. dis. Dr. jur. sci.: spec.: 12.00.08] / Y.I. Kuleshov. Vladivostok, 2007, p. 33.
28. *Kudashev Sh.* Op.cit. P. 62.
29. *Babych S. A.* Provokatsiya vzyatki libo kommercheskogo podkupa: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis... kand. jurid. nauk: spec. 12.00.08 [Provocation bribe or commercial bribery: criminal and criminological aspects: autoref. dis. cand. jurid. Sci.: special. 12.00.08] / S.A. Babych. Moscow, 2006, p. 22; *Kuleshov Y. I.* Op. cit. P. 22; *Surgai S. A.* Razgranichenie klevetyi v otnoshenii sudi, soedinennoy s obvineniem litsa v sovershenii tyazhkogo ili osobo tyazhkogo prestupleniya, i zavedomo lozhnogo donosa [Differentiation slander against the judge, accusing a person of committing a grave or especially grave crime, and knowingly false denunciation] // Probelyi v rossiyskom zakonodatelstve – Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2009, № 2, pp. 179-180; *Jani P. S.* Provokatsiya vzyatki [Provocation of bribery [electronic resource]] // Zakonyi Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws Russia: experience, analysis, and practice. 2007, № 1, Available at: <http://lawfirm.ru/article/index.php?id=207>. (in Russ.)
30. *Biryukov Y. O.* nekotoryih napravleniyah ugolovnoy politiki Rossii [Some areas of criminal policy in Russia] // Ugolovnoe pravo – Criminal Law, 2014, № 1, p. 114.
31. *Lobanova L. A., Roznov A., Sinelnikov A.* Falsifikatsiya dokazatelstv po ugolovnomu delu: voprosy kvalifikatsii i nedostatki pravovoy reglamentatsii [Falsification of evidence in criminal proceedings: qualification issues and shortcomings of the legal regulation] // Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2012, № 6, p. 34.
32. *Borkov B.* [Complexity qualification tampering with evidence] // Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2009, № 2, p. 20.
33. Ibid.
34. The Constitutional Court of the Russian Federation of 24.09.2012, № 1818-O "To refuse to accept complaints from citizens Borsch Victor Mikhailovich violation of his constitutional rights in Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation" [electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus"; The Constitutional Court of the Russian Federation of 04.04.2013, № 661-O "to refuse to accept complaints from citizens Shagieva Nuryahmata Nuryhanovicha violation of his constitutional rights provisions of Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation" [electronic resource] // Legal Reference System "consultant Plus". (in Russ.)
35. *Kozhevnikov L. L.* K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za ogovor zavedomo nevinovnogo v Rossii i za rubezhom [On the question of criminal liability for slander obviously innocent in Russia and abroad] // Otdelnyie voprosy rossiyskogo prava – Selected issues of Russian law: Col. articles. Is. 11. Volgograd: Volgograd scientific publishment. 2006. Pp. 20-21; *Lobanova L. V.* Nuzhno li podvergat obvinyaemogo ugolovnoy otvetstvennosti za dachu zavedomo lozhnyih pokazaniy [Is it necessary to expose the accused of criminal liability for perjury] // Mirovoy sudya – Magistrate, 2012, № 3, pp. 7; *Shnitenkov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost za zavedomo lozhnyiy donos [Criminal liability for misleading information] // Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice, 2007, № 12, pp. 44-45.
36. *Biryukov Yu.* Op. cit. P. 114; *Mischenkova I.* Op. cit. P. 42.

УДК 342.9

Д. Г. Домрачев

О проекте нового Федерального закона об административной ответственности в Российской Федерации

В Российской Федерации давно назрела необходимость существенной корректировки действующего законодательства об административной ответственности, особенно в части назначения административных наказаний в отношении юридических лиц, о чем свидетельствуют выступления известных ученых-административистов и практика рассмотрения жалоб в Конституционном Суде РФ.

В связи с этим Государственной думой принято решение о разработке и принятии нового кодекса об административных правонарушениях. В статье изложены основные новеллы, предлагаемые разработчиками нового административного закона. Среди них такие, например, как уточнение юридической формулы вины юридического лица в совершении административного правонарушения и существенное отграничение оснований для привлечения его к административной ответственности, изменение понятийного аппарата, возможность снижения минимальных размеров штрафов, налагае-

мых судами на юридических лиц при наличии определенных обстоятельств. Также предлагается исключить из числа юридических лиц как субъектов административной ответственности государственные органы и органы местного самоуправления, совершившие противоправные действия (бездействие) в процессе осуществления внешней публично-властной деятельности в качестве властвующих субъектов.

In the Russian Federation is long overdue significant adjustment to the current legislation on administrative responsibility, especially in terms of appointment of administrative punishment in the case of legal entities, as evidenced by the performance of famous scientists-administrativists and practice complaint in the constitutional Court of the Russian Federation.

In this regard, the state Duma decided on the development and adoption of the new code of administrative offences. In the article the basic novelties offered by developers of the new administrative law. Among them such as clarifying legal formula guilt of the legal person in the Commission of an administrative offence and significant delimitation reason to bring him to administrative responsibility, the change of the conceptual apparatus, the possibility of lowering the minimum amount of fines imposed by the courts on legal entities under certain circumstances. It is also proposed to exclude from the number of legal entities as subjects of administrative responsibility of state bodies and bodies of local self-government, committed illegal actions (inaction) in the implementation of the external public authority activity as dominating entities.

Ключевые слова: административное законодательство, административное наказание, штраф, санкции, Конституционный Суд РФ, юридические лица, субъекты публичной власти, административный закон, правоприменение, правовые принципы, права и свободы.

Keywords: administrative law, administrative penalties, fines, sanctions, the constitutional Court of the Russian Federation, legal entities, subjects of public authorities and administrative law, law enforcement, legal principles, rights and freedoms.

Анализ принятых в Российской Федерации за последние десятилетия нормативно-правовых актов в административно-публичной сфере показывает, что административное право в нашем государстве динамично развивается. Возникновение новых экономических правоотношений не может оставаться без соответствующего государственного правового регулирования.

Одним из основных таких нормативно-правовых актов является принятый 30 декабря 2001 г. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) [1]. В свое время это был весьма долгожданный и востребованный основной административный закон, установивший новую систему правоотношений между государством и обществом по поводу обеспечения соблюдения норм административного права и затронувший интересы каждого жителя России.

Новый административный кодекс имел значительные преимущества перед действовавшим ранее по своей структурированности, логической последовательности и удобству использования субъектами правоотношений. Он имел большое количество новелл, одной из которых, например, является установление правового института административной ответственности юридических лиц.

Однако быстрые и существенные изменения в государстве и обществе, экономическое и политическое развитие России, а также результаты правоприменительной практики послужили причиной постоянной модернизации КоАП РФ путем внесения в него различных изменений, дополнений и поправок. По состоянию на 1.05.2014 г. федеральными законами и постановлениями Конституционного Суда РФ внесено 372 такие поправки. Такое огромное количество изменений в административный закон объясняется, в том числе и его несовершенством по ряду вопросов, проявившимся в результате практического применения [2].

На момент вступления в действие (1.01.2002 г.) тогда еще новый КоАП РФ уже имел пробелы, противоречия и разночтения по некоторым вопросам его применения, которые, впрочем, были постепенно устранены. Например, уже в 2002 г., начиная с 25 апреля, были приняты 5 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в только что принятый кодекс.

Но спустя несколько лет с изменением приоритетов развития экономики государства стали все более явно проявляться принципиальные недостатки закона, которые стали причиной негативных проявлений в таких важных вопросах, как развитие малого и среднего бизнеса.

Указанные тенденции, требующие концептуального изменения норм административного законодательства, в конце двухтысячных годов стали предметом обсуждения известными в нашей стране и за рубежом учеными-административистами и практиками в правоприменительной сфере.

Так, например, доктором юридических наук, профессором кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ П. И. Кононовым в статье «О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] еще в 2008 г. были обозначены указанные проблемы и предложены способы их правового урегулирования.

В частности, автором обращалось внимание на несоразмерность административных наказаний их тяжести и общественной опасности по ряду статей КоАП РФ, вопросам применения норм КоАП РФ к юридическим лицам, осуществлению принципов справедливости и целесообразности при реализации норм кодекса и т. д.

Особенно остро были обозначены проблемы необходимости совершенствования законодательства об административных правонарушениях в публикации П. И. Кононова в одном из ведущих юридических изданий «О некоторых актуальных проблемах административной ответственности юридических лиц (по материалам арбитражно-судебной практики)» [4]. В данной статье на основе анализа административно-юрисдикционной практики изложены актуальные проблемы назначения юридическим лицам обоснованного и справедливого наказания за совершенные ими административные правонарушения, а также вопросы законности и целесообразности привлечения к административной ответственности государственных органов и органов местного самоуправления как юридических лиц.

Сделанные автором в этих и других работах выводы и предложения по совершенствованию КоАП РФ нашли свое подтверждение в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П [3] и от 8 апреля 2014 г. № 10-П, которыми были признаны противоречащими Конституции Российской Федерации ряд положений КоАП РФ о назначении административных наказаний в отношении юридических лиц.

В данной статье, ввиду ограниченности ее объема, раскрыты лишь некоторые аспекты существующей в рассматриваемом вопросе проблематики. Существуют и другие актуальные проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности в Российской Федерации. Но и эти проблемы послужили основанием к рассмотрению на государственном уровне вопроса о модернизации административного законодательства и принятию нового закона об административной ответственности.

Таким образом, в феврале 2014 г. Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации было дано поручение Комитету по конституционному законодательству и государственному строительству о разработке концепции нового кодекса РФ об административных правонарушениях (об административной ответственности – возможное новое название) в Российской Федерации (далее – кодекс).

В связи с этим в настоящее время сформирована рабочая группа по разработке проекта закона из числа наиболее авторитетных ученых в сфере административного права, в состав которой включен и отмеченный нами П. И. Кононов.

Проект концепции нового закона содержит большое количество новелл, среди которых для нас наибольший интерес представляют следующие.

Во-первых, принято принципиальное решение выделить и законодательно закрепить две составные части кодекса: непосредственно кодекс об административной ответственности, содержащий нормы материального права и административно-процессуальный кодекс (рабочее название), содержащий нормы процессуального права.

В первой главе кодекса среди принципов применения административной ответственности планируется закрепить:

- принцип персонализации административной ответственности, то есть привлечение к административной ответственности того физического или юридического лица, которое непосредственно совершило противоправное действие (бездействие), образующее событие административного правонарушения;

- принцип справедливости административной ответственности, то есть соответствие применяемых к лицу мер административной ответственности и иных мер административного принуждения характеру совершенного им административного правонарушения, об-

стоятельствам его совершения, личности виновного физического лица (по аналогии с нормой ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации);

– правило, согласно которому все неустранимые сомнения, противоречия и неясности в правовых нормах, нарушение которых вменяется лицу, привлекаемому к административной ответственности, толкуются в пользу данного лица (по аналогии с ч. 7 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации).

Во второй главе планируется дать новые понятия административной ответственности, административного правонарушения, состава и элементов состава административного правонарушения, которые бы имели не теоретический, а прикладной, рабочий характер, были бы понятны правоприменителю и лицам, привлекаемым к административной ответственности.

Также во 2-й главе предлагается определить общие правовые основы административной ответственности физических лиц (граждан), не обладающих каким-либо специальным правовым статусом, а также должностных лиц.

Однако наибольшую актуальность для субъектов предпринимательской деятельности и публично-правовых образований представляют новеллы в сфере применения норм об административной ответственности в отношении юридических лиц.

С точки зрения одного из авторов концепции нового административного кодекса П. И. Кононова, под юридическим лицом как субъектом административного правонарушения должна пониматься коммерческая или некоммерческая организация, обладающая признаками юридического лица, предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации. По его мнению, отсутствует необходимость во введении в КоАП РФ специального понятия юридического лица как субъекта административного правонарушения.

Существует необходимость исключить из числа юридических лиц как субъектов административной ответственности государственные органы и органы местного самоуправления, совершившие противоправные действия (бездействие), образующие объективную сторону соответствующих административных правонарушений, не в ходе финансово-хозяйственной деятельности в качестве юридических лиц, а в процессе осуществления внешней публично-властной деятельности в качестве властвующих субъектов. В указанных случаях к административной ответственности должны привлекаться публичные должностные лица, действующие от имени государственных органов и органов местного самоуправления.

В новом КоАП РФ предлагается провести четкое разграничение оснований и правил привлечения к административной ответственности юридических лиц и их должностных лиц (руководителей и иных работников юридических лиц). При этом следует исходить из того, что юридическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) публично-правовых обязанностей, несоблюдение публично-правовых запретов, установленных законом или иным нормативным правовым актом именно в отношении юридических лиц, а не в отношении должностных лиц различных категорий.

Подлежит уточнению юридическая формула вины юридического лица в совершении административного правонарушения, закрепленная в настоящее время в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ. В частности, в соответствующей норме необходимо указать на обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии вины юридического лица в совершении административного правонарушения. Общие положения об административной ответственности юридических лиц сформулированы в главе 2 КоАП РФ следующим образом.

Юридическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности за совершенное им или отдельными его работниками (сотрудниками) противоправное действие (бездействие), заключающееся в неисполнении (ненадлежащем исполнении) возложенных на него законом, иными нормативными правовыми актами, нормативными документами публично-правовых обязанностей, несоблюдении установленных в отношении него законом, иными нормативными правовыми актами, нормативными документами публично-правовых запретов и ограничений, образующее объективную сторону административного правонарушения, при установлении его вины в совершении указанного действия (бездействия).

Юридическое лицо не может нести административную ответственность за противоправное действие (бездействие), связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением публично-правовых обязанностей, возложенных законом или иным нормативным правовым актом не на юридических, а на физических лиц, в том числе должностных лиц, а равно

с несоблюдением указанными лицами установленных в отношении их законом или иным нормативным правовым актом запретов и других ограничений.

Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если компетентным органом, должностным лицом, судьей при рассмотрении дела об этом правонарушении будет установлено, что данным юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры организационно-распорядительного, финансового или материально-технического характера, направленные на обеспечение надлежащего исполнения возложенных на него публично-правовых обязанностей, соблюдения установленных в отношении него публично-правовых запретов и ограничений. Если, несмотря на принятие юридическим лицом указанных мер, противоправное действие (бездействие), образующее объективную сторону административного правонарушения, было допущено в силу наличия в момент его совершения обстоятельств, препятствующих исполнению соответствующих обязанностей, соблюдению соответствующих запретов и ограничений, повлиять на действие которых юридическое лицо не имело возможности, данное лицо не может быть признано виновным в совершении административного правонарушения.

Также огромное значение для реализации основных принципов административной ответственности – принципов справедливости и соразмерности и целесообразности – имеют следующие предлагаемые в новом кодексе новеллы.

Предлагается законодательно установить возможность снижения минимальных размеров штрафов, налагаемых судами на юридических лиц при наличии определенных обстоятельств, изложенных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П (небольшая общественная опасность правонарушения, устранение нарушения до рассмотрения дела, материальное положение юридического лица) [5].

Также предлагается в случае выявления контрольно-надзорными органами со стороны юридического лица нарушения, не имеющего злостный и системный характер и не представляющего реальную угрозу безопасности жизни и здоровья граждан, ограничиваться выдчей обязательного для исполнения предписания, без привлечения к административной ответственности и возбуждать административное производство только в случае неисполнения данного предписания.

Подводя итог, отмечу, что принятие нового закона об административной ответственности с учетом изложенных предложений повлечет значительные изменения правоотношений в сфере административно-публичной деятельности в сторону более эффективной реализации основополагающих правовых принципов, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также субъектов предпринимательской деятельности.

Примечания

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. *Домрачев Д. Г.* Вопросы правоприменительной практики контрольно-надзорных органов в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3.

3. *Кононов П. И.* О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 4.

4. *Кононов П. И.* О некоторых актуальных проблемах административной ответственности юридических лиц (по материалам арбитражно-судебной практики) // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2012. № 3.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П // Российская газета. 2014. 5 марта.

Notes

1. The Russian Federation Code of Administrative Offences of December 30, 2001 № 195-FZ / / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002, № 1 (Part 1), Art. 1. (in Russ.)

2. *Domrachev D. G.* Voprosyi pravoprimeritelnoy praktiki kontrolno-nadzorniyh organov v svete Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 fevralya 2014 g. # 4-P [Questions of law enforcement supervisory bodies in the light of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, dated February 25, 2014 number 4-P] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State University. 2014, № 3.

3. Kononov P. I. O nekotoryih aktualnyih problemah primeneniya i sovershenstvovaniya Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravonarusheniayah [On some current problems and improve the application of the Code of the Russian Federation on Administrative Violations] // Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process. 2008, № 4.

4. Kononov P. I. O nekotoryih aktualnyih problemah administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits (po materialam arbitrazhno-sudebnoy praktiki) [On some actual problems of administrative liability of legal persons (based on the arbitration court practice)] // Zakonyi Rossii. Opyit. Analiz. Praktika – Russian laws. Experience. Analysis. Practice. 2012, Number 3.

5. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25 February 2014 number 4-P / Rossiyskaya Gazeta – Russian newspaper, 2014, March 5. (in Russ.)

УДК 342.95

Е. В. Чиркова

Некоторые проблемы производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

В статье рассмотрены некоторые проблемы производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В действующем законодательстве, касающемся вопросов привлечения к административной ответственности лиц за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, выявлены проблемы правового характера. С учетом формального характера составов правонарушений частей 1–3 ст. 15.27, а также того, что подавляющее большинство нарушений, квалифицируемых по частям 1 и 2 ст. 15.27 КоАП РФ, носят технический характер, представляется, что публикация сообщений о принятых Банком России решениях о привлечении кредитных организаций и (или) должностных лиц, являющихся единоличными исполнительными органами кредитных организаций, к административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, неоправданно наносит существенный вред деловой репутации соответствующих кредитных организаций. В статье приведены предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

The article considers some problems of manufacture on Affairs about infringements of the legislation on countering the legalization (laundering) of income obtained by criminal means and financing of terrorism. In the current legislation concerning the issues of administrative responsibility for legalization (laundering) of proceeds of crime, identified problems of a legal nature. Considering the formal nature of the violations parts 1-3 article 15.27 and analytical materials that the vast majority of violations referred to in parts 1 and 2 article 15.27 of the administrative code, are technical in nature, it seems that the publication of reports adopted by the Bank of Russia the decision on attraction of the credit organizations and (or) of officials, which is the sole Executive bodies of the credit organizations to administrative responsibility for administrative offences in the cases provided for article 15.27 of the administrative code, unnecessarily damaging the business reputation of the relevant credit institutions. The article contains proposals on improvement of legislation in this field.

Ключевые слова: административная ответственность, производство по делам о нарушениях законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, вред деловой репутации кредитных организаций.

Keywords: administrative responsibility, manufacture on Affairs about infringements of the legislation on countering the legalization (laundering) of income obtained by criminal means and financing of terrorism, the harm of business reputation, credit organizations.

В России создание национальной системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма датируют 2001 г., в августе которого был принят Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмы-

ванию) преступных доходов» [1], что в том числе, по справедливому утверждению Н. И. Химичевой и Е. В. Покачаловой, обуславливалось ростом правонарушений в сфере финансов и денежного обращения, в особенности использования официальных действующих организаций (банков, страховых компаний, ломбардов и др.) для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем [2].

Вместе с тем, как справедливо отмечает О. Г. Карпович, первоначальные шаги по образованию национальной системы противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в России начались с разработки концепции и проекта Федерального закона «Об ответственности за легализацию преступных доходов» на основании Указа Президента Российской Федерации от 24 мая 1994 г. № 1016 [3].

Российский период с 1994 по 2001 г. можно охарактеризовать как период «проб и ошибок», в течение которого было разработано несколько законопроектов в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, впоследствии отклоненных Президентом России как не соответствующих конституционным принципам Российского государства.

Принятый 7 августа 2001 г. и вступивший в законную силу с 1 февраля 2002 г. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» обязал организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, среди которых изначально были кредитные организации, а также профессиональных участников рынка ценных бумаг, страховые и лизинговые компании, организации почтовой, телеграфной связи и иные не кредитные организации, осуществляющие перевод денежных средств, ломбарды, выявлять операции, подлежащие обязательному контролю (на основе законодательно установленных критериев), и подозрительные операции (согласно дополнительным признакам) и информировать о них Комитет по финансовому мониторингу, который, в свою очередь, должен при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о связи таких операций с легализацией преступных доходов, передавать соответствующую информацию в правоохранительные органы.

Вместе с тем, на наш взгляд, началом деятельности российских уполномоченных органов по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма в Российской Федерации и, как следствие, деятельности финансовых институтов можно считать принятие Банком России еще в 1997 г. на основе Рекомендаций ФАТФ Методических рекомендаций по вопросам работы по предотвращению проникновения доходов, полученных незаконным путем, в банки и иные кредитные организации (письмо ЦБ РФ от 3 июля 1997 г. № 479) [4].

Несмотря на то, что данный акт Банка России носил для банков лишь рекомендательный характер, можно утверждать, что уже в конце 90-х гг. прошлого века Банк России начал уделять пристальное внимание вопросам отмывания преступных доходов путем проверки «качества» источников формирования уставного капитала кредитных организаций [5]. Принятый Федеральный закон в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма лишь законодательно закрепил Банк России и кредитные организации как основных субъектов финансового мониторинга [6].

Необходимо отметить, что в 1998 г. был принят Федеральный закон «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходами» [7]. Через год указанный акт был отменен, а с 2000 г. контроль над расходами был включен в сферу действия НК РФ, в соответствии с которым налоговому контролю подлежат расходы физического лица-резидента РФ, приобретающего в собственность недвижимое имущество, механические транспортные средства, акции открытых акционерных обществ, государственные и муниципальные ценные бумаги, культурные ценности и золото в слитках [8].

Уже через несколько месяцев после принятия Федерального закона Указом Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 был образован федеральный орган исполнительной власти – Комитет по финансовому мониторингу (КФМ России), который был уполномочен принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов.

К основным задачам Комитета по финансовому мониторингу Российской Федерации [9] были отнесены: 1) контроль и надзор за соблюдением требований законодательства о противодействии легализации преступных доходов и финансированию терроризма; 2) сбор,

обработка и анализ информации об операциях с денежными средствами или иным имуществом в целях выявления признаков связи с легализацией преступных доходов или финансированием терроризма; 3) направление информации в правоохранительные органы при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о связи с указанными преступлениями; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в данной сфере и представление Российской Федерации в международных организациях по вопросам своей компетенции. Обращаясь к экономической ситуации в России, состояние государственных и частных финансов того периода времени можно охарактеризовать словами первого руководителя КФМ России В. А. Зубкова, отмечавшего, что «доля “грязных” денег в России составляет 40–50% всего денежного оборота страны» [10].

В настоящее время, даже с учетом внесения многократных изменений в действующее законодательство, касающееся вопросов привлечения к административной ответственности лиц за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, остаются проблемы правового характера.

Так, например, одним из противоречий является факт, что КоАП РФ устанавливает срок давности привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма длиной в один год со дня совершения правонарушения, а по делам о правонарушениях – один год с даты выявления правонарушения (ст. 4.5 КоАП). Этот срок отличен как от обычного срока давности привлечения к административной ответственности, установленного КоАП РФ для большинства административных правонарушений (два месяца с момента совершения), так и от срока давности применения мер принуждения, установленного ст. 74 Закона о Банке России (пять лет со дня совершения правонарушения), что, по нашему мнению, является чрезмерным.

Таким образом, считаем, что назначение административного наказания как в отношении кредитных организаций, так и в отношении их должностных лиц должно осуществляться на основании административно-процессуальных требований, определенных нормами КоАП РФ.

В соответствии с п. 9 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Банк России является инсайдером.

Согласно п. 4 части 2 ст. 3 Закона № 224-ФЗ к инсайдерской информации Банка России относится информация о принятых решениях о привлечении к административной ответственности лиц, указанных в ст. 4 Закона № 224-ФЗ, а также о применении к указанным лицам иных санкций, в том числе за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ.

Во исполнение части 3 ст. 3 и части 4 ст. 3 Закона № 224-ФЗ Банк России обязан утвердить и раскрывать перечни инсайдерской информации на своем официальном сайте в сети Интернет.

В соответствии с частью 2 ст. 8 Закона № 224-ФЗ Банк России обязан раскрывать или представлять инсайдерскую информацию на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего рабочего дня с момента ее появления (возникновения), если иной порядок и сроки раскрытия или представления такой информации не установлены федеральными законами.

Таким образом, во исполнение требований Закона № 224-ФЗ на сайте Банка России регулярно публикуются сообщения о принятых Банком России решениях о привлечении кредитных организаций и (или) должностных лиц, являющихся единоличными исполнительными органами кредитных организаций, к административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ.

В результате, как отмечается авторами, «реализовались те репутационные риски, на которые неоднократно указывала Ассоциация российских банков, обусловленные крайне негативным фактом привлечения к ответственности за нарушения, формально связываемые с нарушением Закона № 115-ФЗ, со стороны зарубежных партнеров российских банков» [11].

Таким образом, с учетом формального характера составов правонарушений частей 1–3 ст. 15.27, а также того, что подавляющее большинство нарушений, квалифицируемых по час-

тям 1 и 2 ст. 15.27 КоАП РФ, носят технический характер, представляется, что публикация сообщений о принятых Банком России решениях о привлечении кредитных организаций и (или) должностных лиц, являющихся единоличными исполнительными органами кредитных организаций, к административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, неоправданно наносит существенный вред деловой репутации соответствующих кредитных организаций.

КоАП РФ предусматривает возможность применения предупреждения в качестве одной из санкций за нарушения, предусмотренные ст. 15.27 КоАП РФ, с учетом конкретных обстоятельств совершения правонарушения. Однако с учетом того, что подавляющее большинство нарушений, квалифицируемых по частям 1 и 2 указанной статьи, носят технический характер и при этом, согласно статистике Банка России, весьма многочисленны, полагаем необходимым в части 2 ст. 3.4 КоАП РФ предусмотреть возможность многократного применения предупреждения в виде административного наказания.

КоАП РФ исходит из принципа о том, что дела об административных правонарушениях рассматриваются по месту совершения правонарушения (ч. 1 ст. 29.5). Изменение этого принципа возможно в двух случаях: а) при проведении административного расследования дело рассматривается по месту нахождения органа, который проводил административное расследование (ч. 2 ст. 29.5 КоАП); б) если субъектом правонарушения является должностное лицо (дело на основании ходатайства должностного лица рассматривается по месту жительства должностного лица).

Местом совершения правонарушения, с учетом правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», считается место окончания противоправной деятельности, ее пресечения, а если правонарушение совершено в форме бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должно было быть совершено действие, выполнена возложенная на лицо обязанность.

Как было отмечено, основное правонарушение в сфере законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, которое встречается в деятельности кредитных организаций, связано с организацией и осуществлением внутреннего контроля в связи с неисполнением сроков направления в уполномоченный орган сведений об операциях, подлежащих обязательному контролю (ч. 3 ст. 15.27 КоАП). Сообщения направляются кредитными организациями в территориальные учреждения Банка России, и с момента поступления информации в Банк России обязанность кредитной организации направить сообщение может считаться исполненной (естественно, при соблюдении стандартов формирования сообщения и направления сообщения в срок). Непредставление сообщения в территориальное учреждение Банка России, направление его с нарушением сроков или с нарушением стандартов формируют объективную сторону состава правонарушения. Организация работы многофилиальных кредитных организаций такова, что часть из них направляют сообщения через головной офис, а часть – как через головной офис, так и через филиалы. С учетом данных обстоятельств местом совершения правонарушения должно признаваться то территориальное учреждение Банка России, в которое сообщения об операциях, подлежащих обязательному контролю, должны быть направлены. Следовательно, это может быть как территориальное учреждение, осуществляющее надзор за деятельностью всей кредитной организации, так и территориальное учреждение, которое участвует в осуществлении надзора за деятельностью кредитной организации, организуя надзор за работой ее филиала. Таким образом, в отличие от системы применения мер принуждения к кредитной организации на основании ст. 74 Закона о Банке России, которую можно назвать централизованной, система наказаний к кредитным организациям за нарушения, предусмотренные нормами ст. 15.27 КоАП, будет децентрализованной.

Отдельным следствием этой системы будет увеличение административной и финансовой нагрузки на многофилиальные кредитные организации.

КоАП РФ не содержит разъяснений, как следует понимать термин «представление недостоверных сведений об операциях, подлежащих обязательному контролю». Данная норма не содержит необходимой и достаточной правовой определенности, допуская многообразие в толковании при применении части 2 ст. 15.27 КоАП РФ различными органами, и может

способствовать возникновению случаев коррупции со стороны недобросовестных сотрудников органов государственной власти, за которыми закреплены функции по проверке организаций на предмет соблюдения законодательства по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Так, например, арбитражным судом было указано, что «непрохождение главным бухгалтером Общества целевого инструктажа не относится к непредставлению или представлению недостоверных сведений об операциях, подлежащих обязательному контролю, и полностью охватывается ч. 1 ст. 15.27 КоАП РФ; представление информации в уполномоченный орган в виде формализованного сообщения на бумажных носителях по форме 3-СПД, а не 4-СПД без согласования с уполномоченными органами также не повлекло непредставления сведений или представления недостоверных сведений» [12].

В целом, подводя итоги исследования, необходимо отметить, что, учитывая специфику российской системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, требования ФАТФ об оценке финансовыми институтами репутации своих контрагентов «на основании публично доступной информации... включая факты осуществления расследования или надзорных действий в связи с отмыванием денег и финансированием терроризма» (п. «а» Рекомендации 13), значительность числа проводимых в отношении российских банков административных расследований по действующей ст. 15.27 КоАП РФ с одновременным публичным раскрытием Банком России информации о данных фактах, представляется необходимым содержательно разделить составы правонарушений, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, отделив нарушения, связанные с отмыванием, от нарушений, связанных с организацией и осуществлением внутреннего контроля и взаимодействием с надзорными органами [13].

Для этого считаем возможным в ст. 15.27 «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» КоАП РФ сохранить исключительно состав, содержащийся в действующей части 4 указанной статьи и предусматривающий ответственность за деяния, повлекшие легализацию денежных средств, одновременно дифференцировав меры ответственности для кредитных и иных организаций.

Все же остальные составы, не влекущие легализации (части 1–3 действующей редакции ст. 15.27 КоАП РФ), предлагаем объединить в отдельной статье (15.27.1 КоАП РФ), устанавливающей ответственность за неисполнение требований законодательства в части организации и (или) осуществления внутреннего контроля.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
2. *Химичева Н. И., Покачалова Е. В.* Финансовое право / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма, 2005. С. 161.
3. *Карпович О. Г.* Создание системы противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в Российской Федерации // *Юридический мир*. 2008. № 8. С. 12.
4. *Банковский бюллетень*. 1997. № 28.
5. *Мельников В. Н., Мовсесян Л. Г.* Противодействие легализации незаконных доходов. М.: МЦФЭР, 2007. С. 394–395.
6. См. подробнее: *Прошунин М. М.* Кредитная организация как субъект финансового мониторинга (правовой аспект): монография. М.: РУДН, 2009.
7. Федеральный закон от 20 июля 1998 г. № 116-ФЗ «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам» // *СЗ РФ*. 1009. № 30. Ст. 3612.
8. *Мельников В. Н., Мовсесян А. Г.* Указ. соч. С. 393.
9. Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 23 июня 2004 г. № 307 // *СЗ РФ*. 2004. № 26. Ст. 2676.
10. *Половина денег в России – «грязные»* // *Ведомости*. 2003. 23 янв.
11. *Емелин А. В.* Предложения по совершенствованию законодательства о ПОД/ФТ в связи с принятием новой редакции 40 рекомендаций ФАТФ // *Деньги и кредит*. 2012. № 8. С. 22–25.
12. Решение Арбитражного суда Москвы от 13 августа 2012 г. по делу № А40-38707/2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/>
13. *Емелин А. В.* Указ. соч.

Notes

1. Collection of Laws of the Russian Federation. 2001. Number 33 (Part I). Art. 3418 (in Russ.).
2. *Himicheva N. I., Pokachalova E. V.* Finansovoe pravo [Financial Law] / Ed. N. I. Himicheva. Moscow: Norma, 2005. P. 161.
3. *Karpovich O. G.* Sozdanie sistemy protivodeystviya legalizatsii (otmyivaniyu) prestupnyih dohodov v Rossiyskoy federatsii [Creating a system of counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime in the Russian Federation] // *Yuridicheskiy mir – Legal world.* 2008, № 8, p. 12.
4. Banking newsletter. 1997, № 28.
5. *Melnikov V. N., Movsesian L. G.* [Combating money laundering]. Moscow" MTsFER. 2007. Pp. 394-395.
6. See more: *Proshunin M. M.* Kreditnaya organizatsiya kak sub'ekt finansovogo monitoringa (pravovoy aspekt): monografiya. [Credit institution as subject to financial monitoring (legal aspect) monograph.] Moscow: People's Friendship University, 2009.
7. Federal Law of July 20, 1998 № 116-FZ "On state control over the compliance of large consumption expenditure actually received income individuals" // NW. 1009. № 30. St. 3612. (in Russ.)
8. *Melnikov V. N., Movsesian A. G.* Op. cit. P. 393.
9. Regulations of the Federal Service for Financial Monitoring, approved by RF Government Decree of June 23, 2004 № 307 // NW. 2004. № 26. St. 2676. (in Russ.)
10. Polovina deneg v Rossii – «gryaznyie [Half of the money in Russia – "dirty"] // *Vedomosti.* – *Vedomosti.* 2003. January 23.
11. *Emelin A. V.* Predlozheniya po sovershenstvovaniyu zakonodatelstva o POD/FT v svyazi s prinyatiem novoy redaktsii 40 rekomendatsiy FATF [Proposals for improvement of the AML / CFT in connection with the adoption of the new edition of the 40 recommendations of the FATF] // *Dengi i kredit – Money and Credit,* 2012, № 8, pp. 22-25.
12. The decision of the Arbitration Court of Moscow on August 13, 2012 in case number A40-38707/2012 [electronic resource]. Available at: <http://sudact.ru/> (in Russ.)
13. *Emelin A. V.* Op.cit.

Функции и средства фразовой интонации: специализация или взаимодействие

В статье обсуждается вопрос о соотношении коммуникативных функций фразовой интонации и используемых ею фонетических средств. Излагается понимание, которое сложилось у автора статьи в процессе многолетних исследований по фразовой интонации русского и ряда других языков. Интонация понимается как сложная система, выполняющая несколько отдельных, но взаимосвязанных функций (членение, оформление, выделение) при помощи набора базисных и комплексных просодических средств. Материальная природа этих средств (мелодика, пауза, интенсивность, длительность, фонация и просодический тембр) обуславливает их естественную специализацию (пауза членит, мелодия оформляет, фразовое ударение выделяет), благодаря чему одно средство в определенных условиях может быть достаточным для выражения функции, однако в реальной устной речи наблюдается взаимодействие просодических средств, отчасти обусловленное объективными причинами, отчасти свободное для создания дополнительных различительных возможностей в рамках интонационных систем разных языков. Будучи супrasegmentным явлением, интонация, обладающая многими признаками языковых универсалий, взаимодействует с другими составляющими языка – лексикой и грамматикой, что также является источником языковой специфики.

The article deals with the issue of correlation between communicative functions and phonetic means of sentence intonation. The suggested interpretation reflects the author's long-term experience of research into sentence intonation of Russian and other languages. Intonation is understood as a complex system performing several separate while at the same time interrelated functions (those of demarcating, consolidating and highlighting) through a number of basic and complex prosodic means. The material nature of these means (pitch, pauses, loudness, length, phonation and prosodic timbre/voice quality) determines their natural specialization (pauses serve for demarcation, pitch ensures sentence integrity, while phrasal accents perform highlighting). This may enable one of these means, under certain conditions, to be sufficient in performing a certain function. However, real spoken language is characterized by an interaction of prosodic means, partly due to objective reasons, partly as a result of their free availability for the creation of additional means of distinction within the intonation systems of different languages. Being a suprasegmental phenomenon and also characterized by a number of features typical of language universals, intonation interacts with other language components, namely vocabulary and grammar, thus providing another source of language-specific features.

Ключевые слова: фразовая интонация, просодические признаки, супrasegmentные средства, фразы, синтагма, мелодика, длительность, интенсивность, темп, пауза, фонация.

Keywords: sentence intonation, prosodic features, suprasegmental means, utterance, intonation group, pitch, duration, intensity, tempo, pauses, phonation types.

Фразовая интонация – безусловно один из наиболее богатых по своим выразительным возможностям компонентов языка. В этом нас убеждают и повседневная речевая практика, в которой очень большое количество информации содержится не в словах, а в том, как, с какой интонацией они сказаны, и интерес к этой области устной речи лингвистов и представителей других наук (психологов, физиологов, медиков). Но это естественное и универсальное средство общения обнаруживает столь сложную организацию, что его научное описание еще далеко от той степени точности и формализованности, которая характерна для других компонентов языка. Этим же объясняется и существование заметных различий в представлении интонации как разных языков, так даже и одного и того же языка.

В интонации, как и в других компонентах языковой структуры (сегментной фонетике, лексике, грамматике), сочетаются универсальность и специфичность. **Универсально** прежде всего использование особых звуковых средств, называемых обычно **просодическими**, на уровне фразы-высказывания и более крупных единиц устной речи. Это – мелодика, длительность, энергия и другие средства, модифицирующие звучание таких сегментных единиц, как звуки, слоги, слова, предложения. Универсальным является и тот способ использования этих средств в соединении с лексико-грамматической структурой высказывания, который называется **супрасегментным**. Просодические супрасегментные средства в норме не создают (не конституируют) новых линейных единиц (сегментов), но «накладываются» на них, а точнее – вкладываются в них. Универсальны основные **функции** и различительные возможности фразовой интонации: ее предназначенность для членения речевого потока на удобные для порождения и восприятия устной речи линейные единицы, для разнообразного оформления их как целого и для выделения в них отдельных элементов. Несомненно универсальным является использование супрасегментных просодических средств для выражения определенного типа **информации**, прежде всего из области общекоммуникативных (а не вещественных) значений (вопрос, побуждение, незавершенность) и эмоций. Неслучайным являются и совпадения в использовании некоторых просодических средств для передачи вполне определенных обобщенных значений, например понижение тона для выражения уверенности, законченности, а повышение – для выражения неуверенности, незаконченности, вопроса.

Однако в каждом из перечисленных пунктов таятся и причины яркой **специфичности** интонации отдельного языка, диалекта или языковых групп и типов. В области просодических средств – это возможность использования их не только на уровне фразы, но и для оформления и противопоставления звуков, слогов, слов (фонематическая долгота и краткость, слоговые тоны, словесное ударение). В плане супрасегментного использования – это разный характер наложения просодических средств на линейную последовательность сегментных единиц (например, послоговый или пословный). В области передаваемой информации – это различия в грамматике, в её участии в передаче тех или иных коммуникативных значений. Многие конкретные примеры общеизвестны и даже сформулированы в виде законов. Например, принцип экономии, относящийся к универсальным принципам языка, ведет к тому, что если коммуникативное значение, например вопросительность или побудительность, достаточно ясно передано лексическими или грамматическими средствами, то просодически оно может и не выражаться, и, напротив, при отсутствии лексико-грамматического выражения столь важное для общения коммуникативное значение, как вопрос или побуждение, обязательно получают яркое выражение средствами просодики. Интересно, однако, что другой не менее важный принцип языка – принцип обеспечения надежности коммуникации – ведет к избыточности, к дублированию средств, и те же вопросительность или побудительность выражаются одновременно и грамматическими, и просодическими средствами. Будет ли эта возможность использована конкретным языком, или нет, – в этом тоже кроется один из источников интонационной специфичности.

Для иллюстрации приведу два примера из сопоставления звуковых систем русского языка и немецкого.

1. Одно из ярких просодических средств – это изменение длительности гласных. Русский язык свободно использует как удлинение (растягивание), так и сокращение (компрессию) гласных для передачи самой разнообразной информации: коммуникативной (зов, мольба, произносимые протяжно, и приказ – резко и кратко) или эмоциональной (удивление, неуверенность, нежность против категоричности и грубости). В немецком языке фонологическое противопоставление гласных фонем по долготе/краткости ограничивает возможности использования признака длительности.

2. Общий вопрос в русском чаще всего выражается только характерной интонацией, без использования лексических или строевых средств. В немецком языке обязательным является особый порядок слов вопросительного предложения, но в сочетании с не менее яркой интонацией, при этом отличной от интонации русского вопроса.

Сложность организации интонационного компонента (или уровня) языка и совмещение в нем универсального и специфического находит отражение в вопросе о функциях и средствах. В лингвистике преобладает мнение о том, что интонация выполняет в языке одновременно несколько функций, хотя набор их существенно различается у разных авторов.

В вопросе о звуковых средствах также преобладает комплексный подход¹. Получается, что комплексу функций соответствует комплекс (набор) средств. Естественно, возникает вопрос о соотношении этих двух комплексов. Данному конкретному вопросу и посвящена статья. При этом в связи с невозможностью осветить хотя бы и кратко все существующие точки зрения на обе части проблемы (функции и средства) в ней излагается лишь то понимание, которое сложилось у автора статьи в процессе многолетних исследований по фразовой интонации русского и ряда других языков, и этим объясняется отсутствие в статье библиографических ссылок.

1. Информация, передаваемая интонацией и ее функции в языке и в речи

Фразовая интонация передает в речи разнообразную и даже разнородную информацию. По интонации мы опознаем говорящего как индивида и как носителя того или иного языка и диалекта, узнаем о его эмоциональном и даже физическом состоянии, об оценке им ситуации, о его отношении к сообщаемой и воспринимаемой информации и т. д. Разнообразные сведения, которые человек извлекает в своей речевой практике из интонации, нередко называют ее функциями. Однако такое понимание функции представляется излишне широким. Нельзя согласиться с тем, что возможность угадать по интонации, является ли говорящий носителем данного языка или иностранцем, – это функция интонации, ее задача, скорее это результат специфичности интонационной системы одного языка по сравнению с другим. Более правильным представляется считать функцией языкового средства его «предназначенность для передачи соответствующей языковой категории»². Такой категорией для интонации является прежде всего предикативность, и важнейшее предназначение фразовой интонации в языке, ее основная языковая функция, – это превращение назывных единиц языка (слов, словосочетаний) в предикативные единицы – фразы. Назывная единица, «снабженная» определенной интонацией, становится сообщением, высказыванием, даже в отсутствии лексико-грамматических средств предикативности: *Пожар! Читать? – Читать!* При этом создаваемые при помощи интонации предикативные единицы и их части (например, группа темы и группа ремы) отделяются от соседних единиц, одновременно соединяясь с ними тем или иным типом связи, оформляются как цельная самостоятельная единица определенного типа и проявляют свою внутреннюю структуру за счет тех или иных отношений между их компонентами. Это дает возможность говорить о трех основных структурных функциях интонации, которые можно кратко охарактеризовать как членение, оформление и выделение.

В естественной речи все функции реализуются совместно, хотя в разных типах речевой коммуникации могут преобладать одни или другие. Так, функция оформления хорошо видна в диалоге при обмене даже самыми краткими репликами: *Да? – Нет. – Жаль!..* Для реализации функции членения и связи необходима последовательность предикаций (*Наступила зима, дни стали короче. – Дни стали короче: наступила зима*), а для реализации функции выделения предикативная единица должна состоять минимум из двух знаменательных слов (*Директор приехал. – Директор приехал*³).

Ч л е н е н и е и с в я з ь. Интонация расчленяет речевой поток на фонетические единства, объединяя элементы, тесно связанные по смыслу, и отделяя эти группы от соседних. Объединение и членение может быть осуществлено интонационными средствами не только в разных (допустимых системой языка) точках речевой цепи, но и различными способами, благодаря чему выделенные отрезки оказываются по-разному связанными друг с другом. Так, большая пауза и нисходящий тон делают отрезок относительно законченным, малая же пауза в сопровождении восходящего тона свидетельствует о незаконченности. Интонационное членение и объединение осуществляется на разных уровнях линейной последовательности: можно говорить об определенной интонационной цельности всего текста (ср. замедление темпа и глубокое понижение тона как показатель конца текста), об интонационных

¹ Так называемое «узкое» понимание интонации, доминирующее в западной литературе, это скорее проблема терминологии. Термин «интонация» в отечественной традиции обычно применяют для всей совокупности звуковых средств, функционирующих на уровне фразы, в то время как в западной традиции этот термин соотносят только с одним, хотя и важнейшим, средством – высотно-мелодическим, а остальные называют иначе, например «просодика».

² Формулировка принадлежит Л. Р. Зиндеру.

³ Подчеркнуто слово, несущее главное фразовое ударение.

характеристиках устных аналогов абзацев (фоноабзацев), о членении их на фразы, а последних – на синтагмы (в понимании Л. В. Щербы).

В естественной речи объединение и членение происходит в строгом соответствии со смыслом передаваемого сообщения и обычно не противоречит семантическим и синтаксическим связям слов, однако именно интонационное членение и объединение выявляет и конкретизирует эти связи, при этом интонация обладает способностью отменять (или ослаблять) синтаксически выраженные связи: *Иван пишет письмо // Иван пишет: письмо* или создавать и дифференцировать связи, грамматически однозначно не выраженные: *Иван, студент, заочник // Иван – студент-заочник*.

О ф о р м л е н и е. При одном и том же типе членения получившиеся речевые отрезки могут быть оформлены различно, например нисходящим или восходящим тоном, относительно быстрым или замедленным темпом, малой или большой интенсивностью. Эти различия в оформлении единиц членения (прежде всего – фраз и синтагм) используются для передачи особой, чрезвычайно важной в коммуникативном отношении информации, которая традиционно иллюстрируется противопоставлением так называемых коммуникативных типов высказываний и их модально-эмоциональных разновидностей. При этом если для основных коммуникативных типов во многих языках существуют и специальные лексико-грамматические средства (например, вопросительные слова или императив), то многочисленные разновидности этих типов чаще передаются именно интонацией (например, мягкая просьба и жесткий приказ). Отдельность данной функции интонации проявляется в том, что она выступает независимо от членения как в длинных, так и в коротких, как в расчлененных, так и в нерасчлененных высказываниях. Не существует высказывания вне того или иного коммуникативного и эмоционального типа, которому соответствует определенное интонационное оформление.

В ы д е л е н и е. В результате интонационного членения и оформления в речи возникают отрезки разной длины: короткие, в том числе и состоящие из одного слова, и весьма протяженные, распространенные. С точки зрения функций членения и оформления они равны. Однако между однословными отрезками и отрезками, состоящими из последовательности слов, существует важное различие. В том случае, если высказывание (или его часть) содержит не одно, а несколько знаменательных слов, а значит, и соответствующих им понятий, его интонационная структура отражает одновременно и цельность, и смысловую расчлененность. Последнее возможно благодаря еще одной функции интонации – функции выражения отношений между элементами целого (словами или словосочетаниями) посредством выделения (акцентирования) разных элементов высказывания. Таким образом, при одном и том же типе членения и общего оформления разные высказывания могут противопоставляться друг другу путем выделения наиболее сильными фразовыми ударениями различных слов, а также характером этого выделения. Ср.: *Иван едет в Москву* (нейтральное ударение на слове *Москву* – сообщение о том, куда едет Иван); *Иван едет в Москву* (нейтральное ударение на слове *едет* – сообщение о том, что поездка Ивана в Москву действительно состоится); *Иван едет в Москву* (усиленное эмфатическое ударение на слове *Москву* – например, сообщение о том, что едет Иван не куда-нибудь, а в столицу).

2. Комплекс просодических средств, выступающих в качестве плана выражения фразовой интонации

Звуковые средства, использующиеся в сфере фразовой интонации, принято противопоставлять звуковым средствам, формирующим сегментные единицы, как супрасегментные (суперсегментные) или просодические. Первый термин указывает на связь этих средств с линейными отрезками, большими, чем фонема, второй характеризует их как имеющие особую материальную природу. Строго говоря, и то и другое относительно. Мелодические различия, будучи типичным супрасегментным средством могут реализоваться и в одном единственном сегменте, например: *A? / A!!*, а некоторые просодические по своей природе средства, например длительность, используются и на уровне противопоставления фонем¹. Тем не

¹ В дополнение к сказанному можно упомянуть распространенный во многих языках мира сингармонизм, т. е. ограничение на состав фонем в пределах языковой единицы, являющийся супрасегментным, но не просодическим явлением.

менее деление звуковых средств на сегментные и супraseгментные просодические чрезвычайно важно в связи с принципиальными различиями обслуживаемых ими единиц.

Эти признаки звучащей речи отличаются относительным характером и представляют собой модификации сегментных последовательностей, не затрагивающие сами сегменты (звуки-фонемы). Так, слово или целая фраза могут быть произнесены громче или тише, быстрее или медленнее, с восходящей, нисходящей или ровной мелодикой, жестким или мягким голосом. Данные модификации, которые соответствуют четырем основным признакам звука как акустического явления: интенсивности, длительности, частоте основного тона и типу фонации (тембру), используются в языке как различительные средства на уровне слога (слоговой тон в тональных языках), слова (словесное ударение в акцентных языках, к которым относится и русский) и фразы (фразовая интонация, существующая предположительно во всех языках). На уровне фразы к ним присоединяется еще и значимое отсутствие звука, называемое паузой. Таким образом, фразовая интонация, в ее «широком» понимании, характерном для русской лингвистической традиции, пользуется совокупностью пяти основных (базовых) просодических средств. При так называемом «узком» понимании интонации, характерном для зарубежной фонетики, ограничиваются высотным, или мелодическим, компонентом интонации. Роль иных, кроме высотного, компонентов интонации продемонстрирована в многочисленных экспериментальных исследованиях на материале многих языков. «Узкое» понимание интонации характерно для педагогически ориентированных описаний интонации. Впрочем, узость эта относительна, так как в них обычно в той или иной мере фигурируют также пауза и ударение.

Еще одна особенность компонентов интонации (за исключением паузы) состоит в возможности как локального, так и глобального (интегрального) их использования. В первом случае просодические признаки локализуются на отдельных гласных или слогах, например на главноударном слоге фразы или синтагмы, во втором они распространяются на целые синтагмы или даже фразы.

Рассмотрим каждое из используемых интонацией средств подробнее с точки зрения четырех аспектов фонетики: физиологического, акустического, перцептивного и социального (языкового).

1. М е л о д и к а. Мелодика, или изменение во времени частоты основного тона голоса, воспринимаемое как изменение (мелодической) высоты, безусловно, является самым ярким и богатым по своим возможностям компонентом интонации. Физиологической основой этого просодического признака является разная скорость колебания голосовых связок, которая акустически выражается в различной частоте основного тона голоса, а перцептивно (с точки зрения восприятия) – в различной высоте тона. Чем быстрее колеблются голосовые связки, тем выше частота основного тона и воспринимаемая мелодическая высота тона. Особая роль этого компонента объясняется прежде всего тем, что он «многомерен», так как включает в себя:

- а) направление изменения высоты тона (восходящий, нисходящий, ровный тоны, а также различные их комбинации),
- б) общий диапазон этого изменения (узкий/широкий),
- в) интервалы отдельных мелодических движений (большие/малые),
- г) уровень (низкий, высокий, средний), на котором (на которых) они реализуются,
- д) скорость изменения высоты (или иначе: крутизна подъема или падения тона),
- е) соотношение изменения тона с сегментным составом высказывания (таймирование, или тайминг).

В сложной структуре мелодического рисунка (контура) фразы можно выделить базисную составляющую, для которой характерно постепенное понижение значений от начала к концу интонационной единицы, в связи с чем в современных исследованиях по интонации ее называют деклинацией, или же, напротив, постепенное повышение (инклинация). Эта базисная составляющая (несущий тон) имеет различия в скорости понижения или повышения и сочетается во фразе с мелодическими контурами составляющих фразу слов и словосочетаний. Среди последних одно, называемое обычно ядром или центром интонационного контура, играет особую роль. Именно его характеристики в наибольшей степени передают интонационный тип фразы и в определенной степени предопределяют мелодические характеристики других слов. Таким образом, высотная составляющая интонации проявляется и как глобальная (интегральная) характеристика, и как локальные конфигурации.

Будучи важнейшим компонентом комплекса интонационных средств, мелодика участвует в выполнении всех трех функций интонации, причем в каждой из них особым образом, в том или ином из своих измерений.

2. **Д л и т е л ь н о с т ь и т е м п.** Другим важным просодическим средством интонации являются временные характеристики речи, выступающие как большая или меньшая длительность отдельных участков фразы и общий темп произнесения. Физиологически и акустически этот просодический признак связан со временем артикуляции отрезков речи, как малых (звуки и слоги), так и больших (фразы и синтагмы), поэтому его называют темпоральным. Наиболее общее в использовании данного компонента интонации состоит в том, что элементы высказывания, передающие новое и важное, произносятся более тщательно и медленно (иначе говоря, характеризуются увеличением длительности или замедлением темпа) по сравнению с теми элементами, которые передают старую и менее важную информацию. Так, вводные и вставные конструкции обычно характеризуются более быстрым темпом. Наряду с таким глобальным использованием признака длительности во многих языках (в частности, в русском) она выступает и в локальном употреблении – как компонент фразового ударения. Другая универсальная особенность темпорального контура высказывания состоит в замедлении темпа к концу интонационной единицы, что служит сигналом ее конца. При этом степень замедления (предпаузального продления) тем больше, чем больше степень самостоятельности и завершенности интонационной единицы.

Таким образом, длительность и темп принимают участие в интонационном членении, передаче типа связи единиц членения (подчинение/сочинение) – глобально, в реализации фразового ударения – локально, и, в меньшей степени, – в оформлении интонационного типа фразы (например, в русском языке вопросительные предложения обычно имеют более высокий темп произнесения, чем повествовательные).

3. **И н т е н с и в н о с т ь.** Использование динамического (энергетического) компонента интонации во многом аналогично использованию темпоральных средств: важное, новое произносится с большей интенсивностью, менее важное и уже известное – с меньшей. Дополнительная информация, например вводные и вставные конструкции, характеризуется в целом пониженной интенсивностью. Различная интенсивность (энергия, динамика) элементов речи физиологически обусловлена различной степенью напряжения органов речи, а акустически проявляется через амплитуду звуковых колебаний. Воспринимаются эти различия как разная громкость.

Нисходящий базисный контур интенсивности характеризует цельность интонационной единицы, при этом в различных типах синтагм и высказываний отмечается различная скорость и величина падения интенсивности. На этом фоне реализуются локальные пики интенсивности, соответствующие ударным слогам акцентно выделенных слов.

Таким образом, интенсивность, как и длительность, принимает участие в интонационном членении, передаче типа связи единиц членения (подчинение/сочинение) – глобально, фразовом ударении – локально, в меньшей степени – в оформлении интонационного типа фразы (так, полярные типы побуждения (просьба и приказ) характеризуются, соответственно, пониженной или повышенной энергией произнесения).

4. **П а у з а.** В комплексе интонационных средств пауза занимает особое место: она может быть охарактеризована как пустой сегмент с суперсегментными функциями. Под паузой в интонационной теории понимается как собственно перерыв в звучании (физическая пауза, остановка работы речевых органов, акустический нуль), так и воспринимаемый перерыв в потоке речи, обусловленный изменениями (переломами) в развитии других компонентов интонации (мелодического, темпорального и динамического контуров).

Основная функция паузы – передача смыслового членения высказывания и характера связи между элементами членения. При этом важен как сам факт разрыва речевого потока в том или ином месте, так и его продолжительность. Чем длительнее пауза, тем менее тесными являются смысловые связи между отрезками речи.

Наряду с интонационными паузами, членящими речь на синтактико-смысловые единства (фразы, синтагмы), в спонтанной речи нередко появляются и особые перерывы, называемые паузами хезитации. Они возникают в местах тесных смысловых связей, например между членами атрибутивного словосочетания, и отражают сложности и колебания при порождении устного высказывания.

5. Тип фонации, или просодический тембр. Этот компонент включается в сферу фразовой интонации далеко не всеми авторами. Тем не менее различительные возможности интонации эмоциональной речи во многом связаны именно со спецификой «просодического тембра». Под ним понимаются модификации тембра (спектра), не затрагивающие противопоставления сегментных единиц, иначе говоря, некий «остаток» тембра, общая тембральная окраска, характеризующая не отдельные звуки, а достаточно протяженные отрезки речи – целые фразы и даже тексты.

В изучении интонационного тембра плодотворно различение тембра ларингального (фонация в узком смысле термина) и надларингального. Первый определяется особенностями работы голосовых связок и формой голосовой щели (глоттиса) и проявляется акустически в виде особого качества голоса: хриплого, напряженного, расслабленного, придыхательного. Ср. например, резкий голос команды-приказа и мягкий тембр просьбы-мольбы. В качестве примеров надларингального тембра, обусловленного активизацией тех или иных частей артикулирующих органов, можно назвать гиперлабиализацию (вытягивание губ) как способ выражения нежности или гиперназализацию (говорение в нос) при выражении презрения.

Просодический тембр имеет преимущественно глобальный характер и используется в функции оформления целых высказываний, особенно – эмоционально-оценочного типа, но встречается и его локальное использование при эмфатическом ударе.

3. Фонетическое обеспечение функций фразовой интонации

Из сказанного о средствах фразовой интонации в какой-то степени уже становится ясно, что каждое из них в той или иной мере участвует в выполнении разных функций интонации. Рассмотрим теперь вопрос с другой стороны, чтобы установить, какие просодические средства, как и почему специализируются на выполнении отдельных функций фразовой интонации. Поводом для такого рассмотрения являются наблюдения над устной речью в её многообразных разновидностях, эксперименты по синтезу интонации, а также особенности передачи интонации в письменном тексте.

Фонетическое обеспечение функции членения и связи. В качестве специального средства интонационного членения выступает **пауза**. Само наличие перерыва в речевом потоке уже членит его, а отсутствие такового – объединяет. Поэтому при создании синтезированной речи физическая пауза в нужном месте достаточна для передачи смысловых связей между соседними отрезками. В письменном тексте значительная часть как краевых, так и внутрифразовых знаков препинания выполняет задачу членения и «прочитывается» как пауза. Однако в естественной устной речи дело обстоит намного сложнее. Даже при наличии физической паузы она редко бывает единственным средством членения. Как правило, и начало, и, особенно, конец речевой единицы маркированы особыми граничными (стыковыми) сигналами. В конце синтагм это либо повышения тона того или иного типа, сигнализирующие о наличии тесной связи между разделенными паузой отрезками, либо понижение тона, часто неполное, говорящее об относительной самостоятельности отрезков. В конце фраз граничные тоны совмещены с информацией о коммуникативном типе фразы, в том случае, если интонационный центр находится на последнем слове. Начало новой интонационной единицы мелодически маркировано восстановлением (ресеттинг) нормального начального уровня высоты тона после предшествующего паузе повышения или падения, а при граничном ровном тоне – после естественной деклинации тона. Подобное восстановление уровня наблюдается и для значений интенсивности. На материале разных языков исследован и темпоральный краевой сигнал – предпаузальное замедление темпа и удлинение конечных сегментов. В конце крупных речевых отрезком нередко появляется еще и особенность фонации – ларингализация. Все эти обычно сопровождающие паузу изменения значений других просодических параметров достаточны для того, чтобы самостоятельно сигнализировать место членения при отсутствии реальной физической паузы. Именно этим, видимо, объясняются достаточно частые, особенно в эмоциональной спонтанной речи, случаи «проглатывания» пауз.

Фонетическое обеспечение функции оформления и противопоставления интонационных единиц. Основным средством здесь является изменение высоты тона в зоне интонационного центра при участии всех перечисленных выше возможностей **мелодики**: на-

правление, уровень, диапазон, скорость, тайминг. Выбор ядерного тона определяет и соответствующее ему мелодическое оформление периферии (предцентральной и постцентральной частей). Эти яркие, хорошо воспринимаемые и формализуемые в виде мелодических контуров признаки могут быть достаточными для формирования интонационной модели при синтезе речи и в процессе обучения, особенно на коротких фразах. В письменном тексте для их обозначения используются стандартные краевые знаки препинания и их авторские комбинации. В устной речи ядерный тон того или иного типа сопровождается другими просодическими признаками, создавая эмоционально окрашенные варианты, например вопросительный контур с дополнительным удлинением ударного гласного в русском языке как выражение удивления или недоумения. В более длинных фразах взаимодействие компонентов интонации особенно очевидно. Так, вопросительная интонация в русском языке отличается от повествовательной не только особым мелодическим контуром (резкий и высокий подъем тона на главноударном слоге с последующим падением на заударных), но и относительно быстрым темпом произнесения. Важным средством оформления фразы является общая тембральная окраска и тот или иной тип фонации.

Фонетическое обеспечение функции выделения. Главным средством выделения компонентов высказывания является комплексная просодическая характеристика, называемая, по аналогии со словесным, **фразовым ударением**. В русском языке оно включает в себя одновременное повышение интенсивности, увеличение длительности и яркое мелодическое изменение того или иного типа на ударном слоге. В эмфатическом ударении к комплексу средств добавляются еще и фонационные признаки – придыхание, гортанная смычка. В разных языках и в разных ситуациях в одном языке в этом комплексе доминируют те или иные средства, наиболее универсальные из них (интенсивность и мелодика) могут быть достаточными для опознания места главного фразового ударения (интонационного центра) при синтезе речи. В письменном тексте отсутствуют специальные знаки для маркировки места и, тем более, качества главного ударения. Читающий находит их через косвенные признаки – позицию, лексические указатели, коммуникативный тип высказывания и др., иногда через шрифтовые выделения (курсив и др.). Особенно ярко локальная выделенность посредством набора просодических средств проявляется в сильно центрированных интонационных контурах, например в общем вопросе, при контрасте, эмфазе. В децентрированных контурах (например, в повествовательном предложении) столь же важное значение приобретают и другие фразовые ударения. В результате взаимодействия просодических средств создаются типы фразовых ударений и их разновидности, привязанные к единицам членения и оформления, например рематическое (главное) ударение будет разным в повествовании и в вопросе, при завершенности и при незавершенности. В некоторых случаях выделению слова способствует и особая, выделительная пауза непосредственно перед ним.

В заключение этого краткого обзора функций интонации и передающих их супrasegmentных просодических средств хочется прежде всего подчеркнуть, что фразовая интонация может рассматриваться как пример многофункциональной системы со сложным, многокомпонентным планом выражения, как сложная система, выполняющая несколько отдельных, но взаимосвязанных функций (членение, оформление, выделение) при помощи набора базисных и комплексных просодических средств. Материальная природа этих средств (мелодика, пауза, интенсивность, длительность, фонация и просодический тембр) обуславливает их естественную специализацию (пауза членит, мелодия оформляет, фразовое ударение выделяет), благодаря чему одно средство в определенных условиях может быть достаточным для выражения функции, однако в реальной устной речи наблюдается взаимодействие просодических средств, отчасти обусловленное объективными причинами, отчасти свободное для создания дополнительных различительных возможностей в рамках интонационных систем разных языков. Будучи супrasegmentным явлением, интонация, обладающая многими признаками языковых универсалий, взаимодействует с другими составляющими языка – лексикой и грамматикой, что также является источником языковой специфики.

Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем

В статье рассматриваются типы диглоссии с учетом современной языковой ситуации в странах с большой миграцией, а также взаимодействие кодов культуры и языка и предлагается трактовка коммуникативного кода в условиях современной диглоссии.

This article discusses the types of diglossia in accordance with modern linguistic situation in countries with large migration, as well as the interaction of culture and language codes and offers interpretation of communicative code in a modern diglossia.

Ключевые слова: код, культурный код, коммуникативный код, контакт культур, поликультурализм, миграционная лингвистика.

Keywords: code, culture code, communicative code, contacts of cultures, multiculturalism, migration linguistics.

1. Проблемы трактовки коммуникативных кодов

Вся история человечества – это история его перемещений, смена территорий и видов производственной деятельности, что имеет следствием контакты языков, традиций, обычаев и культур разных народов. Подобные контакты не могут не сказываться на характере и особенностях всех видов человеческой деятельности, в том числе и языковой. Не случайно поэтому языку приписывается вариативность в качестве его центральной сущностной характеристики [1]. Влияние культуры народа на его язык трудно переоценить, поскольку как культура, так и язык являются взаимозависимыми и взаимодополняющими друг друга сущностями, которые не могут существовать одна без другой. Не случайно поэтому в их структуре легко просматривается параллелизм: и язык, и культура являются *кодами*, т. е. структурированными совокупностями (репертуарами) единиц открытых семиотических систем. При этом следует особо подчеркнуть открытый характер этих систем, поскольку в этом заложена основа для развития и взаимодействия систем.

Наиболее логичной и обладающей большой объяснительной силой можно считать трактовку *культурного кода* Ю. М. Лотманом, который понимал под ним результат взаимодействия в семиотическом пространстве как минимум двух знаков, связанных со своим прошлым состоянием и с потенциальным будущим [2]. Если же говорить о языке, то такой подход приложим в полной мере и к нему. Обычно под кодом языка понимают совокупность знаков, расположенных в канале связи между двумя сторонами коммуникантов – передающей (говорящие) и принимающей (слушающие). Но при этом коммуниканты лишь в идеале одинаково владеют или должны владеть общим кодом. На самом деле каждый из них характеризуется лишь стремлением к владению полным кодом в той же степени, как и партнер по коммуникации [3]. Причина несовпадения языковых кодов кроется прежде всего в несовпадении культурных кодов, одним из существенных компонентов которых являются фоновые знания, уровень и содержание которых зависят от целого комплекса причин, лежащих за пределами языка.

В последнее время особое распространение особенно в лингводидактике получил термин *коммуникативный код*, под которым понимают целенаправленную передачу информации в определенной ситуации с помощью соответствующих данной ситуации языковых и внеязыковых (паралингвистических) средств. Главное свойство успешного коммуникативного кода – это способность достижения адекватного восприятия информации. Другими словами, в основе понятия коммуникативного кода просматривается теория речевых актов. Вариативность коммуникативного кода обуславливается, таким образом, не только и не столько внутриязыковыми процессами, но и всем внешним контекстом существования языка, формами и видами организации человеческой деятельности и культурным кодом лингвосоциума. На состояние культурного кода оказывает влияние широкий спектр факторов, к

которому относится уровень экономического и научного развития общества, состояние образования, политическое устройство и, конечно, этнический состав общества и его изменения.

Контакты народов и, соответственно, их культур являются движущей силой их развития, поскольку культура как система кодов предписывает человеку определенный тип поведения в различных сферах его жизнедеятельности: коммуникативной, экономической, педагогической, психической, а не только в сфере литературы или искусства. Подобное понимание культуры предполагает вовлечение в рассмотрение таких понятий, как деятельность, действие, поведение. Под человеческой деятельностью понимаются регулируемые сознанием физические и психические действия или акты. Осознанность действий заключается в постановке целей в соответствии с определенной потребностью. Совокупность действий может содержать характерные особенности, позволяющие говорить о типах действий, т. е. о поведении человека, которое доступно внешнему наблюдению и оценке. Другими словами, поведение – это наблюдаемый тип деятельности.

В случае коммуникации мы имеем дело с речевой деятельностью, реализацией которой является речевое поведение. В основе речевого поведения лежит, как уже отмечалось выше, используемая при передаче информации система кодов. Эта система формируется под влиянием целой совокупности факторов. Модель процесса коммуникации включает в себя поэтому помимо коммуникантов, канала связи и общего кода шум в канале связи, который носит как технический, так и семиотический характер. Семиотический шум – это обстоятельства, препятствующие однозначному успеху акта коммуникации и не связанные с технической стороной канала связи.

Интересные наблюдения семиотических процессов сделал еще в 60-е гг. прошлого столетия Умберто Эко. Рассматривая вопрос о том, всегда ли отправление и дешифровка сообщений осуществляются на основе одного и того же кода, Умберто Эко категорически заявляет – нет [4]. К числу обстоятельств, влияющих на смысл сообщения, относится, по его мнению, ситуация, меняющая функциональную и информационную нагрузку сообщения [5]. В зависимости от того, насколько существенны различия в «лексикодах» (термин У. Эко) отправителя и получателя информации, сообщение может оказаться «некой пустой формой, которой могут быть приписаны самые разнообразные значения» [6]. Обычно эти различия трактуются как полисемия. (Ср., например, высказывание «Какая свинья!» в приятельской беседе и на свиноферме [7].) Однако различия в объемах лексикодов не следует сводить только к различиям в семантике языка, знании этой семантики и социолингвистических норм их реализации. Понятие «кода», которое использовал в своей работе У. Эко, открывает возможность рассмотрения процесса коммуникации под новым углом зрения, а именно с позиции синтеза теории коммуникации и культуры. Именно так поступил Ю. М. Лотман, опубликовавший в 1973 г. статью под заголовком «О двух моделях коммуникации в системе культуры» [8].

Взяв за основу модель коммуникации Р. Jakobsona, которая описывает процесс коммуникации как передачу информации в рамках определенной ситуации от адресанта к адресату с помощью общего для них кода, Ю. М. Лотман отмечает, что это только один из возможных вариантов – направление «Я-ОН». Этот тип коммуникации является, по мнению Ю. М. Лотмана, господствующим в «привычной нам культуре». Одновременно с этим он говорит о существовании другого направления передачи информации, которое он называет «автокоммуникацией», или направлением «Я-Я» [9]. Главное различие этих типов коммуникации заключается в том, что в случае коммуникации «Я-ОН» адресат решает задачу передачи известной ему информации адресанту и ее адекватное восприятие зависит от знания последним кода и условий коммуникации. Собственно содержание сообщения при этом не меняется. Во втором случае речь идет о вмешательстве второго (добавочного) кода, заключающегося в «наборе социально значимых кодов» личности, которые трансформируют сообщение и, как следствие, «Я» адресата, который встает на место адресанта «Я-Яг». В качестве добавочного кода, по Лотману, могут выступать различные обстоятельства, например мерные звуки и ритмы в стихах. Подобное воздействие Лотман назвал «сдвигом контекста» [10].

Трактовка двух типов коммуникации, сделанная Ю. М. Лотманом, является, безусловно, значимой, особенно для анализа литературных текстов в рамках той или иной (суб)культуры. Эффект автокоммуникации хорошо наблюдается в случае перевода литературных про-

изведений, поскольку переводчик де-факто создает новый текст. Зная исходный текст и сделанный им перевод, переводчик попадает в систему «Я-Яг», где «Я» получает сообщение (текст₁), вносит в него кодовые изменения (код₂) и воздействует таким образом на самого себя: «Яг». Однако модификация сообщения может происходить и без вмешательства индивидуального личностного социального кода.

Литературный анализ художественного текста, вполне возможно, может ограничиться рассмотрением механизмов и принципов трансформации сообщения (текста) в рамках второго типа коммуникации, поскольку он дает в руки исследователя однозначно описываемый объект, доступный формализации, что значительно снижает субъективность при интерпретации литературного материала. Кроме того, такой подход позволяет использовать более широкий спектр методов и технологий исследования, поскольку предполагает рассмотрение не только смещения в содержании текста, но и влияние на это смещение личностных характеристик автора сообщения. Однако эти два подхода к типологии языковой коммуникации не покрывают всего спектра проблематики изучения естественного речевого общения. Оба типа требуют уточнения.

2. Структура процесса коммуникации в условиях контактов культур

Основным видом коммуникации является устная речевая форма общения. В ней присутствуют все компоненты описанных выше типов коммуникации Р. Якобсона и Ю. М. Лотмана, однако следует предостеречь от их механического использования в лингвистическом анализе. Казалось бы, для описания процесса передачи информации, которое ориентировано только на адресанта, а адресат заинтересован лишь в точном понимании его вербально выраженного намерения, достаточно общей модели «Я-ОН». Любой акт общения начинается с намерения адресата «Я» сделать сообщение, затем следует фаза планирования, содержание сообщения кодируется и поступает к адресанту «ОН». В принципе, если оба участника коммуникации в достаточной мере владеют кодифицированным кодом языка, не должны возникнуть какие-либо проблемы. В действительности же любой человек принадлежит к определенной социальной, региональной, профессиональной, возрастной, гендерной, этнической и другой группе коммуникантов, а это значит, что он или она чаще всего не владеют полным кодом стандартного языка, а лишь одним или несколькими его субкодами. Осознание этого факта привело к необходимости систематизации представлений о возможных формах существования языка.

Значительный вклад в решение вопроса структурирования вариантов и вариаций языков внес Чарльз А. Фергюсон, обосновавший в 70-х гг. прошлого столетия концепцию диглоссии языка [11]. Высказанные им идеи не потеряли актуальности и в наши дни, более того, они получили дальнейшее развитие.

2.1. Диглоссия в рамках одного языка

В соответствии с представлениями Ч. Фергюсона можно установить, как минимум, два типа языковой ситуации и, соответственно, два типа диглоссии. К первому типу относятся языки, имеющие стандартную вариацию, и отличающиеся от нее региональные или социальные диалекты, которые можно определить как полный код и производные от него субкоды. Этот тип диглоссии может иметь две разновидности коммуникативных кодов: в языках с одним или несколькими центрами формирования стандарта. Языки с одним центром характеризуются одним культурным кодом и, как правило, расположены на небольших территориях. Языки с несколькими центрами называют полицентрическими (немецкий, английский, французский, испанский, португальский и некоторые другие). Особое место в структуре таких языков занимают языковые острова, как, например, немецкие острова в Кировской области [12]. Варианты стандарта в таких языках – это, по сути, самостоятельно существующие, взаимосвязанные, но независимые друг от друга полные коды национальных вариантов языка: например германский, австрийский, швейцарский и люксембургский немецкий язык. Для таких языков характерно наличие в регионах их распространения различающихся национальной и этнической спецификой культурных кодов.

Независимо от того, является язык моно- или полицентрическим, в нем можно выделить стандарт или близкую к нему вариацию, то есть полный код и серию субстандартных вариаций, или субкодов. Наиболее наглядно результаты взаимодействия языковых вариаций

ций можно наблюдать на примере полицентрических языков, изучение которых свидетельствует о том, что полная степень владения коммуникантами – носителями таких языков – стандартными кодами, особенно в области произношения, достигается только в случае специального обучения, как это делают, например, некоторые актеры и дикторы радио и телевидения, хотя последние предпочитают сохранять региональную идентичность, что повышает к ним степень доверия слушателей. Можно считать, что в этом проявляется воздействие региональных культурных кодов на речевую деятельность, т. е. создается специфический региональный коммуникативный код.

Наблюдения и экспериментально-фонетические исследования произношения представителей различных социальных групп той или иной части этноса позволяют систематизировать результаты взаимодействия кодовых субсистем. Их можно свести к двум типам: межсистемное взаимодействие и субкодовая специфика естественных фонетических процессов (ЕФП) в рамках одного кода. К первому типу относится взаимодействие единиц диалекта и наддиалектной формы, чаще всего – стандарта. Максимально активной формой такого взаимодействия являются кодовые переключения, которые происходят в случае полной смены статуса коммуникантов или иллокуции речевого акта. В качестве иллюстрации изложенного можно привести примеры из австрийского варианта немецкого языка [13]. В австрийском варианте немецкого произношения наблюдаются следующие процессы:

- Корреспонденция разносистемных единиц и их переключение (input-switch), например ввод диалектного [o] и замещение им стандартного [a]: Wald [void].
- Заимствование вышележащей (наддиалектной) формой типов реализации, характерных для диалекта: австрийская вокализация [ɪ]: also [aj(i)eso].
- Уподобление наддиалектных единиц диалектным, например ленизация фортисных шумных согласных в австрийском варианте: p, t, k > b, d, g.
- Появление процессов, общих для разных систем и, следовательно, имеющих общую этиологию. К таким процессам относят обычно различного рода ассимиляции, редукции, спирантизации, вокализации и др. Следует, однако, осторожно подходить к рассмотрению таких процессов как результатов взаимодействия разных систем. Скорее всего, это ЕФП, характерные для фонетической базы данного языка вообще.

При рассмотрении процессов взаимодействия систем различных форм существования одного языка следует иметь в виду, что те или иные единицы нижележащей формы языка, например диалекта, могут стать престижными в силу различных, в том числе экстралингвистических обстоятельств. Так произошло, например, с переключением [a – o] или [ɛ – e] в австрийском варианте стандарта, которые стали фактически маркером «австрийскости» в стандартном произношении образованных людей в Австрии.

Взаимодействие на других уровнях языка характеризуется аналогичными процессами, но они не всегда доступны достаточно простому наблюдению, как в фонетике. В области грамматики как наиболее консервативной подсистемы языка это взаимодействие минимально. Оно носит, скорее всего, характер прецедентности, которая принадлежит когнитивной сфере и является индивидуальной характеристикой речевой личности. Изменения в грамматическом строе языка должны сначала пройти достаточно длительный период социализации и кодификации, прежде чем они приобретут статус системности в рамках того или иного кода или субкода. Это можно наблюдать, в частности, на примере дательного падежа в регионе Берлина, где под влиянием берлинского диалекта в стандартную реализацию проникает в определенных условиях общения процесс слияния 4-го и 3-го падежей. Эту форму можно рассматривать как своего рода прототип «общего падежа» и характеристику берлинского городского языка, но не диалекта. Возможность кодификации такого процесса вряд ли возможна, поскольку 4-й падеж достаточно интенсивно поддерживается 2-м падежом, функциональная значимость которого в немецком языке снижается.

2.2. Диглоссия в полиязыковых социумах

Второй тип языковой ситуации и диглоссии представлен регионами и странами, в которых на протяжении нескольких поколений сосуществуют 2 и более этносов с их различными языками: например, Франция с 2% населения – бретонцами [14], практически все страны СНГ, США и многие другие. Ряд жителей таких стран являются полными билингвами, но многие из представителей национальных меньшинств не владеют в достаточной мере

полным кодом языка большинства. Для них характерно использование различных кодов и субкодов в зависимости от ситуации общения и партнеров по коммуникации. Таковую ситуацию общения можно определить как смешанный коммуникативный код, который находится под постоянным воздействием различных, нередко далеко друг от друга отстоящих культурных кодов.

2.3. Мультикультурализм и миграционная лингвистика

Для современного социума характерны новые тенденции и векторы развития, которые связаны, прежде всего, с глобализацией экономического и социально-культурного развития общества. Анализ этих тенденций приводит к выводу о необходимости выделения, по крайней мере, еще 2 типов взаимодействия коммуникативных и культурных кодов. Один из них связан с постоянным перемещением этнических масс – внутренней и внешней миграцией, в силу, прежде всего, экономических и политических причин. В результате появляются новые лингвосоциумы, в которых достаточно большое число людей слабо владеют языком принимающего общества. Большинство мигрантов как в Западной Европе, так и в России – это трудовые мигранты с низким уровнем образования. Это не означает, однако, что их влияние ограничивается только сферой коммуникации низкоквалифицированных работников. Многие из них имеют семьи, и их партнеры по браку и особенно дети вовлекаются в более широкие ситуации общения, что влечет за собой проблемы культурной и языковой адаптации и оказывает влияние как на их родной язык, так и на язык принимающей страны.

Для того, чтобы оценить значимость современных миграционных процессов для развития общества, достаточно познакомиться с их статистикой. По сведениям, опубликованным на официальном сайте ФМС РФ по миграционной ситуации за 2013 г., в Российской Федерации официально проживают свыше 10 миллионов мигрантов. За один месяц в Россию въехали почти 1800000 человек, из которых полмиллиона поставлены на миграционный учет, разрешение на работу получили 36 000 человек. Эти цифры официальной статистики свидетельствуют о том, что многие трудовые мигранты приезжают с членами семей, в том числе с детьми, которым не нужно получать разрешение на работу, но они должны поступать в образовательные учреждения. Владение русским языком, по данным Единой миграционной службы (<http://www.grrf.ru>), особенно у детей и подростков, низкое. Из обратившихся для сдачи экзамена по русскому языку в специализированные центры лишь половина успешно сдает его с первого раза. В результате этого все чаще можно прочесть в СМИ о том, что в школах крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, количество детей, не знающих или плохо знающих русский язык, достигает половины учеников класса. В итоге растет напряженность в школах и на улицах городов, вместо межкультурной коммуникации мы сталкиваемся с параллельным сосуществованием культур, что отнюдь не способствует развитию диглоссии. Не случайно «мультикультурализм» как обозначение такой ситуации получил в Европе негативную коннотацию.

Сложность и важность данной лингвокультурной проблемы вызвали в России озабоченность и послужили серьезным стимулом не только для работы официальных служб, но и учреждений науки, образования и культуры. В качестве примера можно привести серию исследований и международных семинаров в Нижегородском кампусе Высшей школы экономики [15], разработку принципов построения специальных словарей иностранного языка для мигрантов и т. п. [16]

2.4. Тенденции в развитии языка молодежи

В последние годы достаточно интенсивно развивается еще одна форма взаимодействия языков, которая связана со все усиливающимся влиянием английского языка. Этот процесс начался повсеместно в 80–90-е гг. прошлого столетия. Его причины обсуждались и обсуждаются многочисленными исследователями из области культурологии и межкультурной коммуникации, но в контексте данной статьи хотелось бы остановиться только на одном обстоятельстве. Использование английского языка вышло далеко за пределы профессионального научного и производственного общения, характерного для обычного процесса заимствований. Английский язык все чаще вторгается в сферу повседневной коммуникации российской молодежи. Причем его использование не обязательно связывается молодыми людьми с особой эмоциональностью или с какими-то особыми информационными (иллюку-

тивными) целями. Другими словами, английская лексика воспринимается как нечто нейтральное, обычное в речи молодых девушек и ребят начиная с 15–16-летнего возраста. Без учета потенциального вектора развития такого характера включения модных иностранных слов его можно рассматривать как обычное кодовое смешение. Однако в данном случае представляется возможным использование термина диглоссия в особом значении, поскольку процесс проникновения английских слов принимает все большие размеры и затрагивает все более широкие круги говорящих. К этому процессу присоединяется усвоение лексики и из других языков, например японского или турецкого в Германии, и он становится своего рода универсалией молодежного языка – формы языка, которую вряд ли можно считать только жаргоном или слэнгом, поскольку он выходит за их традиционные границы.

Для оценки данного явления в языке современной молодежи было проведено пилотное обследование в двух школах г. Нижнего Новгорода – типичного большого города в центральной России. В анкетировании участвовали 53 девушки в возрасте от 15 до 17 лет. Эта возрастная группа была выбрана по двум причинам. Во-первых, все они выросли в «эпоху гаджетов» и социальных сетей, которые стали основными источниками воздействия на процессы формирования языковой личности молодежи, и, во-вторых, учатся в старших классах (8–10-й) больших городских школ и находятся практически на пороге выхода во взрослую жизнь. Для исследования были выбраны только девушки по той причине, что в исследованиях молодежного языка нередко либо не учитывается гендерный фактор, либо молодежный язык воспринимается как своего рода жаргон и изучается преимущественно на основе материалов, полученных от информантов-мужчин. Для создания непринужденной обстановки опрос проводили девушки-студентки I–II курсов нижегородских вузов [17].

Опрашиваемые получили только по 3 вопроса:

1. Как часто ты используешь иностранные слова в своей речи?
2. Если да, приведи примеры таких слов.
3. Как ты думаешь, откуда такие слова попадают в твою речь?

Обработка ответов позволила сделать ряд наблюдений и выводов.

1) Примеры иностранных слов, адаптированных к субкультуре девочек (орфография написавших сохранена):

– Сфера общения с друзьями: плиз, нига (в англ. яз. это приветствие у рэперов), хей, кэп, герла, респект, чики (крутые девочки), леди, thanks, бэйби, бой, анон, док и др.

– Лексика ситуаций общения в свободное время: шот, селфи, спортстайл, фитнес, геймерша, дэнс, лав, хэппи бэздей, тимберлэнды (марка женской обуви), мэйл, уикенд, шоппить, юзать, тренить, холидей, френд, френдиться, боты, фейс, хэнд-мейд, лайк, коммент, блоггерша, инста и др.

– Оценочные слова и междометия, которыми пестрят социальные сети: кульно (cool), класс, ОМГ (Oh My God!) , вай, the best, йоу (круто), няшно, кавайно (мило, приятно – из японских аниме), реально, онлайн, ОК.

За небольшим исключением в речи девушек используются только английские слова и лишь несколько японских.

2) Источники проникновения иностранных слов в речь российских девушек (по их собственному мнению):

- Социальные сети и форумы. Там без них нельзя.
- Фильмы, журналы, интернет-сайты.
- Друзья и иногда – уроки английского языка в школе.

3) Активность использования иностранных слов. Ответы на этот вопрос достаточно однообразны: «Часто!» Однако над некоторыми ответами следует задуматься:

- Используются практически всегда.
- Я даже не всегда замечаю, что их использую.
- Не знаю. Я их не замечаю. Наверное, очень часто.
- Часто. Они помогают точно выразить то, что я хочу.
- Не думаю, что часто, хотя родные говорят, что слишком часто.

В приведенных ответах звучит мысль, что некоторые девушки уже не замечают, что используют иностранные слова. Эти слова, по их мнению, необходимы для точного выражения мысли, а это означает, что мы присутствуем при формировании нового молодежного

«лексикоде», что может иметь далеко идущие последствия как для русского языка, так и для русской культуры. Кстати, абсолютно идентичные процессы можно наблюдать и в Германии, которая, как и Россия, имеет дело, с одной стороны, со столкновением абсолютно разных культур и религий и, с другой – с аналогичным сильным влиянием англоязычной информационной субкультуры.

Вместо заключения

Конец XX и первые десятилетия XXI столетия характеризуются новыми перемещениями людских масс и экономики, которые получили в социологии и политологии обозначение «глобализация», а в лингвистике – «межкультурная коммуникация». Изучение меж- или кросскультурной коммуникации приобрело статус научного направления со своим объектом и исследовательскими методами лишь в 80-е гг. прошлого столетия. Тем не менее, оставаясь на пересечении интересов различных научных дисциплин – культурологии, лингвистики, психологии, моциоологии, философии и др., межкультурная коммуникация рассматривалась достаточно длительное время как особая форма коммуникации, а не научная дисциплина. Однако тенденции развития современного сообщества людей характеризуются настолько сильными потоками переселения, что в рамках прежних традиционных лингво-культурных сообществ стали возникать этнические, культурные, языковые, религиозные анклавы, которые достаточно быстро стали распространяться из мест узкой локализации по всей территории принимающих стран, и на повестку дня встала проблема культурной гетерогенности. Попытка преодолеть ее, противопоставив ей идею глобальных универсальных ценностей, столкнулась с сопротивлением этнических групп, прежде всего на религиозной основе и силу стремления сохранить национальную идентичность. Все это ставит перед лингвистами, филологами, культурологами и просто интеллигентными людьми трудновыполнимую, как показывает опыт Европы, задачу воспитания самоуважения и уважения чужой культуры и чужого языка.

Примечания

1. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография. Н. Новгород: ННГУ, 1995. 138 с.
2. Пенцова М. М. Проблема культурного кода в семиотике Ю. М. Лотмана. <http://ehd.mgimo.ru/>. С. 227.
3. Там же. С. 227–228.
4. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 432 с.
5. Там же. С. 71.
6. Там же. С. 73.
7. Там же. С. 71.
8. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 76–89 (<http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>)
9. Там же. С. 76–77.
10. Там же. С. 77–78.
11. См., например: Фергюсон Ч. А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
12. О языковых островах немецкого языка на территории России см., например: Байкова О. В. Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их системы вокализма: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 222 с.
13. Бухаров В. М. Указ. соч.
14. Фергюсон Ч. А. Указ. соч.
15. Мультикультурализм или интеркультурализм? Опыт Австрии, России, Европы. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2013. 256 с.
16. См., например: Карпова О. М., Кулагина М. А. Словари для иммигрантов: новый тип словаря. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 232 с.
17. В статье использованы данные, полученные студенткой II курса факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики Нижегородского кампуса М. А. Ивановой в рамках семинара по социолингвистике (2014).

Notes

1. *Buharov V. M.* Varianty norm proiznosheniya sovremennogo nemetskogo literaturnogo yazyika [Options of rules of pronunciation of modern German literary language]: monograph. Nizhny Novgorod: NNSU. 1995. 138 p.
2. *Pentsova M. M.* Problema kulturnogo koda v semiotike Yu. M. Lotmana [The problem of the cultural code in Lotman's semiotics]. Available at: <http://ehd.mgimo.ru/>. P. 227.
3. Ibid. Pp. 227-228.
4. *Eco U.* Otsutstvuyushchaya struktura: Vvedenie v semiologiyu [Lack of structure: Introduction to semiology]. St. Petersburg. LLP TC Petropolis. 1998. 432 p.
5. Ibid. P. 71.
6. Ibid. P. 73.
7. Ibid. P. 71.
8. *Lotman Yu. M.* O dvuh modelyah kommunikatsii v sisteme kulturyi [On two models of communication in the culture system] // Stati po semiotike i topologii kulturyi – Articles on semiotics and culture topology. Tallinn: Alexandra. 1992. Pp. 76-89 (Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>)
9. Ibid. Pp. 76-77.
10. Ibid. Pp. 77-78.
11. See, eg, *Ferguson Ch. A.* Problemyi vliyaniya yazyikovoy situatsii na obuchenie vtoromu yazyiku [Problems of influence on the linguistic situation of learning a second language] // Novoe v zarubezhnoy lingvistike – New in foreign linguistics. Iss. XXV. Kontrastivnaya lingvistika – Contrastive linguistics. Moscow: Progress Publ., 1989, 440 p.
12. On the German language islands in Russia, see, for example: Baykova O.V. Sovremennoe sostoyanie nemetskih govorov Kirovskoy oblasti i osobennosti ih sistemyi vokalizma [Current state of German dialects Kirov region and the characteristics of their system vocalism]: monograph. Kirov Publ. of VyatGGU. 2008. 222 p.
13. *Buharov V. M.* Op. cit.
14. *Ferguson Ch. A.* Op. cit.
15. Multikulturalizm ili interkulturalizm? Opyit Avstrii, Rossii, Evropi [Multiculturalism or interculturalism? Experience of Austria, Russia and Europe]. Nizhny Novgorod: DEKOM, 2013. 256 p.
16. See, for example: *Karpova O. M., Kulagina M. A.* Slovari dlya immigrantov: novyy tip slovarya [Dictionaries for immigrants: a new kind of dictionary.] Moscow: Publishing House of Moscow State Open University. 2010. 232 p.
17. The article draws on data from II course student of Faculty of Humanities Graduate School of Economics, Nizhny Novgorod campus of M. A. Ivanova at the seminar on sociolinguistics (2014).

УДК 81:39(470.342)

В. А. Поздеев

Фольклор как маркер в Вятских этнокультурных зонах*

В статье рассматриваются фольклорно-этнографические факты как своеобразные маркеры, отражающие стереотипы восприятия разных этносов Волго-Вятского региона. В основном упор сделан на восприятии удмуртов и удмуртами разных народов, соседствующих с ними.

The article deals with folklore and ethnographic facts as a marker reflecting stereotypes of different ethnic groups of the Volga-Vyatka region. Mainly focuses on the perception and UdmurtUdmurt different nations adjacent to them.

Ключевые слова: фольклор, этнография, стереотипы

Keywords: folklore, ethnography, stereotypes

Этническая история Волго-Вятского региона складывалась под воздействием различных социально-исторических и культурных факторов. В современной этнологии, фольклористике, этнолингвистике большое внимание уделяется взаимодействию этнических тради-

© Поздеев В. А., 2014

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

ций, которые во многом определяют отношения в «сложных» регионах. Вятская земля – уникальна в географическом отношении. Ее территория не относится ни к Уралу, ни к Северному Поморью, ни к Поволжью. Это своеобразный «перекресток» двух потоков переселенцев. Заселена она с давних пор разными этносами с разной материальной, а также с разной духовной культурой. В воззрениях этих этносов отразились знания о мире и о месте человека в нем, о божествах и духах. Однако на протяжении совместного проживания с русскими, с принятием христианства многое в материальной и духовной культуре «вятского человека, народа» сделалось «общим».

Этнические маркеры представляют собой различного рода языковые, диалектные, фольклорно-этнографические компоненты традиции, которые репрезентируют принадлежность к тому или иному этносу. Материалы по этническим маркерам присутствуют в различных источниках: публикациях XIX–XXI вв., архивных записях. Проследить некоторые их изменения и факторы, оказывающие влияние на них, – одна из главных задач статьи.

В 20–40-е гг. XX в. происходили необратимые процессы деформирования этнических маркеров как в национальных республиках, так и этноконтактных зонах. В последующие десятилетия проблема этнического взаимодействия на различных территориях России оказалась очень актуальной.

Проблема регионального/локального, этнических маркеров обсуждается в отечественной этнологии и фольклористике, в народоведении достаточно длительное время. Эта проблема возникла в связи с полевыми исследованиями, практическим архивоведением и публикацией фольклорных сборников. В отечественной фольклористике, этнологии и диалектологии существует традиция описания местных черт народной культуры, то есть этнических маркеров, относительно ее общепринятых, «канонических» манифестаций. Эта традиция была заложена в трудах фольклористов Ю. и Б. Соколовых, М. К. Азадовского, А. М. Астаховой. Современные исследования продолжили В. П. Аникин, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, В. М. Гацак, К. Е. Корепова, А. Н. Власов, Т. А. Золотова, А. А. Иванова, этнолингвисты Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Л. Н. Виноградова, этномузыковеды А. М. Мехнецов, М. А. Енговатова, диалектологи Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин, К. Н. Прокошев, А. И. Федоров, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитин, М. А. Алексеенко.

Необходимо подчеркнуть важность таких исследований и публикаций в постановке на их основе более широкой проблемы функционирования фольклорно-этнографического и диалектологического материала во времени, поэтому в изучении отдельных локальных этнических традиций сравнительно-типологические исследования необходимо признать ведущими в современной гуманитарной науке.

Продолжается разрабатываться в современных исследованиях проблема «контактных» территорий, в которых происходят особые процессы, связанные с диффузией и распространением всего фольклорно-этнографического комплекса местной традиции и отдельных его образующих (маркеров) с разной степенью интенсивности. Отечественная и зарубежная наука высказывала ряд конструктивных идей о «консервировании» этнических маркеров в этноконтактных зонах, объясняя это стремлением этносов к сохранению самобытности в иноэтнической среде (см. работы Е. Бартминьского, П. Гжибека, А. Шаффа, Т. Добжиньской, Ю. Юдина и др.).

Исследование этнических традиций удмуртов в вятском южном регионе проводили известные ученые В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, В. В. Напольских, В. К. Кельмаков, И. М. Нуриева и др. К марийскому компоненту в этнокультурных зонах вятского южного региона обращались Т. А. Золотова, Н. А. Вишнякова, Л. А. Абукаева. На примерах различных жанровых комплексов (свадьба, календарные обряды, народная проза, детский фольклор) ученые разрабатывают теоретические и практические проблемы взаимодействия марийского и русского фольклора.

Изучение фольклорной культуры коми, проживающих в южных районах Республики Коми, демонстрирует наличие в ней артефактов, характерных для духовной культуры северных районов Вятского края. Упомянем работы, которые посвящены выделению коми субстрата в севернорусских говорах (А. С. Сидоров, А. К. Матвеев, О. А. Теуш и др.). Исследование русских традиций Республики Коми, формировавшихся в иноэтническом окружении русскими переселенцами-мигрантами из северных, северо-восточных и центральных губерний России в силу различных социально-экономических, религиозных причин XVIII–XIX вв., в

частности в связи с зарождением промышленности (солеваренное, чугунолитейное производство), освоением северных территорий, конфессиональными различиями, и развивающихся в отрыве от «материнской» культуры (Усть-Цильма (Усть-Цилемский р-н), Лойма (Прилузский р-н), с. Серегово (Княжпогостский р-н), пос. Ньючим (Сыктывдинский р-н), Кажим и Нючпас (Койгородский р-н)), позволяет говорить, что фольклорная культура этих традиций практически не испытала на себе иноязычного влияния: жанровый состав, содержание, особенности функционирования и бытового назначения фольклорных произведений типичны для севернорусской традиции; содержание и структура обрядовых комплексов, поэтические образцы (обрядового фольклора, сказочной прозы, заговорно-заклинательной поэзии и др.) обнаруживают близость к записям с вятской, архангельской, вологодской территориями (работы А. Н. Власова, Т. С. Каневой, Ю. А. Крашенинниковой).

В соседних республиках разрабатываются теоретические аспекты этнокультурного ландшафта, создаются областные этнодиалектные словари, в которых зафиксированы основные этнические маркеры [1].

На наш взгляд, осмысление этнокультурных процессов Волго-Вятского региона сегодня является довольно актуальным, так как накоплен большой объем материала этнических маркеров: языковых, фольклорно-этнографических, который не исследовался комплексно.

Язык – носитель этнических и культурных начал, поэтому этнолингвистические аспекты маркеров являются наиболее репрезентативными. Изучение диалектов разных этносов и их локальных групп позволят видеть культурные корни, изменения в материальной и духовной культуре, отраженные в языке. Этноисторические аспекты изменения маркеров связаны с процессами, протекавшими на протяжении всего периода развития: генезис и временные изменения культурных, бытовых и хозяйственных объектов, статус одних этнических групп среди других групп. Этническая принадлежность, естественно, связывается с «исторической памятью». «Историческая память» приписывает и фиксирует стереотипы «своего» народа, их взгляды на «свой» уклад жизни, в то же время такие стереотипы фиксировались на «чужие» этнические ценности. Г. Е. Верещагин приводит толкование названия русскими удмуртов: «Название вотяк [...] дано удмуртам только русскими племенами, прежние названия их были: отяк, остяк и омсяк. Татарские же племена и поныне называют их **ар**, или представители арийского племени». Однако В. В. Напольских отмечал, что «татарское название удмуртов *ар* означает только “удмурт” и не имеет отношения к арийцам...» [2].

Фольклор отражал не только утилитарные, но и эстетические предпочтения этносов. В системе жанров, в поэтике и содержании произведений народного творчества этнические маркеры играли важнейшую роль. Сопоставление «своего» и «чужого» в различных элементах культуры еще более подчеркивает этническую идентичность.

Важным этническим маркером являются локально-групповые прозвища. Коммуникативная функция таких образований выявляет отношение адресанта и адресата на уровне этнокультурного контекста. «Василий Иванович» – насмешливое прозвище чувашей, которое объясняется историей их крещения, как отмечал Д. К. Зеленин, «главный креститель этого племени, иеромонах (после казанский митрополит) Вениамин крестил их целыми толпами, причем любил давать свое мирское имя «Василий»; восприемником был диакон Иван Алексеев» [3]. В характере чувашей отмечают скупость, робость, неприхотливость. Русские называют черемисских женщин «лопатками», потому что головной убор «сорока» напоминает лопатку. Костюм черемиса подвергаются многочисленным насмешкам со стороны русских: за белый цвет одежды черемис называют «мотыльками», «кереметниками» (черемисское злое божество – кереметь), «лопарями» [4].

Присловья о русских вятчанах публиковали В. И. Даль, А. Можаровский, В. К. Магницкий, Н. М. Васнецов. Д. К. Зеленин обратил внимание на народные присловья и анекдоты о жителях Вятской губернии. Вятских русских называли «Вани», «толоконники», «слепороды»; нолинчан – «суслонники», «мертвокупы», «баранники», «водохлебы»; орловчан – «ершееды», слобожан – «жидокопы»; уржумцев – «красильники», «свиносиды»; кукарцев (жителей современного Советска) – «большеголовы». Однако исследователь отмечал, что «Вятская губерния не представляет собою этнографического целого. Едва не половина русского населения Вятской губернии не считает себя вятчанами. Таковы прежде всего жители юго-восточной, прикамской, части губернии, уездов: Сарапульского, Елабужского и восточной части Малмыжского (в последнем, впрочем, больше инородцев: вотяков, черемис и башкир, чем русских). Эт-

нографическая граница, отделяющая вятчан от сарапульцев, идет, в пределах Малмыжского уезда, по р. Лобани (приток Кильмези), от устья которой спускается на р. Вятку и проходит около этой реки, по ее левую сторону» [5]. Такие характеристики сложились в связи с определенными этнографическими маркерами и прецедентными ситуациями, закрепившимися и вошедшими в стереотип восприятия местных жителей. Уже в начале XX в. Д. К. Зеленин предполагал изучение маркеров не только с точки зрения сопоставления антропологии, языка и элементов материальной культуры, но выявления особенности этнической психологии. Он писал: «Помогая установить этнографические группы, народные присловья дают в то же время обильный и прекрасный материал для сравнительной характеристики этих групп. Народ замечательно тонко подмечает самые мелкие отличия в быте, говоре и характере своих соседей. В первом случае присловья наиболее интересны для этнографа, во втором – для диалектолога, в третьем – для психолога. Примеры читатель в изобилии найдет ниже. Если этнографы и диалектологи отчасти, хотя бы чуть-чуть, пользуются присловьями для своих целей, то об этнографической психологии (переведем так, во избежание недоразумений, известный немецкий термин *Volkerpsychologie*) нельзя сказать и этого. Это вообще слишком еще молодая наука и очень мало разработанная. По отношению к этнографическим группам русского народа она не сделала, в сущности, решительно ничего. Никто не пытался установить психологические отличия, положим, вятчанина от пермяка, костромича и т. п., курянина от орловца и т. д. и т. д. Между тем отличия эти, несомненно, существуют. Для будущего их исследователя богатый материал дадут народные присловья» [6].

В Волго-Вятском регионе «встречались» представители разных культур, они начинали осознавать, что рядом живут люди с другими типами бытового уклада, поведения, другими способами переживания и мышления. В процессе взаимодействия происходило сопоставление и противопоставление позиций, точек зрения разных этносов.

Известный удмуртский исследователь и писатель начала XX в. Г. Е. Верещагин в «Очерках русских Вятско-Прикамского края» приводит некоторые историко-культурные толкования поговорок и прозвищ вятчан. Вот, например, как воспринимали внешность русских мужиков вотяки. «Всматриваясь в жителей-великорусов Вятской губернии, – писал Г. Е. Верещагин, – мы замечаем в них следующее: господствующий рост 2 арш. 4–5 верш.; шея толстая, короткая, часто кадыковатая; стан неуклюжий; тазовые части развиты сильно, мясисты <...> Цвет тела – смуглый, а лицо еще смуглее, нередко встречаются и шадровитые, характеризующиеся поговоркой **«Шадра-бадра – из поганого ведра»**, и рябые, называемые **«Рябыш рябком – поганим грибком»** <...> Плечи широкие; ноги коротковаты; живот полный, за что другими племенами дано им прозвище большобрюхих. Вотяки на своем языке характеризуют их поговорками **«Дзючпи – кечпи – пал козлок»** (русачонок – козленок – бабка без пары) и **«Дзючпи – кечпи – паллянгозывыжы»** (русачонок – козленок – отродье веревки, свитой левшой); а о племени русских эти народности отзываются, что русские произошли от козла» [7].

Народная мифологическая проза разнообразна по своему жанровому составу: легенды, предания, былички, тексты сказочного характера, поверья, этнографические сведения, описания отдельных ритуалов, описания персонифицированных дней и др. отражали взаимодействие не только с разными мифологическими персонажами, но и с разными этносами.

У многих народов существует мотив запрета на какие-либо действия в священных местах. Особое значение приобретает этот мотив в связи с действиями иноэтнических представителей. В одном из мифологических преданий удмуртов есть упоминание о цыганах, которые «нарушают» запрет, что ведет к осквернению священного места. «У большой дороги неподалеку от русской деревни Ушмы есть очень глубокая яма. В прежние времена в этой яме вода была, был там, говорят, и водяной бык. Летом проезжали по большой дороге цыгане. Увидев озеро и узнав, что неподалеку есть деревня, решили они остановиться здесь ненадолго. Пока они тут жили, одна цыганка выстирала в озере пеленки. Живущий в озере бык рассердился и переселился в другое место. О его переселении старики так рассказывают. Черная-пречерная туча заслонила чистое небо. Страшный вихрь взметнул пыль и песок. Бык, оставив место у большой дороги, ушел в приглянувшееся ему место. После захода солнца, в сумерках, озеро пугает всех, кто проходит мимо...» [8] В таких текстах большое значение имеют этнические маркеры, которые передают систему этнических взглядов на мир. Мотивы о заселении и освоении края, о предках, о богатырях в преданиях раскрывают особый взгляд на этническую историю: «В давние времена, до прихода сюда русских, на этих землях

марийцы и удмурты жили. У того и другого народа свои богатыри были. Эти богатыри были как князья своих государств-земель...» [9] Богатыри могли превращаться в медведя, ворона, ястреба: «Увидев его, марийцы за ним погонятся, Селта-бакатыр, чтобы следы его не узнали, в медведя превратится. Его превращение несущая воду девушка видела. По ее рассказу марийцы за медведем погонятся. Тогда Селта-бакатыр на пенек сядет – и в ястреба превратится. Отсюда он снова в Мудро полетит и всю деревню спалит» [10].

В очерке Г. Е. Верещагина «Камай» в поле происходит диалог автора и народного певца Камая. Камай на вопрос о том, что, видно, любит петь, раз поет один в поле, отвечает довольно своеобразно: «Я думаю и делаю свое, а ты – свое...» Далее он объясняет, почему поет, когда идет по меже. «Всегда, когда в поле один иду по меже... Так делали наши старики и нам велели. Петь, говорили они, будучи в поле, особенно когда идешь по меже в полдень, во время цветения ржи, или, по-нашему, в Инвожодыр, надо всегда. Вера наша старая так велит, чтобы, значит, духи не сердились <...> Межа-Утьыси («хранители межи»). Они посева берегут, охраняют, чтобы черви и насекомые их не ели, не портили. Добрые они; а межа – дорожки их. Если не будешь распевать какую-нибудь песенку <...> то ребят их ушибить можешь: они не услышат тебя и не отойдут от межи...» [11] В этом очерке нам интересен не сам факт присутствия духа межи, а то, как Камай отделяет «свое», переданное предками, и непонятно «чужому».

В топонимических преданиях тоже есть отражение взаимоотношений разных народов. Так, в удмуртском предании о возникновении деревни Карамас-Пельга рассказывается о любви молодого татарина Карамаса и удмуртской девушки Пельги. «В прежние времена, по рассказам стариков, татарин не мог на удмуртке жениться» [12]. Однако они бежали, и там, где они поселились, возникла деревня.

В сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» Д. К. Зеленин [13] поместил 6 вотяцких (удмуртских) сказок, записанных и переведенных Т. К. Борисовым. В сказке № 135 «Алдар [Вороватый мужик и шут]» героя-плута зовут Алдар. Это имя – своеобразный маркер удмуртского сказочного фольклора, который соответствует русскому герою-шуту, ловкому вору. Еще один популярный сюжет (СУС 1537) – мертвое тело, который тоже можно считать своеобразным удмуртским сказочным маркером, так как герой-бедняк получает выгоду за проделки с телом умершей матери.

Так, в сборнике есть сказка № 101 «Русские и черемисин» (СУС 1240; +1313А) из записей М. А. Колосова. В этой сказке также использованы сюжеты о глупых людях, которые попадают в нелепые ситуации. В данной сказке в роли глупца выступает черемисин (мариец). Чаще всего в таких сюжетах высмеиваются нелепость поступков представителей других народов и этномаркеры, которые вошли в стереотипы восприятия этнопсихологических черт представителей других народов.

Песенная лирика, частушки, детский фольклор, анекдоты также имеют этнокультурную окраску и показывают отношение между различными этническими группами.

Так, в удмуртском празднике «нардуган» были три типа ряженых: «черт», «медведь» и «черемиска». Черемисинка приходила с куделью, которую мальчик в шутку поджигал, она бегала по избе, а затем плясала [14]. Этнический маркер ряженого – костюм «черемисинки» и шутки над ней отражали стереотипы «чужого» в восприятии удмуртов. Смеховой, комический образ «другого» является своеобразной оппозицией исторических прецедентных фактов, которые сопровождали совместное проживание на определенных территориях разных этносов. Это проявляется в русской традиции ряженья на святках, масленице, в некоторых летних праздниках, на свадьбах. Травестийное ряжение, ряжение «инородцами» с использованием ярких черт тех или иных элементов национального костюма является отражением взаимодействия разных культур. Фольклорно-этнографические материалы – это достаточно устойчивые маркеры в этноконтактных зонах, в которых наиболее тесно проживают разные народы.

Примечания

1. Сироткина Т. А. Речевые маркеры этнического компонента народной культуры (на материале этнонимии Пермского края) URL:<http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/438.html>.

2. Напольских В. В. Комментарии к очерку Г. Е. Верещагина «О древнем происхождении вотяков» // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: в 2 кн. Кн. 2. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С. 234.

3. Зеленин Д. К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края // Зеленин Д. К. Избранные труды. Киров: О-Краткое, 2013. С. 72.
4. Там же. С. 181.
5. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1903. М.: Изд-во «Индрик», 1994. С. 65.
6. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. С. 62.
7. Верещагин Г. Е. Очерки русских Вятско-Прикамского края // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 121.
8. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 193.
9. Там же. С. 209.
10. Там же. С. 217.
11. Верещагин Г. Е. Литературные сочинения. На удмуртском и русском языках // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Т. 5. С. 268–269.
12. Владыкина Т. Г. Указ. соч. С. 235.
13. Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 736 с.
14. Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 101–103.

Notes

1. *Sirotkina T. A.* Rechevyie markeryi etnicheskogo komponenta narodnoy kulturyi (na materiale etnonimii Permskogo kraya) [Speech markers ethnic component of popular culture (based on ethnonymy Perm Krai)] Available at: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/438.html>. (in Russ.)
2. *Napol'skikh V. V.* Kommentarii k ocherku G. E. Vereschagina «O drevnem proishozhdenii votyakov» [Comments on G.E. Vereshchagin's essay "On ancient origin of the Votyaks"] // Vereshchagin G.E. Collected Works: in 6 vols. Vol. 3: in 2 books. Book 2. Iss. 1. Izhevsk UIIYAL UB RAS, 2000. P. 234.
3. *Zelenin D. K.* Kama i Vyatka. Putevoditel i etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraya [Kama and Vyatka. Guide and ethnographic description of Kama region] // D.K. Zelenin Selected Works. Kirov: O-Kratkoe. 2013. P. 72.
4. Ibid. P. 181.
5. *Zelenin D. K.* Narodnyie prislovyia i anekdotyi o russkikh zhitelyah Vyatskoy gubernii: (etnograficheskii i istoriko-literaturnyy ocherk) [Folk sayings and anecdotes about Russian inhabitants Vyatka province: (ethnographic, historical and literary essay)] // D.K. Zelenin Izbrannyye trudyi. Stati po duhovnoy kulture 1901–1903 [Selected Works. Articles on spiritual culture 1901-1903]. Moscow: Publishing house "Indrik". 1994. P. 65.
6. *Zelenin D. K.* Narodnyie prislovyia i anekdotyi o russkikh zhitelyah Vyatskoy gubernii [Folk sayings and anecdotes about Russian inhabitants Vyatka province]. P. 62.
7. *Vereshchagin G. E.* Ocherki russkikh Vyatsko-Prikamskogo kraya [Essays of the Russians of Vyatsko-Kama region] // Vereshchagin G.E. Collected Works: in 6 volumes. Izhevsk: UIIYAL RAS. 2001. Vol. 3. Book 2. Iss. 2. P. 121.
8. *Vladykina T. G.* Udmurtskiy folklor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki [Udmurt folklore: the problem of genre evolution and systematics]. Izhevsk: UDM. Inst of history, language and literature, UB RAS. 1997. P. 193.
9. Ibid. P. 209.
10. Ibid. P. 217.
11. *Vereshchagin G. E.* [Literary Works. The Udmurts and the Russians] // Vereshchagin G.E. Collected Works: in 6 volumes. Izhevsk: UIIYAL RAS. 2004. Vol. 5. Pp. 268-269.
12. *Vladykina T. G.* Op. cit. P. 235.
13. *Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii. Sbornik D. K. Zelenina* [The Great-tale Vyatka province. Collection of D.K. Zelenin]. St. Petersburg: Tropa Troyanova. 2002. 736 p.
14. *Gavrilov B. G.* Proizvedeniya narodnoy slovesnosti, obryady i poverya votyakov Kazanskoy i Vyatskoy gubernii [Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of Kazan and Vyatka province]. Kazan. 1880. Pp. 101-103.

Психолингвистическое и национально-культурное в формировании картины мира

В данной статье автор раскрывает лингвистические особенности и психологические основы картины мира человека, основывающиеся на механизмах восприятия, в национально-культурном преломлении. Развиваются понятия триады *инстинкт – навык – интеллект* в их связи с мышлением и языком. Различие национально-культурного проиллюстрировано на примере отдельных пословиц русского, английского, французского и немецкого языков.

In the article presented for consideration the author reveals the linguistic features and the psychological foundations of the picture of the world, basing on the mechanisms of perception, in the national-cultural aspect. The author develops the notions of the triad *the instinct – the skill – the intellect* in their connection with thinking and language. The difference in the national-cultural aspect is illustrated on the example of some proverbs of Russian, English, French and German.

Ключевые слова: картина мира, концептуальная система, механизмы восприятия, инстинкт, навык, интеллект, фразеология.

Keywords: the picture of the world, the conceptual system, the mechanisms of perception, the instinct, the skill, the intellect, phraseology.

Цель статьи – показать связь психологического и лингвистического на примере раскрытия механизмов восприятия в языковой картине мира. Автор пытается объяснить связь мысли, языка и мира на основе механизмов восприятия, раскрыть роль языка в построении определенной картины мира.

Наша речь существует для выражения определенного смысла. Мысль стремится к выражению языковыми средствами.

«С 1997 г. в лингвистике все более активно распространяются языковые принципы **синергетики** – междисциплинарного направления научных исследований, в рамках которого изучаются взаимопереходы хаоса и порядка», – пишет В. А. Пищальникова [1]. Синергия – понятие позитивное, означающее *содружество* [2]. Словесное выражение мысли можно рассматривать как некое ее упорядочение. Мысль должна нести определенный смысл, причем под мыслью мы понимаем идею чего-либо, представление о чем-либо, а смысл придает пользу этой идее. Опираясь на инстинкт, мысль стремится отойти от него. Понимая инстинкт как нечто хаотичное, мы стремимся оформить его мыслью, вырабатывая навык.

Смысл рассматривается как часть картины мира, или так называемых концептуальных систем носителей языка, в терминологии Р. И. Павилёниса. «Концептуальные системы присущи отдельным субъектам познания и представляют собой системы информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире. Именно методологическая, теоретическая и прикладная значимость проблематики смысла, связанной с уяснением сложных проблем коммуникации и познания, делают особенно актуальным изучение семантического аспекта естественного языка», – пишет Р. И. Павилёнис [3]. Сравнительное языкознание можно рассматривать как соотношение картин мира как индивидуальных носителей языка, так и народов. Семантическая проблематика языка погружается в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью. Представляет интерес соотношение индивидуальных картин мира отдельных людей между собой (можно сказать, что на этом построено общение) и соотношение индивидуальной и национальной картин мира, а также национальных картин мира между собой.

Выражение «картина мира» можно как нельзя лучше представить английским выражением *“to give sb. a piece of one’s mind”* – «высказаться», а дословно «дать кусочек своего мировоззрения». Вправе ли мы говорить об индивидуальных картинах мира?

Индивидуальные картины мира отдельных людей одной нации образуют национальную картину мира, отражающую, по В. фон Гумбольдту, дух народа, а конкретнее, его экономический, политический, культурный уклад, отношение к людям, в частности к незнакомым, типичное мышление (например, о русских говорят: «задним умом крепок» или: «пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится», то есть размышляет о чем-то впоследствии).

Особенно ярко дух народа, или его национальную картину мира, отражает фразеология. И тут интересно провести параллели. Говоря, к примеру, о постепенности каждого дела, размышлении, свойственном не только русскому народу, русские говорят: «И Москва не сразу строилась», а англичане говорят: “*Rome was not built in a day*” («И Рим не сразу строился»)[4].

Такие понятия, или, вернее, отношения, можно назвать универсалиями – прежде всего, психологическими и, во-вторых, семантическими, потому что они выражаются через язык и отражают культуру его носителей.

Семантические универсалии можно найти в области культуры и психологии народов, как универсальные умозаключения, приложимые к любой культуре. В некоторых случаях культурная окраска реалий таких универсалий различается, хотя смысл в разных языках остается одним и тем же. Например, русские говорят: «Язык до Киева доведет», а французы говорят то же о Риме: “*Quilangua, aRomeva*” (букв. Кто имеет язык, идет в Рим) [5]. Рим для Европы был таким же центром вселенной, как Киев для Руси, живущей отдельно от Европы. В этих пословицах подчеркивается искусство вести беседу, суметь узнать то, что интересует. Или ср. англ. “*A cat in gloves catches no mice*” (букв. Кошка в перчатках не поймает мышей). Этой пословице соответствует по смыслу русская пословица: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». В обеих пословицах подчеркивается необходимость труда, сопряженного с определенным мастерством.

Иная психологическая универсалия имеется в виду в английской пословице “*A city that parleys is half gotten*” (букв. Город, ведущий переговоры, наполовину взят). Смысл в том, что с противником не надо вступать в разговор. В русском языке этой пословице приблизительно соответствует другая: «Осажденный город наполовину взят». В русской пословице акцент на другом – на недостатке сил защитников, держащихся только боевым духом, в то время как в английской пословице указывается на слабость боевого духа как на причину поражения.

В других пословицах реалии могут или слегка различаться или вообще не различаться, например, англ. “*A burnt child dreads the fire*” (букв. Обжегшийся ребенок боится огня) [6]. Этой пословице соответствует русская: «Обжегшись на молоке, дуют на воду». Смысл этих пословиц один: живи осторожно, осмотрительно, учись на своих ошибках. Опасность в обеих пословицах связывается с огнем.

А вот у пословицы «Бодливой корове бог рог не дал» есть полный английский эквивалент: “*A curst cow has no horns*” (букв. «Проклятой корове Бог рог не дал»). «Бодливый», как «злой», и «проклятый» можно рассматривать как эквиваленты. Полным соответствием в немецком, английском и русском языках является пословица: «Ночью все кошки серы». Ср. нем. “*Bei Nacht sind alle Katzen grau*”. Ср. англ. “*All cats are grey at night*”. Смысл пословицы в том, что, когда обстановка неясна, трудно отличить хорошего человека от плохого.

Для концепта важен критерий передаваемости мысли. Как отмечает Г. Ф. Фреге, мысль и смысл могут быть по-разному выражены. Разница в выражении смысла может быть понята как разная окраска. При всем многообразии языков человечество имеет общий запас мыслей. Об этом писали Г. В. Лейбниц, А. Вежбицкая («алфавит человеческих мыслей»).

Говоря о концептуальной системе, Р. И. Павилёнис включает в это понятие и возможные действия, и отношения, и мнения, намечая путь от мнения к знанию. Путь от мнения к знанию – необходимый процесс в жизни каждого человека. Он осуществляется в развитии личности человека через восприятие, мышление, эмоциональную обработку полученной информации, умозаключение, выливаясь в поведение, как языковое, так и не языковое. Чем более духовно развит человек, тем интенсивнее у него этот процесс, с акцентом не на исходном мнении, а на конечном знании. Конечно, мнение задает направление восприятия. Человек обращает внимание на одни черты, оставляя без внимания другие. Как говорят, например, для одного человека стакан наполовину пуст, а для другого – наполовину полон.

Позитивное мышление, когда человек не только в силу своих генетических особенностей, но, скорее, благодаря приобретенным самодисциплиной навыкам восприятия создает положительную ауру вокруг себя, располагает к нему окружающих даже на невербальном уровне.

Мы считаем, что потенциальность и имплицитность картины мира – ее неотъемлемое свойство. Картина мира формируется сначала внутри сознания человека. Становясь достоянием народа, картина мира отражает общий подход к жизни, к делам, к миру, к людям данной языковой общности. Дух народа неразложим. Он уникален. Его можно поставить в зависимость от географического положения нации, от экономического уклада, который сам вытекает из умственного развития людей данной общности. Дух народа во многом зависит от выживаемости народа, его приспособляемости к окружающей среде и соседним общностям. Дух народа зависит также и от сплоченности этого народа и его боевого духа, способности противостоять трудностям. Не все сразу выражается в языке. Имплицитное становится эксплицитным при наличии мотивации к тому, при определенной повторяемости явления, когда внутреннее переполняет и выражается вовне. Картина мира выражается в общении, выяснении отношений, причем потенциального при любом общении гораздо больше, чем эксплицитно выраженного. Здесь большую роль начинают приобретать невербальные средства выражения – интонация, тон, язык мимики и жестов. Без перехода имплицитного в эксплицитное нет общения, нет формирования понятий, нет развития. Именно в общении как деятельности, о чем пишут многие лингвисты-классики, человек познает мир, развивается, но это не единственный способ познания, хотя именно общение помогает нам изменить свое мнение о ком-то или чем-то.

Из множества индивидуальных мыслей о ком-то или о чем-то нами овладевает определенный поток мыслей, складывается определенное мнение, зависящее от постоянности прецедентов в определенном ракурсе, от нашего собственного характера и темперамента, в конце концов, от нашего состояния здоровья. Немаловажную роль при этом играет общественное мнение. Таким образом, картину мира можно рассматривать как мнение или мировоззрение отдельного человека или народа. И как из потока разрозненных мыслей над нами берет верх определенный строй в отношении чего-либо (это в отношении индивидуальной картины мира), то же и у народа – из потоков общественных движений, государственной политики, реакции народа, общественных настроений в отношении разных сфер жизни складывается национальная картина мира.

Считаем не лишним обобщить картины мира и до общей, когнитивной картины мира, понимая под этим универсалии в жизни каждого человека в его ходе мыслей и чувств, универсальность отношений – *«нам не чуждо все человеческое»*.

Отношения между мыслью, языком и миром издавна интересовали лингвистов. Язык отражает не только мир, но нас в мире. А наша мысль о мире черпается из мира и из нашего общего уровня культуры. Таким образом, мысль индивидуальна и общественна, будучи выражена. Образуется круговорот, в котором невозможна замкнутость отдельных элементов. Замкнутость отдельных элементов этого круговорота может привести к болезням, преступлениям, иначе говоря – к отклонениям. Недаром говорят: *«навязчивая идея»* – о постоянной невыраженной мысли. В помощь этому круговороту в религии установлено таинство исповеди, когда человек очищается от навязчивых мыслей, мучающих его, священнику, а в светской жизни – психологу, друзьям.

С другой стороны, говорят: *«Мысль изреченная есть ложь»* – о невозможности выразить словом всю гамму личных переживаний. Да, в одном слове или фразе это невозможно сделать, но в письме, рассказе, романе, стихотворении – вполне возможно. Недаром А. А. Потебня пишет о важности художественной литературы как верификации мысли и языка. Только в контексте, по А. А. Потебне, слово получает смысл [7]. Как отмечает В. фон Гумбольдт в работе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», «безотносительно к живому употреблению языка сохраняет значение исследование лишь тех языков, у которых есть литература; оно будет находиться в зависимости от последней» [8]. О верификации языка в отношениях пишет и Н. Хомский в своей *«пересмотренной расширенной теории»*. Согласно этой теории, формально описываемые структуры могут получить полную семантическую интерпретацию лишь тогда, когда они связываются с другими нелингвистическими познавательными структурами, включающими представления (мнения) носителей естественного языка, их намерения и т. д.

Мы считаем, что взаимопонимание между людьми основано на нахождении общих моментов картины мира, мышления, отношения к жизни. Человек может и не действовать никогда так, как действует другой человек, но он может мысленно стать на его позицию, при-

мерить на себя его роль. Поэтому роль СМИ, прежде всего телевидения, очень велика в формировании мысленных путей развития человека и границ дозволенного. Засилье милицейских сериалов, криминальных драм, западных боевиков, прославляющих физическую силу человека, агрессию, вседозволенность, снижают интеллект нации.

Как мы уже отмечали, картина мира – это единство общего и особенного, универсального и национально-специфичного.

Динамика индивидуальной картины мира определяется восприятием, в котором участвуют не только личные ощущения, но и прошлый опыт, знания, мышление, склад характера, эмоции, физиологические ощущения. Картина мира эмоционально окрашена и личностна. У каждого своя картина мира в зависимости от значимости предметов, ее составляющих. И как психологи пишут о парадоксах восприятия, о зрительных иллюзиях, так, в силу иллюзий, разнообразны и картины мира, различаясь у различных людей верой и мировоззрением. Социум, в котором живут люди, существует, благодаря точкам соприкосновения картин мира людей, составляющих его. Можно сказать, что общества, классы, группы, объединяющие людей по каким-либо признакам, смотрят на мир с определенной стороны, под определенным углом зрения, питая определенные иллюзии. Парадоксом восприятия можно назвать то, что при константности восприятия, свойств и способностей организма к перцепции, картина мира индивида меняется.

Впечатления можно сравнить с пейзажем из окна движущегося поезда. Но постоянство, основа картины мира – в сложившемся каркасе, проторенном способе восприятия впечатлений. Впечатления как бы нанизываются на стержень мировосприятия и определенным образом классифицируются. Необычные впечатления могут отбрасываться, если они не подходят под сложившиеся стереотипы. Поезд в данном случае, в котором едет человек, можно сравнить с определенным ходом жизни человека, ее привычным укладом, а виды из окна – с проносящимися мимолетными впечатлениями, чужими мнениями. Станцию, на которой выходит пассажир поезда, и направление, в котором он оттуда идет, можно сравнить с наиболее захватывающим впечатлением и доминирующим потоком мыслей человека, уносящим его.

Иллюзия картины мира состоит в ее индивидуальности, она навеяна личным прошлым опытом человека, который уникален, и недостатки характера человека можно отнести на счет иллюзий.

«В восприятии отражается вся многообразная жизнь личности – ее установки, интересы, общая направленность и прошлый опыт – апперцепция – и притом не одних лишь представлений, а всего реального бытия личности, ее реального жизненного пути», – пишет известный психолог С. Л. Рубинштейн [9].

Как отражение и затем осознание, психика выходит за пределы организма и его свойств, она выражает отношение к окружающему, к объективной деятельности, к бытию. Выражающееся идеально в сознании, оно выражается и во внешнем поведении, во внешней деятельности. Отношение психики к объекту, который она отражает, сугубо индивидуально и различается у разных людей в силу личностных особенностей восприятия. Приспособительный характер эволюции приводит к развитию признаков, соответствующих среде и образу жизни.

В связи с психологическими особенностями формирования индивидуальной картины мира хотелось бы разобрать психологические триады: строение – функция – образ жизни; инстинкт – навык – интеллект.

В процессе эволюции в связи с определенным образом жизни человека у него более активно задействованы одни органы и функции, чем другие. Например, это отражается в восприятии. Студенты-музыканты больше развивают аудиорецепторы, а студенты-филологи, например, – зрительную память. В связи с этим уклоном неработающие органы снижают свою активность.

Другая триада *инстинкт – навык – интеллект* непосредственно связана с первой триадой и вытекает из нее. Воспринимаемые теми или иными рецепторами сигналы обрабатываются интеллектом с помощью навыков, возникающих от повторения сигналов. Акцент на том или ином виде восприятия определяется инстинктом и биологическими, наследственными данными. Так, кто-то из нас тонко чувствует запахи, а кого-то трогает до слез каждый раз та или иная песня. Интеллект является конечным и всепронизывающим звеном в восприятии человека. Человек строит свое поведение в зависимости от своего восприятия.

Так, он инстинктивно отпрянет от неприятного резкого запаха, выплюнет горькое, испугается крутого обрыва. Но у спасателей, например, вынужденных преодолевать в себе неприязнь и страх, работа интеллекта важна, как нигде. Они спускаются в пропасти, спасают людей из задымленных мест, несмотря на естественный страх и отвращение. Здесь налицо работа интеллекта и воли, когда человек целиком полагается на свои физические навыки, выработанные предварительными тренировками.

Образ жизни понимается как регуляция. Каждый организм реагирует не на все вообще раздражения, которым он может быть подвергнут, и даже не на все те, которые его рецепторные механизмы в состоянии дифференцировать, а на биологически для него значимые, и это определяет картину мира человека.

Познавательная деятельность человека зарождается и развивается как аспект его практической деятельности. Лишь затем она выделяется из практической деятельности, в которую она первоначально вплетена в качестве особой теоретической деятельности. Познание и действительность взаимно воздействуют друг на друга. От того, как индивид воспринимает мир, будет в значительной степени зависеть, как он будет действовать в нем.

Наследственность и изменчивость определяют поведение человека в реальной, меняющейся жизни. Не умея приспособливаться к окружающей среде, условиям жизни, человек просто не выживет в данных условиях. А наследственность – это тот биологический багаж знаний и отношения к жизни, каркас характера, на котором строится изменчивость. Их соотношение в ходе развития изменяется, и это изменение их меры приводит на некоторых узловых точках развития к качественным изменениям типа поведения. Чем выше интеллект человека, тем более разнообразным и творческим является его поведение и отношение к окружающей действительности. Ограниченность «мотивации» характеризует инстинктивное поведение по сравнению с другими, более высокими формами поведения.

Определяющими в поведении являются его познавательные и мотивационные компоненты. Интеллектуальное поведение всегда содержит и автоматические, стереотипные компоненты в виде частичных операций, включающихся в выполнение интеллектуальных действий. В навыках поведение связано с индивидуальным прошлым. Интеллектуальное поведение в своем познавательном аспекте влияет на вариативность поведения. «Разумность» поведения зависит от характера восприятия. С. Л. Рубинштейн выделяет инстинктивные формы поведения и индивидуально-изменчивые. Мотивация опосредует переход от одной формы поведения к другой.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

1. Картина мира человека основывается на биологических качествах восприятия человека, сочетающихся с работой интеллекта и воли путем навыков. Не поддаваться впечатлениям, мнениям других людей, быть как бы пришвартованным к действительности на своем индивидуальном «якоре» и не унести течением жизни, подобно опавшему листу, человеку помогают наследственность как прошлый опыт, индивидуальные навыки поведения, строящиеся на основе мышления, интеллектуальной обработки поступающих извне сигналов.

2. Не поддаваться мимолетным впечатлениям, сохраняя характер, человеку также помогает биологическая избирательность восприятия, игнорирующая нерелевантные и случайные для человека сигналы. Можно сказать, таким образом, что характер человека во многом определяет его картину мира.

3. Языковая национальная картина мира находится в тесной связи с психологическими механизмами восприятия, отражая, по функциональному признаку, наиболее релевантные и частотные особенности отношения человека к другим людям и миру и одной нации к другой. Семантические универсалии основываются на общих психологических и биологических свойствах человека, на *«алфавите человеческих мыслей»*.

Примечания

1. Пищальникова В. А. Общее языкознание. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 110.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. С. 1187.
3. Павилёнис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. С. 3.
4. Митина И. Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги. СПб.: КАРО, 2006. 336 с.
5. Иванченко А. И. Русские пословицы и их французские аналоги. СПб.: КАРО, 2004. 128 с.
6. Митина И. Е. Указ. соч.

7. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Киев, 1993. 192 с.
8. *Гумбольдт В., фон.* Язык и философия культуры. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 79.
9. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб: Питер, 2008. С. 240.

Notes

1. *Pischalnikova V. A.* Obschee yazykoznanie [General Linguistics]. Barnaul: Altai State University Publ. 2001. P. 110.
2. *Kuznetsov S. A.* Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Great Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ. 2004. P. 1187.
3. *Pavlenis R. I.* Problema smysla [Problem of sense]. Moscow: Mysl Publ. 1983. P. 3.
4. *Mitina I. E.* Angliyskie poslovitsyi i pogovorki i ih russkie analogi [English proverbs and sayings and their Russian counterparts]. St. Petersburg: KARO. 2006. 336 p.
5. *Ivanchenko A. I.* Russkie poslovitsyi i ih frantsuzskie analogi [Russian proverbs and their French counterparts]. St. Petersburg: KARO. 2004. 128 p.
6. *Mitina I. E.* Op. cit.
7. *Potebnya A. A.* Myisl i yazyk [Thought and Language]. Kiev. 1993. 192 p.
8. *V. Humboldt, fon Yazyk i filosofiya kulturyi* [Language and cultural philosophy]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. 248 p. P. 79.
9. *Rubinsteyn S. L.* Osnovy obschey psihologii [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter, 2008. P. 240.

УДК 482(07)

Г. А. Кручинина

Совершенствование знаково-символической функции средствами иностранного языка

В статье описываются этапы развития речи детей. Раскрываются понятия «речевая деятельность», «знак», «символ». Анализируется усвоение родного и иностранного языков. Раскрывается роль языка в становлении и совершенствовании знаково-символической функции у младших школьников. Определяются способы обучения иностранному языку.

In the article stages of children's speech development are described. Concepts of speech activity, sign, symbol are defined. Mastering of native and foreign languages is analyzed. It is revealed the role of language in formation and perfection of sign-symbolic function of young school children.

Ключевые слова: речевая деятельность, развитие речи, младшие школьники, знаково-символическая функция, освоение языка.

Keywords: speech activity, speech development, young schoolchildren, sign-symbolic function, mastering the language.

В процессе своего развития ребёнок овладевает языком, на котором говорят окружающие его взрослые, учится пользоваться устной, а затем письменной речью. По мнению Т. Н. Ушаковой, коммуникативные речевые проявления глубоко вплетены в общую структуру жизни любого человека, начиная с детства. Далее она пишет: «С раннего возраста основная жизненная активность ребенка опирается на слово: с помощью речи взрослый побуждает его к выполнению основных жизненных отпращиваний, словами его уговаривают, подбадривают, наказывают, ласкают, развлекают» [1]. За сравнительно короткий период времени дети усваивают богатство языка, накопленное поколениями.

Некоторые ученые уверены, что успех во многом зависит от постоянного воздействия среды, в которой пребывает ребенок. Ш. П. Бутон, говоря о роли родителей в процессе овладения языком, пишет: «Они выступают хранителями нормы языкового употребления, одновременно следя за правильным речевым развитием ребёнка» [2]. Таким образом, ученый видит усвоение языка «как приближение к овладению правилами, позволяющими продуцировать высказывания».

Указывая на процесс овладения языком как явлением социальным, неоднократно подчеркивается значимость речевой деятельности (речевого общения). Речь – процесс всегда творческий и не может быть усвоен путем имитации. По замечанию Е. И. Негневицкой, «деятельность ребенка с языком <...> процесс творческого познания, активного поиска связей, закономерностей, отношений элементов языка, поиск правил, по которым ребенок мог бы строить новые высказывания, т. е. такие, которые он не слышал раньше от взрослых» [3].

Онтогенез речи ребенка, по мнению А. М. Шахнарович, «рассматривается как процесс овладения ребёнком средствами и способами речевой деятельности» [4].

А. А. Леонтьев под речевой деятельностью понимал систему «речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую». Автор продолжает: «<...>она (речь) не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [5].

Говоря о функциях языка и функциях речи, ученый берет за основу классификацию, предложенную Ф. Кайнцем и К. Аммером. Функции языка следующие: а) коммуникативная функция является фактически функцией регуляции поведения, выступает в одном из трёх вариантов: индивидуально-регулятивная, коллективно-регулятивная и саморегулятивная; б) функция языка как орудие интеллектуальной деятельности (мышление, память и т. д.); в) функция быть формой существования общественно-исторического опыта и овладения им; г) национально-культурная функция находит отражение в особенностях наименования («внутренняя форма»), в специфике семантических и отчасти звуковых изменений; в характере «расчленения» действительности языком; д) язык выступает как орудие познания, поскольку мы можем черпать новые для человечества или отдельного коллектива сведения об окружающей действительности, производя лишь теоретическую деятельность, опосредованную языком. Функции речи многочисленны, вот лишь некоторые из них: а) магическая; б) функция «марки» (собственные имена, реклама); в) диакритическая (различительная, коррекции или дополнения неречевой ситуации); г) экспрессивная и поэтическая (эстетическая) [6].

И. А. Зимняя под речевой деятельностью понимает «целенаправленный, мотивированный, активный процесс приема и (или) выдачи сообщения, организованного социально отработанными средствами (язык) и способом (речь) формирования и формулирования мысли в общении людей друг с другом» [7]. Язык, по мнению психолога, обеспечивает социальные, интеллектуальные и личностные функции человека. Язык выступает средством: а) общения как формы социального взаимодействия; б) вхождения в языковую общность, идентификации, отождествления; в) присвоения общественно-исторического, социального опыта, то есть социализации; г) приобщения индивида к культурным, историческим ценностям (общеобразовательное значение языка); д) соотнесения индивида с предметной действительностью через ее номинацию, индикацию; е) обобщения в процессе формирования понятийного, категориального аппарата человека; ж) расширения, дифференциации, уточнения понятийно-категориального аппарата; з) опосредствования высших психических функций человека; и) развития познавательного интереса; к) удовлетворения коммуникативной (выражения мысли, чувства, воли) и познавательной потребности (сюда включается и трактовка языка в узком смысле как средства формирования и формулирования мысли); л) решения коммуникативных, познавательных и профессиональных задач; м) осознания человеком собственного «Я»; н) рефлексии, выражения себя (самовыражения) и саморегуляции (сюда включается и осознание собственных действий), средства внутреннего диалога в структуре самосознания личности.

А. К. Маркова речевую деятельность трактует как такой общий тип специфической человеческой деятельности, при котором все виды взаимодействия человека с другими людьми и предметами окружающей действительности являются его частным проявлением. В своей работе автор рассматривает генезис речи в контексте развития ребенка, положив в основу становление функций речи.

В процессе онтогенеза дети овладевают следующими функциями речи: а) экспрессивной (установление связи с взрослым, поддержание эмоционального контакта); б) социальной (общение); в) индикативной (называние признака предмета); г) номинативной (предметная отнесенность слова); д) сигнификативной (замещение словом наглядных впечатле-

ний); е) регулирующей (планирующей); ж) обобщающей (усвоение символической роли слова, слово – символ, заместитель общности предметов данного класса).

На каждом новом этапе развития в зависимости от ведущей деятельности у детей формируется та или иная функция. Следует отметить, что знаково-символическая функция появляется уже у дошкольников, но совершенствуется именно в школьном возрасте [8].

Для раскрытия знаково-символической функции необходимо дать определение таких понятий, как «знак» и «символ».

Философский энциклопедический словарь определяет знак как «материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)» [9]. В нашем понимании к знаку относятся не только слова, но и словосочетания, и предложения в целом.

Символ трактуется как «идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание. Символ стоит между (чистым) знаком, у которого собственное содержание ничтожно, и моделью, имеющей прямое сходство с моделируемым объектом, что позволяет модели замещать последний в процессе исследования» [10].

Рассматривая понятия знака и символа с точки зрения языка, мы можем говорить о лексических единицах (слова, словосочетания). Лексические единицы включают в себя характеристики знака и символа. Слова и словосочетания представляют собой материальный предмет, так как имеют графическое и звуковое оформление и несут в себе смысловую составляющую. С символом лексические единицы объединяет способность обобщать и замещать предмет или явление. Таким образом, мы говорим о знаково-символической природе лексических единиц. Способность выражать мысли словами связана со знаковой функцией.

Под знаковой функцией в психологии понимается сложное, системное, многоуровневое образование, позволяющее человеку моделировать и преобразовывать во внутреннем плане создания объективный мир.

Л. С. Выготский отмечает: «Символическая деятельность ребенка не изобретается им и не заучивается <...>. Знак возникает в результате сложного процесса развития – в полном смысле этого слова. <...> Для того чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. <...> Слово связывается для ребенка с вещью через ее свойства, вплетаясь в их общую структуру» [11]. Слово, появляясь в жизни ребенка, «наполняя смыслом и обобщая видимые элементы ситуации, приводит к возникновению предметности орудия, которое остается самим собой, независимо от того, в какую структуру этот предмет входит» [12].

Для речевой деятельности «психологическим орудием», по Л. С. Выготскому, является языковой знак, прежде всего слово, лексическая единица. Знак способен замещать и обобщать предметы, явления, отношения. Знаки языка обладают значением, приписанным им социумом. Только в процессе общения ребенок овладевает функциональным употреблением слова как знака языка. Слово отражает предметный мир, принадлежит сознанию человека, функционирует в целостной системе языка, связано с социально-культурными реалиями. С. Л. Рубинштейн определяет слово как специфическое единство чувственного и смыслового содержания. Слово – единство обозначающего и обозначаемого. Средства обозначения, используемые ребенком, имеют форму отсроченной имитации, игрового символа, рисунка, умственного образа и, наконец, речи [13].

Н. Г. Салмина предлагает различать знаковую и символическую функции. «Символическая функция связана с начальным уровнем развития семиотической функции. Здесь можно говорить лишь об объективном существовании разделения двух планов (обозначающего и обозначаемого). Знаковая функция представляет более развитую форму семиотической функции, предполагающую наличие всех ее составляющих и таких характеристик, как рефлексия, обратимость, инвариантность, интенция» [14]. Благодаря символической функции начинает формироваться внутренний план деятельности – план представления. Мы определяем знаково-символическую функцию как механизм усвоения и передачи накопленных знаний и способный в обобщенной форме выделять предметы или явления окружающей действительности. Несмотря на некоторые различия в понятии знаково-символической

функции ученые едины во мнении, что умственное развитие ребенка определяет язык, являясь знаково-символическим средством.

Для рассмотрения вопроса о знаково-символической функции и её совершенствования средствами иностранного языка необходимо обратиться к формированию данной функции у детей на родном языке.

Г. В. Колшанский подчеркивает: «Овладение родным языком есть стихийный процесс, которым человек овладевает не в силу его сознательного стремления знать язык, а в силу стихийного процесса развития мышления в онтогенезе» [15]. И это является основным различием в усвоении родного языка и иностранного, преподаваемого в рамках учебной дисциплины.

Родной язык ребенок начинает постигать с усвоения звуковой стороны речи, он «очень быстро схватывает существенные признаки звуков своего языка», обобщает признаки звуков и сводит их в определенную систему [16]. Освоение артикуляции звуков речи – очень сложная задача, и, хотя ребенок начинает «упражняться» в произнесении звуков уже с полутора-двухмесячного возраста, для овладения речепроизводительными навыками ему требуется три-четыре года. Осваивая язык как целостную систему знаков, ребенок осваивает звуки сразу как фонемы. Постепенно в жизнь ребенка входят слова, и он может оперировать ими, не обращаясь к материальной оболочке предметов, связанных с этими словами. Слово начинает выступать как структурная единица языка и речи. Сначала ребенок овладевает чисто внешней (т. е. звуковой) структурой знака, которая впоследствии, в процессе оперирования знаками, приводит ребенка к правильному функциональному его употреблению. Дети овладевают навыками словоизменения и словообразования. Овладение грамматическим строем языка происходит в единстве с развитием мышления. Во многих работах отмечается положительное влияние языка на психические процессы и мышление в том числе. П. В. Копнин отмечал: «Язык фиксирует достигнутые результаты знания, которые не только входят в последующий синтез мышления, но как некая форма направляет и определяет дальнейшие пути его движения» [17]. Высказывания детей пяти-шести лет уже достаточно распространенные и информативные, в них присутствует определенная логика изложения. Однако полноценное овладение детьми навыками монологической речи возможно только в условиях целенаправленного обучения и становится возможным с возникновением регулирующей, планирующей функций речи. Слово (знак) помогает абстрагироваться, опредметить то, чего ребёнок может не видеть, но представлять «в уме».

В школьном возрасте дети сознательно усваивают грамматические правила оформления свободных высказываний, полностью овладевают звуковым анализом и синтезом. На этом этапе формируется письменная речь. Происходит знакомство детей с буквами, новыми символами языка. А. Н. Шапов справедливо замечает: «Разные виды символов составляют содержательную часть интеллектуальной деятельности ребенка. Для интеллектуальной деятельности, для её содержания важно, чтобы буквенный ряд слова и его звуковой ряд были прочно усвоены, то есть соотносились между собой. Совпадение образов, их наложение друг на друга обеспечивает успешное овладение словами» [18].

Усвоение речи как знаково-символической системы несет в себе ряд особенностей. Особенности, по замечанию Н. Г. Салминой, «проявляются прежде всего в том, что структурная организация языковой системы, алфавит определяются самим языком, его усвоение осуществляется не через заучивание алфавита и правил употребления, бесконечного набора частных инструкций, а через овладение многоуровневой структурой языка, совершающееся неосознанно в процессе общения ребенка и взрослого, в предметно-практической деятельности по реализации реальных потребностей ребенка» [19]. Ребенок усваивает готовые значения слов. Он относит предметы, обозначенные одинаковыми звуками, к одному классу. Ряд исследований выявил у детей отсутствие рефлексии на речевые единицы (звуки в словах, слова в предложениях). Постепенно речь ребенка освобождается от ситуативного контекста. Слово становится компонентом знаковой ситуации. Знаково-символические средства языка способствуют повышению уровня обобщенности и абстрагированности формируемых знаний. В младшем школьном возрасте дети сознательно овладевают речью в процессе обучения. Дети способны членить высказывания на единицы (слова, слоги, звуки), устанавливать связи между звуками и буквами. Такие способности положительно сказываются на овладении чтением и письмом. Здесь же одновременно развивается фонематический слух.

Чтение и письмо, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию лексической, грамматической и стилистической сторон речи.

Изучение иностранного языка отличается от овладения родным языком. Л. С. Выготский справедливо подчеркнул: «Если развитие родного языка начинается со свободного, спонтанного пользования речью и завершается осознанием речевых форм и овладением ими, то развитие иностранного языка начинается с осознания языка и произвольного овладения им и завершается свободной, спонтанной речью. Оба пути оказываются противоположно направленными» [20]. Усвоение иностранного языка осложняется и тем, что у ребенка нет потребности выражать свои мысли на неродном языке. Иностраный язык не употребляется в ежедневной коммуникации. Его изучение начинается с осознания, предполагая использование и усвоение правил, языковых элементов. Усвоение иностранного языка на начальном этапе его изучения не дает еще ученику непосредственных знаний о реальной действительности.

А. Н. Шамов выделяет три модели, по которым может строиться обучение иностранным языкам. Первая модель рассматривает процесс овладения языком как процесс механической выработки привычки. Язык оценивается как процесс, функционирующий по схеме «входа/выхода» информации. Вторая модель постулирует положение об активном, творческом и сознательном характере процесса овладения языком, целиком и полностью зависящем от способности человека по овладению новым кодом. Последняя модель базируется на понимании процесса овладения языком как креативной и когнитивной деятельности [21].

Ситуация как частный случай деятельности, по мнению Е. И. Пассова, включают взаимодействие общающихся. Ситуация определяется ученым как «такая динамичная система взаимоотношений общающихся, которая благодаря ее отрешённости в сознании порождает личностную потребность в целенаправленной деятельности и питает эту деятельность» [22].

Далеко не всегда учащиеся вовлечены в активное учение при коммуникативном подходе. Затрачивается время на проговаривание структур без коммуникативной ориентации. Справедливо замечание Г. В. Роговой: «Простое проговаривание, при котором не включаются личность говорящего, его интеллектуальная и эмоциональная сферы, его речевой опыт в родном и иностранном языках (как бы незначителен он ни был), оставляет, как известно, либо слабый след в памяти учащихся, либо не оставляет никакого следа» [23].

От вовлечения ученика в активный процесс учения зависит его успех в изучении иностранного языка. Создание ситуаций оказывает неоценимую помощь в решении такой непростой задачи.

Ситуации способствуют выработке одного из ведущих качеств речевого умения – гибкости, переноса сформированных навыков (лексических и грамматических) в речь. Г. В. Рогова отмечает: «Только отработка материала в новых ситуациях позволит обеспечить запечатление в памяти ученика его функции, значения и формы, а также сформировать гибкость навыка» [24]. К такому же выводу приходит и Е. И. Пассов, рассматривая ситуативность «как обязательное условие формирования речевых навыков, способных к переносу» [25]. Для нас наибольший интерес представляет приобретение навыков, умений и знаний в речевой деятельности на иностранном языке, а следовательно, языковые и речевые способности учащихся. Способности учащихся, в свою очередь, являются предпосылкой овладения знаково-символической функцией языка.

Совершенствование знаково-символической функции средствами иностранного языка предполагает развитие лексических навыков на высоком уровне.

Примечания

1. Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Речь человека в общении. М.: Наука, 1989. С. 8.
2. Психолингвистика / ред. А. М. Шахнарович. М., 1984. С. 309.
3. Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М. Язык и дети. М.: Наука, 1981. С. 17.
4. Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990. С. 4.
5. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 27.
6. Там же. С. 32–39.
7. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. С. 65.
8. Маркова А. К. Психология усвоения языка как средства общения. М., 1974. С. 10.

9. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 191.
10. Там же. С. 606.
11. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. С. 14–15.
12. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 265.
13. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб: Питер, 2000. 720 с.
14. *Салмина Н. Г.* Знак и символ в обучении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 59.
15. *Колшанский В. Г.* Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. С. 20.
16. *Негневицкая Е. И.* Указ. соч. С. 19.
17. *Копнин П. В.* Проблемы диалектики как логики и теории познания. М., 1982. С. 192.
18. *Шамов А. Н.* Когнитивная парадигма в обучении лексической стороне иноязычной речи. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. С. 42.
19. *Салмина Н. Г.* Указ. соч. С. 116.
20. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. С. 249.
21. *Шамов А. Н.* Теоретические и практические вопросы обучения лексике на уроках немецкого языка. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. С. 19.
22. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
23. *Рогова Г. В.* Роль учебной ситуации при обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1984. № 4. С. 61.
24. Там же. С. 62.
25. *Пассов Е. И.* Указ. соч. С. 152.

Notes

1. *Ushakov T. N., Pavlova N. D., Zachesova I. A.* Rech cheloveka v obschenii [Human speech in communication]. Moscow: Nauka. 1989. P. 8.
2. *Psiholingvistika [Psycholinguistics]* / ed. A.M. Shakhnarovich. Moscow. 1984. P. 309.
3. *Negnevitskaya E. I., Shakhnarovich A. M.* Yazyik i deti [Language and children]. Moscow: Nauka. 1981. P. 17.
4. *Shakhnarovich A. M., Yureva N. M.* Psiholingvisticheskiy analiz semantiki i grammatiki [Psycholinguistic analysis of semantics and grammar]. Moscow: Nauka. 1990. С. 4.
5. *Leontiev A. A.* Yazyik, rech, rechevaya deyatelnost [Language, speech, speech activity]. Moscow. 1969. P. 27.
6. Ibid. Pp. 32-39.
7. *Zimnyaya I. A.* Psihologiya obucheniya inostrannym yazyikam v shkole [Psychology of learning foreign languages in school]. Moscow: Prosveschenie. 1991. P. 65.
8. *Markova A. K.* Psihologiya usvoeniya yazyika kak sredstva obscheniya [Psychology of language acquisition as a means of communication]. Moscow. 1974. P. 10.
9. *Encyclopedic Dictionary of Philosophy.* Moscow: Sov. entsikl. 1983. P. 191.
10. Ibid. P. 606.
11. *Vygotsky L. S.* Myishlenie i rech [Thought and language]. Ed. 5th, rev. Moscow: Publishing House "Labirint". 1999. Pp. 14-15.
12. *Vygotsky L. S.* Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. 1982. P. 265.
13. *Rubinstein S. L.* Osnovy obschey psihologii [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter. 2000. 720 p.
14. *Salmin N. G.* Znak i simvol v obuchenii [Sign and symbol of learning]. Moscow: Publ. of Moscow University. 1988. P. 59.
15. *Kolshansky V. G.* Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyika [Communicative function and structure of language]. Moscow: Nauka. 1984. P. 20.
16. *Negnevitskaya E. I.* Op. cit. P. 19.
17. *Kopnin P. V.* Problemy dialektiki kak logiki i teorii poznaniya [Problems of dialectics as the logic and theory of knowledge]. Moscow. 1982. P. 192.
18. *Shamov A. N.* Kognitivnaya paradihma v obuchenii leksicheskoy storone inoyazyichnoy rechi [Cognitive paradigm in learning of lexical side of foreign speech]. Nizhny Novgorod: NGLU of N.A. Dobrolyubov. 2009. P. 42.
19. *Salmina N. G.* Op. cit. P. 116.
20. *Vygotsky L. S.* Myishlenie i rech [Thought and language]. P. 249.
21. *Shamov A. N.* Teoreticheskie i prakticheskie voprosy obucheniya leksike na urokah nemetskogo yazyika [Theoretical and practical issues in vocabulary learning on lessons of German]. Nizhny Novgorod: NGLU of N.A. Dobrolyubov. 2010. P. 19.
22. *Passov E. I.* Kommunikativniy metod obucheniya inoyazyichnomu govoreniyu [Communicative method of teaching offoreign language speaking]. Moscow: Prosveschenie. 1991. 223 p.

23. Rogova G. V. Rol uchebnoy situatsii pri obuchenii inostrannomu yazyiku [Role of learning situation in learning a foreign language] // Inostrannyye yazyiki v shkole – Foreign languages in school, 1984, № 4, p. 61.

24. Ibid. P. 62.

25. Passov E. I. Op. cit. P. 152.

УДК 81'373.21

И. А. Кондакова

Топонимы и этнонимы как средство выражения этностереотипа

В статье изложены результаты исследований этноконцептов «France/French», «China/Chinese», «Russia/Russian» в английском языке, отражающих национальные гетеростереотипы. Были сопоставлены репрезентации данных концептов в языке (в словарях) и в речи (в журнальных текстах) и отмечены общие закономерности динамики этноконцепта.

The paper presents the results of investigating the reflection of ethnic concepts 'France/French', 'China/Chinese', and 'Russia/Russian' in the English language and thus the peculiarities of ethnic heterostereotypes. Language (vocabulary) and speech (magazine articles) data were considered. Relative stability of ethnic concept and ethnic stereotype dynamics was found out.

Ключевые слова: этноним, топоним, этностереотип, гетеростереотип, этноконцепт.

Keywords: ethnic name, place-name, ethnic stereotype, heterostereotype, ethnic concept.

В статье изложены результаты исследований отражения национального гетеростереотипа в английском языке, выполненных в ходе подготовки выпускных квалификационных работ под научным руководством автора данной статьи на факультете лингвистики ВятГГУ на кафедре лингвистики и перевода. Это ряд исследований этнических гетеростереотипов в английском языке, выраженных этнонимами (названиями национальностей) и соответствующими им топонимами (названиями государств): «France/French» (А. В. Бушмакова 2010), «China/Chinese» (А. П. Мерзлякова 2012), «Russia/Russian» (М. Г. Нурмугамедова 2013). Перед успешной защитой все работы прошли апробацию на научных конференциях для молодых исследователей «ЛОМОНОСОВ» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова 2010, 2012), «Актуальные вопросы современной лингвистики XXI века», «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей», «Прикладная лингвистика: перспективы развития» (Киров, ВятГГУ, 2010, 2012, 2013).

Прежде всего, целесообразно дать представление о базовой терминологии, применяемой в исследованиях. В исследовании ключевыми являются понятия этностереотипа, концепта, этноконцепта и этнического гетеростереотипа. Этностереотип понимается как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос [1]. Этностереотипы подразделяются на автостереотипы (представления, мнения, оценочные суждения о наиболее характерных чертах и качествах своей этнической общности) и гетеростереотипы (представления, мнения, оценочные суждения о наиболее характерных чертах и качествах чужой этнической общности) [2]. Концепт понимается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3]. Концепт – это больше, чем просто представление, соответственно, понятие этноконцепта шире понятия этностереотипа. Таким образом, этностереотип рассматривается как важная составляющая этноконцепта. Также в работе упоминаются термины «макроэтностереотип» – представления обо всей нации и «микроэтностереотип» – представления не обо всей нации, а лишь о ее части, ограни-

чителем здесь, как правило, является территориальный фактор, место проживания и/или место рождения. Эти термины, не отмеченные в литературных источниках, вводятся в работе как наиболее удобные и лаконичные маркеры соответствующих понятий. Типичными носителями этностереотипа являются этнонимы и топонимы.

В настоящее время ведется активная работа по исследованию этноконцептов и этностереотипов в разных языках с применением различных исследовательских методик. В данном случае в выборе методов ведущим был принцип доступности материала для исследования, кроме того, учитывалась ограниченность времени для исследования. Анализ материала осуществляется в два этапа: языковой этап и речевой этап – изучение этностереотипа предполагает работу как с лексикографическими источниками, так и с текстами (для исследования были отобраны тексты журналов 'Vogue' и 'National Geographic Magazine').

На первом этапе изучается репрезентация лексем, обозначающих представителей той или иной национальности в словарях, включая этноним (French, Chinese, Russian) и макротопоним (France, China, Russia/the USSR), а также степень их фразеологизации, семантика фразеологизмов и наличие у них оценочного компонента. Наличие дополнительных значений у топонима или этнонима, их словообразовательный потенциал и высокая степень фразеологизации свидетельствуют о значимости этноконцепта в языке. Семантика производных лексем и фразеологизмов, обусловленная этно-ассоциациями, служит качественным показателем этностереотипа, а выражаемая ими оценка свидетельствует о характере отношения к представителям того или иного этноса.

На втором этапе предпринимается попытка рассмотреть, как выбранные для изучения лексемы функционируют в речевом контексте (на материале популярных журналов). Применяются методы контекстуального и дистрибутивного анализа. Выявляются тематические контексты, наиболее типичные для той или иной лексем, определяется их оценочная составляющая.

Далее сопоставляются данные по языковому (словарному) и речевому материалу с целью выявить, насколько актуальны закрепленные в языке стереотипы на современном этапе. При этом функцию фоновой информации выполняет лексикографический материал, а речевые данные служат индикатором изменений того или иного стереотипа.

Рассмотрим подробнее результаты проведенных исследований.

Значимость этноконцепта «French» в английском языке имеет серьезные исторические предпосылки: близкое соседство, многочисленные войны и конфликты на протяжении долгих веков, значительное влияние французского языка на английский язык. В английской фразеологии и в английской литературе оппозиция «English – French» является одной из наиболее актуальных, наряду с оппозициями «English – Irish», «English – American», «Saxon – Celt(ic)» [4]. Анализ словаря табуизированной лексики показал, что этноним «French» – это один из наиболее часто пейоративно употребляемых этнонимов [5], следует отметить, что также есть примеры, свидетельствующие о негативном восприятии англичан французами [6]. А. В. Бушмакова выявила, что 80 словарных единиц с компонентом «France/French», преимущественно фразеологизмов, относятся к следующим тематическим группам: архитектура (24% – *French roof, French sash, French windows*), кулинария и виноделие (более 21% – *French dressing, French plum*), флора и фауна (16,5% – *French sorrel*), мода (11% – *French flap*), поведение (более 6% – *to assist in the French sense*). Эти единицы либо оценочно нейтральны (термины), либо выражают отрицательную оценку (названия болезней, некоторых артефактов, а также ФЕ, относящиеся к поведенческой сфере). В журнальном тексте (статьи британской версии журнала Vogue за 2008–2010 гг.) компонент «France/French» (150 примеров) чаще связывают с модой (74%), политикой (12%), СМИ и кулинарией. Таким образом, отмечена устойчивая связь концепта «France/French» с модой и кулинарией. В целом в результате сопоставления данных по языковому (лексемы и фразеологические единицы) и речевому материалу делается вывод об устойчивости этностереотипа «француз» и «Франция» в английском языке [7]. В то же время отмечаются изменения в репрезентациях концепта, в частности некоторая нейтрализация (но не отмена) отрицательной коннотации.

Этноконцепт «China/Chinese» в английском языке также значим: фразеология отражает такие исторические вехи, как, например, опиумные войны (XIX в.), холодная война (XX в.). А. П. Мерзлякова выявила, что степень фразеологизации концепта «China/Chinese» выше, чем у концепта «France/French» – 125 фразеологических единиц (ФЕ), относящихся к следующим

тематическим группам: флора и фауна (49,5% – *China wood oil tree, Chinese vole*), артефакты (21% – *China closest, Chinese lantern*), характеристика ситуации (10,5% – *Chinese three-point landing*), особенности поведения (7% – *Chinese accounting*), наркотические вещества (7% – *China white*), заболевания (2,5% – *Chinese restaurant syndrome*), восклицания, выражающие негативные эмоции (междометные ФЕ – *Damned clever these Chinese!*) – 4%. Преобладают нейтрально-оценочные (названия животных, растений и ряда артефактов) и пейоративные ФЕ (поведение, ситуация, заболевания, наркотики). В журнальных текстах (статьи из *National Geographic Magazine* за 1997–2009 гг.) в составе 77 рассмотренных в работе контекстов концепт «China/Chinese», как правило, связывают с политикой (22%), экономикой и торговлей (18%), промышленностью (17%), историей и культурой (9%). Таким образом, тематические группы, репрезентирующие концепт на уровне языка и на уровне речи, в данном случае не совпали, что может свидетельствовать о некоторых изменениях концептуальных составляющих и об изменениях этностереотипа «China/Chinese», вызванных переменами в восприятии Китая англоязычным миром. Ряд метафор-метаморфоз (метафор-квaziтождеств с глаголом-связкой, выражающим значение становления, – ‘become’, ‘turn into’) имплицитно завершены этих изменений (например: ‘...*their movement from the countryside has turned China into the world’s factory floor*’) [8]. В то же время отмечена устойчивость ряда стереотипных представлений и негативной оценочной составляющей.

При рассмотрении репрезентации этностереотипа «Россия/русские» выявлена низкая степень фразеологизации элементов «Russian/Russia» – 4 ФЕ, из них 3 нейтрально оценочных – в названиях вещества (*Russian gold*), материала (*Russian leather*), блюда (*Russian salad*), одна ФЕ, характеризующая ситуацию, содержит отрицательную коннотацию (*Russian roulette*), ФЕ с элементом «the USSR» не обнаружено. Также обнаружены ссылки на пейоративное обценное употребление лексемы *Ruski* [9]. Низкая степень лексикографирования концепта может свидетельствовать о меньшей значимости этноконцепта «Россия/русские» в английском языке по сравнению с концептами «French/France» и «China/Chinese». Также рассмотрено 197 употреблений этнонима *Russian* и топонимов *Russia/USSR* в журнальном тексте (статьи из *National Geographic Magazine* за 1997–2012 гг.). Лексемы «Russia/Russian» более частотны (85%), свободные словосочетания, в которых они употребляются, относятся к таким тематическим группам, как экономика и торговля (24,5%), история и культура (23%), население и традиции (18,5%), религия (18%), политика (14%). Топоним *the USSR* отмечен 30 раз (15%), в составе словосочетаний, относящихся к тематическим группам ‘политика’ (40%), ‘история и культура’ (33%), ‘экономика’ (13%). М. Г. Нурмагамедова отмечает, что в лексеме *Russia/Russian/USSR*, как правило, связаны с выражением отрицательной, либо нейтральной оценки [10]. В целом в силу того, что на языковом уровне концепт «Россия/русские» находит крайне ограниченное выражение, можно лишь отметить устойчивость нейтральной или негативной оценочной составляющей.

Исследования показали, что этностереотип является составной частью этноконцепта. Конструирование как концепта в целом, так и его составляющих, происходит под влиянием целого комплекса экстралингвистических факторов. Любые изменения в политической, социальной, духовной жизни в той или иной мере сказываются на репрезентации этностереотипа. Однако выявлено, что эти изменения касаются деталей и не меняют общей картины. В целом в работах подтверждается положение об устойчивости этностереотипа, в особенности его оценочной составляющей, однако отмечается, что не исключена возможность периферийной изменчивости и частичной диверсификации (возможно, на непостоянной основе) в зависимости от обстоятельств различного рода. Этноконцепт представляет собой гибкую и динамичную открытую систему, обладающую высокой степенью устойчивости.

Примечания

1. Крысин Л. И. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 169.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов / под ред. А. П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 302.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С. 34.
4. Кондакова И. А. К вопросу образного употребления этнонимов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 79.
5. Там же. С. 76.

6. См.: «В нашей стране и во Франции, когда человек уходит из гостей не прощаясь, это называется "уходить по-английски". В Соединенных Штатах и Англии тот же самый обычай называется 'to take a French leave', т. е. "уйти по-французски"» (Кон И. С. К проблеме национального характера // Английский национальный характер: сборник статей и извлечений из работ об английском языке и культуре (на английском и русском языках): пособие для студ. гуманитарных вузов / сост. М. М. Филиппова. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Добросвет-М», 2006. С. 213). См. также пример: *'Пока все суетились вокруг гостя, справляясь о её здоровье, Пьер выскользнул за дверь, оставшуюся открытой. /.../ Госпожа Роземильи, желая сгладить неловкость, весело сказала: – Да нет же, нет, он ушёл по-английски; в обществе всегда так исчезают, когда хотят уйти пораньше. – В обществе, может быть, это и принято, – возразил Жан, – но нельзя же вести себя по-английски в собственной семье, а мой брат с некоторых пор только это и делает'* (Мопассан Г., де. Пьер и Жан / пер. М. Соседовой. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MOPASSAN/mopasan4.txt>). В составе ФЕ «уйти по-английски» этноним выражает негативную оценку ситуации, имплицитно такие признаки, как неучтивость, невежливость, неуважение к людям. Этноним в негативном значении переносится с конкретного действия «уйти не попрощавшись» на поведение вообще, в результате негативная коннотация усиливается: «вести себя по-английски по отношению к собственной семье» обозначает «не считаться с другими, ставить свои интересы превыше всего».

7. Бушмакова А. В. К вопросу репрезентации концепта «French» в английском языке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» [Электронный ресурс].

8. Мерзлякова А. П. Особенности репрезентации концепта «Китай» в английском языке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, К. К. Андреев, М. В. Чистякова [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012.

9. Голденков М. А. ОСТОРОЖНО, HOT DOG!: Современный активный английский. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: КАРО, 2003. С. 233; Филиппова М. М. Ирония и сарказм в английском языке и культуре: пособие для студ. гуманитарных вузов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 191.

10. Нурмагамедова М. Г. Россия и русские в представлении англоязычного языкового сообщества // Прикладная лингвистика: перспективы развития: сб. материалов Всерос. молодежной конф. с междунар. участием. Киров, 27 сентября 2013 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 43–45.

Notes

1. Krysin L. I. Slovo v sovremennyih tekstah i slovyah. Ocherki o russkoy leksike i leksikografii [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow: Znack. 2008. P. 169.

2. Grushevitskaya T. G., Popkov V. D., Sadokhin A. P. Osnovyi mezhkulturnoy kommunikatsii [Fundamentals of Intercultural Communication]: Textbook for high schools / ed. A.P. Sadokhin. Moscow: UNITY-DANA. 2002. P. 302.

3. Popova Z. D. I. A. Sternin Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad. 2007. P. 34.

4. Kondakova I. A. K voprosu obraznogo upotrebleniya etnonimov [On the question of the use of figurative etnonimov] // Herald of the Vyatka State University of Humanities, 2006, № 15, p. 79.

5. Ibid. P. 76.

6. See: "In our country and in France, when a person leaves the guests without saying goodbye, it's called" leaves like the English". In the United States and England, the same custom is called 'to take a French leave', ie "to leave like the French" (Kon I.S. K probleme natsionalnogo haraktera [On the problem of national character] // Angliyskiy natsionalnyiy harakter: sbornik statey i izvlecheniy iz rabot ob angliyskom yazyike i kulture – English national character: a collection of articles and extracts from work on the English language and culture (in English and Russian): A Handbook for students of humanitarian high schools / comp. M.M. Filippova. 2nd ed., rev. and ext. Moscow: "Dobrosvet-M". 2006 . P. 213). See also the example: 'While all bustled around the guests, inquiring about her health, Pierre slipped out the door remained open. / ... / Madam Rosemilly, wanting to smooth over the awkwardness, said cheerfully: – No, no, he's gone in English; in society they always disappear like this when they want to leave early. – In a society it can be, and it is accepted, – said Jean – but you can not behave in English in his own family, and my brother for some time does only like this' (G. Maupassant, de. Pierre and Jean / transl. M. Sosedova. Available at: <http://lib.ru/INPROZ/MOPASSAN/mopasan4.txt>). As part of "go in English" ethnonym expresses a negative assessment of the situation, implying features such as rudeness, discourtesy, disrespect for people. Ethnonym in a negative value is transferred from the specific action "blast off" behavior in general, as a result of the negative connotation of intensified "to behave in English in relation to their own family" means "do not consider others, put their own interests above all else."

7. Bushmakova A. V. K voprosu reprezentatsii kontsepta «French» v angliyskom yazyike [On the question of representation of the concept of «French» in English] // Proceedings of the International Youth Science Forum "Lomonosov-2010" [electronic resource]. (in Russ.)

8. *Merzliakov A. P.* Osobennosti reprezentatsii kontsepta «Kitay» v angliyskom yazyike [Features of representation of the concept "China" in English] / / Proceedings of the International Youth Science Forum "Lomonosov-2012" / Min. Ed. A.I. Andreev, A.V. Andrianov, E.A. Antipov, K.K. Andreev, M.V. Chistyakov [electronic resource]. Moscow: MAKS Press, 2012. (in Russ.)

9. *Goldenkov M. A.* OSTOROZhNO, HOT DOG!: Sovremennyiy aktivnyiy angliyskiy [CAUTION, HOT DOG!: Modern active English]. 3rd ed., rev. and add. St. Petersburg: KARO. 2003. P. 233; *Filippova M.M.* Ironiya i sarkazm v angliyskom yazyike i kulture [Irony and sarcasm in the English language and culture]: a guide for the students of humanitarian higher schools. Moscow: MAKS Press. 2005. P. 191.

10. *Nurmagamedova M. G.* Rossiya i russkie v predstavlenii angloyazyichnogo yazyikovogo soobshchestva [Russia and the Russians in view of English-speaking language community] / / Prikladnaya lingvistika: perspektivy razvitiya – Applied Linguistics: Prospects for Development: Collected materials. Youth Conference with int. participation. Kirov, September 27, 2013, Kirov: Publ. of VyatGGU, 2013, pp. 43-45.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378.4(470.342)

В. Б. Помелов

Открытие Вятского учительского института

В статье показан начальный период развития Вятского учительского института. Главное внимание уделено характеристике деятельности и личности первого директора А. М. фон-Вилькена.

In the article the initial period of the development of the Vyatka Teachers' Institute is shown. The main attention is given to the characteristic of the first director A. M. von-Vihlken.

Ключевые слова: Вятская губерния, земство, Вятский учительский институт, А. М. фон-Вилькен, А. И. Кондаков, В. А. Петров, К. П. Суханов.

Keywords: Vyatskaya gubernia, zemstvo, the Vyatka Teachers' Institute, A. M. von-Vihlken, A. I. Kondakov, V. A. Petrov, K. P. Sukhanov.

Начиная с 1911 г. ряд уездных земств Вятской губернии, сначала Малмыжское, а затем Сарапульское, Уржумское, Яранское и Котельничское, высказываются за открытие учительского института. В октябре 1912 г. проявилась и инициатива сверху. Попечитель Казанского учебного округа обратился к директорам народных училищ с циркуляром об организации учительских институтов в губернских городах округа. 7 февраля 1913 г. 45-е очередное губернское земское собрание постановило: признать настоятельно необходимым открытие учительского института в Вятке, возбудить соответствующее ходатайство перед министерством народного просвещения, дать институту единовременное пособие на постройку здания в 10 тысяч рублей, учредить 11, по числу уездов, стипендий, отпустить средства на приобретение оборудования.

11 июля 1914 г. на страницах губернской газеты «Вятская речь» появилась небольшая заметка под названием «Открытие учительского института». В ней сообщалось о том, что министр народного просвещения Лев Аристидович Кассо разрешил открыть в г. Вятке с 1 июля 1914 г. учительский институт.

Вятский учительский институт был открыт одним из последних в стране; во многих губерниях подобные учебные заведения начали создаваться еще с 1860-х гг. Несмотря на громкое название *институт*, они вовсе не были высшими учебными заведениями, а скорее, были аналогами и предшественниками открывавшихся в советские годы педагогических училищ и предназначались для подготовки учителей высших начальных училищ, то есть учителей начальных классов.

Попечителем Казанского учебного округа командировался для организации института директор Бугурусланской учительской семинарии статский советник фон-Вилькен. Та же газета 3 и 4 сентября сообщала об итогах приема в институт: прошений о приеме было подано – 71, экзамены держал 51 человек, приняты – 29; из них шестеро без экзаменов, как имевших среднее образование. Большинство принятых были сельскими учителями.

Уже в течение первого учебного года в институте началось формирование учебно-воспитательных учреждений: физического и «естественноисторического» кабинетов и библиотеки – фундаментальной и ученической. Были собраны учебные пособия по разным предметам. Занятия проводились и программа выполнялась, несмотря на все тяготы военного времени.

Спустя год, 3 июля 1915 г., «Вятская речь» ознакомила читателей с итогами первого учебного года. В институте в ту пору был один класс, в котором обучались 27 человек. Поми-

мо того при институте существовало городское училище (начальная школа) с двумя классами. В одном классе числился 31 учащийся, в другом – 17.

В июле 1915 г. был проведен второй прием в институт. Каких-либо социальных препятствий к поступлению не было: принимались лица всех званий и сословий в возрасте не моложе 16 лет. Более того, в 1915–1916 учебном году было выделено 40 казенных стипендий, так что значительная часть учащихся, главным образом сельские учителя, была ими обеспечена. Ограничений было всего два: в институт принимались только лица мужского пола, и, кроме того, женатые должны были испрашивать разрешение на учебу у попечителя Казанского учебного округа.

Александр Модестович фон-Вилькен был первым директором Вятского учительского института. Он родился в Риге 13 ноября 1874 г. в семье небогатых латышских дворян немецкого происхождения, коллежского асессора Модеста Вильгельма фон-Вилькена и его жены Варвары Александровны. Окончил 1-ю Казанскую мужскую гимназию, а в 1898 г. – отделение естественных наук физико-математического факультета Казанского университета, получив диплом первой степени, что соответствовало нынешнему диплому с отличием.

С этого года началась его педагогическая деятельность. Он преподавал естествознание в Казанском промышленном училище и одновременно читал курс естествоведения и товароведения в частной профессиональной школе Л. П. Шумковой. За изготовление оборудования для естественноисторического кабинета был отмечен благодарностью. Важной вехой в научной деятельности А. М. фон-Вилькена было его многолетнее участие в работе Общества естествоиспытателей при Казанском университете. 13 марта 1899 г. он становится действительным (а с 1909 г. – пожизненным) членом Общества, выполняя различные обязанности. В 1919 г. он выступил в университете с обзором деятельности Общества естествоиспытателей за 50 лет его существования. Преподавал биологию в школах г. Казани, был среди самых первых преподавателей Казанского промышленного училища, приват-доцентом строительного института. С 1902 г. фон-Вилькен работал преподавателем естествоведения, географии и физики в Казанской учительской семинарии. В Казани в начале XX в. он считался одним из наиболее заметных специалистов в области естествознания.

Попечитель Казанского учебного округа ценил организаторские и преподавательские качества статского советника А. М. фон-Вилькена и назначил его директором вновь создававшейся Бугурусланской учительской семинарии в 1912 г.

Когда в г. Вятке зашла речь об открытии учительского института, кандидатура фон-Вилькена оказалась наиболее подходящей и он был утвержден директором. Важной задачей директора было привлечение подходящих преподавателей. И он успешно справился с этой задачей.

В 1914 г. в штате института были: директор – статский советник Александр Модестович фон-Вилькен, кавалер орденов Анны 3-й степени (через год – и 2-й степени) и Станислава 2-й степени; законоучитель протоиерей Василий Яковлевич Чанцев, кавалер ордена Анны 2-й степени; преподаватель русской словесности Константин Петрович Суханов, проработавший в институте по январь 1955 г.; математик Федор Федорович Чернов; преподаватель естествознания и физики Николай Дмитриевич Смирнов и учитель пения – губернский секретарь Николай Иванович Суворов. Это были первые преподаватели Вятского учительского института. Кроме того, имелись незанятые вакансии преподавателя истории и географии и учителя графических искусств. Через год первая из них была занята Александром Алексеевичем Григорьевым, а вторая – Леонидом Аркадьевичем Плетневым. В 1915 г. выбыл Н. Д. Смирнов, и его место стало вакантным. Была введена, и также осталась вакантной, должность преподавателя гимнастики.

Назовем также первых сотрудников «городского при институте училища» («карликовая образцовая школа», по определению А. И. Кондакова), в котором учащиеся института проходили практику: Николай Петрович Венценосцев, Михаил Николаевич Бобылев, Георгий Николаевич Осипов, врач Семен Павлович Дубровин и письмоводитель и эконом Валентин Степанович Капустин.

Некоторые из преподавателей работали затем в институте многие годы. Так, Константин Петрович Суханов был преподавателем словесности, а затем заведующим библиотекой по год смерти (1955 г.)

Особенное внимание фон-Вилькен, страстный библиофил, уделял созданию институтской библиотеки. Несмотря на тяготы военного времени и связанные с этим материальные трудности, он пытался использовать в своей работе опыт лучших учебных заведений аналогичного профиля, в частности Казанского и Нижегородского учительских институтов, Бугурусланской учительской семинарии и др. В процессе ознакомления с особенностями постановки учебно-воспитательного процесса в них стремился к установлению культурных, научно-педагогических связей вятских просвещенцев с видными деятелями в этой области, работавшими в других регионах, к ознакомлению местных педагогов с процессами развития педагогического образования и научно-педагогической мысли в России.

Благодаря своей настойчивости ему удалось в кратчайшие сроки организовать прием в институт и наладить полноценный учебный процесс, оборудовать необходимые кабинеты. При институте была открыта «образцовая» школа, в которой проходили педагогическую практику воспитанники института.

Но не во всем А. М. фон-Вилькену сопутствовал успех. Время его директорства в Вятке пришлось на период коренных социально-политических изменений в России. Его самоотверженная борьба с невежеством и шовинизмом продолжалась в течение всех трех лет его работы в Вятке. Тогдашних «ура-патриотов», а среди них были и некоторые воспитанники института, возмущали его «вражеское» происхождение и немецкая фамилия.

Анатолий Иванович Кондаков был учащимся института первого набора (1914 г.) и, соответственно, первого выпуска (1917 г.). В дальнейшем он стал кандидатом педагогических наук, одним из учредителей Академии педагогических наук РСФСР в ноябре 1943 г. Его монография об И. Н. Ульянове дважды издавалась в СССР, а также в ряде социалистических стран. В разные годы он работал в Кировском пединституте, так же как и его сын Виктор.

В своих воспоминаниях А. И. Кондаков, в частности, писал следующее: «Освобождение учащихся от власти закоренелых реакционеров проходило в острой борьбе. В начале марта 1917 г. мы подали прошение с двадцатью восемью подписями Вятскому губернскому комиссару Временного правительства об отстранении ненавистного фон-Вилькена» [1].

В книге «X лет. 1918–1928. Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина» (отв. ред. Я. Л. Харапинский) указывается, что 16 марта 1917 г. на заседании совета института барон фон-Вилькен сообщил присутствующим результат посещения им накануне исполнительного комитета губернских общественных организаций. В исполкоме ему сказали, что воспитанники считают его приверженцем старого режима и что их раздражает его немецкая фамилия. Поскольку недовольство воспитанников грозило перейти в забастовку, директору было предложено сложить с себя обязанности, что он и сделал [2]. «Помнится, – вспоминал Кондаков, – как лишенный должности наш маленький Черномор вошел к нам в последний раз, молча посмотрел на нас сквозь позолоченные очки, глухо произнес “до свидания” и после нашего красноречивого молчания вышел. Больше мы его не видели, так как он вместе со своими книжными богатствами отбыл в Казань...» [3]

...На Новомакарьевском кладбище г. Кирова по соседству с могилами известной дымковской мастерицы Ольги Ивановны Коноваловой и краеведа Василия Григорьевича Пленкова покоится Макар Афанасьевич Чащин (1890–1979), доцент двух кировских вузов – педагогического и сельскохозяйственного. ...Хмурым февральским днем коллектив КГПИ прощался со своим старейшим преподавателем, кандидатом педагогических наук, бывшим зав. кафедрой педагогики Владимиром Александровичем Петровым (1892–1986). Петров и Чащин, а также А. И. Кондаков были учащимися первого набора Вятского учительского института. Со смертью В. А. Петрова оборвалась последняя живая нить, связывавшая нас с тем уже далеким прошлым. Автору данного материала посчастливилось общаться с В. А. Петровым. Удалось нам и обнаружить воспоминания А. И. Кондакова, частично уже процитированные выше. Они были написаны в 1958 г., по просьбе тогдашнего руководства Кировского пединститута, отмечавшего в тот год свой 40-летний юбилей.

Прежде чем мы продолжим свое обращение к этим воспоминаниям, хотелось бы уточнить одну немаловажную деталь. Дело в том, что впервые лишь в 1989 г. очередной юбилей института отмечался, имея в качестве «точки отсчета» 1914 год. Все предыдущие юбилеи «отталкивались» от 1918 года, года присвоения Вятскому институту народного образования статуса вуза. Политическая подоплека таких изменений очевидна: в советский период все хорошее, что совершалось «при проклятом царизме», в данном случае открытие института,

замалчивалось. К концу 1980-х гг. «барометр политический погоды», как известно, качнулся в противоположную сторону...

Перелистаем отдельные страницы воспоминаний А. И. Кондакова; те из них, где речь идет о первых годах становления Вятского учительского института.

«...Наш новорожденный трехгодичный учительский институт на первых порах не оказывал влияния на повышение окружающей культуры. Во всех отношениях он был микромиром, маленьким учебным заведением, дававшим общее среднее и повышенное педагогическое образование, и ставил целью подготовку преподавателей для вновь организованных высших начальных училищ. Этой задаче соответствовало суженное содержание обучения в трафаретных формах классно-урочной системы. Институт размещался в арендованном губернским земством небольшом двухэтажном каменном доме с подвальным помещением, с двумя флигелями, с надворными постройками и двориком на углу улиц Копанской и Владимирской (ныне это улицы Герцена и Карла Маркса, а само здание в свое время было встроено в производственный корпус завода “Физприбор” № 2 им. А. В. Луначарского; теперь это часть торгово-развлекательного центра “Фабрика”. – В. П.). Во втором этаже были классные помещения, а в нижнем этаже – карликовая образцовая школа для педагогической практики. В 1914 г. в институте были 36 учащихся и 8 преподавателей. В последующие годы прибывали еще по 20 учащихся, преимущественно народных учителей-практиков. На женских двухгодичных педагогических курсах учились по 20 слушательниц. Всего к 1917 г. насчитывалось около ста учащихся.

Бесконтрольным владыкой и деспотом института был директор А. М. фон-Вилькен, – низкорослый, рыжебородый и молчаливый, удивительно похожий на сказочного Черномора, надевшего позолоченные очки, через которые он строго смотрел снизу вверх на всех подчиненных. Требуя установленного им порядка и чистоты, он был по-немецки педантичен и придирчив. Входя в класс, он проводил чистым носовым платком по классной доске и затем молча показывал дежурному ученику снятую пыль. Преподавая элементарный курс психологии, он добивался дословного пересказа учебника Челпанова и совсем не интересовался самостоятельной работой студентов.

В институте господствовал словесный метод обучения. Не было учебных лабораторий, наглядных пособий, экскурсий. С целью обучения не были использованы коммунальные и фабрично-заводские предприятия и находившиеся в соседнем здании знаменитые вятские кустарные мастерские учебных пособий. (Потом эти здания были перестроены таким образом, что стали единым зданием. – В. П.)

...Урок вероучения. Старый законоучитель, окончивший когда-то духовную академию, садится за кафедру и вопрошает: “Расскажите о космологическом доказательстве бытия Божьего. В чем сущность онтологического доказательства бытия Божьего?” При ответе требуется излагать наизусть слова из “Катехизиса” митрополита Филарета столетней давности. Пока священник излагает очередной “материал”, я читаю газеты...

Урезанные знания усваивались нами путем заучивания учебников, если не считать углубленной самообразовательной работы, которая поначалу не интересовала институтских наставников. В институте поначалу не было даже библиотеки, поэтому мы пользовались книгами городских публичных книгохранилищ. Наш директор скрывал от нас свои личные богатейшие книжные сокровища, среди которых находилось уникальное первое издание “Слова о полку Игореве”.

В целом, объем сообщаемых знаний не выходил за рамки средней школы. Элементарные знания по педагогическому циклу (основы психологии, педагогики, дидактики и методик) давались без исторической перспективы и методологических обоснований, без экспериментов и дискуссий. Учительский институт представлял собой узкий мирок, в котором не было ни одной внеклассной отдушины, ни одного самостоятельного мероприятия; не было научных лекций, концертов, спектаклей и товарищеских вечеров, на которых могло бы установиться общение молодежи.

Для полноты картины институтской жизни следует отметить также жалкий быт студентов, которые получали мизерную стипендию в 166 руб. 66 коп. годовых, подрабатывали репетиторством, питались в благотворительной столовой (обед стоил 5 копеек), ютились в нездоровых подвалах и чердаках, стыдились по бедности костюмов показываться в театре и большом обществе. Пределом нашего унижения было то, что нас, взрослых и зачастую се-

мейных людей, официально именовали воспитанниками, а не студентами. Мы не имели определенной формы одежды, нам не давали права поступления в высшие учебные заведения из опасения, что школы останутся без учителей.

Перед началом учебных занятий мы, возмужалые “воспитанники”, выстраивались рядами, как школьники, солдаты или арестанты, и исполняли церковный обряд. Впереди и справа становились директор, законоучитель и остальные педагоги, а слева у окна – дежурный чтец, произносивший слова молитв, чередуя их с хоровыми песнопениями. Затем мы смиренно расходились по трем классам и начинались уроки. Так, по узаконенному шаблону изо дня в день шла наша неприглядная учебная жизнь под гнетущим прессом самодержавия, подавляя в нас путем зубрежки и дрессировки индивидуальные черты, свободные убеждения и творческие способности. В институтские годы происходили острые столкновения горячих мечтаний и суровой действительности, “милльон терзаний” и духовные конфликты, и в то же время – плодотворное формирование устойчивых моральных убеждений и высоких идеалов, определение будущего жизненного пути» [4].

Здесь нам необходимо сделать небольшое отступление. Читатель, конечно, понимает, что свидетельства А. И. Кондакова, как и многие другие воспоминания, не лишены субъективности, грешат некоторой односторонностью в оценке тех или иных личностей, в данном случае А. М. фон-Вилькена и деятельности возглавлявшегося им коллектива. Разумеется, многого институту не хватало, прежде всего, материальных средств и опытных педагогов. Шла мировая война, забиравшая все материальные и лучшие людские ресурсы. И можем ли мы сейчас строго судить наших предшественников только за то, что они излагали материал «без экспериментов и дискуссий»?!

Нет, наш сыновний долг состоит в том, чтобы добрым словом вспомнить первопроходцев российского педагогического образования словами признательности за ту благородную просветительскую миссию, которую они вели в Вятке в дни величайших народных мук, наперекор самым неблагоприятным обстоятельствам.

Однако вернемся к воспоминаниям А. И. Кондакова, к той их части, которая, несомненно, отличается большей объективностью:

«“Освобождение” учащихся некоторых учебных заведений г. Вятки носило комический характер. Так, всем составом городского комитета союза учащихся мы пришли к зданию губернского епархиального училища (ныне учебный корпус № 1 ВятГГУ. – В. П.) и потребовали от епископа “отпустить на свободу” епархиалок, с наивным волнением смотревших на происходящее из окон. После настойчивых переговоров радостно взволнованные “спящие красавицы” присоединились к нашим рядам, боязливо входя в мужскую компанию. Большинство из них в советское время стали народными учительницами, а не поповскими женами, к чему их готовили.

Освобожденные от выпускных экзаменов в связи с дороговизной жизни в городе и стремлением большинства учащихся принять участие в весенних сельскохозяйственных работах, мы окончили институт 24 марта 1917 г., получили на руки аттестаты, дававшие право преподавания в высших начальных училищах. Я с разбегу погрузился на все лето в бушующие общественные волны, сначала в качестве инструктора по переписке населения, а затем – по культурно-просветительной работе в Котельничском уездном земстве. Постоянное общение с крестьянами и сельской интеллигенцией, помощь в реорганизации общественной жизни и в подготовке выборов в учредительное собрание, бесчисленные выступления – все это до предела захватило меня...» [5].

К сожалению, к имени директора вятского учительского института А. М. фон-Вилькена на десятилетия прилипло определение, вскользь брошенное каким-то безымянным мелким чиновником представителем Временного правительства в Вятке, – «приверженец старого режима». Однако теперь, освободившись от груза идеологических предрассудков, мы можем непредвзято судить об этом незаурядном, замечательном человеке.

Факты и практическая деятельность А. М. фон-Вилькена в Вятке дают основание для совсем другой оценки, позволяют считать его по-настоящему крупным подвижником просвещения. Это видно хотя бы на примере его деятельности по распространению книжной культуры. А. М. фон-Вилькен действительно внес значительный вклад в дело распространения книги в Вятке. Это особо отмечал видный вятский краевед Е. Д. Петряев.

Страстный библиофил, обладатель уникальной личной библиотеки, фон-Вилькен справедливо полагал, что полноценный учебно-воспитательный процесс в институте, вообще в

любом учебном заведении, возможен лишь при наличии в нем хорошей библиотеки. Поэтому он прилагал значительные усилия по приобретению необходимой литературы в книжных складах и издательствах целого ряда городов России.

К. П. Суханов особо подчеркивал, что увлечение книгами Александра Модестовича самым благоприятным образом отражалось на библиотеке института. Особенное внимание он уделял отделу естествознания, поэтому, вспоминая Суханов, «говоря о первоначальном периоде комплектования библиотеки, необходимо отметить компетентную работу по приобретению книг А. М. фон-Вилькенем» [6].

А ведь нельзя не учитывать того негативного обстоятельства, что комплектование ядра будущей библиотеки института происходило при самых неблагоприятных обстоятельствах: война, отдаленность от Вятки крупных издательских центров, скудные ассигнования вообще, – все это не могло не отразиться на библиотеке. К тому же в 1914–1915 гг. в Вятке была всего лишь одна книжная лавка И. И. Ончукова, в которой кроме гимназических учебников не было почти никакой другой литературы.

Личная библиотека А. М. фон-Вилькена повсюду, где он жил, становилась известной, являлась фактом местного культурного значения, достойным специального краеведческого описания. Знаток вятской старины Е. Д. Петряев в своей известной книге «Вятские книголюбы» отмечал, что «одним из лучших книжных собраний в Вятке перед мировой войной» считалась библиотека фон-Вилькена [7].

Были в его библиотеке редкие, почти уникальные издания. Как утверждает казанский историк В. Ф. Павлова, среди них была, например, «Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие» (М., 1800). Это и есть первое издание «Слова о полку Игореве», количество сохранившихся экземпляров которого исчисляется единицами [8].

Ссылаясь на свидетельства П. К. Малюгина (1893–1981), В. А. Петрова (1892–1986) и ряда других вятских старожилов – любителей книги, Е. Д. Петряев также подтверждает тот факт, что в домашней библиотеке Александра Модестовича был экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» (1800), который, как пишет Е. Д. Петряев, «по особому доверию могли подержать в руках слушатели института» [9].

Помимо литературы по специальности Александра Модестовича (педагогика, естествознание), в его библиотеке были разделы истории, философии, искусства, библиотковедения, языковедения, археологии. Особенно широко была представлена художественная литература.

Не один вместительный шкаф занимали прижизненные, в том числе первые, издания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова, Толстого. Была в библиотеке фон-Вилькена и «Российская грамматика Михайлы Ломоносова» (СПб., 1755) – первая грамматика русского языка.

Также следует отметить уникальный сборник «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.» – сборник ранних стихов Н. А. Некрасова, весь тираж которого, за исключением крайне небольшого количества проданных книг, был уничтожен самим автором! Любовно собирал фон-Вилькен редкие альбомы по истории искусства, комплекты журналов и газет. Отличался богатством и рукописный отдел. Он стремился сделать свою обширную библиотеку доступной многим. Это ли не свидетельство его широкой и доброй натуры!

Журналист из Казани В. Ф. Павлова отмечала, что его библиотека была хорошо известна в его родном городе Казани. Поборник просвещения сделал свое замечательное собрание книг доступным для всех желающих с ним ознакомиться. В своем доме он устроил читальню, которую посетители называли «башней» за ее своеобразную форму. Здесь любили заниматься студенты и школьники, преподаватели вузов и школ, друзья и знакомые, любители чтения.

Ко времени его смерти в библиотеке насчитывалось 13 тысяч томов (без учета отдела периодики и рукописного отдела). Согласно завещанию библиотека не должна была передаваться за пределы Казани. Вдова библиофила Вера Петровна в тяжелые военные годы была вынуждена продать часть книг в букинистические магазины.

В 1950-е гг. значительную часть сохранившейся литературы приобрел государственный музей Татарской АССР. Другая большая часть книг в 1956–1957 гг. была передана В. П. фон-Вилькен в дар Казанскому филиалу Академии наук СССР и сохранена в его библиотеке отдельным фондом.

Как же проходила жизнь известного педагога после его отъезда из Вятки? А. М. фон-Вилькен возвратился в Казань после избрания его на должность преподавателя естествознания, минералогии, геологии и физики в Казанском политехническом училище. С 1 января 1919 г. училище было преобразовано в Казанский политехнический институт, где вплоть до 1930 г., времени его ликвидации, он состоял профессором на кафедре прикладного естествознания.

Одновременно в разные годы читал курсы естествознания, физической географии, геологии, ботаники, химии на гидротехнических курсах народного комиссариата земледелия, в рабочем университете в казанском районе Заречье, в химико-технологическом институте и других учебных заведениях.

В 1926 г. профессор фон-Вилькен был выдвинут месткомом политехнического института за выдающуюся 27-летнюю службу делу просвещения в Герои Труда и был утвержден в этом звании общегородским собранием союза работников просвещения. (Не путать со званием Героя Социалистического Труда, учрежденным руководством страны в 1939 г.)

Важной особенностью трудовой деятельности фон-Вилькена было сочетание педагогической деятельности с работой в библиотеках тех учебных заведений, где он преподавал. Так, например, согласно расчетной книжке № 31 за 1929 г. заработная плата за педагогическую работу составляла 60 руб. 27 коп., а за заведование библиотекой – 100 руб. в месяц. Еще будучи студентом университета, А. М. фон-Вилькен исполнял обязанности библиотекаря у профессора М. М. Усова. Позднее заведовал Казанской публичной библиотекой, Вятской губернской общественной библиотекой имени А. И. Герцена, академической библиотекой Казанского политехнического института.

И даже в 1930 г., после закрытия института, когда А. М. фон-Вилькен потерял работу и вынужден был встать на биржу труда, его спасло любимое дело, – в октябре того же года он был зачислен на должность главного библиотекаря объединенной фундаментальной библиотеки трех институтов – химико-технологического, коммунального строительства и энергетического. 10 ноября 1933 г. Александр Модестович уволился с должности заведующего библиотекой «по собственному желанию из-за болезненного состояния».

Большая любовь к книге и знание библиотечного дела помогли ему в собирании личной библиотеки. Сначала это были, в основном, книги по специальности: физике, химии, минералогии, геологии, палеонтологии, ботанике. Позднее круг его интересов значительно расширяется. Появились книги по истории (в том числе по истории Татарии и Поволжья), литературе, языкознанию, искусству и т. д.

Для пополнения коллекции А. М. фон-Вилькен изучает библиографические обзоры в газетах и журналах, бюллетени книжных магазинов. Большую помощь в знакомстве с книгами оказывала переписка с коллегами-библиофилами. Н. Машковский в письме из Москвы сообщал, что приобрел для фон-Вилькена каталоги литературных выставок А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Часто сами владельцы книжных магазинов (Н. В. Соловьев – в Санкт-Петербурге, М. А. Голубев – в Казани и др.) активно предлагали вновь поступившие книги. Они приобретались оптом и в розницу. Чета Вилькенов постоянно испытывала материальные затруднения, и приобретение книг часто шло в ущерб другим нуждам семьи.

В мае 1918 г. чувашская национальная организация приступила к созданию в Казани Чувашской национальной библиотеки и обратилась с просьбой к Александру Модестовичу принять звание члена совета библиотеки. В октябре 1920 г. при Казанском отделении Государственного издательства был создан кружок «Друзей книги», который с 1921 г. начал издавать критико-библиографический журнал «Казанский библиофил». А. М. фон-Вилькен стал активным участником кружка и входил в состав редколлегии журнала. Из «Казанского библиофила» мы узнаем о том, что научный отдел Татнаркомпроса в качестве поощрения научных трудов постановил выдать ему субсидию в размере 250 тыс. рублей за «Обзор работ по зоологии Камско-Волжского края».

В июле 1934 г. А. М. фон-Вилькен узнал о том, что по распоряжению дирекции Казанского института инженеров коммунального строительства в новом 1934–1935 учебном году он освобожден от ведения курса геологии и петрографии. Впрочем, дни педагога были сочтены. 14 августа 1934 г. он скончался.

Да, в Казани прошла большая часть жизни А. М. фон-Вилькена, здесь его помнят и ценят. Но и мы, вятские люди, не должны забывать первопроходцев просвещения, среди которых фон-Вилькен занимает одно из первых мест.

Плодотворные усилия замечательного просветителя не пропали даром на Вятской земле. Заложенные в далеком 1914 г. семена дали прекрасные всходы. Вятский государственный гуманитарный университет, который отмечает в 2014 г. свое столетие, стал одним из крупнейших и авторитетных вузов Российской Федерации. В его сегодняшних успехах и достижениях есть частица труда человека, который был первым руководителем института.

Примечания

1. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. С. 9.
2. X лет. 1918–1928. Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина / отв. ред. Я. Л. Харяпинский. Вятка, 1928. С. 6.
3. Помелов В. Б. Указ. соч. С. 9.
4. Там же. С. 8–9.
5. Там же. С. 10.
6. X лет. 1918–1928. Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина. С. 106.
7. Петряев Е. Д. Вятские книголюбцы. Киров, 1986. С. 33.
8. Павлова В. Ф. Сохранена для народа // Вечерняя Казань. 1982. 30 ноября.
9. Петряев Е. Д. Указ. соч. С. 33.

Notes

1. Pomelov V. B. Pedagogi i psihologi Vyatskogo kraja [Educators and psychologists of Vyatka region]. Kirov. 1993. P. 9.
2. X let. 1918–1928. Vyatskiy pedagogicheskiy institut imeni V. I. Lenina [X years. 1918-1928. Vyata Pedagogical Institute named after Lenin] / Min. Ed. J.L. Harapinsky. Vyatka. 1928. P. 6.
3. Pomelov V. B. Op. cit. P. 9.
4. Ibid. Pp. 8-9.
5. Ibid. P. 10.
6. X let. 1918–1928. Vyatskiy pedagogicheskiy institut imeni V. I. Lenina [X years. 1918-1928. Vyata Pedagogical Institute named after Lenin]. Pp. 106.
7. Petryaev E. D. Vyatskie knigolyubyi [Vyatka bibliophiles]. Kirov. 1986. P. 33.
8. Pavlova V. F. Sohranena dlya naroda [Saved for the people] / / Evening Kazan. 1982. November 30.
9. Petryaev E. D. Op. cit. P. 33.

УДК 165

Ю. А. Сауров, К. А. Коханов

Экспериментирование и моделирование как коллективная познавательная деятельность в обучении физике

В статье обозначена научная проблема освоения экспериментирования и моделирования как ведущих учебных деятельностей. В обосновании проблемы приведены результаты исследований методологический знаний и умений школьников. Раскрыто представление об экспериментировании и моделировании как формах – коллективных, творческих и др. – передачи «опыта рода». Современная методология указывает на коллективную природу формируемых в эксперименте совокупностей свойств личности, а также умений и знаний школьников и студентов, в том числе понимания, мышления, воли и др. Также затронуты проблемы онтологизации образовательной деятельности при экспериментировании и методологии использования моделей в обучении. В последнем вопросе место моделей определено через отношение этого понятия к коллективному познавательному процессу, к объектам-знакам, методам и др.

This article is designated scientific problem developing experimentation and modeling as the leading educational activities. In support of the results of research problems methodological knowledge and skills of students. Disclosed idea of experimentation and simulation as forms – collective, creative, etc. – show "kind of experience." Modern methodology indicates a collective nature formed in the experiment sets of personality traits, as well as the skills and knowledge of pupils and students, including understanding, thinking, and others will also be affected problems ontologization formations activity experimentation and methodology for

using models in teaching . In the latest issue of the place of models defined by the ratio of the term to the collective cognitive – tion processes, objects, signs, methods, etc.

Ключевые слова: методология, эксперимент, моделирование, модели, физическое мышление, учебная деятельность.

Keywords: Methodology, experiment, model, physics thinking, learning activities.

Постановка научной проблемы. ФГОС обращает наше внимание на формирование метакомпетенций школьников и студентов. С точки зрения психологии их можно отнести к методологическим ориентировкам деятельности (Н. Г. Салмина, И. П. Калошина, см. [1]), с точки зрения методики речь идет о формировании устойчивых, широких, современных (востребованных) умений действовать. Для значительного круга учебных предметов к таким относятся умения деятельности экспериментирования и моделирования. Их значение определено местом в культуре метода естественнонаучного познания со следующей структурой деятельности «факты-проблемы – гипотеза-модель – следствия, выводы – эксперимент как опыт» (В. Г. Разумовский, [2]).

Многолетние экспериментальные исследования знаний школьников и студентов убеждают в многочисленных недостатках их подготовки, по природе имеющих методологический характер. Приведём типичные проблемы: а) различие объектов природы и техники и объектов науки, языков описаний; б) выполнение норм познавательной деятельности при решении задач (знание факта путается со знанием модели и т. п.); в) определение и понимание статуса разных знаний – факт, определение, гипотеза, следствие, г) умения строить и использовать модели объектов и явлений, д) не просто выполнение опытов, а экспериментирование с объектом, предметом, идеей и др. (см. полнее [3]). По нашей гипотезе, эффективное преодоление указанных недостатков возможно только в ходе учебной (коллективной, по определению В. В. Давыдова [4]) деятельности, прежде всего потому, что они «возникают» в ходе исторического (с точки зрения современной методологии, всегда коллективного!) познания.

Теоретические представления об экспериментировании и моделировании. Во-первых, выделим смыслы и свойства целостной деятельности. По смыслам различают деятельности – деятельность с идеальными объектами, выделение теоретических фактов, получение знаний при изучении моделей, понимание объектов и явлений, творение идеального мира с целью изменения практики; по свойствам деятельность – это форма передачи «опыта рода», **всегда коллективная деятельность**, всегда творческая деятельность при доминировании нормативных действий, всегда целевая, мотивированная процессами воспроизводства деятельности, всегда её неограниченное развитие (В. В. Давыдов и др. [5]).

Во-вторых, «универсум» деятельности как эквивалент всей культуры конкретизируется в предметной области в «опыте рода» (В. В. Краевский и др. [6]). Для нас важно, что в опыте рода зафиксированы коллективные культурные нормы деятельности. Структурирование и задание деятельности типично на языке знаний, хотя возможно и на языке процессов (деятельностей). В широком смысле знания (как фиксация опыта) – основная форма представления деятельности и отсюда, конечно, учебной деятельности. По форме «опыт рода» одновременно воспроизводится через разные носители и виды деятельности.

В нашем случае деятельности экспериментирования и моделирования задание и воспроизводство деятельности осуществляются в главном через сами процедуры деятельности, но немалое значение имеют и знания о деятельности. Через них задаются ориентировки деятельности, например знания о методе научного познания «управляют» в нужном ключе экспериментированием и моделированием. Взгляд «через процедуры деятельности» подчеркивает значение коллективно организованного процесса.

В-третьих, на языке процессов учебная деятельность а) по содержанию разделяется на моделирование и экспериментирование, б) по методу – на теоретическую и экспериментальную, в) по смыслу – на материальную и идеальную. По форме процесса и результатам усвоения учебную деятельность можно различать а) по задаче и уровню освоения – творческая и репродуктивная, б) по объектам – с физическими явлениями и с физическими знаниями, в) по процедурам организации – коллективная и индивидуальная... [7] Обозначенные содержательные и процессуальные аспекты учебной деятельности прямо и полностью реализуются при экспериментировании и моделировании.

В-четвертых, экспериментирование *доминирующим образом* задается как деятельность с реальными объектами и явлениями, моделирование – как деятельность со знанием, знакомыми моделями. Причем интересно, что, с одной стороны, в широком смысле в деятельность экспериментирования можно включить и моделирование как экспериментирование с идеальными образованиями (А. В. Ахутин [8]). Хотя, с другой стороны, моделирование идейно, логически ведет экспериментирование. Важно подчеркнуть, что экспериментирование в широком смысле в принципе возможно со всеми единицами знаний, например с моделями, с языками описания, в том числе с математическими объектами, которые используются в познании и обучении. В истории физики известен пример использования нескольких первых членов расходящегося ряда для описания объектов, что совершенно несуразно с точки зрения математики. Но этот «эксперимент» неожиданно привел к успеху в физике элементарных частиц.

В-пятых, в ходе экспериментирования формируются (присваиваются) разнообразные качества школьников и студентов, причём в рамках этой целостной деятельности формируются совокупности умений, которые можно объединить в компетенции. Это такие фундаментальные качества, как понимание, мышление, рефлексия, коммуникация; это воля, внимание, аккуратность, воображение; это практические умения измерять, конструировать, собирать цепи и др. Современная методология указывает на коллективную природу этих процессов. И всё это вместе взятое и согласованное в деятельности приводит к успешному в жизни человеку-профессионалу. Технологическое задание данных деятельностей, исследование их содержательных и процессуальных взаимоотношений, проблемы освоения этих деятельностей в коллективе – актуальные задачи современной методики обучения [9].

Проблема онтологизации образований деятельности при экспериментировании. Уже давно признано, что материализм – великая идея и принцип познания. Но в познании в каждом конкретном случае доказательство материальности не одномоментное (и далеко не очевидное) действие. А процессуально это обеспечивается онтологизацией опыта. Принципиально важно принять, что реальность в познании идет от культуры за описаниями в деятельности. Только на определённом этапе от описаний результат деятельности получает статус реальности; это особый этап коллективной интеллектуальной (рефлексивной) деятельности – онтологизация, овеществление. В целом любая наука определяет и реальность, и описания; в методике это идёт трудно... В дидактике физики и реальность, и описания особо нормируются; получается нормируемая реальность. Но в методических проектах обычно логика меняется, оборачивается: «реальность – описания». Причем у лучших преподавателей задание реальности, например, в демонстрационном эксперименте, как и её различные описания, особенно на первом этапе освоения, всегда коллективный процесс.

Что такое открытие нового физического объекта? Исторически (субъективно, социально, т. е. коллективно, методологически, а в итоге – объективно) – это онтологизация результатов познавательной деятельности (в частности, мышления) при экспериментировании. Именно под таким углом зрения особенно понятны трудности открытия. В нормах обучения важно не только задать и освоить результат познания, сколько задать и освоить процессы, процедуры живого познания. Стихия любого процесса может давать и верное решение, но только нормы в **массовом обучении** дают социальный эффект. Отсюда и внимание им. Не случаен, например, успех нормы принципа цикличности, причём в коллективной деятельности. Важно, что методологические нормы познания и дидактические нормы обучения (а это всегда так!) не тождественны (И. В. Гребенев и др. [10]).

Итак, в обучении **всё начинается с коммуникации**, в которой передается (задается) некий познавательный опыт, впервые и сначала в довольно абстрактном виде (идея, цель, предметная область, метод и др.). И только затем (полноценно или нет) разворачивается деятельность экспериментирования, причем параллельно в двух смыслах – а) экспериментирование над идеями, понятиями, моделями, б) экспериментирование над известными (всегда «не очень») объектами природы и техники. И в целом это и есть экспериментирование с объектами – в единстве материального и духовного! – ноосферы (по В. В. Майеру [11]). Этот этап работы многоаспектный, трудоемкий, разнообразный по видам деятельности. Его логика разворачивания «от абстрактного к конкретному», что дает и метод, и результат метода – объект, явление и т. п. Объект в итоге задается а) знаниями как результатом действия метода, процедур и др., б) от знаний «идущими» свойствами, например за измерениями и

функциональными связями идут причинно-следственные отношения и явления, в) практическим опытом (привычкой!) включения объекта в жизнедеятельность кооперированного человека. Так происходит «научение» глаза и ума «видеть» объект. Но если познавательная задача меняется, т. е. метод и время меняются, то объект может потерять материальную форму и станет просто знанием, моделью, историей... **И в познании это всегда не индивидуальный, а коллективный акт.**

В дидактике физики нормы деятельности понимаются как правила «спрямленного» процесса познания. Но в стремлении «спрямления» процесса можно зайти в логико-исторические тупики. Вот почему надо постоянно экспериментально исследовать по результатам коллективной деятельности обоснованность (образовательную эффективность) норм экспериментирования и моделирования.

Вопросы методологии использования моделей в обучении. Из множества возможных следствий ещё остановимся на этом прикладном вопросе. Методологи утверждают: «Любое понятие предполагает, по крайней мере, три плоскости замещения: моделей, операций с объектами, эмпирического материала и словесного описания. В науке точность понятий достигается за счет того, что все они определяются в первую очередь через модели» (Г. П. Щедровицкий [12]). Невозможно определить место моделей без уяснения отношения между этим понятием и другими категориальными для методики обучения понятиями. Опираясь на ранее полученные знания, определим эти **отношения**.

- Через модели задается идеальный мир науки, в том числе задается (определяется) онтологический мир; в связи с этим модели несут на себе замещающую функцию в познании; в целом модель – такое «знаниевое» образование, на основе которого можно получить новое знание. Освоение этих трудных (но революционных для развития мышления и мировоззрения) представлений всегда коллективный познавательный процесс, потому что прямо требует рефлексии деятельности.

- Модели несут в себе структуру знания, отражают структуру и функции объекта и др.; иногда говорят, что структура языка задает структуру мира; модели задают единый язык описания природы и техники со своими правилами работы; единое модельное описание «уравнивает» эти миры.

Модель играет принципиальную роль в обеспечении такого фундаментального познавательного процесса, как мышление. Известный методолог Г. П. Щедровицкий писал: Мы «заместили какие-то объекты знаками – ведь только так мы можем сделать эти объекты предметами своей мысли и предметами познания. Мы заместили объекты знаками и затем применили к знакам некоторые новые познавательные операции. В результате вычленяется некоторое новое содержание, которое мы опять-таки фиксируем в знаках, в знаках второго слоя» [13]. В целом выделение и освоение отношения «объекты – знаки, модели» является стержнем, по нашему мнению, как процесса экспериментирования, так и процесса теоретических исследований (решения задач, моделирования).

- Существуют взаимные переходы: знание – модель, объект – модель, метод – модель и др., словом, знание в разных случаях играет разные функциональные роли; через модели задаются границы применимости теории; **метод рассматривается как нормативная модель деятельности** (свернутый проект!). Освоение знаний при экспериментировании и моделировании всегда их применение, в идеале и во многих случаях это творческий процесс, радостный и трудный процесс. Но отсюда и всегда коллективный!

- Модели строятся активным сознанием под цели той или иной деятельности, именно в рамках этого поля они могут рассматриваться как адекватные объекту, процессу и т. п. К логическим приемам построения моделей относят идеализацию, конкретизацию, конструирование, воображение, мысленное экспериментирование, математическое моделирование, распродметизацию, схематизацию, структурное или блок-схемное представление, использование аналогии и др. Пока эти действия плохо формулируются и формируются, прежде всего, из-за отсутствия опыта организации коллективной (разделенной и кооперированной) деятельности школьников, например при экспериментальном исследовании.

- Уже на этапе построения гипотезы используются некие модельные образования (из старого опыта, некие идеи и т. п.), в результате развития гипотезы формируется модель объекта или явления. Отношения между понятиями и моделями не так ясны; введение, напри-

мер, физических величин без определенных модельных представлений об объекте невозможно; по гносеологической природе понятия и модели едины – идеальны, конструктивны; понятия входят в деятельность по построению моделей. Законы формулируются для идеализированных объектов, для моделей, сами задают в той или иной форме модель явления, например в математической форме уравнения; модельность законов объясняет существование границ их применимости, например, закон всемирного притяжения Ньютона – только для взаимодействия материальных точек [14].

• Если эффект использования модели мал или его нет, то модель заменяется или достраивается. Это типичная познавательная процедура, и альтернативы ей пока нет. В образовании, в частности в методиках обучения, существует довольно болезненная проблема возможно быстрого определения адекватности модели. Обычно препятствующую роль играют вненаучные аргументы (личный интерес, консерватизм). Дидактика, несомненно, правильно ориентируется на построение и использование разных моделей: а) моделей, отражающих причинно-следственные или функциональные связи в результате экспериментального дидактического исследования, б) теоретических дидактических моделей педагогических систем и образовательных процессов (реальности), в) учебных моделей, например, физических процессов и явлений (результат адаптации моделей из физики, конструирование собственно методических моделей, например особых графиков и рисунков), г) описание норм деятельности на разных языках и с разными целями, что можно интерпретировать как модельные образования.

В заключение подчеркнём, что объектом методики обучения являются не природные объекты – она занимается конструируемой (деятельностной, т. е. кооперированной, коллективной) реальностью. Отсюда и особенности проектирования и планирования коллективной «игры» в модели и эксперименты.

Примечания

1. Салмина Н. Г. Виды и функции материализации в обучении. М.: Изд-во МГУ, 1981. 136 с.; Салмина Н. Г. Знак и символ в обучении. М.: Изд-во МГУ, 1988. 288 с.; Калошина И. П. Структура и механизмы творческой деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1983. 168 с.

2. Разумовский В. Г., Майер В. В. Физика в школе. Научный метод познания и обучение. М.: ВЛАДОС, 2004. 463 с.; Разумовский В. Г., Сауров Ю. А. Научный метод познания в школьном образовании как высочайшая духовная ценность // Научные основы развития образования в XXI веке. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 292–296; Разумовский В. Г., Сауров Ю. А. Методология деятельности экспериментирования как стратегического ресурса физического образования // Сибирский учитель. 2012. № 2. С. 5–13; Сауров Ю. А. Принцип цикличности в методике обучения физике: монография. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2008. 224 с.

3. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Методология функционирования и развития школьного физического образования. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. 326 с.; Коханов К. А., Сауров Ю. А. Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления. Киров: ООО «Типография «Старая Вятка», 2013. 232 с.

4. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.

5. Давыдов В. В. Указ. соч.; Разумовский В. Г., Сауров Ю. А., Синенко В. Я. Деятельность моделирования как фундаментальная учебная деятельность // Сибирский учитель. 2013. № 2. С. 5–16; Сауров Ю. А. О некоторых методологических вопросах школьного учебного физического эксперимента // Проблемы учебного физического эксперимента: сб. науч. и метод. работ. Вып. 2. Глазов, 1996. С. 29–30; Сауров Ю. А. О построении теории учебного физического эксперимента // Проблемы учебного физического эксперимента: сб. науч. и метод. работ. Вып. 5. Глазов, 1998. С. 21–23.

6. Краевский В. В. Проблемы научного обоснования обучения: методологический анализ. М.: Педагогика, 1977. 264 с.; Краевский В. В. Методология педагогики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 244 с.

7. Коханов К. А. Модели в физическом эксперименте // Физика в школе. 2004. № 4. С. 36–44; Сауров Ю. А. Глазовская научная школа методистов-физиков: история и методология развития: монография. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2009. 208 с.

8. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента. М.: Наука, 1976. 292 с.

9. Андреев В. И. Об оценке и развитии исследовательских способностей старшеклассников в обучении физике. Казань, 1975. 157 с.; Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 238 с.

10. Гребенев И. В. Дидактика физики как основа конструирования учебного процесса. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2005. 247 с.

11. Сауров Ю. А. Глазовская научная школа методистов-физиков: история и методология развития.

12. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М., 2004. С. 333.
13. Там же. С. 367.
14. Мултановский В. В. Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М.: Просвещение, 1977. 168 с.

Notes

1. Salmina N. G. Vidy i funktsii materializatsii v obuchenii [Types and functions of materialization in training]. Moscow: Moscow State University Publ. 1981. 136 p.; Salmina N.G. Znak i simvol v obuchenii [Sign and symbol in training]. Moscow: Moscow State University Publ. 1988. 288 p.; Kaloshina I.P. Struktura i mehanizmy tvorcheskoy deyatel'nosti [Structure and mechanisms of creative activity]. Moscow: Moscow State University Publ. 1983. 168 p.
2. Razumovsky V. G., Mayer V. V. Fizika v shkole. Nauchnyy metod poznaniya i obuchenie [Physics in school. The scientific method of cognition and learning]. Moscow. VLADOS. 2004. 463 p.; Razumovsky V.G., Saurov Yu. A. Nauchnyy metod poznaniya v shkolnom obrazovanii kak vyisochayshaya duhovnaya tsennost' [The scientific method of knowledge in school education as the highest spiritual value] // Nauchnyie osnovy razvitiya obrazovaniya v XXI veke – Scientific basis for the development of education in the XXI century. St. Petersburg: SPbGUP. 2011. Pp. 292-296; Razumovsky V. G., Saurov Yu. A. Metodologiya deyatel'nosti eksperimentirovaniya kak strategicheskogo resursa fizicheskogo obrazovaniya [Methodology experimentation activities as a strategic resource for physical education] // Sibirskiy uchitel – Siberian teacher, 2012, № 2, pp. 5-13; Saurov Yu. A. Printsip tsiklichnosti v metodike obucheniya fizike: monografiya [Principle cyclicity in the methodology of teaching physics]: monograph. Kirov: KIPK i PRO Publ. 2008. 224 p.
3. Kokhanov K. A., Saurov Yu. A. Metodologiya funktsionirovaniya i razvitiya shkolnogo fizicheskogo obrazovaniya [Methodology functioning and development of school physical education]. Kirov LLC «Tipografiya «Staraya Vyatka» 2012. 326 p.; Kokhanov K.A., Saurov Yu. A. Problema zadaniya i formirovaniya sovremennoy kulturyi fizicheskogo myshleniya [The problem and the task of forming the modern culture of physical thinking]. Kirov: LLC «Tipografiya «Staraya Vyatka» 2013. 232 p.
4. Davydov V. V. Teoriya razvivayushchego obucheniya [Theory of developmental education]. Moscow. INTOR. 1996. 544 p.
5. Davydov V. V. Op. cit.; Razumovsky V.G., Saurov Yu.A., Sinenko V.Y. Deyatel'nost modelirovaniya kak fundamental'naya uchebnaya deyatel'nost' [Activity of modeling as a fundamental learning activity] // Sibirskiy uchitel – Siberian teacher, 2013, № 2, pp. 5-16; Saurov Yu. A. O nekotorykh metodologicheskikh voprosakh shkolnogo uchebnogo fizicheskogo eksperimenta [On some methodological issues of the new school physics experiment] // Problemy uchebnogo fizicheskogo eksperimenta – Problems of educational physical experiment: col. of scientific. method. works. Iss. 2. Glazov, 1996, pp. 29-30; Saurov Yu. A. O postroenii teorii uchebnogo fizicheskogo eksperimenta [On the construction of the theory of educational physical experiment] // Problemy uchebnogo fizicheskogo eksperimenta – Problems of educational physical experiment: col. of scientific. method. works. Iss. 5. Glazov, 1998, pp. 21-23.
6. Krajewski V. V. Problemy nauchnogo obosnovaniya obucheniya: metodologicheskii analiz [Problems of scientific substantiation of study: methodological analysis]. Moscow: Pedagogika. 1977. 264 p.; Krajewski V. V. Metodologiya pedagogiki [Methodology of pedagogy]. Cheboksary: Publ. of Chuvash. University. 2001. 244 p.
7. Kokhanov K. A. Modeli v fizicheskom eksperimente [Models in a physical experiment] // Fizika v shkole – Physics at school, 2004, № 4, pp. 36-44; Saurov Yu. A. Glazovskaya nauchnaya shkola metodistov-fizikov: istoriya i metodologiya razvitiya [Glazovskaya Scientific School Methodist physicists: the history and methodology development]: monograph. Kirov: KIPK i PRO Publ. 2009. 208 p.
8. Akhutin A. V. [History of principles of physical experiment]. Moscow: Nauka. 1976. 292 p.
9. Andreev V. I. Ob otsenke i razvitiy issledovatel'skikh sposobnostey starsheklassnikov v obuchenii fizike [On the evaluation and development of research abilities of senior pupils in teaching physics]. Kazan. 1975. 157 p.; Andreev V.I. Dialektika vospitaniya i samovospitaniya tvorcheskoy lichnosti [Dialectics education and self-creative personality]. Kazan: Kazan Publ. 1988. 238 p.
10. Grebenev I. V. Didaktika fiziki kak osnova konstruirovaniya uchebnogo protsessa [Physics didactics as the basis of building of educational process. Nizhny Novgorod: Nizhniy Novgorod university of Lobachevsky Publ. 2005. 247 p.
11. Saurov Yu. A. Glazovskaya nauchnaya shkola metodistov-fizikov: istoriya i metodologiya razvitiya [Glazovskaya Scientific School Methodist physicists: the history and methodology development].
12. Shchedrovitsky G. P. Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz strukturyi nauki [Problems of logic of scientific research and analysis of the structure of science]. Moscow, 2004. P. 333.
13. Ibid. P. 367.
14. Multanovsky V. V. Fizicheskie vzaimodeystviya i kartina mira v shkolnom kurse [Physical interaction and picture of the world in a school course]. Moscow: Prosveschenie. 1977. 168 p.

Одно поколение – две судьбы: о научно-педагогической деятельности профессора Е. И. Кирюхиной и доцента В. М. Фоменковой

Статья объединяет материалы о выдающихся преподавателях кафедры истории СССР и кафедры всеобщей истории исторического факультета Кировского государственного педагогического института (ныне – ВятГГУ). В основу исследования положены документы из архива и музея ВятГГУ, а также воспоминания коллег и студентов Е. И. Кирюхиной и В. М. Фоменковой.

This article is included two essays about the eminent teachers of the Chair of the History of the USSR and the Chair of the General History of the Historical Faculty of the Kirov State Pedagogical Institute (VSHU). The research is founded on the documents from the University Archives and the Museum, the memoirs of the colleagues and the students of E. I. Kiryuhina and V. M. Fomenkova.

Ключевые слова: Кировский государственный педагогический институт, исторический факультет, кафедра истории СССР, кафедра всеобщей истории.

Keywords: Kirov State Pedagogical Institute, Historical Faculty, the Chair of the History of the USSR, the Chair of the General History.

В преддверии празднования 100-летия ВятГГУ на историческом факультете была сформирована исследовательская группа, задача которой заключалась в изучении различных аспектов истории факультета – одного из старейших в нашем вузе. В центре внимания исследовательской группы оказались выдающиеся преподаватели исторического факультета, те, кто закладывал и укреплял традиции профессионального обучения и нравственного воспитания многих поколений студентов. В настоящей публикации представлены два очерка о преподавателях, которые оставили в истории факультета глубокий след как педагоги, ученые, администраторы и уникальные личности.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КИРЮХИНА

Елена Ивановна Кирюхина – одно из значимых и уважаемых имён в истории исторического факультета ВятГГУ. Елена Ивановна проработала в Кировском государственном педагогическом институте (университете) почти 50 лет, посвятив себя научной, педагогической и общественной работе.

Елена Ивановна Кирюхина родилась 11 июня 1925 г. в селе Ермолино Боровского уезда Калужской губернии. Её родители были рабочими Ермолинской текстильной фабрики. У Елены Ивановны были два брата, и оба они участвовали в Великой Отечественной войне. Старший брат в 1944 г. погиб, второй – выжил на войне и прошёл её до конца, а впоследствии стал начальником электростанции на аэродроме ВВС под Москвой. Своё первое образование Елена Ивановна получила в Ермолинской средней школе, где училась с 1933 по 1942 г. По окончании школы она поступила на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В. П. Потёмкина, и вся семья Кирюхиных перебралась в Москву. На историческом факультете Елена Ивановна окунулась в общественную работу, в 1943 г. вступила в ВЛКСМ, стала комсоргом курса и председателем профсоюзного бюро исторического факультета. В 1946 г. Елена Ивановна успешно окончила институт, получив диплом с отличием, и решила серьёзно заняться наукой. По рекомендации кафедры истории СССР она поступила в аспирантуру МГПИ им. В. П. Потемкина, а её специализацией стала история СССР XX века. Во время учёбы в аспирантуре Елена Ивановна работала над кандидатской диссертацией по теме «Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.» и продолжала общественную работу. В 1948 г. Советским райкомом партии Москвы она была принята кандидатом в члены ВКП(б), а через год стала членом Коммунистической партии. С этого времени партийная работа становится неотъемлемой частью жизни Елены Ивановны. В 1949 г., по окончании ас-

пирантуры, Елена Ивановна была направлена на работу в Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина [1].

В течение первого года работы в КГПИ Елена Ивановна занимала должность ассистента кафедры истории СССР. 13 февраля 1950 г. она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, официальными оппонентами на защите выступили доктор исторических наук, профессор Е. Д. Черменский и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Л. М. Иванов [2]. Уже через год Елена Ивановна определила новое направление своих научных исследований и начала работу над изучением истории Вятской губернии в эпоху революции 1905–1907 гг. В дальнейшем она продолжила исследование революционной эпохи и опубликовала целый ряд работ, связанных с установлением власти Советов в Вятском крае. Среди них монографии «Установление Советской власти в Вятской губернии» (1955 г.), «В. И. Ленин о нашем крае» (1961 г.), «Ленин и Вятский край» (1970 г.), которые внесли значительный вклад в историко-краеведческие исследования.

Как преподаватель Е. И. Кирюхина проявляла высшие профессиональные качества. «Способный научный работник и преподаватель, обладающий необходимой научной эрудицией и хорошими лекторскими качествами» – говорится о ней в производственно-политической характеристике 1951 г. [3] В это время она не только читает лекции по истории СССР первой половины XX в., но и ведет специальный семинар по истории СССР, историографии, практические занятия, работает групповым руководителем педагогической практики студентов-историков. 23 октября 1954 г. её утверждают в должности заведующей кафедрой истории СССР. В 1955 г. Елена Ивановна была представлена к учёному званию доцента, но ВАК отложил утверждение в связи с тем, что ещё не была опубликована научная работа «Как жили и боролись трудящиеся Вятской губернии накануне Октября». В 1956 г. утверждение состоялось, и Елена Ивановна становится доцентом по кафедре истории СССР [4].

Елена Ивановна была очень работоспособным человеком. Несмотря на обширную научную и преподавательскую деятельность, обилие административных обязанностей, она находила время для активного участия в общественной жизни. Так, она являлась лектором областного и городского комитетов КПСС, членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, преподавала в Вечернем университете марксизма-ленинизма. Поэтому аудиторию Елены Ивановны в течение многих лет составляли не только студенты, но и работники самых разных предприятий и учреждений Кирова и Кировской области. Елена Ивановна была также членом партийного бюро исторического факультета, членом производственной комиссии месткома, председателем участковой избирательной комиссии, депутатом Кировского городского Совета в 1973–1975 гг. Очень значимой для Елены Ивановны была работа в Кировском областном комитете защиты мира, председателем которого она была избрана в 1970 г. В 1973 г. Елена Ивановна участвовала во Всемирном конгрессе миротворческих сил в Москве, в 1974 г. была делегатом Советской конференции сторонников мира.

Елена Ивановна успевала заниматься научными изысканиями в разных направлениях. Благодаря её кропотливому труду появилось первое исследование истории большевизма на Вятской земле – «Возникновение и деятельность Вятской организации РСДРП (1898 – март 1917 гг.)» [5]. В начале 1960-х гг. Елена Ивановна приступила к работе над докторской диссертацией по теме «Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае», в 1964–1965 гг. для завершения работы над диссертацией она была переведена на должность старшего научного сотрудника. Результатом этих исследований стала целая серия публикаций по региональной истории крестьянства в сборниках научных статей и материалов научных конференций [6].

Научный авторитет Елены Ивановны был очень высок: она стала членом ряда межобластных межвузовских научных организаций, членом Совета «Общества истории, археологии и этнографии» при Казанском университете и председателем Кировской секции этого общества, членом экспертной комиссии по истории Координационного совета Волго-Вятского экономического района по гуманитарным наукам, членом президиума Кировского областного отделения Всесоюзного общества «Знание», членом Научного Совета при Государственном архиве Кировской области, членом Совета Кировского областного музея краеведения и членом секции истории Кировской области при музее краеведения [7].

Несмотря на то что докторская диссертация Еленой Ивановной была написана, её защита так и не состоялась. Елена Ивановна не имела учёной степени доктора наук, но по ре-

шению ВАК от 19 ноября 1976 г. ей было присвоено учёное звание профессора с учётом активной научной деятельности и многочисленных публикаций научных трудов. Вскоре Елена Ивановна была утверждена в должности профессора по кафедре истории СССР КГПИ [8]. К этому времени она отдала работе на историческом факультете 26 лет своей жизни, её заслуги как руководителя кафедры были неоспоримы: по результатам научных исследований кафедра занимала первое место в институте, а в 1974 г. стала победителем в соцсоревновании среди специальных кафедр и получила по традиции того времени переходящее красное знамя. В декабре 1975 г. у самой Елены Ивановны насчитывалось уже 17 монографий, а также статьи в научных и периодических изданиях общим объемом 376,4 печатных листа. В научном исследовании для неё не было мелочей. Она скрупулёзно работала в архивах и библиотеках, досконально проверяла статистические сведения, выясняла подробности биографий исторических деятелей. Елену Ивановну отличали широкая эрудиция и компетентность.

Под руководством Елены Ивановны коллектив кафедры истории СССР выпустил в 1972 г. «Очерки истории Кировской области», а на их основе – «Историю Кировской области» (1975 г.), первое целостное научное описание истории нашего края [9]. Это издание позиционировалось как учебное пособие по историческому краеведению для учащихся средних школ, однако интерес к нему вышел далеко за пределы школьной аудитории. Учитывая это, в 1982 г. коллективом кафедры истории СССР было подготовлено и издано ещё одно уникальное учебное пособие – «Хрестоматия по истории Кировской области» [10]. В ней были собраны наиболее яркие документы по истории Вятского края с древности до наших дней. Сама Елена Иванова разработала специальный курс по истории Кировской области, который в течение многих лет преподавала студентам исторического факультета. В то время историческое краеведение как учебная дисциплина делало первые шаги и Елена Ивановна выступила настоящим новатором. С опорой на исторические источники и достижения историографии она анализировала историю Вятского края на фоне истории страны, воспитывая при этом у студентов культуру научного мышления и патриотизм.

Общее количество научных, научно-популярных и учебно-методических работ Елены Ивановны превышает 120. Кроме того, она подготовила к публикации целый ряд интересных исторических источников (например, «Письма трудящихся Вятской губернии В. И. Ленину»), редактировала и сопровождала комментариями сборники научных статей («Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии», «Выросли мы в пламени, в пороховом дыму» и др.) [11].

Как преподаватель, Елена Ивановна была удивительным человеком. Она отличалась феноменальной памятью, никогда во время лекций не пользовалась опорными записями, наизусть приводила обширные цитаты и безошибочно оперировала статистическими данными. И в то же время, будучи увлечена рассказом, зорко следила за аудиторией: для неё была очень важна реакция студентов. Елена Ивановна знала не только имена, но и отчества всех студентов и неизменно обращалась ко всем «товарищ». Коллеги и студенты Елены Ивановны были свидетелями того, как регулярно она работала с новой научной литературой, штудировала научные журналы, была постоянным посетителем краеведческого отдела и отдела литературы по гуманитарным наукам областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Это вызывало самое глубокое уважение. Экзамены по истории СССР XX века, которые принимала Елена Ивановна, превращались в длительные собеседования со студентами и заканчивались поздним вечером. Она была очень внимательна к студентам заочной формы обучения, ее интересовали не только их знания, но и жизненный опыт, профессиональная позиция. Елена Ивановна руководила студенческим кружком по истории СССР, привлекала студентов к исследованию истории Вятского края.

Елена Ивановна никогда не упускала возможность повышения квалификации в солидных научных центрах. Например, в 1978 г. она находилась на курсах повышения квалификации в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена и в качестве отчёта представила статью об опыте краеведческой работы в КГПИ и ее методологических основах [12].

Елена Ивановна стала настоящим патриотом Кировской области, хотя Вятская земля не была ее малой родиной. Вряд ли можно назвать среди современников Елены Ивановны другого учёного, внесшего столь значительный вклад в изучение истории Вятского края XX в. О большой привязанности Елены Ивановны к Вятской земле, Кировскому педагогиче-

скому институту и коллегам по работе говорит тот факт, что она отказалась от предложенной ей работы в Москве, несмотря на захватывающие перспективы научной деятельности.

Непререкаемым авторитетом для Елены Ивановны был А. В. Эммаусский, с которым её связывали почти 40 лет совместной работы на кафедре истории СССР. Елена Ивановна стала преемницей Анатолия Васильевича на посту заведующего кафедрой, а когда в 1965 г. в аспирантуре КГПИ была открыта специальность «История СССР», они оба стали ее научными руководителями. В течение всей жизни Елена Ивановна сохраняла глубокое уважение к Анатолию Васильевичу, выдающемуся учёному, прекрасному педагогу, общественному деятелю и замечательному человеку.

Близкими друзьями Елены Ивановны были ее коллеги по кафедре истории СССР В. Г. Авдеева и М. И. Зимина. Это был своеобразный кружок единомышленников: здесь шли дискуссии по научным вопросам, обсуждались производственные проблемы, устраивались общие праздники, и в целом царили духовное единство и взаимопонимание. Елена Ивановна была очень неприхотлива в быту, не привыкла обращать много внимания на своё здоровье и считала лучшим лекарством от всех недугов работу.

1990-е гг. принесли Елене Ивановне нелегкие испытания. Многие изменилось в стране, стали утверждаться новые подходы к изучению и преподаванию отечественной истории, под удар критики попала прежде всего историография советского периода. Елене Ивановне пришлось столкнуться и с непониманием, и с некорректной оценкой своей деятельности. Тем не менее она не отказалась от своих убеждений, сохраняла уверенность в правоте коммунистической идеологии и перспективности социалистического строя.

Заведующей кафедрой отечественной истории Елена Ивановна оставалась до февраля 1993 г. Эту должность она оставила по собственному желанию, но работу в должности профессора продолжала. Срок её очередного трудового договора истек в сентябре 1999 г., но 4 мая 1999 г. Елена Ивановна ушла из жизни в возрасте 73 лет [13].

Многолетние труды Е. И. Кирюхиной в области науки, образования, общественной жизни были по достоинству оценены. Она была удостоена ордена «Знак почёта», медалей «Ветеран труда», «За доблестный труд», «Борцу за мир», почетной медали Советского фонда мира, отмечена знаком «Отличник просвещения СССР», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР и другими наградами. Но главное – Елену Ивановну высоко ценили коллеги и студенты как человека справедливого, авторитетного, достойного глубокого уважения.

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА ФОМЕНКОВА

Среди преподавателей Кировского государственного педагогического института, отдавших многие годы активной работы историческому факультету, видное место занимает кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Валентина Михайловна Фоменкова. Некоторые страницы биографии Валентины Михайловны были настоящей легендой для её коллег и студентов.

Валентина Михайловна Фоменкова родилась 4 декабря 1920 г. в селе Чемодановка Городищенского уезда Пензенской области в семье крестьян. У нее были две младшие сестры: Антонина и Нина. В 1930 г. семья переехала в Пензу; отец, Михаил Сергеевич, устроился рабочим на велозавод, а затем стал работать на железной дороге; мать, Мавра Федоровна, вела домашнее хозяйство. В 1938 г., окончив среднюю школу, Валентина Михайловна поступила на исторический факультет Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, здесь же стала членом ВЛКСМ. В 1940 г. без отрыва от учебы в университете она окончила годичную школу медсестёр запаса [14].

В 1941 г., как только началась Великая Отечественная война, группа студенток Саратовского университета добровольно отправилась на фронт. Среди них была и Валентина Михайловна, которую зачислили в отдельную роту медицинского усиления № 38, находившуюся в распоряжении начальника санитарного управления Калининского, а затем 1-го Прибалтийского фронта. В составе хирургической группы В. М. Фоменкова прошла путь от Москвы до Кенигсберга, работая в условиях полевых госпиталей. Рота обеспечивала медицинской помощью воинские части, освобождавшие Калинин (Тверь), Великие Луки, Ржев, Смоленск, Полоцк, Кенигсберг. Воспоминания об этом периоде своей жизни Валентина Михайловна не раз публиковала на страницах местных газет, много рассказывала о подвигах

фронтowych врачей и медсестер: «В феврале наша хирургическая группа работала в армейском эвакуационном пункте в поселке Пено. Приходилось работать под непрерывными бомбежками. В один из таких дней, когда вокруг операционной падали бомбы, хирург начал только что серьезную операцию – ампутацию бедра. Воздушной волной была снесена дверь, вырвано окно. Но сестры и врачи не отошли от операционного стола. Скальпель в руках хирурга не дрогнул, операция была доведена до конца, жизнь раненого была вне опасности» [15]. Много раз Валентина Михайловна, как и другие медсестры, отдавала раненым свою кровь, когда заканчивались запасы консервированной, хотя это и запрещалось делать. Опыт на войне приобретался быстро. В марте 1942 г. В. М. Фоменкова была переведена в старшие операционные сестры и с этого времени самостоятельно начала делать некоторые операции. Среди студентов Валентины Михайловны ходили рассказы о том, что ей однажды пришлось выполнять даже трепанацию черепа.

В 1944 г. Валентина Михайловна стала членом Коммунистической партии и своим идейным убеждениям оставалась верна всю жизнь. День Победы она встретила в небольшом немецком городке Гросскайргиррен: «В 2 часа ночи на 9 мая мы услышали радостную и такую долгожданную весть: “Победа!” Все ликовало кругом» [16]. В ноябре 1945 г. Валентина Михайловна была демобилизована в звании лейтенанта медицинской службы.

Вернувшись домой, Валентина Михайловна продолжила обучение в Саратовском университете. По окончании университета, в 1948 г., ее направили на работу в Пензенский педагогический институт им. В. Г. Белинского, где она заняла должность ассистента кафедры всеобщей истории. В 1950 г. Валентина Михайловна поступила в аспирантуру по кафедре истории Древнего мира и Средних веков Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В ее характеристике этого периода говорилось: «Исключительно настойчива, инициативна и трудоспособна» [17]. Не случайно, будучи аспиранткой, она возглавила партийную организацию кафедры. Кроме того, в ходе работы над диссертацией ей пришлось выучить польский язык, и в дальнейшем она указывала, что владеет им свободно.

25 сентября 1953 г. Валентина Михайловна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Положение крестьян в Польше во 2-й половине XIII и в XIV вв.». Официальными оппонентами на защите выступали доктор исторических наук, профессор С. Б. Окунь и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Л. В. Разумовская.

После защиты диссертации Валентина Михайловна была направлена на работу в Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Здесь она с 6 октября 1953 г. заняла должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории, а в 1959 г., после утверждения в ученном звании доцента, была избрана на должность доцента. Валентина Михайловна читала лекции и проводила практические занятия по истории Средних веков, неоднократно возглавляла Государственную экзаменационную комиссию. 14 ноября 1956 г. она была назначена деканом историко-филологического факультета, сменив на этом посту В. С. Арутюняна, и занимала эту должность до 1959 г. [18] Одновременно вела большую общественно-политическую работу: возглавляла партийную организацию историко-филологического факультета, была членом партийного бюро института, читала лекции по линии Общества по распространению политических и научных знаний, руководила семинаром пропагандистов при Молотовском райкоме КПСС, избиралась депутатом Кировского городского Совета в 1965, 1967 и 1969 гг.

Валентина Михайловна очень серьезно и ответственно относилась к преподавательской работе. Она умела очень живо и интересно преподносить учебный материал по истории Средних веков, стремилась охватить анализом все сферы жизни общества; на практических занятиях учила студентов скрупулезной работе с письменными источниками. Общение Валентины Михайловны со студентами отнюдь не ограничивалось рамками аудиторной работы. Она много лет руководила студенческим научным кружком по истории Средних веков, эта работа очень ее увлекала, под руководством Валентины Михайловны было написано немало дипломных работ. Темы ее бесед со студентами выходили далеко за пределы предмета научных исследований, часто разговор касался Великой Отечественной войны, Валентина Михайловна вновь и вновь делилась своими воспоминаниями и переживаниями.

Обширная преподавательская, административная и общественная работа не помешала Валентине Михайловне продолжать научные исследования. Ее научные интересы охватывали, прежде всего, историю Польши. Вскоре после защиты кандидатской диссертации она

опубликовала в Учёных записках Института славяноведения АН СССР статью «Положение крестьян в Польше во 2-й пол. XIII–XIV вв. (Великая Польша)» [19]. В 1965 г. в сборнике «Ученые записки КГПИ им. В. И. Ленина» была опубликована одна из самых известных и значимых работ Валентины Михайловны – «Участники польского освободительного движения в Вятской ссылке» [20]. В этом исследовании впервые дается всесторонний анализ истории польской политической ссылки в Вятке. Валентина Михайловна стремилась доказать, что политические ссылки сыграли значимую роль в общественной и культурной жизни Вятки, а для некоторых из них место ссылки впоследствии стало второй родиной. По ее мнению, именно поляки привнесли на Вятскую землю и первые революционные идеи. Валентина Михайловна произвела также подсчеты количества ссылных поляков в Вятской губернии после первого и второго польского восстания. История польской политической ссылки раскрывалась и в других публикациях Валентины Михайловны. Она работала над докторской диссертацией по теме «Польское восстание 1863–1864 гг. в освещении его участников и современников» и в 1969 г. выступила в Москве на научном симпозиуме Института славяноведения и балканистики АН СССР с докладом, который заслужил высокую оценку коллег [21].

Валентина Михайловна была талантливым, очень эмоциональным и убедительным лектором, интересным собеседником, всегда много читала. В 1964 г. она была награждена знаком «Отличник народного просвещения», имела Почетную грамоту Министерства просвещения РСФСР и ЦК профсоюзов, множество благодарностей за безупречную работу, но и после этого признания заслуг работала над повышением своего профессионального уровня. Фундаментальное образование, полученное в Саратовском университете и Ленинградском педагогическом институте, не только стимулировало Валентину Михайловну следить за достижениями современной науки, но и сформировало ее интерес к культурной жизни в самом широком смысле. Она любила театр, музыку, не пропускала театральные премьеры и гастроли, умела радоваться жизни. В те годы, когда гражданам СССР было очень непросто получить разрешение на зарубежную поездку, Валентина Михайловна посетила Польшу и совершила круиз по Дунаю.

Коллега Валентины Михайловны по работе в институте, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС (социально-политической истории) Г. В. Кузнецова вспоминает: «Интересы Валентины Михайловны выходили далеко за рамки преподавательской, научно-исследовательской и общественной работы. Она увлекалась садоводством и, как правило, выращивала богатый урожай овощей и фруктов; была гостеприимной, хлебосольной хозяйкой, всегда радушно принимала гостей. Валентина Михайловна умела дружить и любить. Война не ожесточила ее, а, наоборот, сделала еще добрее и внимательнее к людям. В любую минуту она готова была откликнуться на чужие беды и радости. Валентина Михайловна была очень интересным человеком и никогда не забывала, что она Женщина: всегда элегантно, со вкусом одевалась. Это была Личность в самых лучших ее проявлениях». Валентина Михайловна, не имея собственных детей, вложила свою душу в заботу о племянниках, сделала все для того, чтобы они смогли получить хорошее образование и стать достойными людьми. О высокой внутренней культуре, интеллигентности и душевной отзывчивости Валентины Михайловны вспоминают многие ее коллеги. По словам Т. А. Воробьевой, кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории, Валентина Михайловна была честным, порядочным, хорошим человеком, она никогда не переносила личные проблемы на деловые отношения, не поощряла на работе никаких дрязг и слухов, не допускала выяснения личных отношений.

В 1990 г., незадолго до своего 70-летия, Валентина Михайловна приняла решение об уходе на заслуженный отдых из-за обострившихся проблем со здоровьем. До 1 сентября 1993 г. она продолжала выполнять учебную работу в объеме 1 ставки на условиях срочного договора, а затем полностью завершила преподавательскую деятельность. При этом ее связь с коллективом кафедры всеобщей истории не прервалась, со всеми коллегами она сохранила добрые отношения. В последние годы жизни Валентина Михайловна особенно сблизилась с Тамарой Альбертовной Воробьевой, которая часто ее навещала, делилась новостями и сама была благодарным слушателем.

Валентина Михайловна всегда хранила память о Великой Отечественной войне и очень переживала, когда в 1990-е гг. появились попытки пересмотреть историю войны. Например, 4 октября 1994 г. газета «Вятский край» под рубрикой «К 50-летию Победы» опубликовала

фрагменты из дневника солдата времен Великой Отечественной войны, в которых речь шла о безнравственном поведении женщин-медсестер на фронте. К этой публикации Валентина Михайловна не могла остаться равнодушной и написала ответную статью «В защиту попрачного достоинства», под которой поставили свои подписи и другие женщины-фронтовички. Валентина Михайловна на живых примерах доказывала, какой ежедневный подвиг совершали женщины и совсем молодые девушки на войне, и задавала вопрос: «Зачем было так оскорблять чувства фронтовичек?» [22] Это был не единственный отклик Валентины Михайловны в прессе на обсуждавшиеся в обществе проблемы истории Великой Отечественной войны. Она активно сотрудничала с газетами «Кировская правда» и «По ленинскому пути», чаще всего писала о женщинах на войне, рассказывала об их подвигах. «О них не писали в газетах, не снимали кино. Им не ставили памятников. С Вятской земли их ушли тысячи и тысячи. Вернулись не все», – писала Валентина Михайловна о рядовых участниках войны [23].

В. М. Фоменкова была награждена медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почётным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

20 октября 2000 г. после тяжелой и продолжительной болезни Валентина Михайловна ушла из жизни, оставив память о себе как талантливом преподавателе, состоявшемся учёном и неравнодушном человеке с богатым внутренним миром.

Примечания

1. См.: Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 71. Л. 1–3.
2. См. там же. Л. 6–7.
3. Там же. Л. 10.
4. Там же. Л. 19.
5. *Кирюхина Е. И.* Возникновение и деятельность Вятской организации РСДРП (1898 – март 1917 гг.). Киров, 1953.
6. См., напр.: *Кирюхина Е. И.* Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском крае в 1928–1929 гг. // Ученые записки Кировского пед. ин-та. Вып. 28. Т. 2. Киров, 1966. С. 3–112; *Кирюхина Е. И.* Завершение сплошной коллективизации сельского хозяйства Горьковского края в 1933–1934 гг. // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Вып. 85. Горький, 1967. С. 7–14.
7. См.: Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 71. Л. 27–29.
8. См. там же. Л. 53, 63.
9. Очерки истории Кировской области / под ред. Е. И. Кирюхиной. Киров, 1972; История Кировской области / под ред. А. В. Эммаусского и Е. И. Кирюхиной. Киров, 1975.
10. Хрестоматия по истории Кировской области / под ред. Е. И. Кирюхиной и А. В. Эммаусского. Киров, 1982.
11. Письма трудящихся Вятской губернии В. И. Ленину / сост. Е. И. Кирюхина. Горький, 1969; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии / ред. кол. Е. И. Кирюхина [и др.] Киров, 1957; и др.
12. См.: Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 71. Л. 65.
13. См. там же. Л. 97–98.
14. См.: Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 10. Л. 15.
15. *Фоменкова В. М.* Рядом с передовой // По ленинскому пути. 1975. 21 янв.
16. Там же.
17. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 10. Л. 8.
18. Там же. Л. 22.
19. *Фоменкова В. М.* Положение крестьян в Польше во 2-й пол. XIII–XIV вв. (Великая Польша) // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1953.
20. *Фоменкова В. М.* Участники польского освободительного движения в Вятской ссылке // Ученые записки КГПИ им. Ленина. Киров, 1965. С. 115–174.
21. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 8. Д. 10. Л. 41.
22. *Фоменкова В. М.* В защиту попрачного достоинства // Кировская правда. 1994. 20 дек.
23. *Фоменкова В. М.* Женщины в солдатских шинелях // Кировская правда. 1995. 18 марта.

Notes

1. See: Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 71. Sh. 1-3.
2. See *ibid.* Sh. 6-7.
3. *Ibid.* Sh. 10.
4. *Ibid.* Sh. 19.

5. *Kiryukhina E. I. Voznikovenie i deyatelnost Vyatskoy organizatsii RSDRP (1898 – mart 1917 gg.)* [Emergence and activity of Vyatka organization of the RSDLP (1898 – March 1917)]. Kirov. 1953.
6. See, eg. : *Kiryukhina E. I. Podgotovka massovoy kollektivizatsii selskogo hozyaystva v Nizhegorodskom krae v 1928–1929 gg* [Preparation of mass collectivization of agriculture in the Nizhny Novgorod region in 1928-1929] // Proc. of the Kirov ped. Inst. Iss. 28. Vol. 2. Kirov. 1966. Pp. 3-112; *Kiryukhina E. I. Zavershenie sploshnoy kollektivizatsii selskogo hozyaystva Gorkovskogo kraya v 1933–1934 gg.* [Completion of total collectivization of agriculture in the Gorky region of 1933-1934] // Proc. of the Gorky State. Univ. Iss. 85. Gorky. 1967. Pp. 7-14.
7. See: Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 71. Sh. 27-29.
8. See *ibid.* Sh. 53, 63.
9. *Ocherki istorii Kirovskoy oblasti* [Essays on the History of the Kirov region] / ed. E. I. Kiryukhina. Kirov. 1972; *Istoriya Kirovskoy oblasti* [History of the Kirov region] / ed. A. V. Emmausky and E. I. Kiryukhina. Kirov. 1975.
10. *Hrestomatiya po istorii Kirovskoy oblasti* [Readings on the history of the Kirov region] / ed. E. I. Kiryukhina and A. V. Emmausky. Kirov. 1982.
11. *Pisma trudyaschihsya Vyatskoy gubernii V. I. Leninu* [Letters of workers of Vyatka province to Lenin] / comp. E. I. Kiryukhina. Gorkiy. 1969; *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii* [The establishment and consolidation of Soviet power in the Vyatka province] / ed. E. I. Kiryukhina [etc.] Kirov. 1957; etc.
12. See: Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 71. Sh. 65.
13. See *ibid.* Sh. 97-98.
14. See: Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 10. Sh. 15.
15. *Fomenkova V. M. Ryadom s peredovoy* [Near the best] // *Po leninskomu puti – According to the Leninist path*, 1975, January 21.
16. *Ibid.*
17. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 10. Sh. 8.
18. *Ibid.* Sh. 22.
19. *Fomenkova V. M. Polozhenie krestyan v Polshe vo 2-y pol. XIII–XIV vv. (Velikaya Polsha)* [Position of peasants in Poland in the 2nd half of XIII-XIV centuries. (Great Poland)] // *UchYonyie zapiski Instituta slavyanovedeniya AN SSSR – Proceedings of the Institute of Slavic USSR. Moscow*, 1953.
20. *Fomenkova V. M. Uchastniki polskogo osvoboditelnogo dvizheniya v Vyatskoy ssylke* [Members of the Polish liberation movement in Vyatka exile] // *Proceedings of KGPI of Lenin. Kirov*, 1965, pp. 115-174.
21. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 8. D. 10. Sh. 41.
22. *Fomenkova V. M. V zaschitu poprannogo dostoinstva* [In defense of the dignity trampled] // *Kirovskaya pravda – Kirov true*, 1994, December 20.
23. *Fomenkova V. M. Zhenschinyi v soldatskih shinelyah* [Women in soldiers' coats] // *Kirovskaya pravda – Kirov true*, 1995, March 18.

УДК 378.4(470.342)

В. А. Крюшина

Страницы истории вятских семей Солоницыных – Бельтюковых: 100-летию ВятГГУ посвящается

В статье на материале документов из архива ВятГГУ и свидетельств устной истории воссозданы судьбы представителей двух вятских семей, которые получили педагогическое образование на разных факультетах Кировского государственного педагогического института и посвятили свою жизнь учительской профессии.

The article based on archive documents of VSHU and oral history evidences recreates the destiny of two Vyatka families, whose representatives got a pedagogical education at the different faculties of the Kirov State Pedagogical Institute and devoted their life to the teacher's profession.

Ключевые слова: история семьи, педагогическая династия, научно-педагогическая судьба, историко-филологический факультет КГПИ им. В. И. Ленина, кафедра русского языка, многотиражная газета «По ленинскому пути».

Keywords: family history, pedagogical dynasty, scientific and pedagogical destiny, historical and philological faculty of KGPI of name V. I Lenin, Russian language chair, the multiproduction newspaper «По Ленинскому Пути».

В год столетия первого на Вятской земле высшего учебного заведения – сегодня это Вятский государственный гуманитарный университет – естественно обратиться к повествованию о его выпускниках разных лет, посвятивших свою жизнь делу образования и просвещения родной земли. В XX и XXI вв. десять представителей (в четырёх поколениях) двух вятских семей – Солоницыных и Бельтюковых – получили образование в педагогическом вузе города Кирова, связали свою судьбу со школой и родным институтом.

Один из них – кандидат филологических наук, доцент Юрий Васильевич Солоницын – запомнился коллегам и выпускникам как талантливейший преподаватель Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, жизненный и научно-педагогический путь которого оказался трагически коротким. Основу небольшого очерка о земляке и коллеге составили материалы его личного дела из архива ВятГГУ (Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184) и меморат вдовы Людмилы Степа-

новны Солоницыной (в девичестве – Бельтюковой).

Юрий Васильевич Солоницын родился 6 декабря 1931 г. в посёлке Косино Зуевского района в семье учителей средней школы. Родители – Василий Гаврилович Солоницын (1896–1961, родился в Орловском уезде Вятской губернии; по данным личного листка по учёту кадров – «в Халтуринском районе Кировской области») и Нина Васильевна Троицкая (1894 – после 1972 г., уроженка «Кырчанского района Кировской области») [1] – преподавали в Косинской школе химию и математику соответственно, отец был завучем этой сельской школы.

Мама Юрия Васильевича родилась в священнической семье, что отчётливо прочитывается в её девичьей фамилии (Троицкая), образование получила в Вятском учительском институте. Интересную информацию об отце – Василии Гавриловиче Солоницыне – содержит номер газеты «За пролетарские кадры» (орган дирекции, парткома, профкома и СНР Кировского пединститута) от 30 июня 1935 г. (№ 96, год издания – пятый), вышедший под сталинским лозунгом «Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры» и с посвящением – «Пламенный большевистский привет выпускникам-студентам».

В передовой статье номера («Кадры решают всё») имеются сведения об итогах работы пединститута по формированию «нового пополнения на культурный фронт»: в 1935 г. институт выпустил 112 педагогов разных специальностей, «социальный состав выпускников: 71 проц. рабочих, колхозников и батраков, остальные – крестьяне-середняки и бывшие учителя», по партийности «членов и кандидатов ВКП(б) 26 проц. и комсомольцев 30 проц.» «Насколько ценны кадры, даваемые в нынешнем году, говорят итоги защиты дипломных и сдачи гос.экзамена... Лучшими из лучших... являются... Новосёлов, Хоробрых, Шабалина, Мараккулин, Солоницын и Глазырин». А в публикации «Кого мы даём стране» имеется краткая справка об одном из лучших выпускников 1935 г.: «Солоницын. Химик. Беспартийный, до поступления в институт работал учителем 10 лет, в институте, показывая образцы учёбы, умело сочетает овладение знаниями с общественной работой. Тов. Солоницын борется не только за свои знания, но он также оказывает большую помощь отстающим студентам курса» [2]. Подобная характеристика человека, который получил профессиональное педагогическое образование накануне своего 40-летия, отчасти объясняет верность его детей, внуков и правнука учительскому служению.

День в день – 30 июня – в 1973 г. газета «По ленинскому пути», № 21–22 (662–663), орган ректората, парткома, комитета ВЛКСМ, месткома и профкома КГПИ им. В. И. Ленина, на-

печатала по просьбе группы выпускников «Оду по случаю окончания института». В редакторском комментарии указано, что автором оды, подписанной псевдонимом Д. Соломин, является «покойный доцент кафедры русского языка Юрий Васильевич Солоницын» (в соавторстве с журналистом В. Минервиным) [3]. Неслучайные совпадения: не только хронологические, не только по существу (обе публикации обращены к выпускникам вуза разных лет), но прежде всего – по важнейшим жизненным итогам отца и сына Солоницыных. Учитель сельской средней школы воспитал несколько поколений выпускников, и среди них – сына, посвятившего труды и годы воспитанию новых поколений учителей, являвшегося к тому же сменным редактором вузовской многотиражной газеты «По ленинскому пути».

По поводу неслучившегося в жизни 60-летнего юбилея Юрия Васильевича Солоницына его коллеги по филологическому факультету Г. Охотина и П. Лугинина опубликовали в январе 1992 г. в газете «Педагогические ведомости» небольшую заметку «Мы благодарны ему». Приведём фрагмент, чтобы оценить масштаб личности Юрия Васильевича: «Это был незаурядный человек, и рассказывать о нём тем, кто его не знал, трудно: всегда есть опасность неполноты выражения истины. Он в нашей памяти разный: прилежный юноша-студент, увлечённый аспирант, зрелый учёный... Будучи ровесником, он сразу получил у нас единодушное признание старшего – по уму, логике и какой-то особой точности и дисциплинированности мысли. Наше почтительное уважение к нему было во всём, даже в студенческом прозвище – “Мозг”» [4].

Вернёмся к самому началу пути. В семье Василия и Нины Солоницыных родилось четверо детей. Старшая дочь – Татьяна Васильевна (родилась в 1922 г.) – сегодня проживает на ст. Удима Архангельской области, работала провизором. Валентина Васильевна (1926–2014) стала, как и отец, учителем химии, работала в средних школах посёлков Кордяга и Косино Зуевского района, в родной косинской школе исполняла обязанности завуча. Между 1927 и 1930 гг. в учительской семье Солоницыных родился первый сын – Герман, жизнь которого оборвалась в конце войны: он умер от туберкулёза. Бабушка Юрия Васильевича по материнской линии – попадья Еликонида Михайловна Троицкая – занималась воспитанием внуков, учила их читать. Первый опыт чтения, связанный с литературой церковного содержания, пригодился Юре в годы Великой Отечественной войны, когда он вслух читал односельчанам сводки Совинформбюро – по страницам приходящих в глубинку советских газет [5].

Юрий Солоницын учился в Косинской средней школе с 1939 по 1949 г., окончил её с золотой медалью. 17 декабря 1947 г. вступил в ВЛКСМ. В школе был членом комитета ВЛКСМ, членом учкома, редактором школьной стенгазеты [6]. В школе Юра изучал немецкий язык, проявил незаурядные лингвистические способности в освоении русского языка. Возможно, это определило выбор педагогической специальности будущего абитуриента КГПИ. В 1949 г. он поступил на филологический факультет Кировского педагогического института, сдав все экзамены на «отлично».

Автобиография, отложившаяся в личном деле Ю. В. Солоницына, сохранила некоторые подробности студенческого периода его жизни: «За педпрактику на III и IV курсах и курсовые работы (“Творчество Веры Инбер”, “Языковое родство славянских наций по материалам лексики”) также получил “отлично”. Был участником трёх диалектологических экспедиций института. ...На II курсе прослушал курс польского языка. Самостоятельно изучал английский, французский, украинский языки. На спецсеминарах делал доклады “Белинский о Тургеневе”, “Сталин и Молотов о Горьком”, “Синтаксис” Шахматова. С сентября 1950 г. получаю стипендию им. Молотова. Все четыре года вёл общественную работу. На I курсе – член бюро ВЛКСМ литфака. На II – член бюро ВЛКСМ литфака, заместитель редактора факультетской газеты “Литфаковец”. На III – редактор факультетской газеты “Молодость”, затем – ответственный секретарь институтской газеты, староста творческого кружка. На IV – принимал участие в выпуске стенгазеты. Трижды принимал участие в смотрах художественной самодеятельности (составление конференса). Работаю в творческом кружке и в кружке истории русского языка и диалектологии, делал доклады “Ритм”, “Работа над эпиграммой”. С 1950 г. – член-соревнователь Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» [7].

Личностный портрет, складывающийся на основе этого краткого документа, воссоздаёт образ одарённого юноши, настойчиво и инициативно изучающего языки, комсомольского лидера, увлечённого не только научным поиском и общественной работой, но и журналистской деятельностью – авторской и редакторской.

Юрий Васильевич с юности писал стихи. Вот одно из них, рождённое изобильным богатством студенческих впечатлений и опыта:

Закончились экзамены успешно. Опять дорога наша далека.
Мы едем изучать с весёлой песней сокровища родного языка.
Мы весь район исходим с рюкзаками, услышим языка живой родник.
По-новому откроются пред нами страницы толстых, скучноватых книг.
В работе мы настойчивые люди. Не подведём и здесь пединститут.
В науку, верно, скромным вкладом будет и наш ещё несовершенный труд.

В студенческий период сложилась дружба единомышленников, выпускавших факультетскую газету, – Юрия Солоницына, Фёдора Перельмана, Евгения Якимова (их совместные фотографии в домашнем альбоме подписаны аббревиатурой «ПерСольЯк»). Рождались мужские профессиональные дружбы и в комнате студенческого общежития по ул. Свободы, 122, где в 1949–1953 гг. вместе с Юрием жили Леонид Головизнин, Евгений Якимов, Феликс Комаров, А. И. Мильчаков, Виктор Мясников (в будущем – директор Кирово-Чепецкой школы № 4) [8]. Г. Охотина и П. Лугинина вспоминали: «С людьми он сходил долго и трудно, но, выделив однажды кого-либо, в привязанностях был постоянен и щедр» [9]. Не случайно в домашнем архиве вдовы Юрия Васильевича бережно хранятся собранные в канцелярскую папку письма мужа к Евгению Якимову, которые объединяли друзей по студенческому братству до конца жизни.

Интеллектуальные и творческие способности студента Солоницына не остались незамеченными со стороны опытных преподавателей филологического факультета – Владимира Петровича Петруся, Вениамина Ивановича Троицкого, Лидии Николаевны Макаровой: «...профессор В. П. Петрусь, увидев записи своих лекций по старославянскому языку, сделанные Ю. Солоницыным, отличающиеся строгостью, логичностью и своеобразной обработкой, сказал: “По этим лекциям можно издавать учебник” (а профессор был строгий ценитель!)» [10].

16 марта 1953 г. В. П. Петрусь составил Юрию Васильевичу следующую характеристику: «Ю. В. Солоницын обратил на себя моё внимание ещё на первом курсе, где я читаю студентам язык. Тогда же я посоветовал ему... заниматься дополнительно славянскими языками. На втором курсе он очень успешно изучал у меня польский язык сравнительно с старославянским и русским. На III курсе писал курсовую работу на тему “Основной словарный фонд в славянских языках”. Полагаю, что он вполне соответствует требованиям, предъявляемым к лицам, вступающим в аспирантуру...» [11]. Двумя днями раньше, 14 марта 1953 г., было написано заявление студента IV курса филологического отделения историко-филологического факультета Ю. В. Солоницына: «...я оканчиваю в этом году институт и имею желание продолжать своё образование в области языковедения, прошу дать мне возможность поступить в аспирантуру» [12].

Заседание Учёного совета КГПИ им. Ленина от 14 апреля 1953 г. приняло «предложение декана историко-филологического факультета доцента В. С. Арутюняна рекомендовать в аспирантуру при институте Солоницына Ю. В. по кафедре русского языка» [13]. В ноябре 1953 г. были на «отлично» сданы приёмные экзамены в аспирантуру: русский и немецкий языки, основы марксизма-ленинизма [14].

В личном деле Ю. В. Солоницына отложились большие по объёму рукописные и машинописные списки литературы для подготовки к кандидатским экзаменам по диалектическому и историческому материализму (47 статей В. И. Ленина, 20 статей И. В. Сталина, шесть Постановлений ЦК ВКП(б), четыре доклада А. А. Жданова, статьи Г. В. Плеханова, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Т. Д. Лысенко), общему языкознанию, исторической грамматике русского языка, современному русскому языку [15]. Эти документы значимы в изучении отечественной истории соответствующего периода (1950–1960-х гг.) и в создании истории филологического образования в советский период.

Сохранились документы аттестаций аспиранта Юрия Солоницына за первый и второй годы обучения, на основании которых можно утверждать, что учебный план аспирантуры в 1950-х гг. включал не только экзаменационные испытания по избранной специальности (общее языкознание, историческая грамматика русского языка, история русского языка, современный русский язык), но и обязательное посещение занятий научного руководителя, проведение практических занятий по профилю аспирантуры, т. е. по современному русскому

языку (32 часа практических занятий по современному русскому языку), проведение консультаций и принятие вступительных экзаменов у абитуриентов филологического факультета (207 часов), участие в проведении педагогической практики в феврале – марте 1954 г. (два студента II курса), работу в студенческом научном кружке современного русского языка и методики русского языка в качестве помощника руководителя [16].

Таким образом, научно-теоретическая подготовка сочеталась с практикой преподавательской деятельности и научного руководства НИРС, т. е. уже в аспирантуре приобретались навыки не только исследовательской, но и научно-педагогической работы.

О том, как справлялся выходец из «бывшего крестьянского сословия» (именно так в автобиографии, написанной в 1949 г., абитуриент КГПИ Солоницын определял социальное происхождение родителей) с учебным планом аспирантуры, свидетельствуют рукописные тексты характеристик, подписанные В. П. Петрусем: «... кандидатские экзамены т. Солоницын сдаёт досрочно и отлично. В сентябре сдаёт последний экзамен (современный русский язык) и приступит к работе над диссертацией... Без преувеличений считаю его очень способным и подающим большие надежды аспирантом» [17], «... Юрий Васильевич вёл значительную общественную работу: а) секретарь комсомольской организации преподавателей и аспирантов факультета; б) член редакционной коллегии стенгазеты; в) руководитель группы студентов, работавших в колхозе (сентябрь – октябрь 1954 года)» [18].

Документы подтверждают, что тема диссертационного исследования Ю. В. Солоницына, выполнявшегося под научным руководством доктора филологических наук, профессора В. П. Петруся, корректировалась: «Работа над диссертацией. «Глагольное управление в современном русском языке» [19], «Работа над диссертацией. «Глаголы в предложных и беспредложных сочетаниях с формой родительного падежа имени существительного в современном русском языке» [20]. Исследование избранной темы началось в октябре 1954 г., срок защиты был определён 1 октября 1956 г. В 1954 г. Юрий Васильевич составил картотеку и написал первую главу «Глаголы в сочетаниях с родительным падежом имени существительного без предлога». В ходе работы над диссертацией Юрий Васильевич побывал в двух командировках: во второй год обучения – «для работы в библиотеках Москвы», в третий год обучения – «для завершения диссертации и выяснения вопроса о её защите» [21].

Какой ценой давалось обучение в аспирантуре и работа над диссертацией, свидетельствует стихотворение Юрия Васильевича, датированное 1954 г.:

Женщины снятся многим, многим – Кавказ, Боржом.
А мне вот снятся предлоги с родительным падежом.
Мечталось о дальних дорогах и даже о недрах планет.
Но вместо дорог – предлоги. И вместо планет – кабинет.
Мечты не считаются с фактом: им все достижения просты.
И жизнь, как суровый редактор, безжалостно давит мечты.

Стиль научного мышления Юрия Васильевича Солоницына и его отношение к научному поиску запечатлели Г. Охотина и П. Лугинина: «В аспирантские годы часто писал: “Приезжай, есть новые стихи”. Позже: “Приезжай, есть интересная статья”... Он любил ясность, завершённость мысли и не успокаивался, пока не находил устраивающих его формулировок. Он был учёный, а высшей оценкой какой-либо работы была для него научность. Так и говорил: “Хорошо, ярко, но мало науки”. Или: “Всё правильно, но нет науки”. К своим работам относился придирчиво. С годами его многознание нарастало лавиной, и становилось по-хорошему завидно: когда он успеваешь столько читать?» [22]

В годы обучения в аспирантуре Юрий Васильевич получил первые часы оплачиваемой учебной нагрузки на филологическом факультете КГПИ: «Аспиранта кафедры русского языка III года обучения с 1 января 1956 г. назначить на 0,5 ставки ассистента с окладом 525 руб. в месяц, установив ему учебную нагрузку в 240 часов» [23].

Аспирантский период биографии завершился для Ю. В. Солоницына в октябре 1956 г. [24] С направлением Министерства просвещения РСФСР Юрий Васильевич был зачислен ассистентом кафедры русского языка родного для него педагогического института – с 1 октября 1956 г., с окладом 1050 руб. в месяц [25].

В этот же период сложилась личная жизнь молодого преподавателя – он женился на студентке физико-математического факультета КГПИ Людмиле Бельтюковой.

По свидетельству автобиографии, отложившейся в архиве ВятГГУ, Людмила Степановна Солоницына (Бельтюкова) родилась 27 сентября 1936 г. в Кирове. В 1944–1954 гг. училась в средней школе (в современном здании школы № 28 областного центра). В 1947 г. вступила в пионеры, а в 1950 г. стала членом ВЛКСМ. В аттестате зрелости Людмилы Бельтюковой читаем: «В 1944 г. поступила в женскую среднюю школу Ждановского района города Кирова. Русский язык, литература, геометрия – хорошо. Алгебра, тригонометрия, естествознание, история СССР, всеобщая история, Конституция СССР, география, физика, астрономия, химия, иностранный язык – отлично» [26].

В устной беседе Людмила Степановна уточнила даты жизни родителей: Степан Дмитриевич Бельтюков родился в 1902 г., ушёл из жизни в 1972 г. Служба в охране центрального управления МГБ по Кировской области (в современном здании на ул. Ленина областного центра) обеспечила ему броню в годы Великой Отечественной войны и определила его жёсткий характер. Мама – Екатерина Яковлевна Попыванова (1904–1973) – работала на шубно-овчинном комбинате, рано получила тяжёлое ревматическое заболевание и в 1944 г. стала инвалидом.

Старшая дочь в семье Бельтюковых – Римма Степановна (1930–2010) – поступила в 1947 г. на физико-математический факультет КГПИ им. В. И. Ленина, по окончании которого многие годы работала учителем математики в Кирово-Чепецкой школе № 4, в течение нескольких лет была завучем этого среднего учебного заведения. Дочери Риммы Степановны определились с выбором профессии, опираясь на семейную традицию: Ирина получила образование по специальности «Прикладная математика», а Светлана, как и её дочь Екатерина, выбрали профессию учителя математики и закончили математический факультет КГПИ [27].

Людмила Бельтюкова по примеру старшей сестры решила стать учителем математики. В её личном деле сохранилось отправленное на домашний адрес (г. Киров, ул. Ленина, д. 25, кв. 12) извещение: «Решением приёмной комиссии от 26 июня 1954 года Вы допущены к вступительным экзаменам в институт. Приёмные экзамены начнутся 1 августа 1954 года» [28]. Написанные на оценку «хорошо» вступительное сочинение (1 августа 1954 г. «Революционная романтика в произведениях М. Горького») и письменная работа по математике (2 августа 1954 г.) [29] привели Людмилу в аудитории педагогического института, где она получила не только достойное образование и уважаемую профессию, но и обрела семейное счастье.

На первом курсе (1954–1955 учебный год) Людмила Бельтюкова начала заниматься в хореографическом кружке. Композиция «Неаполитанский танец», исполненная в составе коллектива кружковцев на майском общеинститутском вечере 1955 г., привлекла внимание аспиранта филологического факультета Юрия Солоницына, хотя вряд ли он в тот момент вспомнил, что во время вступительных испытаний проводил консультации у абитуриентов физико-математического факультета, рассказывая о революционной романтике в литературе... А потом была первая встреча в коридоре у аспирантской комнаты, рядом с библиотекой (сегодня эту аудиторию на втором этаже корпуса по ул. Ленина, 111, занимает кафедра иностранных языков), назначенная от имени молодого преподавателя студентами филфака, выпускавшими вместе с Юрием Васильевичем факультетскую газету. Потом были неспешные проводы от дома 111 по улице Ленина к дому 25 (что на перекрёстке с улицей Р. Люксембург). После II курса – педагогическая практика в пионерском лагере под Нововятском и привозимые туда регулярно конфеты для молоденькой пионервожатой. А по окончании третьего курса – в 1956 г. – предложение и скромная свадьба 31 августа, где свидетелем был студенческий друг Юрия Васильевича Евгений Якимов. Жених на тот момент обитал в двухместной аспирантской комнате в общежитии по улице Свободы (д. 122) [30].

В личном деле Ю. В. Солоницына сохранилось совместное заявление ассистента кафедры русского языка и студентки IV курса физико-математического факультета Людмилы Степановны Солоницыной от 13 августа 1957 г.: «Просим переселить нас из комнаты № 428 (общежитие по ул. Свободы) площадью 8 кв. м. в более просторную комнату – № 440, т. к. мы ждём осенью ребёнка и будем вынуждены взять няньку» [31]. Документ не уточняет одного: нянькой у новорождённой дочки стала мама Людмилы Степановны – Екатерина Яковлевна Бельтюкова.

Интереснейшие документы из личного дела студентки Л. С. Бельтюковой (Солоницыной) – это «Трудовая книжка студента», свидетельствующая, что на I–III курсах будущие

преподаватели математики работали в колхозах Верховинского, Немского и Даровского районов Кировской области и «Зачётная книжка» [32].

На основании «зачётки» можно восстановить посеместровое содержание учебных планов физико-математического факультета в 1950-х гг., вспомнить славные имена преподавателей КГПИ, создавших научно-педагогическую школу в точных науках: Н. А. Колмогоров (аналитическая геометрия, проектная геометрия), Ф. Ф. Нагибин (математический анализ, история математики, теория функций), Л. И. Белозёров (основы математического мышления). Экзаменационные испытания по сложнейшим математическим дисциплинам Л. С. Бельтюкова преодолевала на отличные и хорошие оценки. Единственным исключением стала летняя сессия четвёртого курса (июнь – июль 1958 г. Теоретическая механика, политэкономия, диалектический материализм, теория функций), когда все оценки в «зачётке» удовлетворительные. Тому были объективные причины: 14 января 1958 г. в молодой семье Солоницыных родилась первая дочь Ольга. Уже в девятом семестре (пятый курс, январь 1959 г.) все экзамены (астрономия, исторический материализм, основы геометрии) вновь были сданы на «отлично».

В характеристике на студентку V курса физико-математического факультета Людмилу Степановну Солоницыну за подписью директора института П. Мосунова и декана факультета А. И. Жаворонкова читаем: «В институте к учебным занятиям относилась добросовестно. Выполняла на первых курсах общественные поручения: на первом курсе – члена факультетского бюро ВЛКСМ, на втором курсе – вожатой отряда одной из школ г. Кирова. Занималась в хореографическом кружке и гимнастической секции. На старших курсах в силу семейных обстоятельств выполняла лишь временные общественные поручения. Педагогическую практику провела успешно. В период проведения практики выяснилось, что тов. Солоницына владеет учебным материалом и умеет преподнести его учащимся. Дисциплинирована и выдержанна в коллективе» [33].

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 29 июня 1959 г. Людмиле Степановне Солоницыной была присвоена квалификация учителя математики и черчения средней школы [34]. В 1959 г. началась трудовая биография Людмилы Степановны: в течение одного учебного года она работала учителем начальных классов в родной школе № 28 (получив по семейным обстоятельствам так называемый свободный диплом – в отличие от большинства однокурсниц, отправившихся по распределению в сельские школы), с 1960 по 2001 г. беспрерывно служила учителем математики в школе № 16 города Кирова. Имеет почётное звание «Отличник народного просвещения».

«Всё течёт, всё изменяется», – диалектика гласит.
Даже скалы разрушаются, рассыпается гранит.
Где лежала степь безбрежная, расцветает пышный сад.
Только я люблю по-прежнему, как и много лет назад...

Однако вернёмся к повествованию о научно-педагогической деятельности Юрия Васильевича Солоницына.

Итак, после окончания аспирантуры в 1956 г. он был оставлен на кафедре русского языка историко-филологического факультета для работы в качестве ассистента; в 1958 г. переведён на должность старшего преподавателя; в марте 1964 г. переизбран на штатную должность старшего преподавателя кафедры русского языка [35].

В начале 1960-х гг. была закончена работа над кандидатской диссертацией «Глагольные словосочетания с родительным падежом в современном русском литературном языке». 25 декабря 1963 г. состоялась её защита в Горьковском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. В 1964 г. Юрию Васильевичу была присуждена учёная степень кандидата филологических наук, что позволило ему подать заявление на участие в конкурсе на замещение должности доцента кафедры русского языка. На основании выписки из приказа № 267 от 27 октября 1964 г. можно утверждать, что решением Совета института от 22 октября 1964 г. Юрий Васильевич Солоницын был избран по конкурсу на должность доцента кафедры русского языка... [36]. Решением Высшей аттестационной комиссии от 2 марта 1965 г. Ю. В. Солоницын был утверждён в учёном звании доцента по кафедре русского языка [37].

Эти счастливые должностные перемены зафиксированы в развёрнутом рукописном отчёте о научно-педагогической деятельности Юрия Васильевича в 1958–1964 гг. [38] На его

основании можно представить направления его преподавательской, научной, административной, общественной работы.

На дневном, вечернем и заочном отделениях историко-филологического факультета он проводил учебные занятия по современному русскому языку и введению в языкознание, вёл спецсеминары на следующие темы: «Трудные случаи русской орфографии», «Русская морфология», «Стилистика», «Язык романа Толстого “Война и мир”». На стационаре и заочном отделении факультета начальных классов преподавал русский язык. Юрий Васильевич руководил педпрактикой в школах № 10, 22, 29, 42 г. Кирова и написанием курсовых работ, участвовал в приёме вступительных экзаменов, был членом государственной экзаменационной комиссии.

Ю. В. Солоницын «учил студентов культуре речи и польскому языку, который сам в совершенстве освоил, учась в институте... Был кумиром студентов... Требовательный к себе во всех отношениях Юрий Васильевич этому же учил и студентов. Он любил их, болел за них и радовался, если они сдавали экзамен хорошо. Ликовал, когда среди молодёжи находил близких себе людей. Особенно чтит студентов-поэтов, с любовью растил их. Он и сам писал стихи» [39]. В музее ВятГГУ хранится машинописная подборка стихотворений Юрия Солоницына, переданная Виктором Сергеевичем Путинцевым в начале 2000-х гг.

Спектр научных проблем, которыми занимался доцент Ю. В. Солоницын, выявляется на основании опубликованных им на рубеже 1950–1960-х гг. статей: «Родительный неопределённого количества при переходных глаголах», «Некоторые лексико-грамматические факторы, обуславливающие выбор падежа прямого дополнения при отрицании», «О правописании наречий, образованных от существительных с предлогами», «Существительные на -ние и -нье», «Как готовиться к экзаменам по русскому языку и литературе». Ряд статей был подготовлен в этот период к печати: «Полузабытые слова», «К вопросу о разграничении сильного и слабого управления», «Родительный при отрицании». Тогда же было сделано несколько выездных научных докладов: на зональной конференции в Ленинграде в 1961 г.; на заседании кафедры русского языка и общего языкознания Горьковского университета («Глагольные словосочетания с родительным падежом»).

Приходилось Юрию Васильевичу выполнять и административные обязанности. Так, с 1 октября 1962 г. старший преподаватель кафедры русского языка Ю. В. Солоницын был назначен заместителем декана историко-филологического факультета с оплатой 30% к месячному окладу [40].

Юрий Васильевич руководил студенческими кружками польского и русского языков, ежегодно читал лекции в институте усовершенствования учителей («Лексика школьных хрестоматий по литературе», «Занимательность на уроках русского языка», «Некоторые типичные ошибки в синтаксическом разборе», «Изучение состава слова», «Новое в классификации придаточных», «О происхождении слов», «О происхождении собственных имён», «Разбор стилистических ошибок учащихся»), выступал с докладами на методических объединениях учителей-словесников (в школе № 16 г. Кирова – «Изучение причастия в школе», в школе № 7 г. Слободского – «Устаревшие слова», в Кумёнской средней школе – «Односоставные предложения»), посещал в рамках руководства педагогической практикой уроки русского языка и литературы в кировских школах № 10, 16, 22, 27, школе-интернате № 4; нолинских № 1, 2; слободской № 7; Кумёнской; Пасеговской Оричевского района; Косинской средней и Косинской семилетней Зуевского района, проводил письменные и устные консультации для учителей русского языка. Так широко и разнообразно осуществлялась им помощь областным и городским учреждениям народного образования.

В советское время не оставалось без внимания и повышение идейно-политического уровня преподавателей. В жизни Ю. В. Солоницына это требование к профессорско-преподавательскому составу реализовалось его участием в философских семинарах кафедры русского языка, где он выступал с докладами на темы «Ислам» и «Международное коммунистическое движение».

Общественная деятельность доцента Солоницына была очень разнообразной: с 1961 г. он был руководителем литературного объединения института, возглавлял корреспондентский пункт «Учительской газеты» при КГПИ, был прикрепленным преподавателем в одной из студенческих групп, принимал участие в проведении выборов в Советы и народные суды, оказывал помощь редакции факультетской стенной газеты, принимал участие в проведении

вечеров художественной самодеятельности (подготовка конференсов), выступал с беседами по вопросам орфографии и стилистики перед сотрудниками Кировского книжного издательства и межрайонных газет.

В музейной подборке стихов Юрия Васильевича сохранились «Филологические частушки», которые дают представление о его замечательном чувстве юмора:

Не напрасно, братцы, все мы книги умные жуём.
Про научные проблемы мы частушки пропоём...
Шесть часов прогуляли, нас декан к себе зовёт.
Видно, братцы, мы попали, эх, в причастный оборот.
За один прогул невинный нету бедному житья:
Обстоятельства причины не сумел придумать я.
Я подружке чернобровой предлагаю, не боюсь:
Образую в ЗАГСе новый сочинительный союз.
За девчонкой кудреватой я хожу который год.
Эх, какой же вы, девчата, несклоняемый народ...

Наиболее весомый и проверенный временем вклад в историю Кировского педагогического института Ю. В. Солоницын внёс своей деятельностью по руководству одной из сменных редакций многотиражной газеты «По ленинскому пути». Решением бюро горкома КПСС от 17 ноября 1967 г. газета педагогического института «По ленинскому пути» была признана победителем конкурса на лучшую многотиражную газету в юбилейном году. За достигнутые успехи в работе газеты Юрий Васильевич получил благодарность с занесением в личное дело [41]. Он любил труд журналиста со времён работы над факультетской газетой. Эту любовь он передал многим сверстникам и ученикам, создававшим год за годом образ вузовской многотиражки.

Газета «По ленинскому пути» неоднократно публиковала стихи доцента Ю. В. Солоницына, посвящённые институтской жизни:

Солнце ярким закатным пламенем поливает рам переплёты,
А у нас идут госэкзамены, – не какие-нибудь зачёты.
Ветер носит пушинки тополя. Мандолина смеётся где-то.
В этот вечер кому охота ли повторять билет за билетом?
Но места в кабинете заняты. Обожди, торопливое лето...
Навсегда останется в памяти беспокойное время это [42].

...

Июньский день лизал тихонько крыши...
Сложивши бережно последний свой конспект,
Ты положил его на стол и вышел,
С образованием высшим человек.
Десятки лет пройдут с того июня
И многое из памяти сотрут.
Но как нельзя забыть нам нашу юность,
Нельзя забыть и наш пединститут.
В каких краях нам побывать придётся,
Пока что неизвестно никому,
Но если только случай подвернётся,
Ты первым делом поспешишь к нему.
Окинешь взглядом искренне влюблённым:
Четыре ж года ты учился тут.
И ласково погладишь по колонне:
«Ну, как живёшь, товарищ институт?» [43]

Руководство вуза отмечало трудовые заслуги Ю. В. Солоницына. В 1965 г. Юрий Васильевич дважды получил благодарности (за подписью ректора КГПИ В. И. Голубева): «За большую организаторскую работу со студентами и активное участие в смотре художественной самодеятельности института ...» [44], «За активное участие в работе редакции многотиражной газеты “По ленинскому пути” объявить благодарность и наградить Почётными грамотами Солоницына Ю. В. – сменного редактора...» [45]. В 1965 г. в связи с достижением

10-летнего стажа работы в вузе Юрию Васильевичу был установлен месячный оклад 320 руб. [46], что по меркам советского времени было очень достойной суммой.

В характеристике, датированной маем 1967 г. [47] и составленной по поводу представления Ю. В. Солоницына к награждению значком «Отличник народного просвещения», указывается, что Юрий Васильевич обладал «незаурядным преподавательским талантом». Его вдова Людмила Степановна вспоминает, что однажды, столкнувшись в своей преподавательской деятельности со слепым студентом, Юрий Васильевич выучил азбуку Брайля, чтобы иметь возможность проверять его работы. В характеристике от июля 1968 г. награждение этим почётным знаком отличия в педагогической профессии – «за добросовестное отношение к служебным, научным и общественным обязанностям» – уже констатируется как случившийся факт [48].

В семейном клане доцента КГПИ Юрия Васильевича Солоницына избрали учительскую стезю его отец и мать, сестра Валентина, жена Людмила, сестра жены Римма, её дочь и внучка. Педагогическое служение предпочла и старшая дочь Юрия Васильевича и Людмилы Степановны – Ольга. Получив образование на химико-биологическом факультете КГПИ им. В. И. Ленина (выпуск 1980 г.), она проработала два года в Малмыже, а по возвращении в родной город стала воспитателем детского сада.

11 ноября 1961 г. в семье Солоницыных родилась вторая дочь – Надежда. В 1978 г. она закончила кировскую школу № 57 (её учительницей по русскому языку и литературе была Римма Ивановна, супруга Александра Георгиевича Балыбердина), получила специальность «Конструктор-модельер» в Кировском технологическом техникуме и работала в ателье.

По свидетельству Людмилы Степановны, Юрий Васильевич обожал дочерей, в первый год Надиного обучения в школе полностью взял на себя родительские заботы. Любил ездить вместе с детьми в родной посёлок Косино к маме Нине Васильевне, где по вечерам, сидя на крылечке, рассказывал девочкам о дальних звёздах. Подлинно гриновская романтичность Юрия Васильевича проявлялась и в том, что в семье утвердилась традиция домашних чтений под настоящей зелёной лампой. Любимой его радиопрограммой (телевидение не вошло ещё тогда в быт кировчан) была «Песня остаётся с человеком». А во второй половине 1960-х гг., когда дочери подросли, были немногочисленные, но незабываемые поездки (по профсоюзным путёвкам – со скидкой до 50%): на теплоходе по Волге до Астрахани, в Крым, Болгарию, по пушкинским местам.

Кировскими адресами семьи Солоницыных (после общежитской комнаты) в счастливые для них и такие короткие 60-е гг. были дома по улице Воровского, 75-а, и по улице Горького, 53. В этот период Юрия Васильевича связала тесная дружба с Ю. Г. Карачаровым, В. Г. Шумихиным, А. Г. Балыбердиным.

Кстати, лингвистическая подготовка помогала Юрию Васильевичу, его семье и друзьям и в повседневной жизни: он с лёгкостью переводил с польского и венгерского языков инструкции к импортным товарам. Хотя жизненным принципом доцента Солоницына было убеждение в бесполезности для счастья «тряпок и деревяшек». По определению его вдовы Людмилы Степановны, он всегда хранил в себе чувство «возвышенности бытия» [49].

Первый инфаркт настиг Юрия Васильевича в мае 1969 г. Потом была комиссия, по прохождении которой необходимо было отправиться в долгосрочную командировку в Венгерскую Народную Республику с целью преподавания там русского языка. Но поездка не случилась...

5 декабря 1971 г. был второй инфаркт, по причине которого доцент Ю. В. Солоницын просил перевести его на половину ставки: «Доцента кафедры русского языка перевести с 1 сентября 1971 г. на 0,5% ставки доцента с окладом 160 руб. по личному желанию в связи с болезнью» [50].

А 20 октября 1972 г. – третий, последний: «Доцента Солоницына Ю. В. исключить из штата института в связи со смертью... с 22 октября 1972 года. Ректор Г. А. Глушков» [51]. «Он мог бы ещё много сделать для людей, но и за то, что он сделал, мы благодарны ему...» [52]

Так трагически рано овдовевшая Людмила Степановна пережила и утрату любимой младшей дочери. Надежда Юрьевна Солоницына (Пестова) ушла из жизни 15 мая 2014 г. после тяжёлой болезни. Но её единственный сын, внук Юрия Васильевича Солоницына, Александр Сергеевич Пестов продолжает неразрывную связь большой семьи Солоницыных – Бельтюковых с педагогическим вузом областного центра. Он закончил в 2010 г. факультет

лингвистики ВятГГУ и работает в отделе международных связей университета, преподаёт иностранный язык на ряде факультетов родного вуза.

Чтобы составить более полное представление о вкладе семей Солоницыных и Бельтюковых в историю города и области, скажем несколько слов и о младшем брате Людмилы Степановны – Владимире. Их родственная дружба сильнее потерь.

Владимир Степанович Бельтюков родился 4 июня 1939 г. в Кирове. В 1956 г. был курсантом Ивановского высшего военно-технического училища. Трудовая биография в родном городе началась в 1956–1958 гг. с рабочей профессии слесаря-сборщика Кировского ЭМСЗ им. Лепсе. В этот же период определилось жизненное увлечение – журналистика: с 1956 г. работал внештатным корреспондентом областной газеты «Комсомольское племя», где познакомился с Альбертом Анатольевичем Лихановым.

В 1958–1959 гг. работал телеоператором на только что созданной Кировской студии телевидения.

Владимир Степанович сохраняет увлечённость фотожурналистикой и операторским делом до сих пор. Свидетельство его профессионализма – огромное количество сделанных им фотографий, опубликованных в сборнике «Поле жизни Альберта Лиханова» (М., 2005). Среди них – кадры, запечатлевшие 16-ю «мужскую» школу и конференцию юных читателей, Альберта Лиханова во время преддипломной практики как редактора «Комсомольского племени» и журнала «Смена», диктора кировского телевидения Лилии Зыкиной (Лихановой), телевизионных встреч с Арамом Хачатуряном и Марком Бернесом, открытия бюста А. С. Грина на набережной реки Вятки и библиотеки для детей и юношества А. А. Лиханова на улице Орловской и многое, многое другое. Страницы запечатлённой фото- и видеоистории Кировского отделения Детского фонда РФ, возглавляемого В. П. Ивановой, и детской музыкальной школы № 2 областного центра – тоже заслуга Владимира Степановича.

В 1959–1993 гг. жизнь В. С. Бельтюкова была связана с КЭМПО им. Лепсе. Ступени его профессионального и должностного роста зафиксированы в трудовой книжке (техник-технолог, инженер-технолог, производственный мастер, старший мастер, начальник БТК, зам. начальник РИПО, начальник отдела кадров), определены и образовательным ростом: в 1967 г. В. С. Бельтюков закончил Кировский политехнический институт по специальности «Автоматика и телемеханика».

Многолетний трудовой стаж на заводе и вклад В. С. Бельтюкова в создание ОАО «Лепсе», становление его в качестве ведущего предприятия МАП неоднократно отмечался благодарностями – по заводу и министерству. 3 июля 1986 г. получил благодарность и премию «За идеологическую работу» (приказ № 690), 4 мая 1988 г. был премирован к Дню радио (приказ № 615). 23 сентября 1988 г. В. С. Бельтюкову было присвоено звание ветерана труда завода в связи с 25-летней безупречной работой на предприятии (приказ № 511). 14 июня 1989 г. В. С. Бельтюков получил благодарность и премию в размере 100% месячного оклада в связи с 50-летием (приказ № 315). В трудовой книжке Владимира Степановича имеется запись о получении им благодарности министра авиационной промышленности СССР Ивана Степановича Силаева (приказ по министерству № 532 от 28 апреля 1989 г.).

В 1992 г. указом Президента России от 14 мая 1992 г. № 629 в РФ создаётся Федеральная миграционная служба. Именно она должна была оперативно включиться в решение абсолютно новых, незнакомых и порой очень болезненных проблем, стабилизировать сложную ситуацию, связанную с миграционным приростом населения в период экономического спада. Владимир Степанович Бельтюков был назначен первым руководителем миграционной службы Кировской области, возглавлял её в 1993–2001 гг., положив начало становлению и деятельности новой государственной структуры. 5 июня 1997 г. Владимир Степанович был награжден почётной грамотой за продолжительную работу и личный вклад в решение вопросов по формированию и реализации государственной миграционной политики и в связи с 5-летием со дня образования Федеральной миграционной службы России (приказ № 393).

В мае 1999 г. в связи с 60-летием со дня рождения приказом по ФМС получил почётную грамоту за продолжительную и безупречную работу и премию в размере должностного оклада. Распоряжением администрации Кировской области от 25 мая 1999 г. (№ 570) награждён почётной грамотой за многолетний добросовестный труд и большой вклад в развитие миграционной службы региона. В 2007 г. деятельность В. С. Бельтюкова по созданию и организации деятельности миграционных подразделений в Кировской области была отмечена

благодарностью губернатора Н. И. Шаклеина. К моменту выхода на пенсию общий трудовой стаж В. С. Бельтюкова насчитывал 42 года, в их числе 12 лет – работа на государственных должностях.

Будучи на заслуженном отдыхе, Владимир Степанович продолжил, опираясь на опыт своей трудовой деятельности, семейную традицию учительства: он преподавал дисциплины «Миграционное право» и «Таможенное дело» в кировских филиалах Московской финансово-юридической академии и Московского гуманитарно-экономического института.

Две простых, рабоче-крестьянских (как говорилось в советский период истории) семьи взрастили в XX веке настоящих представителей российской провинциальной интеллигенции, которые вложили свой труд и талант в формирование профессионального и нравственного облика многих поколений кировчан.

Однако вернёмся к началу... Ода по случаю окончания института, сотворённая Юрием Васильевичем Солоницыным более 40 лет назад, звучит, отвечая избранному автором жанру, *классически* (а значит, образцово!): для подражания и многократного возвращения к её тексту. В буквах и строках. В новых и новых человеческих судьбах.

Прошли студенческие годы. Гречи вовсю, оркестров медь!
Ну, как иначе, кроме оды, достойно этот день воспеть?
Пять лет назад мы, дерзновенны, расставшись с школою родной,
Пришли в педвуз наш незабвенный с познаний алчущей главой.
Прорвавши конкурса препоны (где юной смелости предел?),
Народ смущённый, удивлённый, успехом первым окрылённый,
На первых лекциях сидел.
Нас повели стезёю узкой (в науке нет дорог иных)
Шайкевич, Канин, Эммаусский, Троицкий, Мохирев, Бледных.
Пять лет мы шествовали в гору среди теснин, лавин, стремнин,
Нагибин вёл нас, Косолапов, Глушков, Захаров и Шернин.
Ученья корень был несладок. В дни сессий били нашу рать.
Порою даже... Нет, не надо! К чему о двойках вспоминать?
Гораздо памятной нам стали и первый «отл.» и первый «хор.»,
В спортивных залах гром баталий и из-за смотра жаркий спор...
Пою ряды аудиторий, где соки знаний я впитал,
Где мыслить начал и в которых я столько книг перелистал.
Пою друзей по общежитью, пою друзей по этажу,
Смешливых, славных, деловитых –
За верность из сердец открытых спасибо я не раз скажу...
Настал день грустный и весёлый. Закончен пятилетний труд.
В руках дипломы. Здравствуй, школа! Прощай, любимый институт! [53]

Поэзия и проза студенческой жизни, запечатленная в именах и эмоциях история родного вуза, авторский опыт работы со словом, беззаветная любовь к серьёзному творческому труду – всё есть в этих строках, написанных Юрием Васильевичем Солоницыным. Он умел воплотить память в слово.

Мы попытались воплотить память о нём в строки этой публикации...

Примечания

1. Личное дело доцента Ю. В. Солоницына. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 6.
2. Кого мы даём стране // За пролетарские кадры. 1935. № 8. С. 1.
3. Ода по случаю окончания института // По ленинскому пути. 1973. № 21–22. С. 1.
4. *Охотина Г., Лугинина П.* Мы благодарны ему // Педагогические ведомости. 1992. № 2. С. 4.
5. *Меморат Л. С.* Солоницыной. Записан В. А. Криужиной 19 марта 2014 г.
6. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 2.
7. Там же. Л. 2–2 об.
8. *Меморат Л. С.* Солоницыной. Записан В. А. Криужиной 19 марта 2014 г.
9. *Охотина Г., Лугинина П.* Указ. соч.
10. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Там же. С. 4.
11. Там же. Л. 1–1 об.
12. Там же. Л. 1.
13. Там же. Л. 8. Выписка из протокола № 11.

14. Там же. Л. 10. «Экзаменационный лист. Отметка о прохождении приёмных экзаменов. 2 ноября 1953 г. Русский язык – отлично. 10 ноября. Основы марксизма-ленинизма – отлично. 21 ноября. Иностранный язык (немецкий) – отлично».

15. Там же. Л. 15–16. Литература для изучения по диалектическому и историческому материализму. Постановления ЦК ВКП(б): О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» (от 14 ноября 1938), О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XX века (Большевик, № 7, 8, 1944), О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946), О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению (26 августа 1946), О кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября 1946), Об опере «Великая дружба» В. Мурадели (10 февраля 1948). А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 1947; выступление на совещании деятелей советской музыки и ЦК ВКП(б). 1948. ... Лысенко. О положении в биологической науке (1948)... (списки приведены с сокращениями. – В. К.).

Л. 21 об. Литература по дисциплинам. Общее языкознание. Ф. Энгельс. Франкский диалект. В. Ленин. О праве наций на самоопределение. К вопросу о диалектике. Критические заметки по национальному вопросу. И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Национальный вопрос и ленинизм. Марксизм и вопросы языкознания. Историческая грамматика русского языка. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Современный русский язык. Ленин. О национальной гордости великороссов. Об очистке русского языка. Нужен ли обязательный государственный язык. Сталин. Анархизм или социализм? Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). Ломоносов. Российская грамматика. О пользе книг церковных. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Потемкин. Из записок по русской грамматике. Два исследования о звуках русского языка. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Синтаксис русского языка...

16. Там же. Л. 13. Аттестация аспиранта первого года обучения. С 1 октября по 1 июня 1954 г. Общее языкознание (экзамен). 23.11.53. Отл. Нем. язык (зачёт). Январь 1954 г. История русского языка (экзамен). 1.03.54. Отл. Нем. язык (экзамен). 7.04.54. Отл. Ист. и диал. материализм (экзамен). 31.05.54. Отл.

Л. 31 (рукописный вариант); Л. 32–32 об. (машинописный вариант). Аттестация аспиранта второго года обучения. Экзамен по современному русскому языку. Сентябрь 1954 г. Отлично. Посещение 9 часов практических занятий научного руководителя, 32 часа практических занятий по современному русскому языку, 207 часов во время вступительных экзаменов для абитуриентов.

Л. 17, 27. Педагогическая практика. Посещение десяти лекций по современному русскому языку (октябрь – май), практические занятия по современному русскому языку на ОЗО (январь), участие в проведении педагогической практики на II курсе, работа в студенческом научном кружке современного русского языка и методики русского языка в качестве помощника руководителя.

Л. 17 об., 27 об. Подготовка по специальности. Общее языкознание. Экзамен. Ноябрь 1953 г. Отл. Историческая грамматика русского языка. Июнь 1954 г. Современный русский язык. Экзамен. Октябрь 1954 г.

17. Там же. Л. 13 об.

18. Там же. Л. 31 об.

19. Там же. Л. 13 об.

20. Там же. Л. 31 об.

21. Там же. Л. 29 об.

22. Охотина Г., Лугинина П. Указ. соч.

23. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 33. Выписка из приказа № 11 от 14 января 1956 г.

24. Там же. Л. 34. Удостоверение. «С 1 октября 1953 по 1 октября 1956 г. состоял аспирантом... подвергался кандидатским испытаниям и получил следующие оценки: общее языкознание (23.11.53, доцент А. И. Шернин, проф. В. П. Петрусь, доц. В. И. Троицкий), историческая грамматика русского языка (1.03.54, И. Д. Штин, проф. В. П. Петрусь, доц. Троицкий), немецкий язык (7.04.54), диамат и истмат (31.05.54, проф. Петрусь, доц. И. Д. Сметанин), современный русский язык (6.09.54, кандидаты исторических наук В. В. Потанин и В. Н. Безденежных, проф. В. П. Петрусь)».

25. Там же. Л. 37. Выписка из приказа № 307 от 5 октября 1956 г.

26. Личное дело студентки физико-математического факультета КГПИ им. В. И. Ленина Л. С. Бельтюковой. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 9. Д. 90. Л. 5.

27. Меморат Л. С. Солоницыной. Записан В. А. Криушиной 19 марта 2014 г.

28. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 9. Д. 90. Л. 7.

29. Там же. Л. 10–13. Л. 14–17.

30. Меморат Л. С. Солоницыной. Записан В. А. Криушиной 19 марта 2014 г.

31. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 9. Д. 90. Л. 38.

32. Там же. Л. 22, 25.

33. Там же. Л. 18.
34. Там же. Л. 19. Диплом № 460067.
35. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 44. Заявление ст. пр. Солоницына Ю. В. Л. 45. Выписка из приказа № 66 от 30 марта 1964 г. за подписью ректора А. Шарова: «На основании решения Совета института от 26 марта считать переизбранными на штатные должности следующих преподавателей кафедры русского языка... Троицкого В. И. – на должность зав. кафедрой, Солоницына Ю. В., Калужских И. А. – на должность ст. пр. ...».
36. Там же. Л. 48. Выписка из приказа № 173 от 21 июля 1964 г.: «В связи с присуждением ученой степени кандидата филологических наук, утверждением в степени кандидата наук ВАКом и выдачи диплома МФЛ № 001505 установить месячный оклад 280 рублей с 30 мая 1964 г. Л. 46: «Прошу допустить меня к участию в конкурсе на замещение должности доцента кафедры русского языка. Прилагаю список научных работ»
Л. 47. «Список научных работ. Ещё к вопросу об определении категории падежа. Русский язык в школе. 1955, № 6. Родительный неопределённого количества при переходных глаголах. Очерки по русскому языку. Киров, 1962. Некоторые лексико-грамматические факторы, обуславливающие выбор падежа прямого дополнения при отрицании. Там же. О правописании наречий, образованных от существительных с предлогами. В помощь учителю русского языка. Киров, 1962. Существительные на -ние и -нье. Там же. Глагольные словосочетания с родительным падежом в современном русском литературном языке. Горький, 1963 (автореферат кандидатской диссертации). Как готовиться к экзаменам по русскому языку и литературе. Размножено на ротаторе в 1961 г. В соавторстве с А. Г. Балыбердиным и Д. Н. Шипулиной».
37. Там же. Л. 63. Аттестат доцента. МДЦ № 028107 от 16 апреля 1966 г.
38. Там же. Л. 49–53.
39. Охотина Г., Лугинина П. Указ. соч.
40. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 42. Выписка из приказа № 276 от 2 октября 1962 г.
41. Там же. Л. 70. Выписка из приказа № 371 от 14 декабря 1967 г.
42. Солоницын Ю. В. Госэкзамены // По ленинскому пути. 1976. № 19(795).
43. Солоницын Ю. В. Институт // По ленинскому пути. 1989. № 24–25(1297–1298).
44. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 58. Выписка из приказа № 99 от 30 апреля 1965 г.
45. Там же. Л. 59. Выписка из приказа № 100 от 3 мая 1965 г.
46. Там же. Л. 57. Выписка из приказа № 297 от 12 октября 1965 г.
47. Там же. Л. 61.
48. Там же. Л. 65–66.
49. Меморат Л. С. Солоницыной. Записан В. А. Криушиной 19 марта 2014 г.
50. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 14. Д. 184. Л. 69. Выписка из приказа № 238 от 26 июня 1971 г.
51. Там же. Л. 72. Выписка из приказа № 398 от 31 октября 1972 г.
52. Охотина Г., Лугинина П. Указ. соч.
53. Ода по случаю окончания института // По ленинскому пути. 1973. № 21–22. С. 1.

Notes

1. *Lichnoe delo dotsenta YU. V. Solonitsyna* [Private matter of Associate Professor Solonitsyn Yu.V.] Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 6.
2. *Kogo my dayom strane* [Whom we give to the country] // *Za proletarskie kadry* – For the proletarian cadres, 1935, № 8, p. 1.
3. *Oda po sluchayu okonchaniya instituta* [Ode on the occasion of the graduation] // *Po leninskomu puti* – On the Leninist path, 1973, № 21–22, p. 1.
4. Okhotina G., P. Luginina P. *My blagodarny emu* [We thank him] // *Pedagogicheskie vedomosti* – Pedagogical statements, 1992, № 2, p. 4.
5. *Memorat L. S. Solonitsynoy* [Memorat to L.S. Solonitsyna]. Written by Kriushina V.A. March 19, 2014.
6. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 2.
7. Ibid. Sh. 2–2 turn.
8. *Memorat L. S. Solonitsynoy* [Memorat to L.S. Solonitsyna]. Written by Kriushina V.A. March 19, 2014
9. Okhotina G., P. Luginina Op. cit.
10. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Ibid. P. 4.
11. Ibid. Sh. 1–1 turn.
12. Ibid. Sh. 1.
13. Ibid. Sh. 8. Extract from protocol number 11.
14. Ibid. Sh. 10. "Examination sheet. Indication of passing entrance exams. November 2, 1953 Russian language – excellent. November 10. Fundamentals of Marxism-Leninism – excellent. November 21. Foreign Language (German) – excellent. "

15. Ibid. Sh. 15–16. Literature for studies of dialectical and historical materialism. Resolution of the CC of the CPSU (b) The statement of party propaganda in connection with the release of "History of the CPSU (b)" (14 November 1938), On the shortcomings and mistakes in the interpretation of the history of German philosophy of late eighteenth and early twentieth century (Bolshevik, № 7, 8, 1944), on the magazines "Zvezda" and "Leningrad" (14 August 1946), On the repertoire theaters and measures for its improvement (26 August 1946), The Movie "Big Life" (September 4, 1946), On opera "Great Friendship" V. Muradeli (10 February 1948). A.A. Zhdanov. Speech at the discussion about the book of G.F. Aleksandrov "History of Western philosophy", 1947; speech at a meeting of leaders of the Soviet music and the CPSU (b). 1948 Lysenko. On the situation in biological science (1948) ... (lists are given with abbreviations. – V.K.).

L. 21 turn. Literature disciplines. General Linguistics. F. Engels. Frankish dialect. V. Lenin. The right of nations for self-determination. On the question of dialectics. Critical Remarks on the National Question. I. Stalin. Marxism and the National Question. National Question and Leninism. Marxism and Problems of Linguistics. Historical Grammar of the Russian language. Shakhmatov. Essay on the earliest period of Russian history. Sobolewski. Lectures on the History of the Russian language. Modern Russian language. Lenin. About national pride of velikorossy. On cleaning of the Russian language. Do we need a compulsory official language. Stalin. Anarchism or Socialism? A final word on the report at the Sixteenth Congress of the CPSU (b). Lomonosov. Russian grammar. The benefits of the church books. Buslayev. On teaching the domestic language. Potebnya. From the notes on Russian grammar. Two studies of the sounds of the Russian language. Shakhmatov. Sketch of modern Russian literary language. Syntax Russian language ...

16. Ibid. Sh. 13. Certification of Postgraduate of the first year. From October 1 to June 1, 1954. General Linguistics (examination). 23/11/53. Exc. German (passed). January 1954 History of the Russian language (examination). 3.1.54. Exc. Him. language (examination). 4.7.54. Exc. History and dial. materialism (examination). 05/31/54. Exc.

Sh. 31 (handwritten); Sh. 32-32 turn (typewritten). Certification of the second year post-graduate. Examination in the modern Russian language. September 1954 Excellent. Attendance of 9 hours of workshops of supervisor, 32 hours of practical training in modern Russian language, 207 hours during entrance exams for high school seniors.

Sh. 17, 27. Pedagogical Practice. Visiting of ten lectures on modern Russian (October – May), practical training in modern Russian language at LGE (January), participation in teaching practice at the II course work in the student scientific group of modern Russian language and methods of the Russian language as assistant.

Sh. 17 turn, 27 turn. Preparation on the specialty. General Linguistics. Exam. November 1953 Ex. Historical Grammar of the Russian language. June 1954 Modern Russian language. Exam. October 1954

17. Ibid. Sh. 13 turn.

18. Ibid. Sh. 31 turn.

19. Ibid. Sh. 13 turn.

20. Ibid. Sh. 31 turn.

21. Ibid. Sh. 29 turn.

22. Okhotina G., P. Luginina Op. cit.

23. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 33. Extract from the Order number 11 dated 14 January 1956.

24. Ibid. Sh. 34. Certificate. "On October 1, 1953 to October 1, 1956 was a graduate student ... subjected to candidate tests and received the following ratings: General Linguistics (11/23/53, Associate Professor A.I. Shernin, prof. V.P. Petrus, Assoc. V.I. Troitskiy), historical Russian grammar (03/01/54, I.D. Shtin, prof. V. P. Petrus, Assoc. Troitsky), German (04/07/54), dialectical materialism and historical materialism (5/31/54, prof. Petrus, Assoc. I. D. Smetanin), modern Russian language (06.09.54, Cand. Hist. sci. V.V. Potanin and V.N. Bezdenezhnykh, prof. Petrus V.P.). "

25. Ibid. Sh. 37. Extract from the order number 307 of October 5, 1956.

26. Privacy of student of physical and mathematical faculty KGPI of V.I. Lenin L.S. Beltyukova. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 9. D. 90. Sh. 5.

27. *Memorat L. S. Solonitsynoy* [Memorat to L.S. Solonitsyna]. Written by Kriushinoya V.A. March 19, 2014.

28. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 9. D. 90. Sh. 7.

29. Ibid. Sh. 10-13. Sh. 14-17.

30. *Memorat L. S. Solonitsynoy* [Memorat to L.S. Solonitsyna]. Written by Kriushinoya V.A. March 19, 2014.

31. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 9. D. 90. Sh. 38.

32. Ibid. Sh. 22, 25.

33. Ibid. Sh. 18.

34. Ibid. Sh. 19. Certificate number 460067.

35. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 44. Statement of senior lect. Solonitsyn Yu.V. Sh 45. Extract from the Order number 66 dated 30 March 1964, signed by the Rector A. Sharov: "Based on the decision of the Council of the Institute from March 26 to consider re-election on the following staff positions

teachers in the Department of Russian Language ... V.I. Troitskiy – to the position of chief of department, Solonitsyn Yu.V., Kaluzhskih I.A. – for the post of senior lecturer. ... "

36. Ibid. Sh. 48. Extract from the order number 173 of July 21, 1964: "In connection with the award of the degree of Candidate of Philology, the statement in the PhD degree VAK and issuing diploma IFF number 001505 to set monthly salary of 280 rubles from May 30, 1964 Sh. 46: "Please allow me to participate in the competition for the position of associate professor of Russian language. I enclose a list of scientific papers"

Sh. 47. "List of scientific papers. More to the question of defining the category of case. Russian language in school. 1955, № 6. Genitive of indefinite number of transient verbs. Essays on Russian language. Kirov, 1962. Some lexical and grammatical factors determining the choice of case, by denying the direct object. Ibid. About spelling adverbs formed from nouns with prepositions. Helping the teacher of Russian language. Kirov, 1962. Nouns on-nie and -nye. Ibid. Verb combinations with genitive in the modern Russian literary language. Gorky, 1963 (summary of Candidate dissertation). How to prepare for exams in Russian language and literature. Copied on a rotator in 1961. In collaboration with A.G. Balyberdin and D.N. Shipulina."

37. Ibid. Sh. 63. Certificate of lecturer. MDC number 028 107 from April 16, 1966

38. Ibid. Sh. 49-53.

39. Okhotina G., P. Luginina Op. cit.

40. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 42. Extract from the order number 276 of October 2, 1962.

41. Ibid. Sh. 70. Extract from the order number 371 of December 14, 1967

42. Solonitsyn Yu.V. *Gosehgzameny* [Graduation examinations] / / *Po leninskomu puti* – On to the Leninist path, 1976, № 19 (795).

43. Solonitsyn Yu.V. *Institut* [Institute] / / *Po leninskomu puti* – On to the Leninist path, 1989, № 24-25 (1297-1298).

44. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 58. Extract from the Order number 99 dated 30 April 1965.

45. Ibid. Sh. 59. Extract from the Order № 100 dated May 3, 1965.

46. Ibid. Sh. 57. Extract from the order number 297 of October 12, 1965.

47. Ibid. Sh. 61.

48. Ibid. Sh. 65-66.

49. *Memorat L. S. Solonitsynoy* [Memorat to L.S. Solonitsyna]. Written by Kriushinoya V.A. March 19, 2014.

50. Archive of VyatSHU. F. 1148. Op. 14. D. 184. Sh. 69. Extract from the order number 238 of 26 June 1971.

51. Ibid. Sh. 72. Extract from the order number 398 dated October 31, 1972.

52. Okhotina G., P. Luginina Op. cit.

53. *Oda po sluchayu okonchaniya instituta* [Ode on the occasion of the graduation] / / *Po leninskomu puti* – On to the Leninist path, 1973, № 21-22. P. 1.

УДК 51

Е. М. Вечтомов, В. И. Варанкина

Математика в Вятском государственном гуманитарном университете: история и современность

Рассматривается математическое образование и математическая наука в ВятГГУ. Кратко описывается деятельность математического факультета, математических кафедр и ведущих преподавателей. Излагаются основные вехи и достижения в развитии математики в университете. Анализируется деятельность научной школы по методике математики и научной алгебраической школы.

In the article mathematical education and mathematical science in Vyatka State Humanities University is considered. The activity of the Faculty of Mathematics, Mathematical Departments and leading teachers is briefly described. The milestones and achievements in the development of mathematics at the university are outlined. The activity of the scientific school of methods of teaching mathematics and scientific algebraic school is analyzed.

Ключевые слова: математическое образование, история развития, научная школа.

Keywords: mathematics education, history of development, scientific school.

Введение

Становление математики и обучения математике в стенах вуза тесно связано с историей математического образования в России. В 1701 г. в Москве открывается Школа математических и навигацонных наук, где математику преподавал Л. Ф. Магницкий – автор первого российского учебника по математике «Арифметика, сиречь наука числительная». В 1714 г. издается царский указ об открытии во всех губерниях цифирных школ, чтобы «учить народ цифири и геометрии». В 1725 г. в России создается Академия наук и художеств. По инициативе М. В. Ломоносова в 1755 г. был основан Московский университет, в котором в 1804 г. было организовано физико-математическое отделение.

Специальные учебные заведения для подготовки учителей – учительские семинарии – в России впервые появились в конце XVIII в. В 1872 г. учреждены учительские институты – мужские учебные заведения с трехгодичным сроком обучения, чуть позже были созданы женские училища и институты, выпускающие домашних наставниц. На Вятской земле в 1872 г. образовано вятское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей. И только в 1903 г. в Кукарке открывается первая в губернии учительская семинария.

В 1863 г. в Вятке открылось женское епархиальное училище, дававшее среднее образование и включавшее педагогическую подготовку воспитанниц. Епархиальное училище долгие годы находилось в первом корпусе (ул. Ленина, 111) сегодняшнего Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ).

ВятГГУ (ВПИ, КГПИ, ВГПУ) играл и играет ведущую роль в Вятской губернии и Кировской области в сфере просвещения, а математические кафедры – в развитии математического образования и математической науки [1]. Признание получили наши научные школы: методическая школа, руководимая профессорами Ф. Ф. Нагибиным (1909–1976), Е. С. Каниным (1926–2013) и С. И. Калининым; алгебраическая школа под руководством профессора Е. М. Вечтомова [2].

1 июля 1914 г. в Вятке открылся учительский институт, который 19 ноября 1918 г. становится Вятским педагогическим институтом (ВПИ) – первым высшим учебным заведением в регионе. 14 декабря 1922 г. институту было присвоено имя В. И. Ленина.

Математические дисциплины изучали студенты первых двух курсов (из трех лет обучения) физико-математического цикла, существовавшего в институте с 1918 по 1922 г. Осенью 1919 г. математическое образование получали 23 студента. Им преподавалось «Введение в анализ», «Дополнительные статьи по математике», «Дифференциальное исчисление», «Аналитическая геометрия», «Высшая алгебра».

В 1922 г. физико-математический цикл был преобразован в физико-математическое отделение, которое в 1924 г. было переименовано в физико-техническое. В 1932 г. физико-техническое отделение, содержащее секции математики и физики, было разделено на два самостоятельных – математическое и физическое. Возглавил математическое отделение профессор П. Д. Белоновский (1885–1947). В 1933 г. состоялся первый выпуск «чистых» учителей математики; в числе первых выпускников мы видим будущего профессора-методиста Ф. Ф. Нагибина. Математические, методические и методологические курсы первым дипломированным учителям математики читали известные профессора Н. А. Дернов (1891–1938), И. Я. Демман (1885–1970) и П. Д. Белоновский, выпускники университетов. С 1933 г. начинают преподавать математику и выпускники Вятского пединститута.

С той поры вузом подготовлено более 6000 дипломированных учителей математики. Среди них десятки заслуженных учителей России, известные ученые – методисты и математики, руководители органов образования и предприятий, первоклассные программисты, предприниматели. Назовем только наших выпускников доктора философских наук, заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова В. Я. Перминова – ведущего в мире философа математики, и к. ф.-м. н., профессора Тольяттинского госуниверситета Е. В. Потоскуева – автора серии учебников по геометрии, по которым учатся школьники профильных физико-математических классов по всей России.

1. Структурные подразделения

Математические кафедры. В 1930 г. впервые была организована отдельная кафедра математики, заведующим которой стал П. Д. Белоновский. Он руководил кафедрой до своего отъезда в Ленинград в 1935 г.

В 1934 г. в институте произошли структурные изменения. Были образованы 4 факультета. На основании приказа № 558 от 31 августа 1934 г. отделения математики и физики объединились в единый физико-математический факультет. Первым деканом по праву стал П. Д. Белоновский. Факультет в таком виде существовал до 1968 г., когда он разделился на математический и физический факультеты. У математиков этот период в первую очередь связан с деятельностью Ф. Ф. Нагибина и Н. А. Колмогорова (1897–1965). С 1935 по 1938 г. кафедру математики возглавлял к. ф.-м. н., профессор В. М. Шепелев, специально приглашенный из Москвы.

В 1938 г. произошло разделение кафедры математики. Заведующим кафедрой алгебры и геометрии был назначен Н. А. Колмогоров, кафедру математического анализа возглавил доцент Б. А. Манзон. На математических кафедрах в то время работали 9 преподавателей. В 1939 г. деканом физико-математического факультета стал Ф. Ф. Нагибин. Отметим, что в 1939–1945 гг. в институте работал профессор А. Р. Кулишер, специалист в области элементарной математики, методики преподавания математики (МПП) и геометрии. Известно, что А. Р. Кулишер руководил подготовкой первого в истории вуза аспиранта по МПП В. Ф. Мавлякко.

С началом Великой Отечественной войны кафедра математического анализа и кафедра алгебры и геометрии были объединены в кафедру математики под руководством Н. А. Колмогорова. С декабря 1943 г. по сентябрь 1944 г. Ф. Ф. Нагибин исполнял обязанности директора Кировского пединститута.

В 1947 г. кафедра математики снова делится на две кафедры – кафедру математического анализа и МПП и кафедру алгебры и геометрии, при которых были открыты аспирантуры. Первую кафедру и аспирантуру по МПП возглавил к. п. н., доцент Ф. Ф. Нагибин, а вторую кафедру и аспирантуру по геометрии – к. ф.-м. н., доцент Н. А. Колмогоров.

Дальнейшие организационные изменения произошли в 1953 г., когда кафедра алгебры и геометрии разделилась на кафедру алгебры и кафедру геометрии. Кафедрой геометрии продолжал заведовать Н. А. Колмогоров – вплоть до своей кончины в 1965 г. А кафедру алгебры возглавил к. ф.-м. н., доцент Н. Д. Ермилов, который одновременно был директором Кировского госпединститута в 1952–1957 гг. В эти годы под руководством Н. Д. Ермилова функционировала аспирантура по номографии. См. [3].

Заведующие математическими кафедрами. Кафедрой математического анализа и МПП последовательно возглавляли:

к. п. н., доцент Ф. Ф. Нагибин (1947–1968 гг.), получивший в 1967 г. ученое звание профессора;

к. п. н., доцент Е. С. Канин (1969–1986 гг., с перерывом), удостоенный ученого звания профессора в 1988 г.;

к. ф.-м. н., доцент И. И. Подгорная (1980–1981 гг.);

к. ф.-м. н., доцент С. И. Калинин (1986–2002 гг.);

к. п. н., доцент М. В. Крутихина (2002–2006 гг.).

Кафедрой алгебры заведовали:

к. ф.-м. н., доцент Н. Д. Ермилов (1953–1957 гг.);

к. ф.-м. н., доцент Л. А. Зыкова (1957–1963 гг.);

старший преподаватель П. К. Бельтюков (1963–1974 гг.);

к. ф.-м. н., доцент Г. З. Мошкина (1974–1984 гг.);

к. п. н., доцент А. П. Шихова (1984–1988 гг.);

к. ф.-м. н., доцент Е. М. Вечтомов (1988–1991 гг.);

к. п. н., доцент А. П. Шихова (1991–1994 гг.);

д. ф.-м. н., профессор Е. М. Вечтомов (1994–2002 гг.).

Заведующими кафедрой геометрии были:

к. ф.-м. н., профессор Н. А. Колмогоров (1947–1965 гг.);

к. ф.-м. н., доцент Л. А. Зыкова (1965–1982 гг.);

к. ф.-м. н., старший преподаватель Г. А. Клековкин (1982–1984 гг.);

к. ф.-м. н., доцент И. С. Рубанов (1984–2002 гг.).

В 2002–2006 гг. снова существовала объединенная кафедра алгебры и геометрии, которую возглавлял профессор Е. М. Вечтомов.

Деканы. Назовем всех деканов математического факультета:

старший преподаватель Л. В. Созонова (1968–1971 гг.);

к. ф.-м. н., доцент А. М. Тезин (1971–1972 гг.);

к. п. н., доцент В. С. Семаков (1972–1988 гг.);

к. п. н., доцент А. И. Глушкова (1988–1999 гг.);

к. т. н., доцент С. М. Окулов (июль – сентябрь 1999 г.);

к. ф.-м. н., доцент Е. М. Ковязина (1999–2002 гг.);

к. ф.-м. н., доцент В. И. Варанкина (2002–2006 гг.).

Осенью 1999 г. от математического факультета отпочковался факультет информатики, просуществовавший до февраля 2013 г. Деканом факультета стал С. М. Окулов, защитивший в 2005 г. докторскую диссертацию по методике обучения информатике. В 2000 г. на факультете информатики проведен первый набор студентов на специальность «Прикладная математика и информатика», в связи с чем в 2003 г. была организована кафедра прикладной математики (в дальнейшем – кафедра прикладной математики и информатики), заведующими которой работали: к. ф.-м. н., доцент В. А. Онегов (2003–2008 г.), д. п. н., профессор С. М. Окулов (2008–2010 гг.), к. т. н., доцент Е. В. Котельников (2010–2011 гг.), к. п. н., доцент Е. В. Разова (с 2011 г.).

В 2006 г. произошло воссоединение математического и физического факультетов. Деканом физико-математического факультета была назначена к. ф.-м. н., старший преподаватель Е. В. Кантор. Преподаватели кафедры алгебры и геометрии и математической части кафедры математического анализа и МПМ интегрировались в кафедру высшей математики под руководством Е. М. Вечтомова. А методические части кафедр математического анализа и МПМ и общей физики составили штат кафедры дидактики физики и математики под руководством д. п. н., профессора В. С. Данюшенкова.

С 1 февраля 2011 г. существует новый факультет – факультет информатики, математики и физики. Сначала его возглавлял д. п. н., профессор С. М. Окулов, а с апреля 2013 г. – к. п. н., доцент Н. А. Бушмелева. Кафедра высшей математики получила название кафедры алгебры и дискретной математики (зав. кафедрой – д. ф.-м. н., профессор Е. М. Вечтомов). Снова возникла кафедра математического анализа и МОМ (зав. кафедрой – д. п. н., профессор С. И. Калинин).

2. Организационно-образовательная деятельность

Издания. Остановимся на периодических научно-методических изданиях, выходивших в нашем университете. В декабре 1926 г. вышел в свет первый выпуск периодического вузовского сборника «Труды Вятского Педагогического Института имени В. И. Ленина», который издавался вузом до 1939 г. Всего вышло 16 выпусков «Трудов». С 1939 г. стали печататься «Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина». До начала 70-х гг. XX в. было опубликовано около 50 книг «Записок», которые издавались по факультетам и кафедрам. Работам преподавателей физико-математического факультета целиком посвящены выпуски 5 (1948 г.), 5 (1953 г.), 8 (1954 г., в двух томах), 15 (1958 г.), 23 (1965 г.), а также отдельная книга «Труды физико-математического факультета Кировского педагогического института» (1964 г.). Выпуски 30 (1969 г.) и 39 (1970 г.) «Ученых записок» содержат только работы по математике и методике ее преподавания.

Далее, вплоть до 1996 г., периодических общевузовских изданий не выпускалось. В 1996 г. начал выходить журнал «Вестник Вятского государственного педагогического университета», сначала по отдельным сериям. В 1996 и 1997 гг. вышли два выпуска «Вестника» серии «Математика, информатика, физика» под редакцией Е. М. Вечтомова. С 1999 г. издается общеуниверситетский научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета», в котором печатаются и статьи по методике и методологии математики.

Учебно-методическое объединение. В 1995 г. в стране было образовано 10 региональных УМО по математике. Вятский госпедуниверситет стал головным по математическому образованию в Волго-Вятском регионе, а председателем Совета УМО по математике педвузов Волго-Вятского региона назначен профессор Я. П. Понарин, которого на этом посту в 2000 г. сменил профессор Е. М. Вечтомов. Всего состоялось 18 заседаний Совета УМО. С 1998 г. выходит ежегодный межвузовский сборник научно-методических работ «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона», издано 16 выпусков.

Конференции. В 50–60-е гг. XX в. регулярно проводились научные конференции математиков и математиков-методистов педвузов зоны Урала. Они поочередно проходили в педвузах городов Свердловска, Перми, Челябинска, Оренбурга, Кирова. Позднее к этим городам присоединился Ижевск. В Кирове проходили V, XI, XVI (1958 г.), XXI, XXVI (1968 г.) конференции.

Продолжая заложенные традиции, математики с конца 80-х гг. снова стали организовывать Всероссийские и межвузовские научно-методические конференции. За 25 лет было проведено 9 таких конференций (1989, 1990, 1998, 2001, 2004, 2006, 2009, 2012, 2013 гг.). В сентябре 2014 г. на базе ВятГГУ состоится XXXIII Международный научный семинар преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов «Тенденции и перспективы развития математического образования», посвященный 100-летию юбилею ВятГГУ. Научным руководителем семинара является доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А. Г. Мордкович. Организатором проведения XXXIII семинара выступает кафедра алгебры и дискретной математики ВятГГУ, председатель Оргкомитета семинара – профессор Е. М. Вечтомов.

Направления подготовки студентов. Долгое время вуз готовил только учителей. Педагогическая специальность «Математика» со второй специальностью «Физика» сменилась педагогической специальностью «Математика» с дополнительной специальностью «Информатика». В 2000 г. началась подготовка студентов по не педагогической специальности «Прикладная математика и информатика», а в 2010 г. произведен набор на бакалавриат «Математика. Компьютерные науки». В 2011 г. был осуществлен переход на двухуровневую систему образования, с этого времени ведется обучение бакалавров по педагогическому образованию 050100.62 с двумя профилями «Математика» и «Информатика» по кафедре математического анализа и методики обучения математике (зав. кафедрой – профессор С. И. Калинин), а также направлениям подготовки 010200.62 «Математика и компьютерные науки» по кафедре алгебры и дискретной математики (зав. кафедрой – профессор Е. М. Вечтомов) и 010400.62 «Прикладная математика и информатика» по кафедре прикладной математики и информатики (зав. кафедрой – доцент Е. В. Разова).

Впервые подготовка магистров в Кировской области была начата в 2009 г. на физико-математическом факультете ВятГГУ. На направление подготовки магистрантов «Физико-математическое образование» были приняты 5 человек, трое – на программу «Математическое образование», двое – на программу «Физическое образование». Руководителем магистратуры по математическому образованию стал Е. М. Вечтомов, с 2013 г. – С. И. Калинин. Магистранты-математики первого набора (С. В. Тебенюкова, А. В. Чебаевская, М. О. Рябкова) 6 июля 2011 г. получили дипломы с отличием. В 2011 г. мы также начали вести подготовку магистров направления 010200.68 «Математика и компьютерные науки» с профилем «Алгебра и дискретная математика», руководитель магистратуры – Е. М. Вечтомов. В 2013 г. магистрантами математики стали 7 человек, 5 из них получили диплом с отличием.

На кафедре алгебры и дискретной математики по направлению подготовки «Математика и компьютерные науки» выстроена научно-образовательная вертикаль бакалавриат → магистратура → аспирантура. Обучаются 20 магистрантов и 7 аспирантов. В настоящее время на кафедре 10 преподавателей, в том числе 3 доктора и 6 кандидатов физико-математических наук. Штатным совместителем является заведующий отделом алгебры и топологии УРО РАН (Екатеринбург), член-корреспондент РАН А. А. Махнев.

3. Математическое образование

Методическая школа. Научно-методическая деятельность по математике в Кировском пединституте развернулась в середине XX в. Ее организовал и возглавил кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой математического анализа и МПМ Федор Федорович Нагибин [4], ученик члена-корреспондента АН СССР, академика АПН РСФСР, профессора МГУ А. Я. Хинчина и профессора МГПИ имени В. И. Ленина Е. С. Березанской. Первая его статья опубликована в журнале «Математика в школе» в 1937 г. В том же году Ф. Ф. Нагибин защитил кандидатскую диссертацию по методике изучения функций. Удалось разыскать 84 его прижизненно изданные работы, 10 публикаций осуществлены его учениками в 1977–1988 гг. В числе его работ 29 учебников, учебных пособий, задачников и книг для учителей, 3 книги для учащихся, 34 статьи в центральных периодических изданиях. Имя Ф. Ф. Нагиби-

на было хорошо известно не только в нашей стране, но и далеко за пределами России и бывших республик СССР. Его книги были изданы многомиллионными тиражами и переведены на 8 языков мира.

Кроме своих собственных исследований Ф. Ф. Нагибин руководил аспирантурой, создал научно-методическую школу «Теория и методика обучения решению математических задач». Научная школа оформилась во второй половине 50-х гг., в нее вошли тогдашние аспиранты Ф. Ф. Нагибина Е. С. Канин, Н. Г. Килина и В. С. Семаков, М. А. Вершинина, в дальнейшем – А. П. Шихова, М. Г. Лускина, Г. И. Лобастов, А. Н. Югринова, Л. Г. Ярославцева. В разное время в аспирантуре у Ф. Ф. Нагибина учились 11 человек. Пятеро его учеников защитили кандидатские диссертации по МПМ – это А. И. Жаворонков (1955 г.), Е. С. Канин (1965 г.), Н. Г. Килина (1967 г.), В. С. Семаков (1972 г.) и А. П. Шихова (1979 г.). Первый аспирант Федора Федоровича доцент А. И. Жаворонков был деканом нашего физико-математического факультета, а затем проректором по науке до своей гибели в 1966 г., другой ученик, В. С. Семаков, – деканом математического факультета в 1972–1988 гг., проректором КГПИ по учебной работе в 1988–1999 гг., первым проректором ВятГГУ в 1999–2005 гг. М. Г. Лускина в 1988 г. была утверждена в ученном звании доцента.

С 1976 г. деятельностью методической школы руководил Евгений Степанович Канин [5]. В 1988 г. ВАК СССР присвоила ему ученое звание профессора по кафедре математического анализа и МПМ. Всего Е. С. Канин опубликовал 102 статьи, в том числе 32 статьи в журнале «Математика в школе». Он автор или соавтор 36 книг и брошюр.

Традиции математико-методического направления в XXI в. продолжает профессор С. И. Калинин, заведующий кафедрой математического анализа и методики обучения математике, защитивший в 2010 г. докторскую диссертацию «Обучение студентов математическому анализу в условиях фундаментализации высшего педагогического образования».

Одним из результатов исследований по методике начал математического анализа в средней школе, начатых еще Ф. Ф. Нагибиным в своей кандидатской диссертации и продолжавшихся его учениками многие десятилетия, явилась книга Е. С. Канина «Изучение начал математического анализа в средней школе» (Киров, 2006), в которой, в частности, изложены и вопросы, касающиеся методики задач и упражнений при изучении математического анализа и роли задач в усвоении понятий математического анализа. Продолжением работы в этом направлении является учебное пособие В. И. Варанкиной и Е. С. Канина «Элементарные функции и их графики» (Киров, 2012). По началам математического анализа издан сборник «Задачи и упражнения по началам математического анализа» (Киров, 1997; М.: Московский лицей, 2001 и 2002), ставший итогом работы авторского коллектива кафедры математического анализа и МПМ в составе: С. И. Калинин, Е. С. Канин, Г. М. Маянская, Л. В. Ончукова, И. И. Подгорная, С. А. Фалелеева.

Вузовская методика. Наиболее заметных результатов в вузовской методике обучения математике, в частности в изложении и преподнесении научных знаний, достигли профессора Е. М. Вечтомов, Я. П. Понарин, С. И. Калинин, доценты И. И. Подгорная и И. С. Рубанов.

Е. М. Вечтомов выпустил монографии «Метафизика математики» (Киров: ВятГГУ, 2006) и «Философия математики» (Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013), которые широко используются студентами при изучении истории и методологии математики, а его учебное пособие «Основные математические структуры» (Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013) знакомит читателей с важными разделами современной математики.

Профессор Яков Петрович Понарин (1934–2008) [6] опубликовал около 70 учебных книг и статей по высшей и элементарной геометрии для студентов и старшеклассников. Его трехтомник «Элементарная геометрия» издан Московским центром непрерывного математического образования, по нему занимаются ученики профильных математических классов многих школ и лицеев России.

Профессор Сергей Иванович Калинин [7] занимается математико-методическими задачами, связанными с неравенствами и теорией средних величин, по которой издал учебное пособие для спецкурса «Средние величины степенного типа. Неравенства Коши и Ки Фана». По этой тематике он с 1994 г. ведет исследовательский кружок со студентами математического факультета. В целом имеет около 100 печатных научных и методических работ. Под редакцией С. И. Калинина выпущены два сборника научных студенческих статей по теории средних (1999 и 2001 гг.)

Доцент И. И. Подгорная разработала серии интересных задач и тестовых заданий по математическому анализу для студентов-математиков. Отметим книгу И. И. Подгорной «Уроки математики для поступающих в вузы» (М.: Московский лицей, 2006, 690 с.). Кроме того, И. И. Подгорная написала для студентов физико-математических факультетов книгу «Задачи с параметрами» (Киров: ВГГУ, 2006. 117 с.). В 90-е гг. она вела студенческий кружок по нестандартному анализу. В 1977–1981 гг. под руководством И. И. Подгорной активно работал преподавательский семинар по функциональному анализу, на котором выступали с отдельными докладами и с циклами докладов Е. М. Вечтомов, И. И. Подгорная, Ш. К. Касимов, Г. М. Маянская, В. И. Решетова.

Специалист по методике обучения информатике профессор С. М. Окулов издал в Москве учебное пособие для высшей школы «Дискретная математика». Авторами учебных пособий для студентов являются также М. В. Крутихина, Е. Н. Лубягина, В. В. Сидоров, А. Н. Соколова, Д. В. Чупраков, З. В. Шилова, Д. В. Широков.

Работа со школьниками. Преподаватели математики нашего вуза всегда большое внимание уделяли этой работе. Развитию математического образования в г. Кирове и области во многом способствует налаженная система работы со школьниками, склонными к изучению точных наук. В 50–70-е гг. XX в. организаторами школьных математических олимпиад были Н. А. Колмогоров, Ф. Ф. Нагибин, В. В. Чудиновских, П. К. Бельтюков, Ш. К. Касимов. В начале 60-х гг. организована юношеская математическая школа, которой последовательно руководили геометры: доценты Л. А. Зыкова, Н. М. Федорова и старший преподаватель Л. М. Зеленина. В 1966 г. она преобразуется в филиал Всесоюзной заочной математической школы при МГУ, которым стал руководить к. п. н. П. А. Крупин, а затем старший преподаватель Ш. К. Касимов.

С 1982 г. математическое олимпиадное движение в области возглавил к. ф.-м. н., доцент И. С. Рубанов, получивший в 2003 г. за работу с одаренными школьниками звание заслуженного учителя РФ. С 1985 г. регулярно проводятся летние математические школы, различные математические соревнования и турниры всероссийского масштаба. В 1991 г. И. С. Рубанов создал в Кирове Центр дополнительного образования одаренных школьников (ЦДООШ), известный в стране и за рубежом благодаря победам его питомцев на математических олимпиадах самого высокого уровня. Можно сказать, что под руководством И. С. Рубанова создана методическая система работы по математике со способными школьниками, включающая в себя разработку и классификацию олимпиадных и нестандартных задач по темам и методам решения. Отметим, что большинство кандидатов физико-математических наук, окончивших аспирантуру ВятГГУ по алгебре, работает (или сотрудничает) в ЦДООШ.

В первой половине 90-х гг. XX в. Е. М. Вечтомов вел кружок по современной алгебре для старшеклассников физико-математического лицея № 35 г. Кирова. В 1996–2004 гг. Е. М. Вечтомов и В. В. Чермных работали педагогами в Кировском центре детского и юношеского творчества (ЦДЮТ), прививая школьникам исследовательские навыки в области математики. Кроме того, в 1995–1997 гг. Вечтомов вел в газете «Вятский край» рубрики – сначала «Логический сундучок», затем «Размышляйка» – по занимательной математике.

По инициативе В. И. Варанкиной в 2012 и 2014 гг. на факультете информатики, математики и физики проводилась областная олимпиада для старшеклассников «Реальность. Задача. Алгоритм», в которой принимали участие в общей сложности более 150 учеников 10–11-х классов школ, лицеев и гимназий г. Кирова и Кировской области.

Доцент кафедры математического анализа и методики обучения математике П. М. Горев стал одним из разработчиков и организаторов эвристической олимпиады «Совенок» для младших школьников и конкурса научного творчества «Прорыв» для учащихся 7–11-х классов образовательных учреждений России и стран СНГ. В этих состязаниях участвуют тысячи школьников. Также П. М. Горев является главным редактором периодического научно-методического электронного журнала «Концепт», основанного в 2011 г.

Для студентов факультета неделю математики, студенческие олимпиады, математические бои и другие математические конкурсы ежегодно организуют и проводят молодые доценты кафедры алгебры и дискретной математики: В. В. Сидоров, Д. В. Чупраков, Д. В. Широков.

Аспирантура по методике математики. В 90-х гг. XX в. с кафедрой математического анализа и МПМ начал сотрудничать член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор Г. И. Саранцев, заведующий кафедрой методики математики Мордовского гос-

пединститута. Под его руководством в нашем университете в 1996 г. снова была открыта аспирантура по МПМ.

Под руководством Г. И. Саранцева написали и защитили кандидатские диссертации: И. В. Ситникова (2000 г.), Л. А. Страбыкина (2003 г.), З. В. Шилова (2003 г., соруководитель – С. И. Калинин), Н. А. Зеленина (2004 г.), О. В. Мишенина (2004 г.), М. В. Хохлова (2004 г.), О. В. Черник (2004 г.), О. М. Шеренцова (2005 г.), Л. Н. Чиркова (2009 г.).

Работой аспирантов руководил также профессор Е. С. Канин. Кандидатские диссертации защитили его ученицы Л. В. Караулова (2004 г.) и Е. В. Малых (2005 г.). Сейчас аспирантурой руководят доктора педагогических наук, профессора В. А. Тестов (Вологодский госпедуниверситет), Т. А. Иванова (Нижегородский госпедуниверситет) и С. И. Калинин (ВятГГУ). В 2006 г. защитил диссертацию П. М. Горев, ученик В. А. Тестова, в 2012 г. – А. Н. Соколова, выполнившая диссертационное исследование под руководством С. И. Калинина. Всего в рамках аспирантуры защищены 13 кандидатских диссертаций по школьной и вузовской методике обучения математике. В 2006 г. под руководством профессора Е. М. Вечтомова защитила кандидатскую диссертацию по вузовской методике математики Н. Н. Бабилова, старший преподаватель Воркутинского филиала Сыктывкарского госуниверситета. Отметим, что в университете с 2000 по 2007 г. работал кандидатский диссертационный совет по методике обучения и воспитания математике.

4. Математические исследования

Начало. До 1939 г. систематических научных исследований по математике в КГПИ не проводилось. Выполнялись отдельные математические работы, носящие учебно-методический или прикладной характер.

С 1917 г. по 1927 г. математические дисциплины преподавал Николай Андреевич Дернов, окончивший Петербургский университет. В 1921–1927 гг. Дернов был ректором Вятского пединститута, в 1922 г. ему присвоено ученое звание профессора. Н. А. Дернов – автор более 80 методико-математических и педагогических публикаций, в том числе книги «Игра цифр», вышедшей в 1933 г. в Воронеже.

С 1919 г. до 1925 г. в Вятском пединституте работал известный специалист по истории и методике математики Иван Яковлевич Демман, ставший профессором в 1922 г. В эти годы вышли его статистические работы о движении цен в г. Вятке и статья о достижениях российской математической науки. И. Я. Демман написал более 120 работ, в числе которых книги «История арифметики» и «Рассказы о решении задач».

В 1926–1935 гг. в вузе работал выпускник Киевского университета, математик Петр Дмитриевич Белоновский, получивший ученое звание профессора в 1928 г. Он читал курсы алгебры, теории чисел, математического анализа. В «Трудах Вятского Педагогического Института имени В. И. Ленина» им были опубликованы статья «О некоторых геометрических приложениях теории целых комплексных чисел» (1927. Т. II. Вып. II) и книга «Интегральные уравнения и их роль в математической физике» (1928. Т. III. Вып. V).

Научные исследования по математике в нашем вузе велись и/или ведутся по следующим направлениям: геометрия тетраэдра; номография; функциональная алгебра и теория полуколец; другие темы.

Геометрия тетраэдра. В 1938 г. на кафедру математики был принят Николай Андреевич Колмогоров, учившийся одно время в Томском университете и получивший диплом в Казахском пединституте в 1932 г. С его приездом в Кировском госпединституте развернулись геометрические исследования. В июне 1939 г. Н. А. Колмогоров защитил в Ростовском госуниверситете кандидатскую диссертацию по геометрии тетраэдра. Под его руководством в КГПИ в 1947–1965 гг. действовала аспирантура по тетраэдрометрии. Он автор более 40 статей по алгебре, теории чисел, тригонометрии, геометрии тетраэдра.

В разные годы в аспирантуре у Н. А. Колмогорова обучались будущие преподаватели математических кафедр Кировского пединститута Н. М. Федорова, Р. П. Смирнова, П. К. Бельтюков, Н. А. Лаптева, Л. М. Зеленина, Я. П. Понарин, Е. М. Канина, Л. А. Халевина, Ю. П. Братухина (всего 18 аспирантов). Кандидатскую диссертацию по геометрии тетраэдра защитила лишь Н. М. Федорова. Я. П. Понарин после кончины своего руководителя несколько отошел от тетраэдрометрии, сотрудничал с профессором З. А. Скопцом и выполнил кандидатскую диссертацию на тему «Геометрия симплекса в некоторых пространствах Клейна», защищен-

ную им в 1968 г. в Ярославском госпединституте. В 1991 г. Я. П. Понарин получил ученое звание профессора по кафедре геометрии.

Номография. Исследования по номографии велись под руководством к. ф.-м. н., доцента Николая Дмитриевича Ермилова (1910–1970) в 50-е гг. XX в., аспирантами которого были выпускники Кировского пединститута Г. З. Мошкина, К. С. Краснова, З. М. Серикова, А. Я. Ердякова, Л. В. Созонова. В 1967 г. Г. З. Мошкина защитила кандидатскую диссертацию на тему номографических построений в математической статистике с использованием метода наименьших квадратов.

Функциональная алгебра и теория полуколец. Последние 20 лет ведутся систематические исследования по функциональной алгебре и теории полуколец под руководством доктора физико-математических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Евгения Михайловича Вечтомова [8].

С 1994 г. действуют аспирантура по алгебре и научный алгебраический семинар. По данному научному направлению кандидатские диссертации защитили В. В. Чермных (1994 г., МПГУ), В. И. Варанкина (1996 г., МПГУ), И. А. Семенова (1999 г., МПГУ), М. Н. Подлевских (1999 г., МПГУ), А. В. Ряттель (2003 г., МПГУ), Д. В. Широков (2005 г., МПГУ), О. В. Старостина (2007 г., МПГУ), А. В. Черанева (2008 г., КГУ), М. А. Лукин (2009 г., КГУ), Д. В. Чупраков (2010 г., КГУ), В. В. Сидоров (2011 г., КФУ), Е. Н. Лубягина (2012 г., ИММ УрО РАН). В 2007 г. Василий Владимирович Чермных [9] защитил докторскую диссертацию «Функциональные представления полуколец и полумодулей» в ИММ УрО РАН. Новые результаты по кольцам и полукольцам непрерывных функций и по абстрактным полукольцам получили и другие ученики Вечтомова: И. Ф. Богдалов, А. В. Варанкин, Т. Н. Перевощикова, А. Г. Повышев (1967–1994), Е. Г. Пушкарева, А. Н. Семенов. В рамках научной школы опубликованы более 100 статей в престижных математических журналах, 5 монографий, 10 научных обзоров.

Исследования коллектива алгебраической школы были поддержаны грантами ведущей научной школы ВятГГУ (2008, 2013, 2014 гг.) и тематическим планом ВятГГУ, № 1.1.5 (2009–2012 гг.). Изданы три монографии: Чермных В. В. «Функциональные представления полуколец» (2010 г., 224 с.); Вечтомов Е. М., Сидоров В. В., Чупраков Д. В. «Полукольца непрерывных функций» (2011 г., 312 с.); Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Чермных В. В. «Элементы теории полуколец» (2012 г., 228 с.). Только за последние 5 лет членами коллектива опубликовано 20 статей в ведущих математических журналах, входящих в международные базы цитирования, сделаны десятки докладов на Международных математических конференциях.

Основатель научной алгебраической школы Е. М. Вечтомов начал заниматься теорией колец непрерывных функций в 1975 г. в аспирантуре под руководством выдающегося российского алгебраиста, профессора МГУ Л. А. Скорнякова. В теории колец непрерывных функций Е. М. Вечтомов решил известные проблемы М. А. Наймарка, Л. А. Скорнякова, И. Капланского, М. Хенриксена, А. А. Туганбаева, проблему структурного изоморфизма, развил теорию делимости, создал общую теорию колец непрерывных функций, связанную с их максимальным спектром. Результаты исследований по теории колец непрерывных функций подытожены в работе: Vechtomov E.M. Rings of continuous functions with values in topological division ring (J. Math. Sciences (USA). 1996. V. 78. № 6. P. 702–753), являющейся сжатым изложением докторской диссертации. Ему и его ученикам принадлежат основополагающие результаты по теории полуколец непрерывных функций, а также важные результаты по теории колец, по дистрибутивным решеткам, по структурной теории полуколец. В частности, совместно с профессором МГУ А. В. Михалевым, В. В. Чермных и О. В. Старостиной построена теория абелево-регулярных положительных полуколец, в соавторстве с А. В. Чераневой положено начало изучению функциональных представлений полутел. См. [10].

Другие темы. В разные годы отдельные исследования были посвящены: геометрии (к. ф.-м. н., доценты Л. А. Зыкова и Г. А. Клековкин, старший преподаватель Ю. Б. Симонов), функциональному анализу (к. ф.-м. н., доцент И. И. Подгорная, старший преподаватель А. К. Гукасов), общей топологии (к. ф.-м. н., доценты И. С. Рубанов и В. М. Караулов), теории абелевых групп (к. ф.-м. н., доцент Е. М. Ковязина), нестандартному анализу (И. И. Подгорная, к. ф.-м. н., доцент М. Ю. Здоровенко), теории средних (к. ф.-м. н., д. п. н., профессор С. И. Калинин, к. п. н., доценты З. В. Шилова и А. Н. Соколова, старший преподаватель Л. В. Панкратова).

Историко-математическая деятельность. В последнее десятилетие стали набирать силу исследования, проводимые преподавателями факультета по истории математиче-

ского образования. Серия статей, посвященных персоналиям, истории развития математического образования на Вятке и в ВятГГУ, написана В. И. Варанкиной, Е. М. Вечтомовым, Е. С. Каниным [11].

В преддверии 100-летнего юбилея со дня рождения Ф. Ф. Нагибина на кафедре высшей математики в 2008 г. была начата работа по систематизации и изучению его научно-методического наследия, в том числе расшифровка сохранившихся рукописей. Под руководством доцента В. И. Варанкиной студентами, будущими учителями математики, выполнены 9 дипломных работ, защищена магистерская диссертация (С. В. Тебенькова, 2011 г.), написаны статьи, сделаны доклады на научно-методических конференциях. В 2009 г. в ВятГГУ кафедрой высшей математики была организована конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Ф. Ф. Нагибина. С докладами выступили не только преподаватели, но и студенты, проводившие исследование архива и рукописных материалов профессора. Е. С. Канин выпустил брошюру «Профессор Федор Федорович Нагибин: к 100-летию со дня рождения».

К 100-летию юбилею ВятГГУ выходит книга В. И. Варанкиной, Е. М. Вечтомова, Е. С. Канина «Профессор Федор Нагибин: сквозь призму времени» [12].

Примечания

1. Вечтомов Е. М., Канин Е. С. Математика в Вятском государственном гуманитарном университете // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2004. Вып. 6. С. 3–20; Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 304 с.; Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 208 с.; Ректоры ВятГГУ. 1914–2004. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 192 с.

2. Варанкина В. И., Тебенькова С. В. Профессор Ф. Ф. Нагибин. Страницы истории советского математического образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2(3). С. 88–95; Канин Е. С. Профессор Федор Федорович Нагибин: к 100-летию со дня рождения. Киров: ВятГГУ, 2009. 72 с.; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Евгений Степанович Канин (1926–2013) // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2014. Вып. 16. С. 7–23; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Научная алгебраическая школа // Герценка: Вятские записки. 2009. Вып. 15. С. 199–207.

3. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Профессора-математики в истории математического образования Вятского края // Педагогические технологии математического творчества: сб. статей участников междунар. науч.-практ. конф. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 51–57; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Преподаватели математики Вятского педагогического института в 20–30-е годы XX века // Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 260–266.

4. Канин Е. С. Профессор Федор Федорович Нагибин: к 100-летию со дня рождения. Киров: ВятГГУ, 2009, 72 с.; Варанкина В. И., Тебенькова С. В. Профессор Ф. Ф. Нагибин. Страницы истории советского математического образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2(3). С. 88–95.

5. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. К 80-летию профессора Е. С. Канина // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2006. Вып. 8. С. 6–12; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Евгений Степанович Канин (1926–2013) // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2014. Вып. 16. С. 7–23.

6. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М., Рубанов И. С., Чермных В. В. Геометр Яков Петрович Понарин (1934–2008) // Полюном (электронный журнал). 2009. № 4. С. 116–125.

7. Математике надо служить (Сергею Ивановичу Калинину – 60 лет) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1(1). С. 184.

8. Евгению Михайловичу Вечтомову – 60 лет // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1(1). С. 181–183; Евгению Михайловичу Вечтомову – 60 // Математика в школе. 2013. № 6. С. 79.

9. Василию Владимировичу Чермных – 50 лет // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 166–167.

10. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Научная алгебраическая школа // Герценка: Вятские записки. 2009. Вып. 15. С. 199–207; Вечтомов Е. М. Полукольца и пучки. Обзор результатов исследований за 2008–2012 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1(1). С. 185–193.

11. Вечтомов Е. М., Канин Е. С. Математика в Вятском государственном гуманитарном университете // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2004. Вып. 6. С. 3–20; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. К 80-летию профессора Е. С. Канина // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2006. Вып. 8. С. 6–12; Варанкина В. И., Вечто-

мов Е. М., Рубанов И. С., Чермных В. В. Геометр Яков Петрович Понарин (1934–2008) // Полином (электронный журнал). 2009. № 4. С. 116–125; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Евгений Степанович Канин (1926–2013) // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2014. Вып. 16. С. 7–23; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Профессора-математики в истории математического образования Вятского края // Педагогические технологии математического творчества: сб. статей участников междунар. науч.-практ. конф. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 51–57; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Преподаватели математики Вятского педагогического института в 20–30-е годы XX века // Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 260–266.

12. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М., Канин Е. С. Профессор Федор Нагибин: сквозь призму времени. Т. 1. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. 316 с. (Сер. «Научно-педагогическое наследие ВятГГУ»).

Notes

1. Vechtomov E. M., Kanin E. S. Matematika v Vyatskom gosudarstvennom gumanitarnom universitete [Mathematics in Vyatka State University of Humanities] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region. 2004, Is. 6, pp. 3-20; Vyatskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 1914–2004 [Vyatka State University of Humanities, 1914-2004], Kirov, VyatSHU Publ., 2004, 304 p.; Prepodavateli VyatGGU. 1914–200 [Teachers of VyatSHU. 1914-2004]. Kirov, VyatSHU Publ., 2004, 208 p.; Rektory VyatGGU. 1914–2004 [Rectors of VyatSHU. 1914-2004]. Kirov, VyatSHU Publ., 2004, 192 p.

2. Varankina V. I., Tebenkova S. V. Professor F. F. Nagibin. Stranitsy istorii sovetskogo matematicheskogo obrazovaniya [Professor F. F. Nagibin. Page history of Soviet mathematics education] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State University of Humanities, 2011, № 2 (3), pp. 88-95; Kanin E. S. Professor Fedor Fedorovich Nagibin: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Professor Fyodor Fyodorovich Nagibin: the 100th anniversary of his birth]. Kirov: VyatSHU, 2009, 72 p.; Varankina V. I., Vechtomov E. M. Evgeniy Stepanovich Kanin (1926–2013) [Eugeniy Stepanovich Kanin (1926–2013)] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2014, iss. 16, pp. 7-23; Varankina V. I., Vechtomov E. M. Nauchnaya algebraicheskaya shkola [Science algebraic school] // Gertsenka: Vyatskie zapiski – Gertsenka: Vyatka notes, 2009, iss. 15, pp. 199-207.

3. Varankina V. I., Vechtomov E. M. Professora-matematiki v istorii matematicheskogo obrazovaniya Vyatskogo kraja [Professors of mathematics in the history of mathematics education of Vyatka region] // Pedagogicheskie tekhnologii matematicheskogo tvorchestva – Pedagogical technologies of mathematical creativity: col. articles of participants of Intern. scientific-practical. conf. Arзамас: ACRI, 2011, pp. 51-57; Varankina V. I., Vechtomov E. M. Prepodavateli matematiki Vyatskogo pedagogicheskogo instituta v 20–30-e gody XX veka [Teachers of Mathematics of Vyatka Pedagogical Institute in the 20-30-ies of XX century] // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem – Vyatka land in the past and present: col. material of region. scientific-practical. conf. Kirov, VyatSHU Publ., 2012, pp. 260-266.

4. Kanin E. S. Fedor Fedorovich Nagibin: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Professor Fyodor Fyodorovich Nagibin: the 100th anniversary of his birth]. Kirov: VyatSHU, 2009, 72 p.; Varankina V. I., Tebenkova S. V. Professor F. F. Nagibin. Stranitsy istorii sovetskogo matematicheskogo obrazovaniya [Professor F. F. Nagibin. Pages of history of Soviet mathematics education] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2011, № 2 (3), pp. 88-95.

5. Varankina V. I., Vechtomov E. M. K 80-letiyu professora E. S. Kanina [On the 80th anniversary of Professor E. S. Kanin] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2006, iss. 8, pp. 6-12; Varankina V. I., Vechtomov E. M. Evgeniy Stepanovich Kanin (1926–2013) [Eugeniy Stepanovich Kanin (1926–2013)] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2014, iss. 16, pp. 7-23.

6. Varankina V. I., Vechtomov E. M., Rubanov I. S., Chermnykh V. V. Geometr YАkov Petrovich Ponarин (1934–2008 [Geometer Ponarин Yakov Petrovich (1934-2008)] // Polinom – Polynom (e-magazine), 2009, № 4, pp. 116-125.

7. Matematike nado sluzhit' (Sergeyu Ivanovichu Kalininu – 60 let) [Should serve Mathematics (Sergei Ivanovich Kalinin – 60 years)] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2013, № 1 (1), p. 184.

8. Evgeniyu Mihaylovichu Vechtomovu – 60 let [Vechtomov Eugeniy Mikhailovich is 60 years] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2013, № 1 (1), pp. 181-183; Evgeniyu Mihaylovichu Vechtomovu – 60 let [Vechtomov Eugeniy Mikhailovich is 60 years] // Matematika v shkole – Mathematics in school, 2013, № 6, p. 79.

9. Vasiliyu Vladimirovichu Chermnykh – 50 let [Vasiliu Vladimirovichu Chermnykh – 50 years] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2013, № 2 (1), pp. 166-167.

10. *Varankina V. I., Vechtomov E. M.* Nauchnaya algebraicheskaya shkola [Science algebraic school] // Gertsenka: Vyatskie zapiski – Gertsenka: Vyatka notes, 2009, iss. 15, pp. 199-207; *Vechtomov E. M.* Polukol'tsa i puchki. Obzor rezul'tatov issledovaniy za 2008–2012 gg [Semirings and beams. A review of studies in 2008-2012.] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2013, № 1 (1), pp. 185-193.

11. *Vechtomov E. M., Kanin E. S.* Matematika v Vyatskom gosudarstvennom gumanitarnom universitete [Mathematics in Vyatka State University of Humanities] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2004, iss. 6, pp. 3-20; *Varankina V. I., Vechtomov E. M.* K 80-letiyu professora E. S. Kanina [On the 80th anniversary of Professor E. S. Kanin] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2006, iss. 8, pp. 6-12; *Varankina V. I., Vechtomov E. M., Rubanov I. S. Chermnykh V. V.* Geometr YAkov Petrovich Ponarin (1934–2008) [Geometer Ponarin Yakov Petrovich (1934-2008)] // Polinom -Polynom (e-magazine), 2009, № 4, pp. 116-125; *Varankina V. I., Vechtomov E. M.* Evgeniy Stepanovich Kanin (1926–2013) [Eugeniy Stepanovich Kanin (1926-2013)] // Matematicheskiy vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region, 2014, iss. 16, pp. 7-23; *Varankina V. I., Vechtomov E. M.* Professora-matematiki v istorii matematicheskogo obrazovaniya Vyatskogo kraja [Professors of mathematics in the history of mathematical education in Vyatka region] // Pedagogicheskie tekhnologii matematicheskogo tvorchestva – Pedagogical technologies in mathematical creativity: col. articles of participants of Intern. scientific-practical. conf. Arzamas: ACRI 2011, pp. 51-57; *Varankina V. I., Vechtomov E. M.* Prepodavateli matematiki Vyatskogo pedagogicheskogo instituta v 20–30-e gody XX veka [Teachers of Mathematics of Vyatka Pedagogical Institute in the 20-30-ies of XX century] // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem – Vyatka land in the past and present: col. materials of region. scientific-practical. conf. Kirov: VyatSHU Publ., 2012, p. 260-266.

12. *Varankina V. I., Vechtomov E. M., Kanin E. S.* Professor Fedor Nagibin: skvoz' prizmu vremeni [Professor Fyodor Fyodorovich Nagibin: through the prism of time]. Vol. 1. Kirov: VyatSHGU Publ., 2014, 316 p. (Series «Nauchno-pedagogicheskoe nasledie VyatGGU» ["Scientific and pedagogical heritage of VyatSHU"]).

ПЕРСОНАЛИИ

Е. М. Вечтомов, В. И. Варанкина

Профессор Федор Федорович Нагибин

Описываются судьба и творчество профессора Ф. Ф. Нагибина (1909–1976) – видного педагога, ученого, руководителя, всю свою сознательную жизнь посвятившего Кировскому государственному педагогическому институту. Рассматриваются основные направления его многогранной деятельности на поприще математического образования, в частности развитие созданной им научно-методической школы.

The fate and creativity of Professor F. Nagibin (1909–1976) is described in the article. He was prominent educator, scientist, and leader who devoted his entire adult life to Kirov State Pedagogical Institute. The basic directions of his multifaceted activities in the field of mathematical education in particular the development of his scientific-methodical school are considered.

Ключевые слова: Нагибин, деятельность, математическое образование, научно-методическая школа.

Keywords: Nagibin, activity, mathematical education, scientific-methodical school.

Федор Федорович Нагибин – математик-методист, профессор, чье имя было хорошо известно не только в СССР, но и за его пределами. Работы Нагибина были переведены на 9 языков мира. Трудно переоценить тот вклад, который внес Федор Федорович в становление и развитие высшего математического образования в Кировском педагогическом институте им. В. И. Ленина, где проработал 43 года, пройдя путь от выпускника математического отделения Вятского пединститута до профессора, заслуги которого были признаны всем научным методико-математическим сообществом Советского Союза.

Становление. Федор Федорович Нагибин родился¹² 5 (18) февраля 1909 г. в селе Карпухино Великоустюгского района Вологодской губернии. Детство его было трудным, голодным. В автобиографии он писал: «Мать моя батрачка, нищая, умерла в 1924 году. Отца не знаю... В детстве мне приходилось нищенствовать и ходить нянькой. Это продолжалось до моей учебы в городе Устюге, до 1922 года». В 1924 г. Федор поступил в Великоустюгский педагогический техникум, а в 1927 г., после защиты квалификационной работы «Проект правильной постановки природоведения в деревенской школе первой ступени», получил квалификацию учителя советской школы I ступени. В течение трех лет Нагибин работал сначала в начальной школе, затем преподавателем математики и заведующим в Лальской фабрично-заводской семилетке.

В 1930 г. Ф. Ф. Нагибин поступил на только что открывшееся математическое отделение Вятского педагогического института². Студентов-математиков учили высококвалифицированные специалисты, получившие образование в классических университетах, и направленные на работу в Вятский пединститут. Среди них: выпускник Киевского университе-

© Е. М. Вечтомов, В. И. Варанкина, 2014

¹Дата рождения уточнена в [1].

²Информацию об истории вуза и его преподавателях математики можно найти в [2].

та, профессор Петр Дмитриевич Белоновский (1885–1947), выпускник Санкт-Петербургского университета Вячеслав Осиевич Окулов (1885–?) и выпускник Казанского университета доцент Владимир Николаевич Русанов¹ (1885–?). Эрудированный математик, хорошо знавший среднюю школу, разносторонне образованный человек, В. Н. Русанов во многом способствовал воспитанию у студентов любви к науке и увлеченности учительским трудом. На кафедре также работали выпускник Иркутского университета Лев Евсеевич Тильман (1908–?), который вел курс методики преподавания математики и руководил педагогической практикой студентов, и выпускник Казанского университета Сергей Михайлович Лобастов (1894–?). В учебной карточке Ф. Ф. Нагибина написано: «Квалификационная работа “Графики и их место в преподавании математики в техникуме” защищена “очень хорошо” 26 июня 1933 г». 5 июля 1933 г. Федор Федорович Нагибин в числе 17 первых выпускников математического отделения получил аттестат об окончании Вятского педагогического института. В аттестате говорится, что Ф. Ф. Нагибину присвоено «звание ПЕДАГОГА и ПРАВО преподавать математику во всех средних учебных заведениях: техникумах, рабфаках, школе 10-летке и школе ФЗУ».

О дальнейшем читаем в автобиографии Нагибина 1934 г.: «Кафедрой математики было вынесено решение об оставлении меня при институте, но Крайоно не дало на него своего согласия, поэтому я был назначен преподавателем математики и методики математики в Санчурский Педтехникум». В конце августа 1934 г. Ф. Ф. Нагибин был принят ассистентом на кафедру математики Вятского пединститута. Самостоятельно вел следующие курсы: методику математики, аналитическую геометрию, анализ и упражнения по анализу. В 1936 г. Федор Федорович поступил сразу на II курс аспирантуры по методике математики и математическому анализу при научно-исследовательском институте школ Наркомпроса, где учился до 1938 г. В становлении его как ученого и преподавателя огромную роль сыграли его научные руководители: по математике – известный в мире математик, профессор МГУ, член-корреспондент АН СССР Александр Яковлевич Хинчин (1858–1941), по методике преподавания математики – известный математик-методист Елизавета Савельевна Березанская (1890–1969).

Работа в вузе. После окончания аспирантуры Ф. Ф. Нагибин получил направление в КГПИ им. В. И. Ленина, и с 1938 г. вся его дальнейшая трудовая биография, становление и расцвет педагогического таланта связаны с Кировским пединститутом. 16 сентября 1939 г. Федор Федорович в МГПИ успешно защитил диссертацию на степень кандидата педагогических наук по теме «Вопросы изучения функций в курсе математики средней школы», а в 1941 г. ВАК утвердила его в звании доцента.

Сразу после защиты кандидатской диссертации в 1939 г. Ф. Ф. Нагибин был назначен деканом физико-математического факультета и работал в этом качестве по ноябрь 1943 г.

Великая Отечественная война изменила все планы. В октябре 1941 г. институт был эвакуирован в г. Яранск. Приказом № 321 по Кировскому государственному педагогическому и учительскому институту имени В. И. Ленина от 18 октября 1941 г. работникам института необходимо было срочно подготовиться к переезду на место новой работы в г. Яранск Кировской области 20 октября.

Многие студенты и преподаватели ушли на фронт. Кабинеты математики и методики математики были объединены. Согласно приказу от 11 октября 1941 г. кафедра математического анализа и кафедра алгебры и геометрии были объединены в единую кафедру, которой руководил Николай Андреевич Колмогоров.

3 декабря 1943 г. доцент Ф. Ф. Нагибин был назначен директором Кировского пединститута [3]. Время было тяжелое. В Яранск удалось перевезти лишь 15–20% имущества, остальное было в Кирове. Число студентов и преподавателей сократилось. Тем не менее в 1942–1943 гг. институт собрал 111000 руб. на постройку самолета «Кировский пединститут». В 1963 г. в № 38 многотиражки Ф. Ф. Нагибин писал: «Те годы были очень тяжелы в материальном отношении, и много сил уходило у нас на ведение хозяйственных дел. Мы должны были сами ремонтировать свои кабинеты и общежития, заготавливать дрова, работать в подсобном хозяйстве. Нам приходилось делать все. Мы рубили и возили на санках за 5 км

¹ Сын В. Н. Русанова, Русанов Виктор Владимирович (1919, Киров – 2011, Москва), известный советский математик, член-корреспондент АН СССР (1976). Работал в области вычислительной и прикладной математики, математической физики. Награжден орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета», лауреат Государственной премии СССР (1967).

дрова, лопатами выравняли землю для посевов, впрягались в бороны, сеялки и телеги, косили траву, метали сено в стога, жали, молотили, переносили в рюкзаках картофель, заготавливали торф для заводов. Благодаря самоотверженной работе наших научных работников А. И. Шернина, И. И. Бессонова, И. П. Колчанова, А. В. Эммаусского, К. В. Дрягина, В. С. Крекнина, П. В. Плесского, Н. А. Колмогорова и др. мы сохранили наши кадры и сделали возможным расцвет института в послевоенные годы».

Профессора и преподаватели института продолжали научную работу во время войны, хотя условий для ее осуществления практически не было. Ф. Ф. Нагибин написал работу о жизни и творчестве П. Л. Чебышева, выдающегося русского математика. В 1943 г. физико-математический факультет провел научную сессию, приуроченную к 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона. При институте был открыт воскресный университет для учителей Яранского района и соседних районов. Ф. Ф. Нагибин был активным лектором этого университета. Во многом благодаря стараниям директора в 1942 г. институт получил право принимать кандидатские экзамены. С 1943 г. производится набор в аспирантуру, а в 1944 г. аспирантура в университете начинает успешно функционировать. В сентябре 1944 г. доцент Ф. Ф. Нагибин передал обязанности ректора КГПИ А. И. Заручевскому, направленному в Киров Министерством просвещения РСФСР.

Очень тяжелыми для кафедры математики были и первые послевоенные годы. По разным причинам в 1944 и 1945 гг. из состава её выбыли профессор А. Р. Кулишер, доценты Б. А. Манзон, В. Н. Русанов и В. Н. Салтыков. Почти всю учебную нагрузку выполняли Н. А. Колмогоров и Ф. Ф. Нагибин. Ценой огромных усилий ими было обеспечено выполнение учебных планов.

В 1947 г. кафедра математики делится на две кафедры – кафедру алгебры и геометрии и кафедру математического анализа и методики преподавания математики (МППМ). Заведующим первой кафедрой назначен доцент Н. А. Колмогоров, исполняющим обязанности заведующего второй кафедрой – доцент Ф. Ф. Нагибин. Федор Федорович возглавлял эту кафедру до июня 1969 г. Для работы на кафедре были приглашены доцент А. Н. Чибисов, А. Н. Ивановский, В. В. Горбунов, Е. М. Черезова, Н. И. Елина и др. Сам Нагибин читал курсы математического анализа, теории функций действительного переменного, теории аналитических функций, истории математики, методики преподавания математики.

Публикации. Первая работа Ф. Ф. Нагибина, статья «Развитие глазомера на уроках математики», была опубликована в 1935 г. в журнале «Математика в школе», № 4. С тех пор и до конца своей жизни Федор Федорович сотрудничал с этим известным во всем мире журналом для математиков и педагогов-математиков, тираж которого неуклонно рос и к концу 1989 г. составил 457480 экземпляров.

Удалось разыскать 92 прижизненные работы Ф. Ф. Нагибина, 12 работ были опубликованы его учениками. Научно-методическое наследие профессора включает 35 книг, учебников и учебных пособий, 39 статей в центральных изданиях, из них 29 статей в журнале «Математика в школе». 13 работ Ф. Ф. Нагибина были переведены на другие языки.

Первые 30 лет своей творческой деятельности Федор Федорович занимался в основном вопросами методики обучения алгебре в средней школе. С 1965 г. его научные интересы и предпочтения переместились в направлении курса геометрии восьмилетней школы. 1965–1976 г. стали временем наибольшего расцвета в его творчестве: почти 2/3 публикаций и разработок Ф. Ф. Нагибина приходятся на эти годы.

В работах Ф. Ф. Нагибина выделяются пять основных направлений:

- 1) Обучение решению математических задач.
- 2) Исследования по методике обучения алгебре и началам математического анализа в средней школе.
- 3) Исследования по методике обучения геометрии.
- 4) Общая методика обучения математике.
- 5) Развитие мышления и творчества учащихся в процессе обучения математике. См. [4].

Один перечень этих направлений свидетельствует о широте и разнообразии научных интересов профессора Ф. Ф. Нагибина. Глубина и серьезность его исследований известна всем, кто знаком с его публикациями. Многие в трудах Ф. Ф. Нагибина актуально и теперь.

На Всесоюзном конкурсе учебников геометрии для 8-летней школы в 1964 г. учебник группы авторов Ф. Ф. Нагибина, А. Ф. Семеновича, Р. С. Черкасова «Геометрия. Учебник для 6–

8 классов» был признан лучшим, получил вторую премию (первая ни одному учебнику присуждена не была) и издан в 1967 г. издательством «Просвещение» объемом 384 с. Академик А. Н. Колмогоров, возглавлявший комиссию АН СССР по реформе математического образования, предложил авторскому коллективу этого учебника создать под его руководством современный учебник геометрии для 8-летней школы. С этого момента началось сотрудничество Федора Федоровича Нагибина с выдающимся математиком А. Н. Колмогоровым. Работа по созданию учебника была выполнена. В 1971 г. издательством «Просвещение» были выпущены пробные учебники по геометрии для 6-х и 7-х классов, созданные авторским коллективом – Ф. Ф. Нагибин, А. Ф. Семенович, Р. С. Черкасов – под редакцией академика А. Н. Колмогорова. Затем появились единые для всей страны действующие учебники. Результатом этого сотрудничества также стали и многие методические статьи, рекомендации и пособия для учителей.

Ф. Ф. Нагибин создал индивидуально или в соавторстве пять сборников задач для средней школы: один по геометрии, два по алгебре и два по внеклассной работе.

1. В «Сборнике задач и вопросов по геометрии» (авторы Е. С. Березанская, Н. А. Колмогоров и Ф. Ф. Нагибин), выпущенном издательством «Учпедгиз» в 1962 г., опубликованы задачи практически по всему школьному курсу геометрии.

2. «Сборник вопросов и упражнений по алгебре и тригонометрии для 8–10 классов» (авторы Е. С. Березанская и Ф. Ф. Нагибин) был выпущен издательством «Учпедгиз» в 1951 и 1955 гг., а в 1954 г. издан в Китае на китайском языке.

3. Те же авторы в книге «Упражнения для устных занятий по алгебре» (М.: Учпедгиз, 1949) предлагают методику проведения устных упражнений и устного решения задач.

4. В «Сборнике задач для подготовки учащихся средних школ к математическим олимпиадам» коллектива авторов – Н. А. Колмогоров, Ф. Ф. Нагибин, В. В. Чудиновских – Федор Федорович поместил большой раздел «Логические задачи».

5. Наибольшее значение для развития логического мышления учащихся имел сборник занимательных и нестандартных задач для учащихся неполной средней школы «Математическая шкатулка». Но это был не просто сборник задач. У Ф. Ф. Нагибина получилась книга, которая привлекла внимание миллионов читателей. Тираж первого издания «Математической шкатулки», выпущенного издательством «Просвещение» в 1958 г., составил 108000 экземпляров. Книга оказалась настолько популярна, что вскоре, в 1961 г. и в 1964 г., была переиздана и переведена на японский и украинский языки, издана для слепых (в 4 книгах). В 1984 г., после переработки Евгением Степановичем Каниным, книга «Математическая шкатулка» стала иметь двух авторов – Ф. Ф. Нагибина и Е. С. Канина. Эта книга была переиздана в 1988 г., переведена на китайский – в 1988 г., молдавский – в 1987 г., киргизский – в 1988 г., татарский – в 1993 г. и башкирский – в 1986 г. языки. Последний раз книга после существенной переработки Е. С. Каниным была выпущена издательством «Дрофа» в 2006 г. Общий тираж этой книги за все время составляет более 2 миллионов экземпляров. «Математическая шкатулка» живет уже более 50 лет!

Аспиранты. Велик вклад профессора Ф. Ф. Нагибина в подготовку научно-педагогических кадров для высших учебных заведений. В 1947 г. при кафедре математического анализа и методики преподавания математики КГПИ им. В. И. Ленина начала действовать аспирантура по методике преподавания математики. Научным руководителем стал тогда кандидат педагогических наук, доцент Ф. Ф. Нагибин.

Всего у Ф. Ф. Нагибина закончили аспирантуру 23 человека, большинство из них связали свою жизнь с КГПИ им. В. И. Ленина и продолжили дело своего учителя.

Первый его аспирант, Аркадий Иванович Жаворонков (1923–1965) с успехом защитил диссертацию в 1955 г. Работал доцентом кафедры математического анализа и МПМ КГПИ имени В. И. Ленина, затем деканом физико-математического факультета (1957–1963 гг.), проректором института по научной работе (1963–1965 гг.). Фронтовик, награжден орденами Красной звезды и «Знак Почета».

Евгений Степанович Канин (1926–2013) защитил диссертацию в 1965 г., а в 1988 г. ВАК СССР присвоила ему ученое звание профессора по кафедре математического анализа и МПМ. Е. С. Канин после кончины Ф. Ф. Нагибина возглавил руководство научной школой и проработал в вузе вплоть до своего 80-летия. Под его руководством выполнены и защищены две кандидатские диссертации по методике обучения математике. Опубликовал 102 статьи, из

них в журнале «Математика в школе» – 33, в других центральных изданиях – 10 статей. Автор или соавтор 36 книг и брошюр. Его работы издавались на 8 языках мира. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, 11 медалями. Отличник народного просвещения РСФСР (1968 г.) и СССР (1985 г.). См. [5].

Виктор Степанович Семаков (род. 20.10.1935 г.) защитил кандидатскую диссертацию в 1972 г., в 1973 г. получил ученое звание доцента. Автор 15 диафильмов по математике для школ (студия «Союздиафильм»), общий их тираж составил 450000 экз. Декан математического факультета КГПИ им. В. И. Ленина (1972–1988 гг.). Проректор КГПИ им. В. И. Ленина по учебной работе с 1988 г., первый проректор ВятГГУ (1999–2005 гг.). Отличник просвещения СССР, заслуженный работник высшей школы (2000 г.), почетный работник высшего профессионального образования РФ (2002 г.).

Миня Григорьевна Лускина (1936–1997) в аспирантуре училась в 1971–1974 гг., доцент (1988 г.). Декан факультета дополнительных педагогических профессий (1988–1996 гг.). Опубликовала 30 статей, книгу «Элементы теории рядов на факультативных занятиях в школе» (1976 г.). Долгие годы Миня Григорьевна была членом парткома института, курировала студенческую самодеятельность.

Августа Петровна Шихова (род. 4.08.1932 г.) училась в аспирантуре в 1970–1973 гг. Защитила кандидатскую диссертацию в 1979 г., доцент. Заведующая кафедрой алгебры в 1984–1988, 1991–1993 гг. Опубликовала 13 статей, учебное пособие.

Нина Григорьевна Килина (род. 2.10.1929 г.) училась в аспирантуре в 1954–1957 гг. у Ф. Ф. Нагибина. Защитила диссертацию в 1967 г. Работала в КГПИ на кафедре математического анализа и МПМ в 1969–1984 гг. В 1970–1972 гг., будучи командированной, на кафедре математики Монгольского пединститута руководила научной работой двух преподавателей. Один из них, Х. Дугер, в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию. Опубликовала 23 статьи и «Сборник задач по методике преподавания математики».

Маргарита Александровна Вершинина (1922–1977) училась в аспирантуре в 1955–1958 гг. Работала в КГПИ с 1948 по 1977 г. Одна из ведущих лекторов по математическому анализу. Награждена значком «Отличник народного просвещения РСФСР».

Выпускники аспирантуры Ф. Ф. Нагибина работали и в других педвузах: Л. Г. Ярославцева – в Перми, А. П. Юринова – в Тюмени, Г. И. Лобастов – в Борисоглебске.

Научные связи. Активное общение Федора Федоровича Нагибина способствовало установлению научных связей с математиками и математиками-методистами педагогических вузов и научно-методических центров г. Москвы, Уральской зоны, зоны Поволжья. Эти связи позволяли координировать научные исследования по методике преподавания математики: отбирать проявивших способности преподавателей в аспирантуру по МПМ, выявлять возможных соискателей ученой степени; публиковать наиболее удачные работы преподавателей математики. В 50–60-е гг. XX в. регулярно проводились научные конференции математиков и математиков-методистов педвузов зоны Урала. Они поочередно проходили в педвузах городов Свердловска, Перми, Челябинска, Оренбурга, Кирова. Позднее к этим городам присоединился Ижевск. В Кирове проходили V, XI, XVI, XXI, XXVI конференции. Уральские конференции, собиравшие цвет математико-методической науки, были тем местом, где завязывались научные связи, опробовались новые идеи в методике математики, решались вопросы о защите той или иной диссертации, о публикации статей. Создавались авторские коллективы. Начинающие исследователи, аспиранты и преподаватели могли получить квалифицированные консультации.

Память. Федор Федорович Нагибин как человек, ученый, педагог оставил неизгладимый след в сердцах всех, кто его знал. Сила его обаяния, глубина его таланта, жажда познания очаровывали и вдохновляли других. Все, кто лично был знаком с Федором Федоровичем, его ученики и коллеги, сохранили о нем добрую память. Приведем несколько таких воспоминаний:

Н. Г. Килина: «Трудно высказать словами, какую огромную роль в моей жизни сыграл Федор Федорович! На протяжении 22 лет он был моим Учителем (с большой буквы), верным другом и наставником. Он учил меня не только математике и методике математики, но и жизненной мудрости, принципиальности, профессиональной гордости. Учил всему этому не словесными назиданиями, а личным примером, своими делами, умением отдаваться делу, которому он служил».

Н. А. Лаптева: «Федор Федорович – прекрасный лектор, которого отличали предельная четкость и лаконичность, высокая научность и доступность, логическая законченность изложения материала. Казалось, что он читает лекцию неторопливо, размеренно, но даваемая им информация всегда была большой по объему, отвлекаться на лекции было некогда. Аккуратные чертежи, четкие записи на доске, методика чтения лекции вызывали у слушателей восхищение и желание быть похожими на него. И действительно, во многих из его учеников можно найти черты, которые сформировались под влиянием Ф. Ф. Нагибина как педагога».

А. И. Глушкова: «Таким замечательным математиком-методистом, прекрасным педагогом, человеком высокой эрудиции, большой силы воли и выдержки, огромного трудолюбия, неиссякаемой энергии, исключительной скромности и честности остался в наших сердцах Федор Федорович Нагибин».

В 2009 г. в ВятГГУ была организована и проведена Всероссийская научно-методическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Ф. Ф. Нагибина. Второй раздел материалов конференции содержит воспоминания о профессоре Нагибине [6].

Подведем итог научной деятельности Нагибина.

Научно-методическая школа. Ученики профессора Ф. Ф. Нагибина, пройдя систему его аспирантской подготовки, в дальнейшем проявили себя как в научной и преподавательской деятельности в вузах, так и в административной работе. Пять человек защитили кандидатские диссертации по методике преподавания математики, пятеро стали доцентами и один – профессором. Четверо участвовали в создании учебных пособий для педагогических институтов по методике преподавания математики. Двое заведовали кафедрами, трое были деканами факультетов, из них двое – проректорами нашего вуза.

Благодаря многогранной и скоординированной деятельности Ф. Ф. Нагибина в 60–70-е гг. XX в. под его руководством сформировалась научно-методическая школа «Теория и методика обучения решению математических задач», имеющая свое неповторимое лицо и известная во многих регионах СССР.

После кончины Нагибина в 1976 г. работа школы стала затухать. Но в первом десятилетии XXI в. последовал новый подъем, связанный с деятельностью профессора Е. С. Канина и доцента С. И. Калинина, защитившего в 2010 г. докторскую диссертацию по вузовской методике математики на тему «Обучение студентов математическому анализу в условиях фундаментализации высшего педагогического образования». Под руководством каждого из этих ученых защищены по две методические кандидатские диссертации аспирантами университета.

Заключение. Можно смело утверждать, что на протяжении 40 лет – со второй половины 30-х гг. до середины 70-х гг. прошлого века – Федор Федорович Нагибин был самой крупной научно-педагогической фигурой в нашем вузе. Отметим, что к 100-летию юбилею ВятГГУ в серии «Научно-педагогическое наследие ВятГГУ» вышла книга В. И. Варанкиной, Е. М. Вечтомова, Е. С. Канина «Профессор Федор Нагибин: сквозь призму времени».

Примечания

1. Варанкина В. И., Тебенькова С. В. Профессор Ф. Ф. Нагибин. Страницы истории советского математического образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2(3). С. 88–95.

2. Полвека в пути / под ред. Ю. М. Рябова. Киров, 1970. 440 с.; Вятский государственный гуманитарный университет: 1914–2004 / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 304 с.; Преподаватели ВятГГУ: 1914–2004 / отв. ред. Ю. М. Рябов. Киров: Изд-во ВГУ, 2004. 208 с.; Энциклопедия Земли Вятской: Знатные люди. Т. 6 / под ред. В. Д. Сергеева. Киров, 1996. 540 с.; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Профессора-математики в истории математического образования Вятского края // Педагогические технологии математического творчества: сб. статей участников междунар. науч.-практ. конф. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 51–57; Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Преподаватели математики Вятского педагогического института в 20–30-е годы XX века // Вятская земля в прошлом и настоящем: сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 260–266; Вечтомов Е. М., Канин Е. С. Математика в Вятском государственном гуманитарном университете // Матем. вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2004. Вып. 6. С. 3–20.

3. Ректоры ВятГГУ: 1914–2004 / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 192 с.

4. Канин Е. С. Профессор Федор Федорович Нагибин: к 100-летию со дня рождения / под общ. ред. Е. М. Вечтомова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 72 с.

5. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. К 80-летию профессора Е. С. Канина // Матем. вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2006. Вып. 8. С. 6–12.

6. Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ф. Ф. Нагибина / под ред. Е. М. Вечтомова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 172 с.

Аркадий Михайлович Слободчиков

Аркадий Михайлович Слободчиков родился 13 июня 1941 г. в деревне Галки Сунского района Кировской области в крестьянской семье. Рано потеряв отца, погибшего на фронте 6 июля 1942 г., он, став не по возрасту взрослым, был вместе с двумя старшими братьями помощником и опорой семьи в трудное послевоенное время.

В 1963 г. А. М. Слободчиков окончил Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина по специальности «Физика и химия» с присвоением квалификации учитель физики и химии средней школы. В студенческие годы он работал учителем физики и лаборантом школы рабочей молодежи № 15 г. Кирова, а после окончания вуза – учителем физики в Поломской средней школе Кирово-Чепецкого района Кировской области.

В жизни Аркадия Михайловича произошло в 1964 г. знаменательное событие. Он был избран по конкурсу на должность ассистента кафедры химии Кировского пединститута.

Тема его кандидатской диссертации, которую он выполнял, обучаясь в аспирантуре Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского, была «Физико-химическое исследование гетерогенных равновесий и характеристика твердых фаз в водных системах из карбамида, нитратов, хроматов калия, магния, кальция».

После окончания аспирантуры А. М. Слободчиков вернулся на кафедру химии в свой родной институт и работал в должности старшего преподавателя кафедры химии. В 1972 г. ему присвоено звание доцента, а в 1993 г. – ученое звание профессора по кафедре химии. В 1997 г. он избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук, а в 1998 г. – членом-корреспондентом Международной академии педагогического образования.

Отличительным качеством А. М. Слободчикова как преподавателя было и есть трепетное, внимательное отношение к студентам, которое помогло воспитать не одно поколение молодых специалистов, учителей, передать им свой бесценный практический опыт и глубокие теоретические знания. «Наши ученики – это наше настоящее и будущее», – говорит Аркадий Михайлович.

Все эти годы А. М. Слободчиков читал лекции, проводил семинарские и практические занятия по общей и неорганической химии для студентов специальности «Биология» с дополнительной специальностью «Химия», вел курс физической и коллоидной химии, проводил занятия по неорганическому синтезу и спецкурсу «Инструментальные методы анализа».

Аркадий Михайлович Слободчиков прошел большую школу руководящей деятельности в университете. Он заведовал кафедрой (с 1974 по 1976 г.), был избран деканом (с 1976 по 1980 г.), работал проректором по учебной работе (с 1980 по 1988 г.), был избран ректором института (1988–1999 гг.).

С введением на кафедре химии новой специальности «Химия» А. М. Слободчиков разработал программы и рабочие планы новых дисциплин и проводил занятия по курсу «Строение вещества», «Введение в теорию химии», «История и методология химии», для студентов-выпускников читает курс «Избранные главы общей и неорганической химии».

Несмотря на административную занятость, А. М. Слободчиков руководит курсовыми и дипломными работами, педагогической и технологической практикой студентов, организу-

ет работу научно-исследовательской группы студентов по физико-химическому анализу солевых систем.

Неоценим вклад Аркадия Михайловича в развитие педагогических приемов обучения молодых педагогов области. С большим чувством ответственности он относится к отбору лекционного материала, который отличается новизной, глубиной и научностью содержания, методологическим подходом к его изложению. Для методического обеспечения учебного процесса им разработаны опорные схемы лекций по наиболее сложным вопросам курса, сводные таблицы и графики как дидактический материал к занятиям; опубликованы и используются в учебном процессе методические рекомендации по решению расчетных задач в курсе неорганической химии, а также по современному представлению об элементарных частицах. Им подготовлены тексты лекций читаемых дисциплин, методические указания для проведения семинарских и практических занятий, слайды, ежегодно проводятся открытые занятия. Систематически работая над методикой обучения студентов, он активно внедряет в учебный процесс новые прогрессивные методы обучения в вузе.

Работая проректором по учебной работе, Аркадий Михайлович был очень близок к ведущим кафедрами: проводил семинары, обобщал опыт работы. Под его руководством был создан учебно-воспитательный совет института.

В 1988 г. Аркадий Михайлович Слободчиков Ученым советом был единогласно избран ректором Кировского государственного педагогического института. В тяжелые годы распада Советского Союза, работая ректором института, он не только не допустил упадка в научной и учебной работе, но сумел многократно повысить исследовательский и педагогический потенциал своего любимого вуза. Он умело сочетал организаторскую, учебную и научно-исследовательскую деятельность. По результатам исследования сплавов и солевых систем, проблемам подготовки педагогических кадров им опубликовано 89 работ. Результаты исследований докладывались на университетских, межвузовских и международных научных конференциях. Им опубликовано учебное пособие «Исследование водно-солевых систем методом растворимости» по спецкурсу для студентов педвузов специальности «Химия» (рекомендовано УМО Министерства образования РФ), «Лекции по методологии химии» и «Введение в методологию химии» – по курсу «История и методология химии» для студентов специальности «Химия».

Помимо основной, учебной, работы А. М. Слободчиков активно занимался и общественно значимой деятельностью: в течение 9 лет возглавлял общественный совет микрорайона пединститута, организовывал уборку закрепленных за институтом территорий г. Кирова; обеспечивал сельскохозяйственные работы с участием студентов института в различных районах Кировской области, участие студентов в важных областных стройках; организовывал работу в детских клубах, в опорных пунктах по охране общественного порядка. Каждый вечер с 18.00 до 22.00 дружина из 22 студентов, возглавляемая участковым из опорного пункта милиции, совершала обход территории, закрепленной за институтом, для поддержания общественного порядка. И каждый вечер ровно в 18.00 дружину напутствовал Аркадий Михайлович.

Под руководством А. М. Слободчикова Кировский государственный педагогический институт получил статус Вятского государственного педагогического университета. Работая ректором, он много делал для совершенствования учебного процесса, организации научных исследований и укрепления научно-педагогических кадров. В эти годы значительно возросло количество защит докторских диссертаций, открыта магистратура по 4 специальностям, аспирантура по 18 специальностям и докторантура по одной специальности, активизировалась работа редакционно-издательского совета, организована работа диссертационного совета по двум специальностям, развивалась материально-техническая база университета.

При всей своей масштабной натуре: высоком профессионализме, таланте организатора, энциклопедических знаниях – он обладает редким сочетанием таких качеств, как принципиальность, уважительное отношение и внимание к чужим проблемам. В тяжелые для страны времена в 90-х гг. XX в. Аркадий Михайлович организует строительство общежития на 535 мест, 80-квартирного дома для преподавателей, плавательного бассейна с пристроем для военной кафедры, завершает пристрой учебного корпуса технолого-экономического факультета, начинает строительство нового учебного корпуса для гуманитарных факультетов.

Под руководством А. М. Слободчикова ВГПУ стал центром педагогического образования в регионе. В университете созданы новые факультеты: начальных классов, дошкольного

образования, управленческих кадров, психологии и педагогики, экономики, культурологии; а также дополнительные образовательные центры (открытый лицей; факультет довузовской подготовки; колледж экономики и права; учебно-консультационные пункты в городах Ижевске, Кирово-Чепецке, Вятских Полянах; центр практической психологии; лаборатория перевода и обучения иностранным языкам; ассоциация международной науки и образования; ФПК организаторов обучения). Благодаря созданию инновационных факультетов и центров в университете создавалась возможность повысить образовательный уровень педагогических кадров учреждений дошкольного и начального образования Кировской области, а также решить проблемы обеспечения региона квалифицированными специалистами в области управления, экономики, права и др. Работа по подготовке педагогических кадров велась совместно со школами и органами управления образованием в районах и области.

За период с 1989 по 1998 г. коллективом университета подготовлено 10609 специалистов-педагогов для учреждений образования Кировской области.

В годы работы А. М. Слободчикова ректором Вятский государственный педагогический университет стал центром военно-патриотического воспитания молодежи области. В университете активно работали музей вуза и совет ветеранов института.

Как ректор А. М. Слободчиков принимал активное участие в аттестации педагогических училищ и вузов в составе комиссии Министерства общего и профессионального образования РФ.

Аркадий Михайлович – большой поклонник учительства, успехов в педагогическом творчестве, глубокий ценитель методических находок, искренний почитатель педагогов-мастеров. В Кировском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования он ежегодно читает лекции по темам: «Периодический закон Д. И. Менделеева», «Строение вещества», «Методологические проблемы химии», постоянно выступает перед учителями химии Богородского, Кирово-Чепецкого, Котельничского, Слободского, Советского, Сунского, Уржумского и других районов области, на педагогических советах Уржумской, Слободской, Кирово-Чепецкой гимназий, Кировского лицея естественных наук, школ-гимназий г. Кирова, Стуловской и Столбовской гимназий Слободского района, проводит открытые уроки с учащимися гимназических и лицейских классов. Участвовал в аттестации педагогических кадров Кировской области. Организовывал многие областные конференции, педагогические чтения в Вятском государственном педагогическом университете.

С 1973 г. А. М. Слободчиков является организатором и активным участником ежегодных научно-практических конференций учителей биологии, географии, химии и экологии общеобразовательных учреждений г. Кирова и Кировской области. В 2011 г. была проведена 38-я научно-практическая конференция учителей области. Традиция продолжается: в январе 2013 г. прошла 40-я научно-практическая конференция учителей химии, биологии, географии, экологии общеобразовательных учреждений г. Кирова и Кировской области.

Будучи ректором Кировского государственного педагогического института, Аркадий Михайлович всегда был в гуще событий образования, поддерживал тесные творческие контакты с департаментом образования Кировской области, руководителями районных отделов образования, учителями и директорами инновационных учебных заведений области. За счет притока в сферу образования хорошо подготовленных выпускников пединститута, а позднее и университета удавалось поддерживать высокий уровень качественного состава педагогических работников. Поддержка школ, педагогических училищ, других образовательных учреждений – это характерная особенность деятельности А. М. Слободчикова как на посту ректора университета, так и в должности профессора кафедры химии. А. М. Слободчиков был делегатом Всесоюзного и Российского съездов учителей.

Педагогическая общественность области хорошо знает высокий профессионализм А. М. Слободчикова, огромный потенциал и жизненное кредо – служение делу науки и образования, подготовки и переподготовки педагогических кадров. Среди выпускников А. М. Слободчикова – известные ученые, передовые учителя химии Кировской области: Соросовские учителя, заслуженные учителя РФ, отличники просвещения.

Значителен вклад А. М. Слободчикова в общественную и культурную жизнь г. Кирова и Кировской области. В течение 4 созывов он являлся депутатом Первомайского районного Совета, дважды избирался депутатом Кировского городского Совета народных депутатов, возглавлял депутатскую комиссию по народному образованию и был членом облисполкома.

А. М. Слободчиков многократно выступал на страницах областных газет, телевидении и радио по актуальным проблемам жизни Кировской области в сфере образования и культуры.

Неоценим его вклад в создание исторической летописи ВятГГУ. А. М. Слободчиков собрал материалы: «КГПИ в годы Великой Отечественной войны», «95 лет ВятГГУ», «К 90-летию кафедры химии», «У истоков индустриально-педагогического факультета», «Преподаватели и деканы естественно-географического и химического факультетов».

За большую работу по подготовке учительских кадров, специалистов для региона А. М. Слободчиков награждён знаком «Отличник народного просвещения СССР», значком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР», знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», почетным званием «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», знаком «За заслуги перед городом Кировом», ему присвоено звание «Почетный работник ВятГГУ». В 2006 г. по итогам внутривузовского конкурса А. М. Слободчикову присвоено звание «Профессор года».

А. М. Слободчиков пользуется заслуженным авторитетом у жителей Кировской области, обретенным длительной и многогранной общественной, культурной, научной, просветительской и хозяйственной деятельностью. В 2012 г. А. М. Слободчикову присвоено звание «Почетный гражданин Кировской области».

Аркадий Михайлович – это удивительный Человек, педагог и ученый, глубоко порядочный, искренний и добрый, с уважением и почтением относящийся не только к старшим по возрасту коллегам, но и к молодежи, патриот своего университета, Вятского края, Отечества. Вся его жизнь есть бесценный пример для подрастающего поколения, которому он передавал и передает глубокие предметные знания и мудрость жизненного опыта.

В подготовке статьи приняли участие Ашихмина Т. Я., заведующая кафедрой химии, профессор, д. т. н.; Зайцев М. А., декан химического факультета, доцент, к. п. н.; Даровских Л. В., зам. декана химического факультета, ст. преподаватель кафедры химии, к. п. н.

Ю. А. Сауров

Наш выпускник профессор В. Г. Разумовский (методологический портрет)

И человеком становится только тот, кто имел учителя и тем самым получил определенное прошлое и определенную культуру.

*Г. П. Щедровицкий**

В статье раскрыта научная деятельность выпускника Кировского государственного педагогического института (сейчас – ВятГГУ).

The article disclosed the scientific activity graduate of the Kirov State Pedagogical Institute.

Ключевые слова: наука, история и методология образования, личность в образовании, физика.

Keywords: science, the history and methodology of education, the identity of education, physics.

В настоящее время для движения вперед остается проблема объективного осмысления достижений методики обучения физике второй половины XX в. Ещё десять лет назад это было трудно сделать из-за эйфории перестроечных и послеперестроечных ка-

тактизм. Но сейчас время жестко требует проектов будущего, а без объективных фактов и опыта прошлого сделать это невозможно...

Именно в это время несомненным лидером в дидактике физики был и есть профессор В. Г. Разумовский, доктор педагогических наук, академик РАО, в недавнем прошлом вице-президент АПН СССР, главный редактор журнала «Физика в школе», народный депутат СССР, сейчас и всегда автор двух учебных комплексов для средней школы, двух десятков учебных пособий, трех сотен статей... Он патриот Вятского края. Всегда трогательно относился к своему родному городу, родному факультету, вечно первой – Татауровской средней школе Кировской области, в которой он работал по распределению...

Форму и содержание человека определяют родители, время и его деятельность. Для В. Г. Разумовского все это сложилось удачно (см. полнее [1]).

Социальные смыслы образования. Домашнее воспитание удачно заложило в молодого человека глубокое видение смыслов образования. Его отец, Григорий Николаевич Разумовский (1902–1989), был добрым, страстным человеком, образованным интеллигентом, учителем истории, а по существу – жизни. В семье царил дух справедливости и знаний. Не случайно Василий Григорьевич пришел на физический факультет Кировского пединститута. Позднее он стратегически, на всю жизнь, писал: «Улучшение системы народного образования – одно из главных мероприятий по улучшению жизни людей» [2].

После окончания института – школа, опыт социального действия. Удачный, осмысленный, движущий опыт. В Татауровской средней школе Нолинского района Кировской области Василий Григорьевич сумел «увидеть» линию своей жизни в педагогическом творчестве. Вот что он говорил позднее: «Начав работать в Татауровской средней школе, уже в первый месяц я организовал конструкторскую деятельность учащихся в деле, которое само подвернулось под руку. В школе не было электричества. Как быть? Давайте соорудим ветроустановку! Ура! Радостному энтузиазму школьников не было границ. Так возникло первое направление моих творческих исканий. Мы конструировали ветроустановку из подручных материалов. Мощность ветряка и число оборотов репеллера приходилось согласовывать с основной имевшейся у нас деталью – с электрическим генератором. Для расчетов школьной физики вполне хватало. Меня самого поражала и волновала точность совпадения практического результата с теоретическим расчетом, с предвидением. Мои волнения передавались ученикам, заражали их творческим, познавательным энтузиазмом. Однако досадный парадокс состоял в том, что нередко происходил разрыв между тем, куда влекло творчество, и тем, что изучалось на уроке в данный момент. Я стал думать над этой проблемой и, к счастью, натолкнулся в мемуарах К. Э. Циолковского на нужную мне, наполненную глубоким смыслом, фразу: «Сначала я делал открытия давно всем известные, потом не так давно, а потом и вовсе новые». Меня осенило: характерные признаки творческой деятельности, такие, как социальная значимость, ценность и новизна, прописанные во всех энциклопедиях и справочниках, являются субъективными. Эврика! Значит, творческую деятельность можно “провоцировать” и организовывать в той сфере знаний, которые сейчас осваиваются на уроке! Так родилась идея создания творческих заданий, задач и лабораторных работ...».

Понимание фундаментального потенциала образования определило ключевые решения в научной и практической деятельности Василия Григорьевича. С 1955 г. начался основной период творчества В. Г. Разумовского – научная деятельность в АПН СССР. Он поступает в аспирантуру АПН РСФСР к А. В. Перышкину, в 1959 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию о развитии технического творчества. В 60–70-е гг. выходят широко известные учителям и методистам монографии: «Творческие задачи по физике» (1966), «Физика в средней школе США» (1973 г.), «Развитие творческих способностей в процессе обучения физике» (1975 г.). Накапливается опыт, расширяется поле деятельности В. Г. Разумовского: он работает на выставке детского технического творчества в США (1965–1967 гг.), в издательстве «Просвещение», учителем физики в средней школе № 315 Москвы...

Принципиальным этапом в научно-исследовательской деятельности В. Г. Разумовского были написание и защита докторской диссертации на тему «Проблема развития творческих способностей учащихся в процессе обучения физике» (1972 г.). По-видимому, это всего лишь пятая или шестая диссертация по методике обучения физике в то время и фактически первая, которая выполнена по классической схеме научного исследования от постановки проблемы до эксперимента. В диссертации была разработана и применена на практике методология методи-

ческого исследования, включающая: а) выделение научной проблемы и обоснование её актуальности, б) отделение реальности от методических средств её описания, в) построение гипотез как модельных предположений о природе (причине) объектов, г) теоретическое и экспериментальное доказательство высказанных предположений, д) обобщения и выводы. Прошло более четверти века, но в целом такая схема исследования не потеряла своего значения. Впервые в докторской диссертации по методике обучения физике так широко использовался опыт зарубежных стран, что было не только перспективно, но по тем временам и смело [3].

В докторской диссертации Василию Григорьевичу, во-первых, удалось обосновать возможность и необходимость формирования творческих способностей учащихся в области технического творчества, изобретательства. Было раскрыто значение субъективной новизны в процессе учебного познания. Во-вторых, удалось найти достаточно универсальный (методологический) инструмент для организации учебного познания – принцип цикличности. Он позволил четко строить этапы учебного познания (факты – модель – следствия – эксперимент), соответственно определял структуру изучаемого материала. Думается, что в методике обучения физике до настоящего времени нет более емкого, конкретного знания (концепции, теории), сравнимого с принципом цикличности. Его влияние на теорию и практику обучения физике трудно переоценить.

Смысловый призыв работы прост – общество должно каждому человеку «подарить» возможность творить. На этом пути будущему профессору удалось сделать ряд важных шагов: требование к структуре содержания вопросов под логику познания, специальная учебная деятельность по решению творческих упражнений от задач до экспериментальных исследований. Книга «Творческие задачи по физике» (1966 г.) остается и сейчас образцом книги для учителя!

Историко-культурный фундамент. Василию Григорьевичу повезло: с ранних лет он оказался в мире культуры, среди умных книг, его хорошо учили в школе и вузе. И все это вместе взятое преумножило природную страсть познания. Профессионально культурный фундамент выразился в отношении к методу научного познания. Вот его суть [4].

Успехи современной цивилизации базируются на гипотетико-дедуктивном методе науки нового времени (начиная от Галилея до Эйнштейна и современных физиков, биологов, конструкторов, медиков и т. д.). Мощь этого метода мыслительной деятельности, метода познания мира оказалась настолько значительной, что позволила создать цивилизацию машинного типа, развитию которой пока нет конца. И альтернативы пока тоже нет. Попытки психологии, политологии или даже политехнологии (и других идеологических инструментов) стать движителем познания и преобразования – пока ещё робкие попытки. Итак, в образовании должен быть осмыслен и в полной мере реализован современный научный метод классического естествознания. Движение в этом направлении было всегда, но только сейчас решение этой проблемы становится стратегическим по значению.

Основателем научного метода естественнонаучного познания считают Г. Галилея, который отверг существовавшее до него представление о том, что человеческий разум непосредственно воспринимает знания из внешнего мира. Таким образом, он отделил мир природы от мира науки, фактически сделав научное мышление инструментом социальных по масштабу открытий. Галилей пришел к фундаментальным открытиям, считая гипотезу центральным моментом познания. Гипотеза – синтез рационального (фактов) и творческого (воображения). Благодаря гипотезам научная теория стала выполнять не только объяснительную, но и предсказательную функцию. Поскольку гипотеза – всегда творение разума, она может считаться достоверной только после практической (экспериментальной) проверки.

Научный метод познания вооружил человечество поразительной мощью обобщения. Великий Максвелл выразил все достижения электродинамики в четырех уравнениях. Восхищенный внутренней и внешней красотой этих математических уравнений, другой гениальный ученый, немецкий физик Больцман выразил свой восторг стихами, начинавшимися фразой: *War es ein Gott der diese Zeichen schrieb?..* (Не бог ли эти знаки начертал?..)

До начала XX в. модельные гипотезы в науке воспринимались адекватно, почти тождественно изучаемым явлениям, что сейчас распространено при обучении. Как это ясно из работ А. Эйнштейна и других великих физиков, революция в физике и вообще в познании состояла а) в отказе от классических моделей, в построении новых моделей, б) в выяснении гносеологической ограниченности любых моделей. Любая модель «работает», т. е. верно от-

ражает суть явления, лишь в определенных границах. Постоянный поиск истинности знаний (понятий, законов) достигается в науке благодаря их неразрывной связи со всей суммой экспериментальных данных, с практикой деятельности. Цикл познания, по А. Эйнштейну, начинается с опыта и кончается экспериментом.

Современная революция в школьном образовании состоит, в частности, в непреложном требовании понимания учащимися происхождения научного знания, отличия научных знаний от всякой другой информации. Этим вызвано включение в стандарт школьного образования по физике научного метода познания. Не случайны и наши усилия в построении учебника нового поколения под идею «Физика в самостоятельных исследованиях на основе научного метода познания» (ред. В. Г. Разумовский, В. А. Орлов). Уже вышли учебники для базового курса физики, а недавно – для старшей профильной школы [5].

Научный метод познания для целей образования включает следующую последовательность действий ученика:

- обобщение определенной группы фактов и постановку проблемы;
- выдвижение обоснованного предположения, дающего ключ к решению поставленной проблемы, т. е. гипотезы в виде функциональной зависимости величин либо в виде модели изучаемого объекта или явления;
- вывод из гипотезы строго логических следствий, которые позволяют объяснить наблюдаемые явления или предвидеть новые явления;
- экспериментальная проверка гипотезы и вытекающих из нее следствий.

Метод естественнонаучного познания оказал и оказывает существенное влияние на гуманитарную культуру, на культуру вообще. Не случайно, например, такая элитарная область гуманитарного знания, как методология, при своем развитии опиралась и опирается в первую очередь на достижения естествознания (Г. П. Щедровицкий, В. С. Степин, Т. Кун, К. Поппер и др.). Этот метод вскрывает природу понятий, дает инструменты их эффективного построения и использования, здесь вскрывается социальная природа идеальных образований, любого мышления (К. Маркс, Э. Ильенков и др.). На этой основе решаются проблемы языка описания, представления. Сейчас метод настолько значимо дает видение реальности, что об объектах природы под его углом зрения говорят как об «естественно-искусственных». Отсюда научный метод сближает объекты естествознания и объекты инженерии, культуротехники, в целом культуры. Сейчас системы гуманитарных знаний в традициях своих форм и языка прямо или косвенно используют логические, знаниевые структуры, наработанные, например, в физике. Фундаментальные понятия пространства, энергии, времени, открытой и закрытой системы (и т. п.) были эффективно обжиты в гуманитарных науках. Примеров тут не счесть. И самое главное, «зигзаги» мыслительной деятельности, мыследеятельности, освоенные в творческой лаборатории естествознания, переносятся через коммуникации в гуманитарные области и дают там свои плоды. Верно и обратное. В этом фундаментальные ресурсы развития и саморазвития человека!

Метод научного познания помогает на практике преодолевать грань культуры и социализации. Известно, что встраивание в структуры и деятельности общества нередко связано не с усвоением культурных норм. Мы видим результаты воспроизводства лжи, обмана и др. И это даже востребовано. Но это никогда не будет культурной нормой в рамках классического (в духе Д. С. Лихачева) понимания культуры. А метод, задаваемый как культуросообразная деятельность, ведет к изменению мира, к практике, к реальной жизнедеятельности, а отсюда – к социализации. Он – носитель идеальных норм культуры, их великий транслятор, а отсюда – «хранитель» традиций деятельности, смыслов и процедур познания. Гуманитарные знания сейчас все больше претендуют на предсказание будущего. Для научной реализации этой функции совершенно необходимо освоение гипотетико-дедуктивного метода научного познания.

В начале XXI в. со всей очевидностью проявилась, обозначилась относительная ценность любых знаний. Отношение к замкнутым знаниям, к формальным знаниям быстро деградирует, формальные знания становятся безнравственными. Только функционирование системы знаний как метода дает устойчивый эффект в познании и преобразовании мира. А значит, такие системы будут востребованы, потребность в них растет. Здесь кроется причина воспитательной эффективности метода научного познания. Метод модельных гипотез, отработанный до деталей в физике, позволяет образованным людям легко преодолевать

барьеры между языками культурных достижений разных эпох, разных школ, разных стран. Так воспроизводится единство культуры. Носителем и выразителем этого единства может и должен быть учитель физики.

Именно эта миссия питает долгие годы напряженные научные поиски В. Г. Разумовского и работу, работу, работу...

Методология дидактики физики. В истории методики физики В. Г. Разумовский, по видимому, первым, сначала в диссертации, поставил вопрос о методологии методики, причем с самого начала под углом зрения эффективности для практики обучения. И сейчас можно констатировать, что это было стратегическое видение ресурсов методологии для содержания и методов обучения.

Без преувеличения фундаментальным результатом научной деятельности академика В. Г. Разумовского является формирование нового поколения ученых-методистов. Он основатель и лидер научной школы методистов, нацеленной на задачу построения теоретических основ методики обучения физике. Он является родоначальником процесса защиты докторских диссертаций по методике физики. При его непосредственной поддержке защитили докторские диссертации А. А. Пинский, Н. А. Родина, В. В. Мултановский, А. Т. Глазунов, Л. С. Хижнякова, И. К. Турышев, И. И. Нурминский, Р. И. Малафеев, Ю. А. Сауров, В. В. Майер и многие другие ученые. Необходимо понять, что здесь Разумовского вела социально-культурная задача «делать» по науке физическое образование, хотя ситуативно это были действия по формированию конкурентной среды.

В 80–90-е гг. В. Г. Разумовский с большими авторскими коллективами организует и ведет исследования по нескольким направлениям. Прежде всего, продолжается разработка научных основ методики обучения физике. В это время в лаборатории обучения физике НИИ СиМО АПН СССР признается структурирование школьного курса физики старшей школы по схеме фундаментальной физической теории, углубляются представления о природе и процессах формирования физических понятий. Теоретическим обобщением поисков являются книги: Основы методики преподавания физики в средней школе / под ред. А. В. Перышкина, В. Г. Разумовского, В. А. Фабриканта (М.: Просвещение, 1984); Методика обучения физике в школах СССР и ГДР / под ред. В. Г. Зубова, В. Г. Разумовского (М.: Просвещение, 1978); Совершенствование преподавания физики в средней школе социалистических стран / под ред. В. Г. Разумовского (М.: Просвещение, 1985).

В эти годы осуществляется прорыв в определении содержания школьного физического образования: разрабатывается концепция и выходит интегрированный с астрономией курс физики для 7–9-х классов (соавтор и соредактор), разрабатывается концепция включения в содержание школьного курса физики представлений о методах научного познания, на этой основе создаются учебники нового поколения «Физика в самостоятельных исследованиях» (в соавторстве с В. А. Орловым и др.)...

С самого начала научной деятельности по настоящее время В. Г. Разумовский остается активным деятелем по сравнительной педагогике: участие не менее чем в десяти международных конференциях (Франция, Турция, Англия, Швеция, США, Венгрия и т. д.), защита девяти кандидатских диссертаций под его научным руководством, публикация не менее пятидесяти статей по этой проблематике. Работы появляются с удивительным постоянством вот уже сорок лет, среди них две монографии [6], десятки статей, например, [7]. В названных работах острое понимание необходимости использования образовательного опыта всего мира.

Наука и практика. Нет науки без практики и нет практики без науки. Наша наука создает нормы для массовой практики. И это дело – великое социальное преобразование. Не случайно В. Г. Разумовский всегда стремился замкнуть научные поиски на школу. В этом он – талантливый организатор образовательной деятельности, социотехнолог. И это ведущая и принципиальная его черта.

В 70-е гг. событием теории и практики был республиканский семинар учителей и методистов «Современный урок физики». Помню, в январе 1976 г. в одной из школ Москвы теоретическое коллективное осмысление конкретного открытого урока, что далеко не так просто, но было так увлекательно по выделению новых идей, новых приемов... Не случайно книжка представления этого новаторского опыта и через тридцать лет пользуется спросом!

Фундаментальной чертой профессора В. Г. Разумовского является нацеленность любых теоретических поисков на практику. Теоретические изыскания он принимает тогда, когда они

позволяют продуктивно «видеть» практику, а значит, её совершенствовать, изменять, творить. Именно под этим углом зрения надо понимать его настойчивую деятельность по построению новых учебников, изданию серии книг «Библиотеки учителя физики»: «Планирование учебного процесса по физике в средней школе», «Современный урок физики в средней школе», «Контроль знаний учащихся по физике», «Внеурочная работа по физике» (1982–1983 гг.). Это было задание норм деятельности для массовой школы. Не случайно этот процесс был развернут параллельно изданию новых учебников (И. К. Кикоина, Г. Я. Мякишева и др.), не случайны и тиражи этих методических книг по 100 тысяч и более. Так реализовывался механизм управления реформами 1967–1973 гг. Это было обеспечение генерализации содержания, учебного процесса, знаний, это была организация «единства во многообразии». А сейчас мы размельчали во вкусовом (а не научно-нормативном!) многообразии учебников, методик, пособий...

Знаем, для В. Г. Разумовского практика выше науки, но не любая практика, а творческая, созидательная, а отсюда – «научная». Не случайны для Разумовского открытия многих талантливых учителей и методистов из глубинки. Одним из таких был учитель физики из Кировской области А. И. Караваев. Несколько раз со всей страны в сельскую школу приезжали учителя на Всероссийскую конференцию по обобщению его опыта работы. Такая живая деятельность не может быть заменена книгами. В последнее десятилетие резко усилилась поддержка Разумовским подвижнической практической деятельности экспериментирования методистов Глазовского госпединститута. За поисками методистов Глазовской научной школы стоит новая практика, а значит – будущее. Жаль, что мы так сильно разъединены своими личными интересами, а «собирателей» мало...

Прошлое и будущее, смыслы и время. Так важно, чтобы форма и содержание были гармоничны, а по сути – неразличимы. Тогда внешние проявления успеха несут ресурсы для будущего. У В. Г. Разумовского это было всегда так, и у него можно занять успехов.

Он долгие годы деятельности был главным редактором журнала «Физика в школе» (1965–1992 гг.), руководителем Всесоюзного семинара «Компьютер и образование» (с академиком Е. П. Велиховым, 1985–1992 гг.), руководителем и национальным координатором международного исследования по сравнительной оценке знаний школьников по математике и естествознанию (1989–1991 гг.), академиком-секретарем Отделения дидактики и частных методик АПН СССР и членом Президиума Академии (1981–1989 гг.), а затем – вице-президентом Академии педагогических наук (1989–1992 гг.). В 1989–1991 гг. В. Г. Разумовский был Народным депутатом СССР, членом Комитета Верховного Совета СССР по науке, культуре, образованию и воспитанию. Под руководством профессора В. Г. Разумовского защищено 26 кандидатских диссертаций, под его редакцией вышло более десятка книг для учителей и школьников, множество статей, среди которых около 20 – за рубежом.

Сейчас академик РАО Василий Григорьевич Разумовский – главный научный сотрудник лаборатории физического образования института содержания и методов обучения РАО (с 1992 г.). Он преданно вернулся в родной институт, в родную лабораторию, к своему вечному делу. В последние десять лет по глубине и перспективности реализуемых идей наступил удивительно продуктивный период его научной деятельности: выходят монографии [8], многочисленные статьи по теории научного познания как объекта изучения и метода учения, издаются учебники для 7–9-х классов средней школы, вышли учебники для профильной школы, продолжаются активные выступления с докладами на Всероссийских конференциях (Глазов, Киров)... В 2007 г. за заслуги перед педагогикой и образованием ученый награжден золотой медалью Российской академии образования.

Настоящего – нет, раз это формально миг, прошлого уже нет, а будущего ещё нет. Что же есть в жизни? А есть единственная действительность – связка прошлого и будущего. Василий Григорьевич удивительно тонко всегда чувствовал, организовывал, замыкал связь Прошлого и Будущего. И в этом он, несомненно, культуротехник и методолог.

Примечания

1. Сауров Ю. А. Принцип цикличности в методике обучения физике: Историко-методологический анализ: монография. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2008. 224 с.; Сауров Ю. А. Учитель: вечный поиск смыслов... Киров, 2010. 158 с.
2. Разумовский В. Г. Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике. М.: Просвещение, 1975. С. 3.

3. *Разумовский В. Г.* Творческие задачи по физике в средней школе. М.: Просвещение, 1966. 155 с.; *Разумовский В. Г.* Проблема развития творческих способностей учащихся в процессе обучения физике: автореф... д-ра пед. наук. М., 1972. 62 с.; *Разумовский В. Г.* Физика в средней школе США. Основные направления в изменении содержания и методов обучения. М.: Педагогика, 1973. 160 с.

4. *Разумовский В. Г.* Методология совершенствования преподавания физики // Физика в школе. 1983. № 3. С. 10–17; *Разумовский В. Г., Корсак И. В.* Научный метод познания и государственный стандарт образования // Физика в школе. 1995. № 6. С. 20–28; *Разумовский В. Г.* Обучение и научное познание // Педагогика. 1997. № 1. С. 7–13; *Разумовский В. Г., Пинский А. А.* Метод модельных гипотез как метод познания и объект изучения // Физика в школе. 1997. № 2. С. 30–36; *Разумовский В. Г., Майер В. В.* Физика в школе. Научный метод познания и обучение. М.: ВЛАДОС, 2004. 463 с.; *Разумовский В. Г., Сауров Ю. А.* Научный метод познания в школьном образовании как высочайшая духовная ценность // Научные основы развития образования в XXI веке. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 292–296.

5. *Разумовский В. Г. и др.* Физика: учеб. для 7 класса общеобразовательных учреждений. М.: ВЛАДОС, 2002. 208 с.; *Разумовский В. Г. и др.* Физика: учеб. для 8 класса общеобразовательных учреждений. М.: ВЛАДОС, 2003. 320 с.; *Разумовский В. Г. и др.* Физика: учеб. для 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: ВЛАДОС, 2004. 304 с.; *Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А.* Физика: учеб. для 10 класса. Ч. 1. М.: Владос, 2010. 261 с.; *Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А.* Физика: учеб. для 10 класса. Ч. 2. М.: Владос, 2010. 261 с.; *Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А., Страут Е. К.* Физика: учеб. для 11 класса. Ч. 1. М.: Владос, 2011. 255 с.; *Разумовский В. Г., Орлов В. А., Никифоров Г. Г., Майер В. В., Сауров Ю. А., Страут Е. К.* Физика: учеб. для 11 класса. Ч. 2. М.: Владос, 2011. 359 с.

6. *Разумовский В. Г.* Физика в средней школе США. Основные направления в изменении содержания и методов обучения; *Разумовский В. Г.* Инновации в преподавании физики в школах за рубежом. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005. 185 с.

7. *Разумовский В. Г.* Отечественная школа: взгляд со стороны // Педагогика. 1992. № 9. С. 3–7; *Разумовский В. Г.* Государственный стандарт образования супердержавы мира к 2000 году // Педагогика. 1993. № 3. С. 92–100; *Разумовский В. Г.* Физика: Международный бакалавриат для средних классов // Физика в школе. 1997. № 1. С. 62–66.

8. *Разумовский В. Г., Майер В. В.* Физика в школе. Научный метод познания и обучение; *Разумовский В. Г.* Инновации в преподавании физики в школах за рубежом; *Разумовский В. Г., Орлов В. А., Майер В. В., Сауров Ю. А.* Стратегическое проектирование развития физического образования: монография. Киров: Изд-во ИРО Киров. обл., 2012. 179 с.

В. Н. Оношко, О. В. Байкова

Четвертая международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики XXI века»

15–16 апреля 2014 г. на факультете лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) проходила четвертая международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики XXI века», целью которой является осуществление комплексного научного рассмотрения современного состояния филологических наук в России, в странах ближнего и дальнего зарубежья с привлечением ученых, преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, проводящих свои исследования в области языкознания, теории межкультурной коммуникации, литературоведения. Актуальность конференции объясняется тем, что современная Россия быстрыми темпами входит в мировое образовательное пространство, модернизируя систему образования в целом и языкового образования в частности. В качестве основных направлений модернизации можно назвать переход высшего профессионального образования на двухуровневую систему подготовки специалистов, разработку новых образовательных стандартов для высшей и общеобразовательной школы. Данная конференция была посвящена 100-летию со дня основания ВятГГУ. В работе научной конференции приняли участие 8 докторов наук, 8 профессоров, 22 кандидата наук, 4 аспиранта, 3 докторанта, 11 студентов из Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Кирова, Волгограда, Глазова, Ижевска, Сыктывкара, Казани, Калининграда, Саранска, Липецка, Нижнего Новгорода, а также стран ближнего и дальнего зарубежья: Литвы, Казахстана, Германии, Израиля.

Программа четвертой международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики XXI века» предусматривала пленарное заседание и работу секций по следующим основным направлениям: 1) семантико-синтаксические проблемы лингвистики; 2) межкультурная коммуникация: исследовательская парадигма; 3) теоретические и прикладные аспекты перевода; 4) теория и история литературы в современном межкультурном контексте.

Пленарное заседание включало в себя четыре доклада, которые были представлены учеными из Вильнюса (Литва), Нижнего Новгорода, Кирова. Профессор университета им. Миколаса Ромериса З. И. Бабицкене (г. Вильнюс) в своем докладе «Значение идей Юрия Степанова для литовской теоретической лингвистики» рассмотрела и оценила вклад Ю. С. Степанова в теоретическое литовское языкознание. Его идеи приобретают особую значимость в аспекте формирования отдельных отраслей литовского языкознания. Посредством использования определенных явлений литовского языка он дал более точную интерпретацию многих лингвистических понятий: катализ, импликация, детерминация, дополнительная дистрибуция, семантика, семасиология и др.

Профессор Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Нижний Новгород) В. М. Бухаров в своем докладе «Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем» дал оценку базовым понятиям «культура», «коммуникация», «факторы, влияющие на процесс коммуникации», «типы коммуникации», определил причины возникновения проблем в коммуникации, представил новейшие статистические данные по миграции и коммуникации в российских регионах и за рубежом.

Доктор филологических наук, доцент ВятГГУ О. И. Колесникова представила свой доклад на тему «Диалогические формы нарратива в рекламном дискурсе о книгах», в котором рассмотрела факты реализации прагматической цели привлечения внимания потенциальных читателей к книжной новинке посредством имитации диалогической формы нарратива.

На материале издательских аннотаций крупнейшего интернет-сайта докладчик анализирует особенности одного из прагмаэстетических способов воздействия на адресата.

Профессор ВятГГУ О. Ю. Поляков выступил с докладом «Об актуальности имагологических исследований», в котором была проанализирована предметная сфера имагологии как раздела компаративистики. Докладчик раскрыл цели и задачи данной дисциплины, охарактеризовал новейшие исследования, посвященные изучению национальных образов в контексте литературоведческой науки.

На секционных заседаниях четвертой международной научной конференции были представлены не менее интересные и познавательные доклады. На секции «Семантико-синтаксические проблемы лингвистики» рассматривались проблемы эвфемизмов в современном англоязычном деловом дискурсе, проблемы сопоставления ядерных перцептивных типов русского и английского слова, вопросы лингвистического синкретизма, был проведен анализ простых предложений с семантикой покоя в немецком языке, а также анализ функциональных разновидностей введения в ранних английских грамматиках (XVI–XIX вв.).

Секция «Теоретические и прикладные аспекты перевода» была представлена докладами, посвященными следующим проблемам перевода и переводоведения: комплементарно-компенсаторная стратегия как типологическая константа транслятологии (на материале поэтического перевода), проблемы перевода медицинских текстов, трудности перевода субтитров, а также перевода арабских текстов.

Секция «Межкультурная коммуникация: исследовательская парадигма» включала в себя доклады, посвященные следующим проблемам: функционирование немецких диалектов в условиях иноязычного окружения, проблема стилистического потенциала мема, ассоциативное поле лексемы «мораль» в современном русском языке, когнитивный аспект частеречных замен (на материале переводов старофранцузских текстов на современный французский язык), языковая игра, игра слов, каламбур: различие понятий, способы реализации стратегии кооперации в коллективном речевом портрете современных немецких политиков, коммуникативное поле отрицания в заглавиях немецких экономических текстов.

На секции «Теория и история литературы в современном межкультурном контексте» рассматривались такие проблемы, как проблемы создания героической пьесы Р. Говарда и Дж. Драйдена «Королева индейцев», истоков литературной критики в комедиях Оскара Уайльда, создания образа женщины в культуре немецкого рыцарства: языковые средства и приемы описания, анализа авторского взгляда Айрис Мердок на русскую культуру, проблемы современной литературной ономастики. По итогам научной конференции был проведен круглый стол с принятием резолюции, а также издан сборник научных статей.

В рамках проведения четвертой международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики XXI века» научной библиотекой ВятГГУ оформлена выставка научной и научно-методической литературы по проблемам общего языкознания, теории межкультурной коммуникации, литературоведения.

Для участников конференции была организована культурная программа, включающая посещение Кировского областного краеведческого музея, Вятского палеонтологического музея, Вятского художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКУЛИН Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БАШУК Елена Григорьевна – аспирант кафедры философии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. 01001, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 60).
E-mail: olenka_bashuk@ukr.net

БУХАРОВ Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в г. Нижнем Новгороде. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.25/12, к.224. E-mail: vbuharov@hse.ru

ВАРАНКИНА Вера Ивановна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры алгебры и дискретной математики ВятГГУ, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: veravarankina@gmail.com

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: vecht@mail.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ИГУМНОВА Ксения Владимировна – студентка II курса исторического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КАРПЕНКО Александр Степанович – доктор философских наук, профессор, зав. сектором логики Института философии РАН, профессор кафедры логики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, Учебный корпус «Шуваловский», философский факультет.
E-mail: as.karpenko@gmail.com

КОНДАКОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: irinakondakova@mail.ru

КОНОВАЛОВА Алла Борисовна – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Вятский государственный гуманитарный университет. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

КОРЯКИНА Анна Павловна – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_philosophic@vshu.kirov.ru

КОХАНОВ Константин Анатольевич – Кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kokhanovka@mail.ru

КРАСНОВА Лариса Васильевна – старший преподаватель кафедры издательского дела и редактирования, зам. декана социально-гуманитарного факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

КРИУШИНА Вера Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КРУЧИНИНА Галина Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского Мининского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603600, г. Н. Новгород, ул. Ульянова д. 1.
E-mail: galina-kru@yandex.ru

ОСИПОВА Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
E-mail: Lev1026@yandex.ru

ПАНФИЛОВА Елена Александровна – заместитель директора по воспитательной работе Нефтяного техникума. 628449, Тюменская обл., Сургутский район, г. Лянтор 10 мкр. д. 42.
E-mail: Lev1026@yandex.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

САУРОВ Юрий Аркадьевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: sya@physics2.kirov.ru

СВЕТОЗАРОВА Наталия Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 С.-Петербург, Университетская набережная, д. 11.
E-mail: ndsvetozarova@mail.ru

СМОЛИН Сергей Владимирович – начальник следственного управления УМВД России по г. Кирову. 610014, г. Киров, ул. Красина, 51.
E-mail: svsmolin@mail.ru

СОЛОВЬЁВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

Сведения об авторах

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии ВятГГУ, 610005, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: abcr@yandex.ru

ТИМОШЕНКО Людмила Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета. 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: lyudmila.timosh@mail.ru

ЧЕКАНОВА Ольга Владимировна – студентка II курса исторического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЧИРКОВА Екатерина Вячеславовна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: katushinsk@mail.ru

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: secretary@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAKULIN Vladimir Ivanovich – the doctor of historical sciences, professor of the Department of national history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

BASHUK Elena Grigoryevna – the graduate student of the Department of philosophy of the Kiev national university of Taras Shevchenko. 01001, Ukraine, Kiev, 60 Vladimirska St.

E-mail: olenka_bashuk@ukr.net

BUKHAROV Valery Mikhaylovich – the Doctor of Philology, professor, the head of the Department of foreign languages of National research university "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod. Office 224, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155.

E-mail: vbuharov@hse.ru

VARANKINA Vera Ivanovna – the candidate of physical and mathematical sciences, the associate professor of the Department of algebra and discrete mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: veravarankina@gmail.com

VECHTOMOV Evgenij Mikhailovich – the doctor of physical and mathematical sciences, the head of the Department of algebra and discrete mathematics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: vecht@mail.ru

DOMRACHEV Dmitry Garriyevich – the candidate of jurisprudence, the head of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

IGUMNOVA Ksenia Vladimirovna – the student of the II course of the Department of history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KARPENKO Alexander Stepanovich – PhD, Professor, Head of Sector of Logic of RAS Institute of Philosophy, Professor of Logic of Philosophy Faculty of Moscow State University of M.V. Lomonosov. 119991, GSP-1, Moscow, Lenin Hills, M.V. Lomonosov Moscow State University, Educational building "Shuvalovsky", Department of Philosophy.

E-mail: as.karpenko@gmail.com

KONDAKOVA Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, the associate professor of the Department of linguistics and the translation of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

KONOVALOVA Alla Borisovna – the head of the Department of criminal and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

KORYAKINA Anna Pavlovna – the graduate student of the Department of philosophy and sociology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_philosophic@vshu.kirov.ru

Information about authors

KOKHANOV Konstantin Anatolyevich – the Candidate of pedagogical sciences, the associate professor of the Department of physics and technique of training in physics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kokhanovka@mail.ru

KRASNOVA Larisa Vasilyevna – the senior lecturer of the Department of publishing and editing, the deputy dean of social and humanitarian faculty of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

KRUCHININA Galina Aleksandrovna – the senior teacher of the Department of the theory and practice of foreign languages and lingvo-didactics of Minsk university. 1 Ulyanov St., N.Novgorod, 603600.

E-mail: galina-kru@yandex.ru

KRIUSHINA Vera Aleksandrovna – the candidate of philosophical sciences, the associate professor of the Department of national history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

OSIPOVA Lyubov Borisovna – the candidate of sociological sciences, the associate professor of the Department of Marketing and municipal management of the Tyumen state oil and gas university. 625000, Tyumen, 38 Volodarsky St.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

PANFILOVA Elena Aleksandrovna – the deputy director for educational work of Oil technical school. 628449, Tyumen Region, Surgut area, Lyantor 10 micro-district,42.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseevich – the Doctor of Philology, professor of the Department of the Russian and foreign literature of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – the doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of pedagogics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SAUROV Yury Arkadyevich – the doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of physics and technique of training in physics of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: sya@physics2.kirov.ru

SVETOZAROVA Natalia Dmitriyevna – the Doctor of Philology, professor, the chief researcher of the Department of phonetics and a technique of teaching of foreign languages of St. Petersburg State University. 199034, 11 Universitetskaya Embankment, St.-Petersburg, 199034.

E-mail: ndsvetozarova@mail.ru

SMOLIN Sergey Vladimirovich – the chief of investigative management of Regional Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kirov. 51 Krasin St., Kirov, 610014.

E-mail: svsmolin@mail.ru

SOLOVYYOVA Irina Abramovna – the candidate of historical sciences, the associate professor of the Department of national history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SUDOVNIKOV Mikhail Sergeevich – the Doctor of Historical Sciences, associated professor, Head of the Department of National History in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SCHASTLIVTSEVA Elena Anatolyevna – the Doctor of Philosophy, the associate professor of the Department of philosophy and sociology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.
E-mail: abcr@yandex.ru

TYMOSHENKO Lyudmila Olegovna – Candidate of Philology, the associate professor of the Department of foreign languages of humanitarian faculties of the Bashkir state university. 32 Zacky Validi St., Ufa, 450074.
E-mail: lyudmila.timosh@mail.ru

CHEKANOVA Olga Vladimirovna – the student of the II course of the Department of history of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

CHIRKOVA Ekaterina Vyacheslavovna – the graduate student of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.
E-mail: katushinsk@mail.ru

YUNGBLYUD Valeriy Teodorovich – the doctor of historical sciences, professor, rector of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St., Kirov, 610002.
E-mail: secretary@vshu.kirov.ru

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 5(2014)**

Подписано в печать 25.05.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 1000. Заказ № 65.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674